ISSN 2312-9352

Научный журнал

«PEM: Psychology. Educology. Medicine»

– • –

№ 3-4. - 2015

Материалы V Международной научно-практической конференции “500 лет использования понятия “Психология“

Нижний Новгород - Черногорск 2015

Спецвыпуск *«PEM: Psychology. Educology. Medicine»* [ПЭМ: Психология. Эдукология. Медицина] является научно-практическим изданием.
ISSN 2312-9352• • scientific journal.
П97

Как приложение к журналу «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» выходит с *03 окт. 2013*.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации **ЭЛ № ФС 77-56160 от 15.11.2013**. *РИНЦ: Лиц. дог. № 453-07/2014*

Периодичность – до 4 номеров в год. Открытый доступ.

Электронная версия журнала (scientific e-journal) на издательской платформе RAE Editorial System в свободном доступе по адресу:
URL: **http://pem.esrae.ru/** и **http://bulletinppfdc.1gb.ru/**

Л.Ф. Чупров (гл. редактор), К.Г. Языков (зам. гл. редактора)

Редакционная коллегия

М.В. Воропаев, В.Г. Морогин, Т. Попов, Н.В. Родина, Е.К. Янакиева

Ответственный секретарь А.С.Щукин.

Выпускающие редакторы Л.Ф. Чупров, Т.М. Хусяинов , 2015.

Адрес редакции:
655158 Россия, Хакасия, г. Черногорск, ул. Калинина, дом 15, кв. 67.

Для авторов lchpr@rambler.ru (главный редактор журнала),
OtvetSec@ya.ru (ответственный секретарь журнала).

Подписано в печать 30.12.2015 (Online)

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.
© Авторы сообщений, 2015.
© А.А. Костригин, В.А. Мазилов, Л.Ф. Чупров (составители), 2015.
Запрещается перепечатка статей без разрешения редакции.
При использовании материала ссылка на журнал обязательна.
Журнал зарегистрирован в системе электронного нотариата (www.copytrust.ru) 05.11.2012 г.
Регистрационный номер - 07N-4S-SH.

К ПЯТИСОТЛЕТИЮ НАЗВАНИЯ «ПСИХОЛОГИЯ»: РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА № 3-4 ЖУРНАЛА

Этот специальный выпуск ЭНЖ «PEM: Psychology. Educology. Medicine» объединяет все те материалы, что были получены объединенной редакцией по одной теме.

Итак, о теме выпуска.

В 2014 г. редакция ЭНЖ «PEM: Psychology. Educology. Medicine» и научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» совместно с Институтом каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США) решились на беспрецедентной шаг, провести годичную международную научно-теоретическую конференцию по истории психологии, приуроченную к весьма значимому событию.

500 ЛЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ПСИХОЛОГИЯ»

==========

500 YEARS OF USING THE CONCEPT OF «PSYCHOLOGY»

В этом году состоялась V научно-практическая конференция по этой теме.

Оргкомитет конференции

Шариф **Баратов**, доктор психологических наук, профессор Бухарского государственного университета, академик МАПН (Бухара, Республика Узбекистан).

Мухиддин**Бафаев**, преподаватель, и.о. заведующего кафедрой психологии Бухарского государственного университета (Бухара, Республика Узбекистан).

Галина **Вержибок**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь).

Артем **Костригин**, ассистент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И Лобачевского, Аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Н.Новгород, Россия).

Владимир **Мазилов**, доктор психологических наук, профессор, академик МАПН, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Наталья **Родина**, доктор психологических наук, профессор. ОНУ (Одесский национальный университет) имени И.И. Мечникова (Одесса, Украина).

Наталья **Стоюхина**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Н.Новгород, Россия).

Элеонора **Тихонова**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия).

Тимур **Хусяинов**, аспирант кафедры социальной философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Н.Новгород, Россия).

Леонид **Чупров**, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Memberof EuANH, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия).

Елка **Янакиева**, доктор педагогических наук, профессор, почётный доктор наук НОУ ВСОА, действительный член МАН, Юго-Западный университет им. Неофита Рильского (Благоевград, Республика Болгария).

— • —

А.А. Кроник (Бефесда, США), инициатор проведения этих конференций, предложил для них следующую структуру макета:

К истории понятий

К истории проблем

К истории методов

Психология на распутье

Научный архив

Тогда же и было предложено провести мини-опрос: http://services1.ht-line.ru/surveys/?page=respond&user=kronik&object=s13042801

Мы приглашаем вас, уважаемые читатели, продолжить обсуждение тематики, приняы участие в голосовании.

Предыдущие конференции 2014 года были номинированы на XVI Национальном профессиональном психологическом конкурсе «Золотая Психея» [6].

Нам очень приятно, что идея, предложенная А.А. Кроником [3] и реализованная нашими журналами [1; 2] не только воплотилась в предыдущих научно-практических конференциях журнала, но и получила свое развитие в трудах других ученых, в частности, В.А. Мазилова [4; 5; 6; 7].

Вдвойне приятно не только встретить в рамках этой научно-практической конференции авторов, принимавших участие в предыдущих конференциях, но и новых участников. География V конференции представлена Россией, республикой Белорусь, Украиной, Великобританией, Канадой, Кипром, Сербией, США.

Литература:

1. 500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic): материалы Международной (заочной) научной конференции (Черногорск, 12 января 2014 года) / под ред. А.А. Кроника, Л.Ф. Чупрова. // «PEM: Psychology. Educology. Medicine». – 2014. - № 1. – 134 с. URL: pem.esrae.ru/2-4

2. Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, №4. - 2013 – 152 с. [ISBN 978-5-499-00899-7]

3. *Кроник А.А.* 500 лет названию … психология: мысли по поводу и мини-опрос // Наука. Мысль. 2014. №3. С. 12-15

4. *Мазилов В.А.* Обредшая свое имя. Перспективы психологии. Размышления во время юбилея // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири/ - 2013. - №4. – С. 144-148.

5. *Мазилов В.А.* Психология академическая и психология практическая, их соотношение: прошлое, настоящее, будущее // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под редакцией А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. Москва, 2015. С. 91-145.

6. *Мазилов В.А.* Кризис психологии: существовала ли Троя? // Международна научна школа "Парадигма". Лято - 2015. В 8 т. Т. 4: Психология: сборник научни статии / под ред. А. В. Берлов, Л. Ф. Чупров. – Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. – С. 194-211.

7. *Мазилов В.А.* Психологии академическая и психология практическая: поиск путей к консенсусу // Международна научна школа "Парадигма". Лято - 2015. В 8 т. Т. 4: Психология: сборник научни статии / под ред. А. В. Берлов, Л. Ф. Чупров. – Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. – С. 212-249.

8. *Чупров Л. Ф., Кроник А. А., Вержибок Г. В., Щукин А. С., Головаха Е. И., Родина Н. В.* Реферат проекта «Международная научная заочная конференция "500 лет использования понятия “Психология”». Национальный психологический конкурс «Золотая Психея» по итогам 2014 года. - http://psy.su/psyche/projects/1489/

— ● —

© Выпускающие редакторы Л.Ф. Чупров, Т.М. Хусяинов, 2015.

«500 ЛЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ "ПСИХОЛОГИЯ" В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ, НАУКЕ И ПРАКТИКЕ *по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic*»

– • –

УДК: 15.01.13
П99

Рецензенты

Фотекова Татьяна Анатольевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).

Берлов Антон Владимирович, доктор медицинских наук, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры стоматологии Московского института усовершенствования врачей, Заслуженный деятель науки и образования РФ, академик РАЕ (Москва, Россия).

П99 PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – 468 с. URL: http://bulletinppfdc.1gb.ru/?page_id=1842

В сборнике представлены материалы V международной научно-практической конференции «500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic)», объединившей ученых и специалистов из 10 стран мира.

СОДЕРЖАНИЕ

К пятисотлетию названия «Психология»: редакторская колонка № 3-4 журнала. (Чупров Л. Ф., Хусяинов Т. М.) …….…..….. 3

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Костригин А.А., Мазилов В.А., Чупров Л.Ф. Предисловие к материалам научно-практической конференции …….…... 13

К истории понятий

Костригин А.А. «История души» П.С. Авсеева как психологическая дисциплина …… …….20

Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Психогенеалогия: история формирования, первые эксперименты и перспективы развития …… 30

Мазилов В.А. Фундаментальная наука о психике: 500 лет под именем психология …….…….. 53

Smith R. [Смит Р.] The Concept of Psychology: Comments for a Correspondence Conference [Концепция психологии: комментарий на заочную конференцию] ……..…….. 71

К истории проблем

Зуева Е.Ю., Зуев К.Б. Учение о доминанте А. Ухтомского. На стыке естествознания, религии, философии, психологии и литературы ……...78

Карицкий И.Н. История «субъекта» в ее некоторых ключевых моментах ……..……...…….. 89

Кононенко О.И. Категория диверсификации в контексте психологии перфекционизма личности …….…….. 117

Стоюхина Н.Ю. Из истории становления психологии в Нижнем Новгороде ……...… 122

К истории методов

Андреева Е.Г. От инструмента к личности …….. 139

Гулиева Х.Б., Белобрыкина О.А. Стрессоустойчивость личности: к вопросу о диагностической информативности методики Т. Холмса и Р. Раге ……149

Мантикова А.В., Гребекова О.Ю., Чупров Л.Ф. «Escape» - централизованный алгоритм работы с молодежью республики Хакасия в трудной жизненной ситуации ……..…168

Чупров Л.Ф. К истории разработки психодиагностической батареи (ПДК-триада) …….. 189

Чупров Л.Ф., Сабанин П.В. Обсуждение статьи: Алёхин А. Н. «Методологический диагноз психологической диагностике» ……..… 196

К истории психологов и организаций

Хусяинов Т.М. Известные психологи на монетах и банкнотах мира: приступая к поиску …… 202

Шмелев А.Г. 25 лет Лаборатории «Гуманитарные технологии» (хронологические воспоминания) …….....…… 219

Вызовы современности

Вержибок Г.В. «Общество риска» и профессиональная рискогенность педагога …….. 240

Кецко Т.В. Сущность и понимание профессиональной деструкции личности педагога ……..… 251

Мантикова А.В. По ту сторону закона: особенности волевой саморегуляции мужчин зрелого возраста как индикаторы риска незаконных действий ……...…… 260

Мантикова А.В., Тен Ю.В. Структурные особенности личности осужденных в зависимости от тяжести совершенного преступления ……... 283

Родина Н.В. Особенности гендерной идентичности личности в преодолении стресса ……313

Сыркина А.Н. Психологические факторы потребительского поведения …… 328

Шолак З. [Šolak Z.], Чузович Д. [Ćuzović Đ.] A fire in a rural area, human behavior and the role of the media …… ……..333

Шутенко Е.Н. Содержание и роль образовательных компетенций в социальной интеграции детей с ограниченными возможностями развития ……..340

Психология на распутье

Ахметова Л.В Концепт «психология» в многозначном поле зрения. …….. 348

Зеличенко А.И. Размышления о будущем (неакадемический текст на академические темы) ……...362

Щукин А.С. Схизис практического мышления психолога современности …… ……398

Ясницкий А. Сталинская модель науки: история и современность российской психологии …… ……407

Ясницкий А. Приглашение к дискуссии: история советской и российской психологии …… 423

Костригин А.А., Мироненко И.А., Чупров Л.Ф. Дискуссия по статье А. Ясницкого «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» ……..…… ……430

Научный архив

Чупров Л.Ф. Ящик Пандоры, жаркие споры и, вроде, об этике …….. 440

Вместо послесловия

Головаха Е.И., Кроник А.А. Психология вчера, сегодня и завтра (заявка на сценарий) …… ……447

Оргкомитет. Подведение итогов или Заключение / Баратов Ш., Бафаев М., Вержибок Г., Головаха Е., Костригин А., Кроник А., Мазилов В., Стоюхина Н., Тихонова Э., Хусяинов Т., Чупров Л., Щукин А., Янакиева Е. ……..…… 452

Хусяинов Т. Приглашение в Бухару ……... 456
Authors ……..……..… 461
Содержание / TABLE OF CONTENTS …… 9 /464

УДК 159.9

ПРЕДИСЛОВИЕ К МАТЕРИАЛАМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Резюме: Вступительная статья к материалам научно-практической конференции. Авторы вводят читателей в круг проблем, рассматриваемых в рамках состоявшегося мероприятия по случаю юбилея названию «психология».

Ключевые слова: психология, юбилей, научно-практическая конференция.

V международная заочная научно-практическая конференция «500 лет использования понятия "психология" в литературе, искусстве, науке и практике по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic» состоялась.

В процессе подготовки конференции [23] и сборника материалов оргкомитет старался максимально расширить географию участников, поставив задачу объединить под событием 500-летия понятия психологии большее количество историков науки и психологии, а также всех, кто занимается отдельными вопросами, связанными с историей психологической науки. Результатом такой деятельности стало участие авторов из 10 стран (Беларусь, Болгария, Великобритания, Канада, Кипр, Сербия, США, Россия, Узбекистан, Украина), и это не может не радовать.

Есть возможность ознакомиться с историко-психологической проблематикой, которой занимаются ученые в разных странах, узнать особенности проведения историко-психологических исследований, их методологию и тематику.

Мы сохранили традиционные направления конференции: «К истории понятий», «К истории проблем», «К истории методов», «Психология в рецензиях», «Научный архив».

По тематике материалы были сосредоточены вокруг следующих проблем:

- Собственно понятие «психология» (Кроник А.А., Ахмеров Р.А. [11]; Зеличенко А.И. [4]; Smith R. [28]; Мазилов В.А. [13]; Ахметова Л.В. [2]),

- История российской психологии (Стоюхина Н.Ю [20].; Костригин А.А. [9]; Ясницкий А. [27]; Зуева Е.Ю., Зуев К.Б. [5]),

- История развития психологических направлений и категорий (Кононенко О.И. [8]; Карицкий И.Н. [6]).

- Междисциплинарные проблемы психологии и других наук (Шутенко Е.Н.; Вержибок Г.В.; Мантикова А.В. [14]; Сыркина А.Н.; Кецко Т.В. [7]; Мантикова А.В., Тен Ю.В. [16]; Чупров Л.Ф., Мантикова А.В., Гребекова О.Ю. [15]).

- Проблемы практической психологии (Родина Н.В.; Щукин А.С.) и психодиагностики (Гулиева Х.Б., Белобрыкина О.А. [3]; Андреева Е.Г. [1]; Шмелев А.Г. [25]; Чупров Л.Ф., Сабанин П.В.).

- Источниковедческий анализ (Шолак З., Чузович Д.) [29], история психологии на монетах и банкнотах (Хусяинов Т.М.) [22].

Большого внимания заслуживает организованная дискуссия между несколькими специалистами по статье одного автора, касающаяся проблематики социальной истории советской психологии (Костригин А.А., Мироненко И.А., Ясницкий А., Чупров Л.Ф.) [10].

Почему нам хочется привлечь внимание к этой дате – 500-летие понятия «Психология»?

Представляется, здесь можно обнаружить несколько оснований.

Первое. Историческая справедливость. Все-таки М. Марулич был первым. Воздадим ему должное. В психологии это очень важно. Поясним. В истории психологии, на наш взгляд, очень много несправедливых оценок. Здесь не место углубляться в анализ причин, отметим лишь, что это проистекает главным образом из-за сложности, многомерности самого историко-психологического материала: при превращении в "клише" (именно в таком виде исторический материал попадает в учебник) происходит упрощение, которое очень часто является неоправданным и служит причиной историко-психологических аберраций [12]. Предстоит большая работа по "восстановлению" исторической справедливости: многие имена незаслуженно забыты, некоторые имеют широкую известность потому, что пользуются забвением вклада подлинных первооткрывателей.

Второе. Конечно, важна не сама по себе круглая дата. Важно то, что восприятие "круглой даты" настраивает на особый, "рубежный" лад:

масштаб уменьшается, психологи начинают мыслить более исторично и методологически. Представляется, что в обычной жизни нам этого не хватает. К тому же достижение той или иной "вехи" включает механизм мечты, стимулирует размышления о будущем. В этом несомненная ценность юбилея. Не будем также забывать о феномене самоисполняющегося пророчества Р.Мертона, согласно которому предсказание, которое выглядит истинным, но на самом деле таковым не является, может в значительной мере влиять на поведение людей таким образом, что их последующие действия сами приводят к исполнению предсказания [18].

Третье. Не все получается сразу, не все происходит быстро. Внедрив в сознание психологов идею о первенстве Марко Марулича, научимся правильно произносить его фамилию[1].

Четвертое. Может быть, самое главное. Очень хочется, чтобы мы научились лучше слышать друг друга, лучше понимать. Может быть, тогда мы научимся лучше договариваться. Приведем пример. Недавно, когда один из авторов настоящего собрался изложить свои соображения в качестве предисловия к материалам настоящей конференции, пришло письмо из Казахстана с поздравлениями по поводу дня психолога. Признаться, он удивился, поскольку день психолога, как помнилось, был совсем недавно - 22 ноября. Оказалось, что все правильно: "25 декабря это день психолога в Казахстане. В Казахстане День психолога отмечают 25 декабря в честь открытия первой лаборатории Вундом (В 1879 г. Вундт основал первую лабораторию экспериментальной психологии.). Такое решение было принято на встрече Ассоциации психологов Казахстана." В России **День психолога**, отмечаемый ежегодно 22 ноября, — профессиональный праздник всех отечественных специалистов, работающих в сфере психологии. И хотя он пока не утверждён

[1] **Ма́рко Ма́рулич** (хорв. *Marko Marulić*, 18 августа 1450, Сплит, Венецианская республика, ныне Хорватия — 5 января 1524, Сплит) — хорватский средневековый поэт и гуманист, известный как «отец хорватского ренессанса» и «отец хорватской литературы». Подписывал свои произведения как «Марко Марулич Сплитянин» (Marko Marulić Splićanin), «Марко Печенич» (Marko Pečenić), Marcus Marulus (или de Marulis) Spalatensis. Согласно ряду источников Марулич первым дал определение и использовал понятие «психология» в значении, в котором этот термин используются в наше время [2]

официально, но работа данных специалистов очень важна в нашей современной, полной переживаний и стрессов, жизни. День российского психолога, хоть он и не установлен на государственном уровне, берет свое начало с 2000 года. В основу неофициального празднования этого мероприятия легла дата проведения Учредительного Съезда Российского психологического общества, состоявшегося 22.11.1994 года в столице России. Задумка празднования принадлежит Московскому государственному университету. Еще одной причиной выбора данной даты стало открытие в этот день кафедр и факультетов по психологии во многих ведущих учебных заведениях страны. Все они с удовольствием до сих пор поддерживают традицию проведения 22 ноября различных семинаров, практикумов, совещаний в День психолога в России.- (См. подробнее: [30]). (Между тем, Всеукраинский день психолога отмечается в Украине 23 апреля).

Представляется, что научившись договариваться по относительно мелким вопросам, постепенно можно будет перейти и к более существенным.

2015 год в российской психологии ознаменовался (под самое его завершение) тремя дискуссиями. Две из них представлены в этом сборнике статей, а третья продолжается в настоящее время.

В заключение, оргкомитет надеется, что материалы конференции будут актуальными как для специалистов, так и для широкого круга читателей, и будут способствовать дальнейшему развитию историко-психологических исследований.

Библиографический список:

1. Андреева Е.Г. От инструмента к личности // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 139-148.

2. Ахметова Л.В Концепт «психология» в многозначном поле зрения // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 348-361.

3. Гулиева Х.Б., Белобрыкина О.А. Стрессоустойчивость личности: к вопросу о диагностической информативности методики Т. Холмса и Р. Раге // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 149-167.

4. Зеличенко А.И. Размышления о будущем (неакадемический текст на академические темы) // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 362-397.

5. Зуева Е.Ю., Зуев К.Б. Учение о доминанте А. Ухтомского. На стыке естествознания, религии, философии, психологии и литературы // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 78-88.

6. Карицкий И.Н. История «субъекта» в ее некоторых ключевых моментах // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 89-116.

7. Кецко Т.В. Сущность и понимание профессиональной деструкции личности педагога // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 251-259.

8. Кононенко О.И. Категория диверсификации в контексте психологии перфекционизма личности // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 117-121.

9. Костригин А.А. «История души» П.С. Авсенева как психологическая дисциплина // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 20-29.

10. Костригин А.А., Мироненко И.А., Чупров Л.Ф. Дискуссия по статье А. Ясницкого «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 430-439.

11. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Психогенеалогия: история формирования, первые эксперименты и перспективы развития // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 30-52.

12. Мазилов В.А. Актуальные методологические проблемы современной отечественной истории психологии // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 2, том 2 (психолого-педагогические науки), 2014. С. 202-210.

13. Мазилов В.А. Фундаментальная наука о психике: 500 лет под именем психология // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 53-70.

14. Мантикова А.В. По ту сторону закона: особенности волевой саморегуляции мужчин зрелого возраста как индикаторы риска незаконных действий // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 260-

282.

15. Мантикова А.В., Гребекова О.Ю., Чупров Л.Ф. «Escape» - централизованный алгоритм работы с молодежью республики Хакасия в трудной жизненной ситуации // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 168-188.

16. Мантикова А.В., Тен Ю.В. Структурные особенности личности осужденных в зависимости от тяжести совершенного преступления // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 283-312.

17. Марко Марулич // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Марулич,_Марко (дата обращения 25.12.2015)

18. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006.

19. Родина Н.В. Особенности гендерной идентичности личности в преодолении стресса // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 313-327.

20. Стоюхина Н.Ю. Из истории становления психологии в Нижнем Новгороде // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 122-138.

21. Сыркина А.Н. Психологические факторы потребительского поведения // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 328-333.

22. Хусяинов Т.М. Известные психологи на монетах и банкнотах мира: приступая к поиску // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 202-218.

23. Хусяинов Т.М. Приглашение к участию в III Международной научно-практической конференции «500 лет использования понятия «ПСИХОЛОГИЯ» в литературе, искусстве, науке и практике по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ MARKOMARULIC» (Нижний Новгород - Черногорск, 8-10 декабря 2015 года) // Наука. Мысль. 2015. №5. С. 45-52. URL: http://wwenews.esrae.ru/10-107

24. Чупров Л.Ф., Сабанин П.В. Обсуждение статьи: Алёхин А. Н. «Методологический диагноз психологической диагностике» // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 196-201.

25. Шмелев А.Г. 25 лет Лаборатории «Гуманитарные технологии»

(хронологические воспоминания) // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 219-239.

26. Щукин А.С. Схизис практического мышления психолога современности // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 398-406.

27. Ясницкий А. Сталинская модель науки: история и современность российской психологии // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 407-422.

28. Smith R. The Concept of Psychology: Comments for a Correspondence Conference // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 71-77.

29. Šolak Z., Ćuzović Đ. A fire in a rural area, human behavior and the role of the media // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. – С. 333-339.

30. URL: http://www.syl.ru/article/167146/new_den-psihologa-v-rossii-kogda-otmechaetsya-istoriya-prazdnika (дата обращения 25.12.2015)

– ● –

Kostrigin A.A., Mazilov V.A., Chuprov L.F. Predislovie k materialam nauchno-prakticheskoj konferencii / A.A. Kostrigin, V.A. Mazilov, L.F. Chuprov // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

– ● –

Abstract. introduction to materials science and practical conference. The authors introduce readers to the range of issues dealt with in the organized activities on the occasion of the anniversary of the name "psychology".

Keywords: psychology, anniversary scientific-practical conference.

– ● –

© А.А. Костригин, 2015.
© В.А. Мазилов, 2015.
© Л.Ф. Чупров, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*
Подписано в печать 08.12.2015.

К истории понятий

УДК 159.9

«ИСТОРИЯ ДУШИ» П.С. АВСЕНЕВА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

А. А. Костригин. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия) / Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
artdzen@gmail.com

Резюме. В статье обсуждается подход Петра Семеновича Авсенева к изучению души. Киевский психолог и богослов в некоторых аспектах выходит за рамки богословского рассмотрения души и обращается не только к общепсихологическим характеристикам души, но и к «необыкновенным» явлениям, которые обусловливаются гендерными, характерологическими, этническими, физиологическими, патологическими особенностями человека. Подчеркивается актуальность изучения религиозно-философского направления в психологии XIX в.

Ключевые слова: история психологии, П.С. Авсенев, религиозно-философская психология, опытная психология, умственная психология, библейская психология, история души, психология индивидуальности.

Особенности российской науки и философии в XIX в. в настоящее время активно исследуются и определяются. В контексте истории психологии актуальна дискуссия психологии, философии и религии в отношении души и душевных явлений: на протяжении всего XIX в. существовала религиозно-философская психология как мощная ветвь психологического знания. Ее представителями являются: В.А. Снегирев [5, 6, 7, 12, 13, 14], С.С. Гогоцкий, Н.А. Зубовский, Н.Г. Дебольский, В.Н. Карпов, О.М. Новицкий, Ф.Ф. Сидонский, П.Д. Юркевич и др.

Появление такой науки как психология возвестило новые перспективы в развитии богословского и философского дискурса. Несмотря на то, что психология всегда была составной частью философии и богословия (неявно, без отражения самостоятельного статуса), во время ее обретения методологической независимости вновь стоял вопрос о ее месте в философском знании [6].

Мыслители старались предложить новые концепции, основывающиеся на психологической методологии: «Умозрительная психология» Ф.А. Голубинского [3], «Психология живой личности» В.А. Снегирева [11], «Психология о душе человеческой как силе действующей» Н.А. Зубовского [4], «История души» П.С. Авсенева [1].

О последней «психологии» и пойдет речь в данной статье. Автором используется проблемнологический метод.

Петр Семенович Авсенев (1810-1852) – философ, богослов, профессор Киевской духовной академии. Творчество П.С. Авсенева освещено несколькими исследователями [2, 9, 15, 16, 17, 18]. В Киевской духовной академии преподавал сначала немецкий язык, затем психологию и историю философию. Одна из основных его работ – «Из записок по психологии». В ней П.С. Авсенев изложил свои взгляды на природу души, классификацию душевных явлений, предмет и метод психологии, классификацию психологических наук. Обратимся к анализу психологического подхода Петра Семеновича.

П.С. Авсенев определял психологию так: «Наука, имеющая предметом изъяснить являющееся нам устройство и жизнь души из чистого ее существа, дабы привести человека в истинное самопознание» [1, С. 20]. Также он указывает, что психологию называют еще «антропологией и философией подлежательного духа» [1, С. 20]. Предметом психологии является душа. Цели психологии, по мнению киевского философа, - способствовать познанию души самой себя, показать потребность души в соединении с «Единым духовным добром», открывать пути и способы управлять душой, а также «приложить познания о душе к различным житейским целям и стремлениям человека» [1, С. 21].

П.С. Авсенев выделяет три вида психологии исходя из ее источников: опытная, умственная и библейская (или откровенная). Опытная психология – «познание о природе души, приобретаемое чрез

восхождение от явлений к причинам, от множественного к единству, от частного к общему, на основании наблюдений» [1, С. 25].

Умственная психология занимается познанием «истинного существа души», поиском «Божественных совершенств» в душевных явлениях человека, а также сведением способностей и сил души к единой причине, одному деятельному принципу. Чтобы увидеть «чистое» состояние души, необходимо от душевных явлений отделить «все недостатки и несовершенства, привходящие в них от влияния чувственности, от неравновесия между способностями души, от коренной ее порчи и других подобных причин, - и на место их внести в душу противоположные им совершенства (Via negationis)» [1, С. 26].

Третье направление психологии, которое выделял Петр Семенович Авсенев, обозначается «библейской (откровенной) психологией». Принимая образ Бога как прообраз человеческой души, библейская психология исполняет задачу показать по руководству Откровения, как человек, получив образ Божий при создании, помрачил его в падении и постепенно возвращает в искуплении [1, С. 27]. Здесь идея души соотносится с идеей Бога.

Таким образом, опытная психология рассматривает душу как явление, «умственная - познает ее в ее существе как образ Божий, а откровенная представляет ее Первообраз» [1, С. 28]. Несмотря на разные подходы, П.С. Авсенев подчеркивает, что их не нужно разъединять, т.к. только в совокупности представляют полную науку о душе. Однако доминирующее положение киевский ученый относит изучение опыта, «а прочими пользоваться только как пособием» [1, С. 28]. Интеграция данных психологических подходов выражается в следующей фразе Петра Семеновича: «Именно опыт (внутренний и внешний) доставляет ей (науке психологии – прим. А.К.) познание о положительном содержании души; умозрение объясняет ей внутренний смысл и значение его, а откровенное учение о душе служит ей руководством и критерием, предостерегая от заблуждений» [1, С. 27-28].

В основу собственной программы развития психологии П.С. Авсенев положил оригинальное для того периода разделение психологических наук. Понимая необходимость изучения не только общего, но и частного в душе, киевский богослов выделяет две части психологии – общее

естествословие души и историю души (частное естествословие души). Под первой частью понимается выражение общих характеристик души и личности человека, то неизменное и существенное, что есть в каждом человеке. «Описать этот образ души человеческой, отражающий в себе образ Божий в коренных чертах его» [1, С. 47] есть задача естествословия души (в работе П.С. Авсенева присутствует альтернативное название этой части психологии – «физиология»). Вторая составляющая психологии, касающаяся противоложных явлений души и личности человека, история души, проясняет множество частных «обличий и видоизменений» души, показывая, что душа «нигде не пребывает в одинаковом, неизмененном состоянии, а проходит различные фазы или формы развития» [1, С. 47].

В данной работе автор оставит без подробного анализа первую область психологии - «общее естествословие души», и обратится к рассмотрению раздела «Истории души».

В подходе П.С. Авсенева предметом «Истории души» являются «важнейшие видоизменения и состояния души человеческой, испытываемые ею в течение земной жизни, под влиянием тела» [1, С. 113]. В качестве обоснования выделения такой области психологии киевский психолог разводит две стороны души: общую, существенную (которой занимается общее естествословие души, или общая психология, как бы мы сейчас ее назвали) и частную (которая входит в область исследовательских задач истории души). Последняя психология, не преуменьшая значение общих характеристик души, обращается к описанию жизненных проявлений души, которая постоянно изменяется: каждое явление «то бывает завитым в зародыше, то развивается в возрастах, то представляет перевес либо той, либо другой стороны своей – в полах, темпераментах; то является преимущественно деятельным – в бодрствовании или страдающим – во сне; то расстраивается и угнетается какою-либо болезнию – в сумашествии, то, по-видимому, возвышается в своей жизнедеятельности, преобразуясь как будто в какой-то высший род бытия – в состояниях экстатических, в магнетическом сне и пр.» [1, С. 115-116]. Петр Семенович объединяет под названием «истории души» на тот момент еще невыделившиеся области психологии – гендерную психологию, психологию индивидуальности, психологию состояний, психологию характера, психологию сна, психопатологию,

трансперсональную психологию. Конечно, нельзя считать киевского психолога Петра Семеновича Авсенева родоначальником всех перечисленных отраслей психологии, однако свой вклад в эти науки ученый внес.

На характер выделения данной области психологии повлияло богословское мировоззрение ученого: по его мнению, весь мир – это идея Божья; душа человека – так же идея, «мысль Божья», живая сила», которая проявляется в мире в разных формах. Изначально платоновское учение об «идеях» П.С. Авсеневым применяется к психологическому подходу. (Влияние Священного писания, схоластики и учения Платона на научное и философского мировоззрение богословов нами уже было показано [8]).

Значение истории души для психологии огромно. Изучение частных, изменяющих характеристик души позволяет полнее представить способности души. Так, психология бывает не только изучающей обычные явления, но и показывающей необыкновенные состояния души (например, ясновидение, лунатизм, галлюцинации и др.). Развивая это разделение дальше, можно сказать, что исследования психологии сосредоточены не только в области сознания, но и касаются бессознательного. Более того, общая психология показывает нам постоянное тождество личности человека; история же души свидетельствует, что «один и тот же человек в течение своей жизни сознает себя однажды тем, а потом другим лицом попеременно. Следовательно, тождество земного нашего самосознания небезусловно» [1, С. 121]. Наконец, «психология допускает обыкновенно, что все душевные силы наши и отправления субстрат свой имеют в нервной системе; но вот случается иногда, что в минуты смерти, когда все нити этой системы расстраиваются, для души исчезают границы пространства и времени, и она духовными очами созерцает чудеса мира будущего» [1, С. 121].

Частные состояния души делятся на следующие виды: 1) высшие, относящиеся к «разумно-свободной» части души, являющиеся видоизменениями «земной нашей личности»; 2) низшие, относящиеся к сердцу, являющиеся «страдательными видоизменениями»; 3) смешанные, относящиеся одновременно и к рациональной, и чувственной части души. Из этой классификации выводятся три отделения истории души: 1) о

видоизменениях личности человека; 2) о безличных состояниях человека; 3) о состоянии целостного развития человека [1, С. 125]. Далее представим каждый раздел «Истории души» более подробно.

Область изучения видоизменений личности включает в себя описание частных проявлений человеческой души по степени обобщенности и под влиянием различных факторов: а) родовые изменения в виде космосмических, солнечных, лунных и планетных явлений души; б) видовые изменения в виде племенных, народных и половых явлений души; в) единичные или индивидуальные видоизменения души в виде дарований (видоизменения разума), темпераментов (видоизменения сердца) и характеров (видоизменения воли) [1, С. 126].

К безличным состояниями человеческой души относятся следующие [1, С. 126-127]:

1) расстройства нервной системы («состояния страждущей личности»): а) расстройства органов чувств, которые происходят под влиянием раздражения мозга (бред, воспаления мозга), подавления жизнедеятельности мозга (головокружение, летаргический сон, апоплексия); б) расстройства органов движения, которые выражаются в неправильности деятельности вне зависимости от мозга (эпилепсия) и в оцепенении органов (каталепсия); в) расстройства в системе растительных отправлений (или в физиологии), которые являются физическими явлениями и переменами в женском поле (истерика) и мужском поле (ипохондрия).

2) чисто безличные состояния души (без физических расстройств): а) сон; б) сон с движением (лунатизм); в) сон с движением и чувствованием (сумашествие).

3) Смешанные лично-безличные состояния («магическая жизнь души»): а) предчувствия и «дальночувствия» (соединение нервной системы и физиологии); б) соединение личной и безличной стороны души, выражающееся в патологиях (магнитезер, сомнамбула, состояние двойственной личности).

Третье отделение истории души представляет изучение состояний полного развития человеческой души: происхождение души, изменение души в различные возрасты, смерть и состояние души после смерти [1, С. 127-128].

Такое подробное изложение видоизменений души и факторов изменений преследует цель охватить весь строй проявлений души, а также объединить в разделе «Истории души» все психологические исследования, существующие в середине XIX в. Т.к. в тот период такие направления, как гендерная психология, психология сна, психопатология, этнопсихология не были достаточно развиты, то сделать это было вполне возможно; однако сегодня видно, что указанные психологические отрасли невозможно объединить. Единственной наукой, которая претендует на интегральное представление большинства индивидуальных психических явлений, является дифференциальная психология. Однако ее методологический аппарат многое не может охватить.

Для этапа развития психологии, в который разрабатывал свой подход П.С. Авсенев, такое изложение психологических знаний было, с одной стороны, реакций на слишком обобщенные психологические взгляды философов; с другой стороны, научно-ориентированные установки киевского психолога являются оригинальными для богословской традиции: ориентация на опыт, использование физиологии, этнографии, гендерных принципов позволяет обозначит Петра Семеновича как новатора религиозно-философской психологии. Однако влияние схоластики на мировоззрение Авсенева все еще велико: деление души на силы (разум, сердце, воля), ориентация на Священное Писание и учение Платона, редукция части психологии к религиозным задачам. (Такие подходы критиковались Е.А. Бобровым: «Богословская тендециозность» (цит. по [10, С. 13]).

Важность исследование представителей религиозно-философского направления психологии заключается в установлении истоков психологических концепций конца XIX в. – первой трети XX в. Другой задачей является осмысление методологических и философских основ подходов религиозно-философской психологии, представляющей альтернативное психофизиологическому и эмпирическому течение, а также объяснение причин отказа доминирующего числа психологов от концептуальных разработок данного направления.

Творчество Петра Семеновича Авсенева еще предстоит полностью изучить и определить его вклад в психологию.

Литература:

1. Авсенев П.С. Из записок по психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2008. 335 с.

2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира (1834-1884) / Под ред. Иконников В.С. Киев: В типографии Императорского университета Св. Владимира, 1884.

3. Голубинский Ф.А. Лекции по философии и умозрительной психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 464 с.

4. Зубовский Н.А. Психология. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 158 с.

5. Костригин А.А. Богослов и психолог В.А. Снегирев о субстанциональности души // Психология – наука будущего. Материалы VI Международной конференции ученых. 2015. С. 205-209.

6. Костригин А.А. «Описательная психология» В. Дильтея и «Психология живой личности» В.А. Снегирева: сравнительно-исторический анализ // Международна научна школа "Парадигма". Лято - 2015. В 8 т. Т. 4: Психология: сборник научни статии / под ред. А. В. Берлов, Л. Ф. Чупров. – Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. С. 169-176.

7. Костригин А.А. Системный подход к изучению души в трудах В.А. Снегирева // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Часть I. Методология системогенетического подхода. Конструктивные и деструктивные тенденции профессионального становления и реализации личности: материалы VII Международной научно-практической конференции, 20-22 октября 2015 г., г. Ярославль / под ред. проф. Ю.П. Поваренкова. Ярославль: Издательство ООО «Агентство Литера», 2015. С. 69-71.

8. Костригин А.А., Чупров Л.Ф. Место психологии в системе философских наук в трудах русских богословов XIX в. // Наука. Мысль. 2015. № 2. С. 30-34.

9. Куценко Н.А. Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы (Новые материалы). М.: ИФ РАН, 2005. 138 с.

10. Серебряков Ф.Ф. Философское образование и философская мысль в Казанском университете: учебное пособие. – Казань: Казан. гос.

ун-т, 2009. 146 с.

11. Снегирев В.А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. 768 с.

12. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Отечественные психологи конца XIX - начала XX вв. о снах и сновидениях // Психология и Психотехника. 2015. № 1. С.63-69. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13808

13. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Проблематика сна и сновидений в отечественной психологии на рубеже XIX-XX вв. // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2 (39). С. 62-66.

14. Стоюхина Н.Ю., Мазилов В.А., Костригин А.А. Вениамин Алексеевич Снегирев: богослов и психолог // Ярославский педагогический вестник.2015. Т.2. №3. С. 138-149.

15. Мозговая Н.Г. Православная «мистика и европейская рационалистическая философия за стенами духовных академий: Ф. Голубинский (МДА) и П. Авсенев (КДА) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия. 2011. № 24. С. 52-57.

16. Цвык И.В. Авсенев Петр Семенович (Феофан) / Русская философия: Энциклопедия // Под. общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. – М.: Книжний Клуб Книговек, 2014. С. 9.

17. Цвык И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в. (историко-философский анализ): диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М.: РУДН, 2002.

18. Шульц О.І. П. Авсенєв – представник вітчизняної духовно-академічної філософської традиції XIX ст. / О.І. Шульц // Єдність навчання і наукових досліджень – головний принцип університету: Збірник наукових праць звітно-наукової конференції викладачів університету за 2011 рік, 9-10 лютого 2012 року. Частина 2./ Укл. Г.І.Волинка, О.В.Уваркіна, О.П.Симоненко, О.П.Ємельянова. К.: Національний педагогічний університет імені М.П.Драгоманова, 2012. С. 255-257.

19. Chuprov L.F., Kostrigin A.A. Position of psychology in philosophical sciences in works of Russian theologians of XIX century. //International Journal Of Applied And Fundamental Research. – 2015. – № 2 URL: www.science-sd.com/461-24855 (23.10.2015). – URL: http://www.science-sd.com/pdf/2015/2/24855.pdf

— ● —

Kostrigin A. A. «Istorija dushi» P.S. Avseneva kak psihologicheskaja disciplina / A. A. Kostrigin // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

— ● —

Abstract. The article discusses the Pyotr Semenovich Avsenev's approach to the study of the soul. Kiev psychologist and theologian went beyond the theological philosophy of the soul and referred not only to general psychological characteristics of the soul, but also to the "extraordinary" events, which are caused by gender, character, ethnic, physiological, pathological features of the person. The author emphasizes the importance of the study of religious and philosophical direction of psychology in the XIX century.

Keywords: history of psychology, P.S. Avsenev, religious and philosophical psychology, empirical psychology, mental psychology, biblical psychology, history of the soul, psychology of individuality.

— ● —

Сведения об авторе

Артём Андреевич **Костригин,** ассистент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия).

© А. А. Костригин, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 18.11.2015.

— ● —

УДК 159.9

ПСИХОГЕНЕАЛОГИЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ, ПЕРВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А.А. Кроник. Институт каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США), *e-mail: Doctors@lifelook.net*
Р.А.Ахмеров. Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов (Набережные Челны, Россия), *e-mail:rashad59@mail.ru*

Резюме. Психогенеалогия – это наука о психологических предпосылках, закономерностях и последствиях генеалогических поисков. Данная статья[2] посвящена исторической реконструкции процесса ее возникновения и развития, в котором авторы принимали непосредственное участие. В первой части публикуется доклад «Психология и генеалогия», написанный и прочитанный публично в 1994 году в Москве. Во второй и третьей частях описаны процесс формирования психогенеалогии во Франции, происходивший приблизительно в то же время, а также первые результаты психогенеалогических проектов для дошкольников и младших школьников ("Семь Я" и "Мой путь в будущее") в России. В четвёртой части намечены перспективы психогенеалогии и транспоколенной каузометрии. Независимое возникновение психогенеалогии в двух странах, результативность первых исследований и взаимосвязь с психологией жизненного пути указывают на её перспективное будущее.

Ключевые слова: психогенеалогия, психология жизненного пути, генеалогия, история психологии, каузометрия.

[2] Части 1 и 2 написаны А.А.Кроником и были опубликованы ранее [16]; часть 3 написана Р.А. Ахмеровым; часть 4 и заключение - совместно.

1. Психология и генеалогия[3]

«Добрый вечер, глубокоуважаемые коллеги! Добрый вечер, дорогие друзья! Я рад видеть много знакомых и незнакомых лиц в этом зале и благодарю всех за то, что вы решили провести сегодняшний вечер именно здесь. {…} Кроме постоянных членов Дома Ученых в зале присутствуют гости: психологи, интересующиеся генеалогией, и генеалоги, которым небезразлична психология. Если эта встреча станет «мостом» для ваших будущих путешествий друг к другу, я буду считать свою задачу выполненной.

За последние несколько лет, пока наша книга [21] создавалась и издавалась, на моих глазах формировалась новая наука – *психогенеалогия,* перспективы которой мне хотелось бы обсудить сегодня подробнее. Два огромных научных континента – психология и история – сосуществуют столетия, лишь вежливо соприкасаясь друг с другом в учебниках по истории психологии. Пожалуй, лишь Лев Семенович Выготский и Борис Федорович Поршнев пытались у нас превратить психологию в историю, а историю в психологию – Выготский с блеском отыскивал «психологические орудия» в истории человечества [7], а Поршнев с непревзойденным мастерством сталкивал «мы» и «они» в объяснении исторических процессов [28]. Но все это касалось истории абстрактного человечества, а не истории конкретных людей.

Психогенеалогия, о которой сегодня пойдет речь, рождается на стыке психологии жизненного пути и семейной истории. Правильнее даже сказать: зарождается или находится в эмбриональном состоянии. И прежде чем зафиксировать факт ее рождения, давайте поближе

---

[3] Текст доклада "Психология и генеалогия" [15] был прочитан автором 18 марта 1994 года в Московском Доме Ученых РАН на заседании секции психологии, посвященном изданию книги «LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути» [21]. Стиль устного выступления сохранен с мелкой редакцией; несущественные фрагменты убраны и обозначены троеточием в фигурных скобках; текст дополнен ссылками на упоминаемые источники. Нечёткие хронологические ссылки на некоторые события сохранены; пытливый читатель может вычислить более точные даты по дате устного выступления - для первой части этой статьи, по дате предоставления (2006) автором своего доклада к первой публикации [16] - для второй части .

познакомимся с ее родителями: психологией жизненного пути и общей генеалогией.

Психология жизненного пути – это, по мнению многих авторитетных психологов и историков науки, и есть *современная психология,* призванная и способная синтезировать знания в области психологии психических процессов, личности, социальной психологии, психотерапии и даже психофизиологии. Такое весьма сильное утверждение я могу обосновать, к примеру, ссылкой на последнюю главу «Основ общей психологии» Сергея Леонидовича Рубинштейна [30] или на историко-психологическую концепцию Владимира Андреевича Роменца, изложенную им в его «Истории психологии»: «Жизненный путь личности – термин, который имеет возраст минимум две тысячи лет, но только в современную эпоху вышел на передний рубеж психологии, как ее основополагающий итог» [29, с. 87]. Психология жизненного пути продолжает историческую линию герменевтики и понимающей психологии, идущей от Фридриха Шлейермахера, Вильгельма Дильтея, Георга Миша, Шарлоты Бюлер, и стремится, в конечном счете, помочь каждому сделать *успешнее* свой жизненный путь – стать *счастливее, добрее, продуктивнее.*

Генеалогия – историческая дисциплина, изучающая историю отдельных семей, родов. За рубежом она часто так и называется: *семейная история.* После «советского» забвения генеалогия переживает сейчас в России бурное возрождение среди любителей и профессиональных историков. Восстанавливаются и возникают историко-родословное общество в Москве, русское генеалогическое общество и институт генеалогии в Санкт-Петербурге, ассоциация генеалогов-любителей в Перми, еврейское генеалогическое общество в Москве и другие. Два года назад в Санкт-Петербурге Международный конгресс по генеалогии собрал около 400 участников. Еще более велик интерес к генеалогии в западных странах, особенно в США и Канаде. Говорят, что в США это третье по популярности увлечение после коллекционирования марок. Люди проводят дни, месяцы, годы в поисках архивной информации об истории своих семей, своих пра-пра...дедушек и пра-пра...бабушек. Семейная история стала массовым увлечением. {…}

Психология и генеалогия идут навстречу друг другу.

Психологи, исследующие проблемы жизненного пути, неизбежно

выходят за рамки анализа биографии отдельного человека – от его рождения до смерти – и начинают всерьез интересоваться его корнями. Так, например, одной из первых задач психотерапевта становится выяснение истории семьи пациента и реконструкция его генограмм – папа, мама, бабушки, дедушки и т.д. – после чего начинается прояснение родительских и, более широко, семейных сценариев [35]. Генеалогия, таким образом, является *зоной ближайшего развития психологии жизненного пути* [21, с. 216].

Генеалоги, в свою очередь, все меньше довольствуются выяснением имени, даты рождения и смерти очередного прародителя и все больше пытаются сделать человека «трехмерным» – увидеть, чем жили предки, кем они были, как чувствовали, думали, поступали. Это естественно, ведь человек углубляется в историю своей семьи, чтобы, лучше поняв всех ее членов, в конечном счете - лучше понять себя. Поэтому современная психология, имея надежные и доступные многим методы психобиографического анализа, является *зоной ближайшего развития генеалогии* [там же].

Приведу пример из собственных эмпирических исследований: достаточно пяти-семи самых значимых жизненных событий, чтобы набросать узнаваемый эскиз биографии какого-либо человека; двадцать одно событие требуется для создания вполне представительной картины его жизненного пути и воссоздания психологического портрета; четырьмя десятками событий можно ограничиться, чтобы сделать эту картину уникальной, индивидуальной, неповторимой [17]. Для практически бесконечного генеалогического поиска приведенные цифры могут служить, на мой взгляд, полезными ориентирами.

Итак, психология жизненного пути становится все более генеалогической, а генеалогия – все более психологической. Это позволяет мне констатировать факт формирования новой перспективной науки – *психогенеалогии.* Ее предметом являются переживания человека, проводящего генеалогические изыскания в области собственной семейной истории, а целью – помощь в воссоздании психологических портретов и жизнеописаний действующих лиц этой истории.

Существует много мотивов занятий генеалогией. Один из них – желание *оставить о себе память* потомкам, хотя бы собственным.

Анатолий Ильич Хаеш, профессиональный генеалог из Санкт-Петербурга, рассказал на одном из семинаров о том, как он пришел в генеалогию. После разговора со своей бабушкой он вдруг понял: «Меня будут помнить столько же поколений, сколько поколений буду помнить я». Подобное стремление свойственно многим. «Как только смерть была осознана, – писал Джон Бернал, – люди начали искать и нашли различные психологические средства, помогающие человеку «обойти» сознание смерти или вынести его» [5, с. 224].

Позвольте мне зачитать в этой связи часть статьи замечательного американского генеалога и, кстати, психоаналитика, Саллиэнн Амдур Сэк из нашей книги «LifeLine и другие…»: «Я думаю, достаточно показательно, что особо большую страсть к генеалогии я испытала тогда, когда у меня возникли профессиональные трудности, не ладились дела на работе и некоторые из моих пациентов перестали прибегать к моим услугам. В конечном итоге я, видимо, бессознательно искала людей, которые никогда меня не отвергнут, и такими людьми для меня явились предки, навсегда оставшиеся со мной. Мой семилетний старший внук Бенджамин однажды спросил меня о том, кто были его предки, я стала рассказывать ему историю нашей семьи и вдруг обнаружила, что его прадедушка родился в 1885 году, то есть ровно за сто лет до него. Бенджамин стал спрашивать, откуда мне известны имена и даты жизни всех этих людей. Я ответила ему, что, собственно, я и есть тот самый историк, который ведет историю семьи. Он сказал, что тоже хотел бы стать историком семьи, и попросил меня, чтобы, когда я умру, оставить для него всю информацию относительно наших предков для того, чтобы он мог продолжить начатое дело. Бенджамин сейчас находится в том возрасте, когда «разлука», «смерть» – это очень близкие понятия. Он ведет длинные разговоры о деревьях, и, когда узнает, что деревья не живут вечно, он грустит и очень сожалеет о том, что люди не могут жить вечно. Но когда он узнал мои мысли, он сказал: «Хорошо, если в детях заложена часть родителей, это как раз и означает, что родители после того, как умирают, на самом деле не умирают, поскольку их часть продолжает жить в своих детях». Я, естественно, во всем с ним согласилась. Бен открыл для себя эту историческую цепь поколений. Я думаю, что все мы в большей или

меньшей степени ощущаем существование этой цепи» [31, с. 206][4].

Из этого отрывка можно извлечь еще одну существенную причину генеалогических интересов – *неудовлетворенность* своим реальным образом жизни, неполадки в профессиональной или личной жизни. Обращаясь к генеалогии, многие люди пытаются как бы расширить свой образ жизни, *разнообразить* его вынужденную нормированность за счет мысленного проживания жизни своих предков. Подобно тому как в России послевоенных лет дети, завидуя отцам и старшим братьям, с упоением играли в войну, сегодня в США многие молодые американцы – потомки эмигрантов из Российской империи – пытаются воспроизвести более созерцательный образ жизни, который, как им кажется, вели члены их семей 100–150 лет назад в Белоруссии, Литве, Украине. Подобное стремление существует у многих генеалогов-любителей. Трудно и порой даже скучно смириться с мыслью о том, что тебе дана только *одна* жизнь. Люди иррационального типа ищут сомнительных реинкарнаций, а людям, более рациональным, всегда открыта генеалогия и возможность пережить многие родственные жизни в своем воображении.

Каковы бы ни были мотивы прихода в генеалогию, после этого человек иначе начинает относиться к собственной жизни. Приходит понимание и переживание ее исторического контекста, осознание себя лишь частью большего или меньшего родословного дерева. Возникают странные вопросы: Кто же действительно живет – человек или род? Что реальнее – неповторимая личная жизнь или многовековая история моей семьи? Или, если воспользоваться образом родословного дерева, что чему служит – листья дереву или дерево – листьям? Это не только «личные вопросы», но, по существу, самая главная *научная проблема* психогенеалогии. И здесь я позволю себе поразмышлять о том, чего не знаю. Думаю, это нормальное желание, ведь любая наука состоит не только из фактов, законов, теорий и методов, но и из знания того, чего мы не знаем – проблем и вопросов, которые пока еще не имеют ответов.

Итак, мой первый вопрос: «Кто же действительно живет – лист или дерево? Человек или род?» В психологии принято думать, что субъектом

[4] Печатается с разрешения автора (© Саллиэнн Амдур Сэк, 1993).

жизненного пути является конкретный человек, личность, индивидуальность. В генеалогии единица анализа – родословное дерево. Подозреваю, что генеалогия ближе к истине и что личность – это некая биографическая иллюзия, полезная лишь до поры до времени. Об этом говорил и Будда, и многие другие. Но в качестве одного из аргументов я хотел бы привести стихи Тютчева, а точнее, Гейне в переводе Тютчева: «Из края в край, из града в град / Судьба, как вихрь, людей метёт, / И рад ли ты, или не рад, / Что нужды ей?.. Вперед, вперед!» [32, с. 97, 510]. Этими стихами я провожал многих своих друзей, покидавших насиженные места вслед за своими детьми, родителями и другими ветвями своего родословного дерева. И они не принадлежали при этом себе, перемещалось дерево, клан, семья – кто столетием раньше, кто позже, не так уж и важно. Я думаю, что живет все таки род[5], а человек, считая себя полностью независимым, самостоятельным существом, напоминает ребенка, говорящего: «я сам» и живущего при этом за счет родителей.

Другой вопрос без окончательного ответа: «Каковы психологические последствия генеалогических поисков и открытий?» Генеалогия затягивает, и я не знаю пока человека, который ступив на этот путь, смог бы обуздать свой интерес к поиску все новых и новых корней. В душе каждого генеалога-любителя происходят изменения: появляется историчность мышления, упрочивается чувство семейной идентичности, собственного достоинства, независимо от «знаменитости» предков. Это очень интересная научная проблема – психических новообразований и личностных последствий генеалогических поисков. Тем более, что генеалогия уже начала преподаваться в ряде школ, благодаря энтузиазму Александра Онучина, председателя Ассоциации генеалогов-любителей, Ольги Шемякиной, инициатора проекта «Древо Жизни», а также Николая Дмитриевича Можарова, автора популярных консультаций для начинающих [23]. Школьная генеалогия – это не только отечественное изобретение. Насколько мне известно, она существует также в некоторых школах США, Израиля и, уверен, других стран.

Проблема психических новообразований, возникающих в процессе

[5] В *историческом* масштабе это очевидно. – *Примечание автора, 2006.*

генеалогических поисков, актуальна применительно даже к дошкольникам. Хотелось бы быть первооткрывателем, но вряд ли им стану, начав первое известное мне исследование в области дошкольной генеалогии. Написав эту фразу, я сразу же вспомнил Бенджамина, семилетнего внука Саллиэнн Сэк. Возможно, он и был первым *теоретиком* в этой области; а полгода назад я начал свое *эмпирическое* исследование - вместе с методистом, воспитателями и психологом одного из детских садов города Ярославля, а также с нашим консультантом Екатериной Кроник [12; 13; 20].

Этот проект называется «Семь Я», что равно: «я + мама + папа + две бабушки + двое дедушек». Основная научная цель проекта состоит в том, чтобы проследить взаимосвязь умственного и нравственного развития детей в процессе специальных генеалогических занятий, прямыми или косвенными участниками которых являются члены всей «семерки». Замысел такого исследования возник у меня под влиянием идей Андрея Владимировича Брушлинского о связи умственного и нравственного развития[6].

Процедура исследования состоит в общих чертах в следующем: дома дети распрашивают домочадцев об интересных деталях своей семейной истории, а в саду рисуют их портреты, дома, в которых они родились или жили, любимые игрушки, животных, растения и т.п. В результате у ребенка формируются понятия о семье, времени жизни, географии, мире профессий и увлечений, а параллельно с этим формируются нравственные ориентиры для собственных будущих жизненных выборов.

Исследование не завершено и пока можно сказать лишь одно: дело это для семьи и ребенка весьма значимое, хотя и рискованное – слишком

---

[6] Примером такой взаимосвязи была судьба Константина Афиногеновича Брушлинского, военного юриста, генерала, помещика, дворянина, который был противником смертной казни. До Октябрьской революции 1917 года он опротестовал смертный приговор и спас жизнь будущего известного революционера Николая Ильича Подвойского. После революции Подвойский защитил его самого от ареста и расстрела. В 1995 году Андрей Владимирович Брушлинский рассказал о «причудливо» складывающейся судьбе своего деда в интервью журналу «Вестник Российской академии наук» [6, с. 898]. Влияние судьбы деда на научные интересы внука несомненно: слово «причудливо» очень точно обозначает смешанное чувство любопытства и удивления, которое со времен Аристотеля считается первой ступенью научного познания. *Примечание автора, 2006.*

долго история умалчивала нашу семейную историю, в которой есть разные страницы. Но я думаю, что генеалогия в современном мире – это лучший способ не только терапии семьи, но и терапии общества, лучший способ формирования терпимости и взаимопонимания между народами.

В этой связи позвольте задать еще один вопрос будущим психогенеалогам: «Чем отличается общество, в котором генеалогия становится массовым увлечением, от общества, в котором генеалогии избегают?» Избегают граждане, считающие, что это опасно или невозможно, избегают архивы, поработать в которых удается обычно, лишь имея бумагу с печатью, а то еще и изрядную сумму денег. Неделю назад я поздравлял с выходом книги своего киевского коллегу-социолога. Я спросил его: «Как жизнь?», на что он ответил: «Чем хуже живется народу, тем лучше живется социологам – много заказов». Мой опыт психолога-консультанта убедил меня в том, что чем лучше живется людям, тем лучше живется психоаналитикам – много клиентов. А опыт знакомства с зарубежной генеалогией и российскими генеалогами приводит к следующему выводу: когда людям живется просто хорошо – растет и родословное дерево каждого, и интерес к генеалогии.

Возможно ли обратное влияние: от интереса к генеалогии – к повышению качества жизни? Я думаю, что такое обратное влияние существует – ведь благодаря изучению семейной истории, неизбежно приходит понимание простых истин: «направляя оружие на врагов нации, мы целимся в троюродных братьев», «кровь человечества едина», «создать дом, из которого не хочешь уходить – главное дело человеческой жизни». Психогенеалогия *может* сделать это влияние еще более интенсивным. Благодарю всех вас за внимание».

2. Двенадцать лет спустя

Вскоре после выступления в Доме Ученых я улетел вслед за своей семьей в США, сменил академическую карьеру [17] на клиническую работу [34] и… публикация доклада отложилась на неопределенное время. Двенадцать лет спустя рукопись нашла заинтересованного издателя.

В 2006 году, работая над подготовкой статьи [16], я заглянул в Google (www.books.google.com) и неожиданно обнаружил информацию о ранее неизвестной мне книге «Синдром предка: транспоколенная

психотерапия и скрытые узы в родословном дереве» [38]. Автор книги, французский психолог Анн Анселин Шютценбергер (ученик Джекоба Морено и со-основатель Международной ассоциации групповой психотерапии) предлагает термин «психогенеалогия» в качестве замены термину «геносоциограмма», истоки которого восходят к Джекобу Морено [38, с. 60]. *Геносоциограмма* – это вариант родословного дерева, начертанный по памяти, без исследования информации или документов, аннотированный важными жизненными событиями, включая даты, связи и эмоциональный контекст [38, с. 70]. *Психогенеалогия* – это более общий и менее технический термин для геносоциограм [38, с. 175]. Первый вариант «Синдрома предков» оказался «проглочен» печатным станком в 1991 году. Автор переписала книгу заново и ее первое издание вышло в свет на французском языке в 1993 году – двенадцать лет спустя после того, как она начала интересоваться транспоколенной психогенеалогией [38, с. 58, 176]. Анн Анселин Шютценбергер упоминает также имя неизвестного ей тогда чилийского режиссера Александра Джодоровского, который использовал термин «психогенеалогия» в своей неопубликованной рукописи по интерпретации родословий с помощью карт Тарот. Эта рукопись осталась неопубликованной, так как «по-видимому, исчезла из его автомобиля во время его праздников» [38, с. 175].

Да, судьба психогенеалогии похожа на детектив с причудливыми совпадениями, пропавшими рукописями и счастливым концом – рождение идеи имеет трех свидетелей.

Следующим шагом в ее развитии стало создание Международной ассоциации психогенеалогии. Почетный президент Ассоциации – французский психолог Шантэл Рилланд, автор бестселера «Эта семья внутри нас» [36], первое издание которого вышло в 1994 году, дает следующее определение новой дисциплины: «Психогенеалогия – это изучение того, как наша семья и ушедшие до нас поколения влияют на нашу психику, а также на психику наших детей и внуков. Она является генеалогией, приложимой к повседневной жизни. Однако психогенеалогия не является генеалогией в строгом смысле слова. Фактически мы можем полагаться только на семейные воспоминания…» [37, с. 1]. В этом определении акцент сделан на психологических *последствиях* имеющейся в памяти информации о фактах семейной истории. Мое более широкое

определение психогенеалогии, данное в начале статьи, не ограничивает возможные источники информации семейными воспоминаниями, но дополняет их *любыми* доступными человеку документами и архивными данными. Кроме того, оно дополняет определение Рилланд еще двумя измерениями: изучением психологических *предпосылок* (мотивации) и психологических *закономерностей* (динамики) генеалогических поисков.

Международная ассоциация психогенеалогии имеет своих членов во Франции, Бельгии, Швейцарии, Канаде. В мире появляется новая профессия – *психогенеалог.* Что ждет ее спустя еще двенадцать лет? Смогут ли психогенеалоги сделать человеческую жизнь лучше и длиннее? Пример Анн Анселин Шютценбергер, создателя книги-классики, укрепляет эту надежду. Она родилась в 1919 году и продолжала вести свои группы, лекции, тренинги в дни моей работы над этой статьей в 2006 году.

Тем временем психогенеалогия в России продолжает свое независимое движение [10; 22; 33]. В 2001 году программа «Семь Я» была отмечена дипломом победителя конкурса «Лучшие Российские программы для семьи» в номинации «Укрепление семейных традиций и межпоколенных связей». Конкурс проводился Фондом реабилитации и поддержки «Мир семьи» города Москва при поддержке Министерства образования и Московского государственного социального университета.

В 2005 году ярославские педагоги Мария Анатольевна Дозорова и Наталия Викторовна Кошлева подготовили вместе со мной книгу «Семь Я. Программа социально-личностного развития детей дошкольного возраста» [11]. В ней описан уникальный опыт использования генеалогии, разработки и применения оригинальных приемов работы с детьми от трех до семи лет, а также с их родителями и воспитателями в детском саду № 222 города Ярославля (удивительно, но факт – двенадцать лет прошло с начала проекта в 1993 году до его завершения в виде книги 2005 года). В рамках программы «Семь Я» ребенок учится вместе с родителями *воссоздавать* значимые, интересные события своей семейной истории. Тем самым, как мог бы сказать Выготский, образуется зона его ближайшего развития, а точнее – зона ближайшего биографического развития на 10–20 лет, когда повзрослевший ребенок начнет уже *создавать* свою собственную семью и ее будущее.

Программа «Семь Я» открывает широкие возможности для

изучения взаимосвязи умственного и нравственного развития в любом возрасте. Наблюдения и беседы с ее участниками (детьми, педагогами, родителями) позволяют утверждать, что в ходе составления человеком своего родословия и углубления в семейную историю происходит интенсивный процесс формирования понятий об историческом времени, этнических и профессиональных группах, а также других социальных реалиях в зависимости от возраста человека и глубины его проникновения в семейную историю.

Одновременно с этим, в силу разветвленности родственных связей и часто не совпадающих ценностных ориентаций разных членов многопоколенного родословного дерева, человек, изучающий свою семейную историю, сталкивается с более или менее острыми нравственными проблемами: чьи традиции продолжить, с кем и в какой мере идентифицироваться, какие уроки извлечь из жизни предшествующих поколений, какие из них передать будущим поколениям.

Таким образом, почти каждый новый факт, узнаваемый человеком о своей семейной истории, создает толчок нравственному развитию и личностному росту. Программа «Семь Я» позволяет стимулировать и наблюдать эти «толчки», изучать их психологические последствия. Благодаря ей психогенеалогия может стать экспериментальной наукой.

3. Первые эксперименты

Есть идеи, которые, кажется, не надо доказывать. Они проверены жизнью, историей многих поколений. Без всяких научных доказательств многие согласны с тем, что знакомство и исследование истории семьи и рода приводит к лучшему пониманию себя, своего места в жизни в цепи поколений, кровного и духовного единства граждан страны и т.п. Но, как писал Гегель, "известное вообще – от того, что оно *известно*, еще *не познано*" [8, с. 16]. Именно так обстоит дело с идеей психогенеалогии.

Соавтор данной статьи, Рашад Ахмеров, впервые услышал о психогенеалогии в 1991 году от Александра Кроника, когда тот предложил написать совместную статью в коллективную монографию «LifeLine и другие методы психологии жизненного пути» [18], в 1994 году присутствовал на его докладе по психологии и генеалогии [15], в 2005 году написал предисловие к книге «Семь Я» [11], в 2007 году был инициатором

публикации его доклада [16].

Потенциал развития психогенеалогии еще далеко не осмыслен. Описанная выше история возникновения психогенеалогии показывает, что она возникла как *прикладная* наука, а точнее как поиск ответа на вопрос (интерес) человека о своём прошлом, о предках - интерес, основанный на воспоминаниях родных и знавших их людей, а также на основе изучения различных документов и архивных данных.

Психогенеалогия находится лишь в начале своего исторического пути. Вопрос о влияние знаний истории рода, ее ценностей, «сценариев рода» и т.п. на подрастающее поколение вовсе остается открытым. Возможно ли активное применение технологий психогенеалогии в социальных проектах?

В реализации новых Федеральных образовательных стандартов в России как никогда актуальны идеи психогенеалогии. В 2010 году ко мне обратились из гимназии № 61 г. Набережные Челны и попросили быть научным руководителем. Коллектив гимназии и меня объединило понимание того, что главным в учебно-воспитательном процессе является личность, индивидуальность ребенка. Если говорить в терминах нового образовательного стандарта, главное не предметные и метапредметные результаты, а личностные результаты. Главным в учебно-воспитательном процессе выступает личность, индивидуальность ребенка, в которого “вкладывают” эти знания и умения.

Личностные результаты связаны с духовно-нравственным развитием ребенка. Согласно концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, высшей ступенью духовно-нравственного развития выступает российская гражданская идентичность [9]. Другими словами, речь идет о людях (выпускниках школы), которые знают и принимают ценности, нормы поведения, историю страны, являются патриотами, верят в себя и страну, связывают свою судьбу с судьбой Родины.

В программе развития гимназии для духовно-нравственного развития и формирования личности, индивидуальности ребенка мы решили соединить идеи психогенеалогии (историю семьи и рода) с историей страны (Родины) и с многонациональным культурным достоянием России. Для формирования основ гражданской идентичности,

информацию о Родине, культуре и истории страны мы “привязали” к биографии ребенка, к истории его семьи и рода [3; 24; 25; 26; 27]. Идея была проста: *только те знания об истории семьи и рода, которые пережиты человеком как события своей биографии, становятся принятыми им и становятся частью его личности, индивидуальности, формируя жизненные установки в самоосуществлении*.

Наша программа предназначена для детей младшего школьного возраста и является развитием идей программы «Семь Я» для дошкольников [11]. Свою программу мы назвали «Мой путь в будущее» и учли в ней особенности младшего школьного возраста: в первом классе дети познают историю своей семьи и рода во взаимосвязи с городом, в котором они живут; во втором – с республикой (регионом); в третьем – с Россией (страной); в четвертом – с другими странами, миром, включая свой внутренний мир.

На мой взгляд, истинные ценности просты и понятны. Это касается и принципов организации учебно-воспитательного процесса. В основу нашей психогенеалогической программы были положены проверенные временем, ключевые факторы воспитания: 1) роль семьи в воспитании ребенка; 2) роль школы в усвоении детьми основных ценностей гражданского общества; 3) роль деятельности, которая в нашей программе конкретизируется в использовании проектного метода; 4) роль родословной и значимых других в поисках себя и своего места в социуме; 5) значимость нравственного и эстетического воспитания; 6) значимость детства в воспитательном процессе; 7) значимость личной биографии для человека.

В соответствии с программой «Мой путь в будущее», учащиеся начальной школы вместе с родителями и другими родственниками создают семейные альбомы-путеводители, где отражается история семьи и рода во взаимосвязи с историей Родины. Знание истории семьи и рода, включает не просто знание родословной (формальной биографии предков), но и знание ценностей, интересов, любимых сказок, песен, стихов, игр и т.д. родителей и прародителей, «семейных чудес» и интересных семейных историй.

Совместные проектные работы ребенка, родителей и педагогов остаются в семье, как семейная реликвия. Это выступает одним из

стимулирующих факторов интереса родителей к нашему проекту.

Результаты разработки программы. Психобиографическая программа «Мой путь в будущее» для формирования основ российской гражданской идентичности у младших школьников разработана и издана в виде четырёх альбомов-путеводителей: “Мой путь в будущее: Я, моя семья, мой город. Альбом-путеводитель для познания себя, других и мира первоклассниками” [24]; “Мой путь в будущее: Я, моя семья, моя Республика. Альбом–путеводитель для познания себя, других и мира второклассниками” [25]; “Мой путь в будущее: Я, моя семья, моя страна. Альбом–путеводитель для познания себя, других и мира третьеклассниками” [26]; “Мой путь в будущее: Я, моя семья, мой мир. Альбом–путеводитель для познания себя, других и мира четвероклассниками” [27].

Проверка эффективности программы. Результаты воспитательной работы не проявляются сразу и непосредственно, а имеют отсроченный во времени характер. Проверку результативности программы «Мой путь в будущее» мы проводили на протяжении четырёх лет, в 2011-2015 годах, в двух гимназиях г. Набережные Челны: гимназия № 61 выступила экспериментальной гимназией, другая – контрольной.

В ходе исследования был обнаружен интересный факт. Дети, обучающиеся в экспериментальной гимназии, ответили, что плохо знают историю своей семьи и рода, а дети в контрольной гимназии, наоборот, уверенно ответили: “Да, знаю” Мы обнаружили известный феномен (принцип) познавательной скромности, который звучит так: “Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого”[7]. В нашем случае, это касается знаний истории своей семьи и рода. Младшие школьники экспериментальной гимназии, которые действительно больше знают о своей семье, оказываются осторожнее в высказываниях относительно истории семьи и рода, чем их сверстники из контрольной гимназии.

Лонгитюдное исследование в экспериментальной гимназии показало позитивные изменения в отношениях детей к своей семье, учительнице, Республике Татарстан и России. У четвероклассников экспериментальной гимназии в большей степени выражены основы

[7] Данное изречение по разным источникам приписывают и Сократу, и Демокриту.

российской гражданской идентичности, чем у четвероклассников контрольной гимназии.

Подробный анализ экспериментальной проверки эффективности программы «Мой путь в будущее» опубликован в [2]. Дополним его некоторыми отзывами родителей, их отношением к нашему проекту и эмоциями от участия в проекте. Отзывы родителей о программе “Мой путь в будущее” в полной мере можно отнести к психогенеалогии в целом, как прикладной науке.

Отзывы родителей. “В процессе работы над альбомом было интересно сравнивать фотографии мест города с такими же 10-20 летней давности. Мы по-новому взглянули на свой двор, район. Вместе искали самые красивые места. Особенно запомнилась тема о Дне Победы. …Моя дочь и я с трепетом разглядывали ордена и медали моего деда, пересматривали фотографии, слушали рассказы бабушки (прабабушки)”.

“Нашей семье понравилось оформлять альбом «Я и моя семья». Эрику было интересно узнать какими были маленькие его бабушка и дедушка, так же с большим интересом он изучал, как строился наш город Набережные Челны. Очень хорошо запомнилось, когда описывали, когда и где служил его дедушка. Одним словом получили много положительных эмоций и с нетерпением ждем продолжения”.

Вывод*: психогенеалогия продуцирует позитивные эмоции, повышает уважение к родственникам – значимым другим.*

“Мы узнали многое о своей семье, о родственниках. Альбом нам помог сделать свою семью крепче устойчивее и дружней”.

“…Нам все нравится, работая над альбомом больше времени уделяешь ребенку и вспоминаешь прошлое. Спасибо всем”.

Вывод*: психогенеалогия способствует снижению дефицита общения ребенка с родителями и укреплению взаимоотношений в семье*.

“Работать над семейным альбомом мне было интересно, т.к. я почувствовала гордость за историю нашей семьи”.

“Семейный альбом очень полезная вещь для семьи. Собирая информацию и факты о членах семьи, родственники сближаются, невольно вовлекаются в написание истории семьи. Открываются интересные факты. Спасибо вам за подарок нашей семье”.

“Нам было очень интересно работать над семейным альбомом.

Полина узнала больше подробностей об истории нашей семьи и теперь, также как и мы, гордится ею. Мы стали лучше понимать друг друга. Мы желаем всем первоклассникам со своими родителями обязательно сделать семейный альбом, т.к. это память на всю жизнь".

Вывод*: психогенеалогия способствует принятию членов семьи и повышению взаимопонимания между ними*.

На основании бесед с родителями и их отзывов создалось впечатление о том, что не только у детей, но и у родителей формируются и укрепляются основы российской гражданской идентичности, повышается гордость за историю семьи и рода в истории Родины, взаимопонимание между родственниками и прежде всего с детьми. Очевидно, что если даже только в одной семье стало лучше, т.е. члены семьи нашли друг друга, нашли себя в семье и в истории поколений, то это уже прекрасный результат.

Таким образом, первое экспериментальное психогенеалогическое исследование, предпринятое педагогами и психологами гимназии № 61 г. Набережные Челны под руководством второго автора данной статьи, показывает, что психогенеалогия, как прикладное направление и как плодотворный синтез психологии жизненного пути и генеалогии, обладает мощным духовно развивающим и воспитывающим потенциалом (причём не только детей, но и родителей!). В 2015 году программа «Мой путь в будущее» стала победителем «Всероссийского конкурса педагогических и образовательных технологий в области духовно-нравственного воспитания и развития детей и подростков», организованного Центром профессиональных инноваций Общероссийского научно-практического объединения «Новые идеи».

Проект «Мой путь в будущее» – это социальный эксперимент, основанный на идеях психогенеалогии. Разработка и реализация этого проекта позволяет дополнить определение психогенеалогии тремя задачами, которые она решает в настоящее время: 1) разрабатывает технологии воссоздания психологических портретов и схемы жизнеописания действующих лиц в истории поколений рода; 2) исследует предпосылки, закономерности переживаний и последствия генеалогических поисков; 3) разрабатывает социальные проекты и исследует возможности психогенеалогических технологий в социально-

значимых направлениях, прежде всего - в сфере образования. Психогенеалогия делает первые шаги в решении этих задач; её перспектива видна, но в достаточной мере еще не осмыслена. Тем не менее, уверенно можно сказать, что психогенеалогия *становится* экспериментальной наукой.

4. Перспективы психогенеалогии и транспоколенная каузометрия

В 2008 году в г. Киеве прошла Международная научная конференция "Каузометрия в исследованиях психологического времени и жизненного пути личности: прошлое, настоящее, будущее" [1], проект которой стал победителем конкурса "Золотая Психея". Год спустя была создана Международная ассоциация каузометристов (www.ht-line.ru/mak).

Каузометрические исследования показали, что в картине жизненного пути могут присутствовать значимые события, как личной биографии человека, так и события прошлого предков, и события будущего внуков и правнуков [18; 19]. Значимые события прошлого предков и будущего потомков влияют на траекторию личного жизненного пути и данный факт косвенно подтверждает предположение о том, что *живет не отдельно взятая личность, а род* - идею, которая была сформулирована в докладе "Психология и генеалогия".

Можно сказать, что *каузометрический метод является одновременно и методом психогенеалогических исследований.* Потенциал каузометрии еще предстоит раскрыть. Каузометрия, являясь биографическим (точнее психобиографическим) методом, позволяет получать статистически проверяемые количественные показатели. Уже это позволяет проводить эмпирические и экспериментальные исследования, дать обоснование психогенеалогическим научным и социальным проектам. Идея Э. Берна о сценариях жизни (влияние родителей на жизненный путь детей) это тоже психогенеалогическая идея, а его тоже можно причислить к психогенеалогам. В субъективной картине жизненного пути человека каузометрия обнаруживает и семейные сценарии [4].

Каузометрия обладает уникальным потенциалом в психотерапии и психогенеалогии. Например, в основанной на каузометрии *метаболической психотерапии* пациенту предлагается в целях

расширения самосознания (перехода в исторический масштаб осмысления жизни) найти значимые события, которые были до его/её рождения или возможно произойдут после его/её смерти, а далее предлагается найти причинно-целевые связи между этими и другими событиями [14; 18; 19]. Такая процедура помогает преодолеть биологические рамки "рождения и смерти", выйти в историческое измерение рода, даже в историческое время человеческой цивилизации и найти там смыслообразующие события жизненного пути.

Перспективы психогенеалогии связаны также с дальнейшей операционализацией понятия "психобиографическая компетентность", которое определяется как знание человеком родословной и истории своей семьи, знания и умения по самоанализу и проектированию возможных вариантов своей жизни, готовность к творческому поиску в любых жизненных ситуациях [2; 3].

И последнее: Международная ассоциация психогенеалогов (МАП) и Международная ассоциация каузометристов (МАК) дополняют друг друга, будто созданы друг для друга, а перспективы психогенеалоги и каузометрии тесно взаимосвязаны.

Заключение

В 1993 году во Франции и в 1994 году в России два психолога, Анн Анселин Шютценбергер и первый автор данной статьи, независимо друг от друга, ввели в научный обиход термин «психогенеалогия», после чего начала формироваться новая научная дисциплина, которая в настоящее время находится в процессе перехода от описательной стадии развития науки к экспериментальной. Исследования в этой области посвящены проблемам личностной идентичности, межпоколенных отношений, умственного и нравственного развития, психотерапии, психопрофилактики, воспитания будущего поколения. Спонтанность и синхронность возникновения психогенеалогии в разных странах, ее выживаемость в различных социальных контекстах, формирование международных сообществ психогенеалогов и каузометристов, первые экспериментальные психогенеалогические исследования свидетельствует о том, что эта молодая наука с длинной предысторией имеет перспективное будущее, шаг к которому может сделать транспоколенная каузометрия.

Литература

1. Ахмеров Р.А. Международная научная конференция «Каузометрия в исследованиях жизненного пути и психологического времени личности: прошлое, настоящее, будущее» // Психологический журнал. – 2008. – № 5. – . С. 119-122.

2. Ахмеров Р.А. Психобиографическая программа формирования основ российской гражданской идентичности у младших школьников «Мой путь в будущее» // Образование и саморазвитие. – 2015. – № 1 (43). – С. 146-155.

3. Ахмеров Р.А. Формирование основ гражданской идентичности и субъектности в психобиографическом аспекте // Психология образования в XXI веке: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции (Волгоград, 14-16 сентября 2011 г.) / под ред. Т.Ю.Андрущенко и др. - Волгоград: Перемена, 2011. - С. 225-227.

4. Ахмеров Р.А., Косенко С.В. Влияние родителей на субъективную картину жизни своих детей. // Теоретические и практические вопросы подготовки и деятельности психологов: Тезисы докладов региональной научно-практической конференции (г. Набережные Челны, 14-15 декабря 2001 г.). – Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2001. – С. 11-17.

5. Бернал Дж. Возникновение жизни. – М.: Мир, 1969.

6. Брушлинский А.В. Объект исследования – человек // Вестник РАН. – 1995. – Том 65. – № 10. С. 891-899.

7. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собр. соч . Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – С. 103-108.

8. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1999.

9. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2009.

10. Дозорова М.А. Генеалогическая программа «Семь Я» // Влияние образовательных технологий на развитие регионов России. – Ярославль: Система открытого образования России, 2002.

11. Дозорова М.А., Кошлева Н.В., Кроник А.А. Семь Я. Программа социально-личностного развития детей дошкольного возраста. –

Ярославль: Ремдер, 2005.

12. Качук Г. Я – лист раскидистого дерева // Неделя. – 1994. – № 4.

13. Качук Г. Я. Оранжевые мамы оранжево поют // Неделя.–1994. – № 22.

14. Кроник А.А. Метаболическая психотерапия с использованием компьютерной каузометрии // Время пути: исследования и размышления / Под ред. Р.А.Ахмерова, Е.И. Головахи, Е.Г.Злобиной, А.А.Кроника, Д.А.Леонтьева. - Киев: Институт социологии НАН Украины, 2008. – С. 215-233.

15. Кроник А.А. Психология и генеалогия // Доклад в Московском Доме Ученых РАН 18 марта 1994 (машинописная рукопись).

16. Кроник А.А. Психогенеалогия: история формирования и перспективы развития // Современная психология: многообразие научного поиска / Под ред. Р.А.Ахмерова, С.П.Дырина, А.Л.Журавлева. – М.: Институт психологии РАН; Набережные Челны: Институт управления, 2007. (Труды Института психологии РАН). – С. 88-101.

17. Кроник А.А. Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования, диагностики и коррекции: Дис. … докт. психологических наук. – М.: ИП РАН, 1994.

18. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. LifeLine в школе или как помочь детям справиться с «ударами судьбы» // LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути / Под ред. А.А. Кроника. – М.: Прогресс-Культура, 1993. - С. 43-59.

19. Кроник, А.А., Ахмеров, Р.А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути.– 2-е изд. – М.: Смысл, 2008.

20. Кроник Е.А. Генеалогия глазами психолога // Книга и школа. – 1994. – Март.

21. LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути / Под ред. А.А. Кроника. – М.: Прогресс-Культура, 1993.

22. Мильто Г.В. Экспериментально-психологическое обеспечение проекта детской генеалогический программы «Семь Я» (творческая работа). – Ярославль: Областной Институт повышения квалификации руководящих работников образования, 1995 (машинописная рукопись).

23. Можаров Н.Д. Как начать составлять свою родословную //

LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути / Под ред. А.А. Кроника. М.: Прогресс-Культура, 1993. – С. 175-189.

24. Мой путь в будущее: Я, моя семья, мой город. Альбом-путеводитель для познания себя, других и мира первоклассниками / Под ред. Р.А.Ахмерова. - Набережные Челны: ФГБОУ ВПО НИСПТР, 2012.

25. Мой путь в будущее: Я, моя семья, моя Республика. Альбом–путеводитель для познания себя, других и мира второклассниками / Под ред. Р.А.Ахмерова. - Набережные Челны: ФГБОУ ВПО НИСПТР, 2012.

26. Мой путь в будущее: Я, моя семья, моя страна. Альбом–путеводитель для познания себя, других и мира третьеклассниками. / Под ред. Р.А.Ахмерова. - Набережные Челны: ФГБОУ ВПО НИСПТР, 2013.

27. Мой путь в будущее: Я, моя семья, мой мир. Альбом–путеводитель для познания себя, других и мира четвероклассниками. / Под ред. Р.А.Ахмерова. - Набережные Челны: ФГБОУ ВПО НИСПТР, 2014.

28. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979.

29. Роменець В.А. Історія психологіі стародавнього світу і середніх віків. - Київ: Вища школа, 1983.

30. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии.– 2-е изд. – М.: Госучпедиздат, 1946.

31. Сэк С.А. Ваши родственники – наши кузены. Генеалогические поиски в США, России, Израиле // LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути / Под ред. А.А. Кроника. – М.: Прогресс-Культура, 1993. – С. 190-207.

32. Тютчев Ф.И. Стихотворения, письма. – М.: Художественная литература, 1957.

33. Dozorova M., Kronik A. Genealogy for kids and adults // The family & beyond: building community across systems and cultures. Summer conference.–Washington, DC: Institute for International Connections, 1998.

34. Kronik A. Psychological therapy yields genealogical rewards // Avotaynu. – 1998. – Vol. 14.–№ 4. – P. 68.

35. McGoldrick M., Gerson R. Genograms in family assessment. – New York & London: Norton & Company, 1985.

36. Rialland C. Cette famille qui vit en nous. – Paris: Laffont, 1994.

37. Rialland C. Psychogenealogy //

http://news.geneanet.org/tn/print.php?sid=143.

38. Schutzenberger A. The ancestor syndrome: transgenerational psychotherapy and the hidden links in the family tree. – Hove & New York: Brunner- Routledge, 1998.

– ● –

Kronik A.A., Akhmerov R.A. Psihogenealogija: istorija formirovanija, pervye eksperimenty i perspektivy razvitija / A.A. Kronik, R.A.Akhmerov // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

Abstract. Psychogenealogy is a science about psychological determinants, laws and consequences of genealogical search. A process of the emergence and developing of psychogenealogy, in which both authors actively participated, is reconstructed. A text of the first presentation “Psychology and Genealogy” (1994) is published. The simultaneous emergence of psychogenealogy in France and the first psychogenealogical projects in Russia for preschool (“Seven of Me”) and elementary school children (“My Path to the Future”) are described. The perspectives of experimental psychogenealogy and transgenerational causometry are outlined.

Keywords: psychogenealogy, life path psychology, genealogy, history of psychology, causometry.

– ● –

© *А. А. Кроник*, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 04.12.2015.

– ● –

УДК 159.9

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА О ПСИХИКЕ: 500 ЛЕТ ПОД ИМЕНЕМ ПСИХОЛОГИЯ

В. А. Мазилов. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Россия), *e-mail:* v.mazilov@yspu.org

Резюме. В статье анализируются особенности трактовки феномена науки в философии науки. Констатируется, что философия науки в качестве идеала принимает естественную науку. В результате оказывается, что при анализе науки психологии, которая рассматривается как социогуманитарная дисциплина, важные ее особенности оказываются вне поля внимания исследователей. В итоге в психологии данные анализа, предпринятого философией науки, оказываются невостребованными. в настоящее время мы являемся свидетелями того, что философия науки оказывает косвенное негативное влияние на положение в психологической науке. Некоторые положения философии науки, будучи распространяемы на науку "вообще", становятся мифами, препятствующими реализации позитивных тенденций. Отметим, что вред от мифов, основанных на вольно интерпретированных выводах из философии науки, заключается в следующем: представляется, что взаимопонимание между различными подходами и школами в принципе невозможно, а это реально препятствует осуществлению интеграционных процессов в психологической науке. Психология должна осознать себя действительно фундаментальной наукой, консолидировать силы и отстаивать свою роль в решении общественных проблем.

Ключевые слова: наука, философия науки, психология, методология, фундаментальная наука.

Завершается 2015 год. Термину, давшему нынешнее устоявшееся название нашей замечательной науки, исполнилось полтысячи лет. Достижение этой исторической вехи дает некоторые основания для размышлений о перспективах психологии.

Ясно, что успехи психологии неоспоримы: речь и о научной

академической психологии, и о психологии практической (практико-ориентированной). Однако, не так все просто. Уже приходилось писать о том, что роль психологии при проведении различного рода реформ фактически не учитывается. Пороки наших реформ состоят в первую очередь в том, что трансформации не продуманы, не системны и даже не комплексны [Мазилов, 2015]. В них отсутствует даже понимание того, что в центре социальных изменений оказывается человек. Пока сам человек и его жизнь не будут полагаться ценностью для организаторов и вдохновителей реформ, пока реформы на стадии планирования не будут проходить психологическую экспертизу, рассчитывать на позитивный результат попросту наивно. В этом есть некоторая вина психологов, которые готовы смириться с тем, что психологическую науку то почему-то отнесут к социогуманитарным дисциплинам, то начнут сомневаться, наука ли она вообще. Психология, как представляется, должна осознать себя действительно фундаментальной наукой, консолидировать силы и отстаивать свою роль в решении общественных проблем. Иначе будет поздно. Удивительно, но в XXI веке всерьез идет речь о том, что, вероятно, "в рамках РАН" психология относится к "малым наукам", поэтому академический институт психологии надлежит "оптимизировать", соединив с институтом "от какой-то иной" дисциплины. Ученые и практические психологи все это спокойно выслушивают, что не представляется правильным. Скорее наоборот: научная "скромность" в данном случае губительна, а интеллигентское нежелание спорить с невежественными "указивками", исходящими от малограмотной власти, выдается последней за согласие с ее чудовищными идеями... Итак, повторим: на наш взгляд, психология должна осознать себя как фундаментальную научную дисциплину, решающую сложные научные задачи, но одновременно способную направлять и ориентировать на решение важнейших практических задач.

Необходимо сказать несколько слов о феномене меж-дисциплинарности. Как справедливо отмечают Л.И.Киященко и В.А.Моисеев, "в переживаемое нами время перед философией науки и собственно наукой встали сложные задачи, которые требуют объединения многих дисциплин. Оформляется сфера междисциплинарности. Возникли экологические, технологические, биоэтические и т.п. направления научного

исследования, которые требуют согласованных действий и достижения взаимопонимания, установления единых норм поведения. Такого рода теоретико-практические объединения выступают естественным основанием для возникновения и выяснения особенностей функционирования междисциплинарности как одной из форм постнеклассической науки. К указанным особенностям мы также относим следующие. Междисциплинарность как форма объединения современного научного знания возникает как непосредственная реакция на «злободневные», требующие безотлагательного, как правило, в режиме актуального времени решения проблемы. Далее, ситуация неопределенности, и можно сказать загадочности, возникает по сути самого «предмета». Он как бы уже есть, иначе как бы возникло междисциплинарное общение? Но его же еще нет – он лишь только может возникнуть по ходу и в результате контингентного соглашения на основе формирующегося взаимопонимания, в свою очередь влияющего на особенности междисциплинарного общения, где присутствует встреча различных языков, не только дисциплинарно организованных и не только документированных (письменных)" [Киященко, Моисеев, 2009, с.16-17].

Подчеркнем, что проблема междисциплинарных исследований представляет собой проблему и для философии науки, и для философии, и для конкретных дисциплин. Обратим внимание на то, что использование термина "междисциплинарность" предполагает более или менее четкое представление о дисциплинарности. Не имея возможности здесь обсуждать этот вопрос, отметим, что дисциплинарность понимается нами вслед за М.К.Петровым, выделяющим восемь составляющих любой дисциплины (Петров, 1991).

В известной статье «Эпистемология междисциплинарных отношений» выдающийся швейцарский эпистемолог Ж.Пиаже [Piaget, 1972] различает следующие формы взаимодействия дисциплин:

1) мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой;

2) собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплин;

3) трансдисциплинарность как построение интегральных структур (например, физика не только неживой природы, но физика живого и

социальная физика).

Подчеркнем, что для психологии в плане рассматриваемой нами темы важно взаимодействие с философией науки, ибо именно в рамках философии науки определяется статус дисциплины, ее принадлежность к определенной группе и т.п.

Философия науки, как хорошо известно, представляет собой философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; это специальная философская дисциплина, предметом которой является наука [Касавин, Пружинин, 2010]. Термин «философия науки» (Wissenschaftstheorie) впервые появился в работе небезызвестного Евгения Дюринга «Логика и философия науки» (Лейпциг, 1878). Намерение Дюринга построить философию науки как «не только преобразование, но и существенное расширение сферы логики» не было им реализовано, однако данная терминологическая новация оказалась весьма своевременной [Касавин, Пружинин, 2010], поскольку позволяла номинировать тенденцию, набирающую силу. Проблематика философии науки (структура и развитие научного знания) восходит к Платону и Аристотелю. С формированием науки Нового времени философия науки в единстве с теорией познания становится важнейшей областью философского исследования в работах Ф.Бэкона, Декарта, Лейбница, д'Аламбера, Дидро, Канта, Фихте, Гегеля, позже – Б.Больцано, который еще ограничивается фихтеанским термином «наукоучение» (Wissenschaftslehre). Состояние и значение современной философии науки определяется местом науки в обществе, в мировоззрении, а также набором ее внутренних, исторически сформированных понятий и проблем [Касавин, Пружинин, 2010]. В качестве особого направления философия науки формируется в трудах У.Уэвелла, Дж.С.Милля, О.Конта, Г.Спенсера, Дж.Гершеля. Ее возникновение знаменовало собой отчетливую постановку нормативно-критической задачи – привести научно-познавательную деятельность в соответствие с некоторым методологическим идеалом [Касавин, Пружинин, 2010].

В настоящей работе не может идти речь о философии науки в целом. Это задача совсем другой работы. В настоящем тексте будут обсуждаться некоторые современные тенденции взаимоотношений между философией науки и психологией. Заметим, что в разные временные проме-

жутки отношения между психологией и философией науки были отчетливо различны: И.Г.Фихте, к примеру, психологию откровенно не любил, тогда как Дж.С.Милль всю свою "Систему логики" (1843) мыслил всего лишь как введение к VI книге этого труда "Логика нравственных наук" и попутно обосновывал необходимость существования психологии как отдельной науки...

Поэтому расхождение или сближение психологии и философии науки не должно удивлять. Как часто бывает, трагизм ситуации, выраженный в заголовке статьи, несколько преувеличен: и философия науки, и психология себя прекрасно чувствуют. И относится этот трагизм лишь к последним этапам их существования. И представляется, что от этого нарушения взаимопонимания философия науки теряет больше, так как упускает (надеемся, пока) возможность проанализировать уникальную ситуацию грядущего интенсивного развития психологической науки и становления ее подлинно фундаментальной наукой.

Наша задача - попытаться понять, почему так получилось.

Обратимся к некоторым принципиальным установкам философии науки.

1. Философия науки исходит из того, что за образец науки принимает концепции естественных наук. Здесь, впрочем, мы не видим ничего нового и оригинального. Естественнонаучное знание считается наиболее развитым, совершенным, и неявно эта модель принимается за общую - науки в целом. Подавляющее большинство исследований в философии науки выполнено на основе физики, астрономии, химии, биологии и т.д.[8] Констатируем, что Большая философия науки (философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; напомним, это специальная философская дисциплина, предметом которой является наука) исходит из приоритета естественных наук, которые и являют образец *науки в целом*.

2. Философия науки исходит из того, что естественные науки *сложны*. В качестве демонстрации обычно предлагается осмыслить известный

[8] Подразделение на социогуманитарные, естественные, технические носит скорее "прикладной" характер, связанный с организацией обучения в аспирантуре: аспиранты по гуманитарным специальностям не очень понимают, почему они должны изучать столь далекий от их повседневных занятий материал.

феномен корпускулярно-волнового дуализма и принцип дополнительности Н.Бора. Никто не будет спорить - это сложно. Но с другой стороны полезно обратить внимание, что в случае психологии ситуация не только не проще, чем в физике, но во многом сложнее. Поясним это, поскольку часто сложность психологического исследования в полной мере не осознается.

Итак, полезно помнить, что человек, участвующий в психологическом исследовании в качестве испытуемого, обладает сознанием. Следовательно, он имеет возможность рефлексии, поэтому исследование это не только "субъект-субъектное" взаимодействие, но и, возможно, рефлексивная игра. Была бы мотивация. Отметим, что эта ситуация хорошо описана и проанализирована в научной фантастике. Однако, хорошо известно, что человек, будучи сознательным существом, очень часто поступает нерационально. Причем это явно закономерность. До такой степени, что ученые, осознавшие этот факт и проанализировавшие причины такого поведения человека, заслуженно получили Нобелевскую премию. Но относительно сложности психологии перечисление осложняющих обстоятельств только начинается. Известно с времен З.Фрейда, что между сознанием и бессознательным существуют сложные отношения, причем часто поведение определяется в конечном счете отнюдь не сознанием. И, опять же, существуют защитные механизмы, модифицирующие поведение индивида... С времен К.Юнга хорошо известно, что сознательные тенденции обязательно компенсируются неосознаваемыми... К тому же Э.Берном прекрасно показано, что один и тот же человек может находиться в различных субъективных состояниях и, что тоже важно, переходить из одного в другое.

Кажется, ясно, что в психологии дело обстоит более сложно, чем в естественных науках, можно не продолжать. Мы и не станем продолжать, только обратим внимание, что принципиально по-другому обстоит дело в психологии и с детерминацией: психические явления зависимы и от наследственных генетических программ, и от средовых воздействий, от социокультурных влияний, модифицируются с помощью определенных химических веществ и т.п. Иными словами: психическое значительно сложнее, имеет куда как большее *количество степеней свободы*. Объект и предмет психологии много сложнее, чем в естественной науке, чем в со-

циальной[9]. Поэтому в высшей степени странно, что эти обстоятельства философией науки, по сути, не учитываются. Во всяком случае отметим, что предлагать упрощенный подход к сложным объектам не только наивно, но и предосудительно (не случайно народная мудрость отмечает, что такая простота часто оказывается хуже иного криминала). Не случайно К.Юнг многократно подчеркивал, что время глобальных теорий еще не наступило. «Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа является единственным непосредственным явлением мира, а следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта» [Юнг, 1992, с.12].

3. Философия науки и само развитие науки определяет весьма специфически. Двадцатый век прошел в полемике между сторонниками кумулятивной модели развития и ее противниками. Действительно, было показано, что в науке имеют место перерывы постепенности, скачки, научные революции. Отметим, что вопрос о кумулятивизме достаточно сложен. Представляется, что в пылу дискуссий позиции противоборствующих сторон оказались, чего и следовало ожидать, полемически заостренными. Наверное, ни в какой области знания нет абсолютного кумулятивизма, где

[9] Обратим внимание, что синергетика значительно успешнее используется в естественных науках и в науках социальных, чем в психологии. Приведем в этой связи выдержку из работы В. Ф. Петренко: «Мощным стимулом изучения нелинейных динамических процессов в психической жизни и ее нейропсихологических коррелятов могла бы стать синергетическая парадигма. Но ее успехи в области психологии пока весьма скромны, и это, на наш взгляд, объясняется тем, что эта парадигма создавалась на материале естественных наук (физики, химии), где на молекулярном уровне действуют законы больших чисел, термодинамические процессы и химические процессы организуют структуры из хаоса, включающего миллионы активных элементов. В психологической науке сходные процессы могут наблюдаться применительно к самоорганизации нейронных ансамблей, насчитывающих миллионы образующих элементов, или в социальной психологии больших групп, где социальные процессы, включающие миллионные массы людей, в силу специфики этих процессов (например, панического поведения) могут рассматриваться как однородные (деперсонализированные) элементы. Применительно же к классу экзистенциональных задач психологии личности (связанных, например, со свободой воли, принятием решения или творческих задач) адекватность синергетического подхода не столь очевидна» [Петренко, 2010, с.436].

бы новые данные лишь спокойно наслаивались и дополняли друг друга, равно как трудно себе представить науку, в которой наблюдаются исключительно революции и перманентные перерывы постепенности. Но мы должны хорошо представлять себе *характер* накопления данных в той или иной науке. Опять же отметим, что наличие научных революций в некоторых науках не означает того, что в других науках дело обстоит так же. Короче говоря, ситуация классическая: неоправданные обобщения, которые делаются при отсутствии специальной проверки.

Между тем, представляется, что определить *характер* накопления данных в той или иной науке не так уж сложно. Достаточно обратиться к истории соответствующей научной дисциплины. Элементарный анализ состояния последней, выявление того, чем она на самом деле, по сути, является: архивом, отражающим прошедшее научной дисциплины, либо действующим арсеналом, собранием методов, нацеленных на решение определенных задач. Как нам представляется, можно использовать универсальный тест. Тест состоит в том, что мы оцениваем историю той или иной науки, ее состояние, ее статус для того, чтобы оценить характер развития самой науки. Очевидно, что у «более революционной» и «более кумулятивной» будут существенно различные характеристики.

Итак, если мы возьмем историю психологии, то обнаружим, что там нет не только правильных или неправильных концепций, но даже в более мягком варианте более правильных или менее правильных. Более ранние концепции не являются менее адекватными, чем более поздние. В истории психологии зафиксированы подходы, которые до сих пор актуальны и используются в науке. Иными словами, концепции Фрейда, Адлера и Юнга, к примеру, до сего дня с успехом применяются и в науке, и на практике, имеют научную ценность. Становится понятно, что обилие подходов и теорий, объясняющих одно и то же явление, порождается сложностью, многоаспектностью и многоуровневостью, множественностью числа степеней свободы предмета исследования, а не частотой революций.

В истории психологии мы видим радикальные отличия от того, что обнаруживается в истории естественных наук. Там есть теории, относящиеся к прошлому: точно определено, что в таком-то подходе или концепции устарело, что учтено в последующих теориях, "снимающих" (в гегелевском смысле) предшествующие.

Хочется обратить внимание на то, что психология это не единственная область человеческого знания, где наблюдается такая картина. В той же философии дело обстоит весьма сходным образом. Хорошо известно, что представление о современной философии дает история философии. Аналогично обстоит дело с искусством.

Не будем дальше продолжать поиск расхождений между *постулатами* философии науки и *реалиями* психологии. Констатируем, что философия науки, вероятно, хорошо описывает процессы, происходящие в естествознании, но малопродуктивна по отношению к научной психологии.

В свете вышесказанного нас не будут удивлять высказывания методологов науки о том, что психологи странно ведут себя по отношению к понятиям философии науки. Проиллюстрировать это можно примером с использованием термина "парадигма". Красивое слово используется психологами в таком количестве различающихся значений и смыслов, что это полностью дискредитирует этот термин. Обратим внимание на то, что большая часть вариантов использования термина парадигма вообще *не связана* с исходной трактовкой термина "парадигма", данной в 1962 году Томасом Куном.

В тех учебниках по методологическим основам психологии, куда включается материал по современной философии науки, он представляет собой по большей части дополнительную нагрузку на память студента и в лучшем случае обогащает его эрудицию, так как привести примеры из психологии авторам обычно не удается, так как отсутствует позитивный опыт применения этого аппарата в психологической науке.

Вряд ли стоит обвинять в сложившейся ситуации косность и леность мысли психологов - можно представить картину и так, что философия науки пока еще не поднялась до осознания и концептуализации положения дел в психологии. Положение в психологии - особое, она отличается существенно и от других социогуманитарных дисциплин. Не случайно мудрый Аристотель утверждал, что это наука о наиболее совершенном и возвышенном.

Однако, в настоящее время мы являемся свидетелями того, что философия науки оказывает косвенное негативное влияние на положение в психологической науке. Некоторые положения философии науки, будучи распространяемы на науку "вообще", становятся мифами, препятствую-

щими реализации позитивных тенденций. Отметим, что вред от мифов, основанных на вольно интерпретированных выводах из философии науки, заключается в следующем: представляется, что взаимопонимание между различными подходами и школами в принципе невозможно, а это реально препятствует осуществлению интеграционных процессов в психологической науке.

Приведем пример. В работах У.Куайна, Т.Куна, П.Фейерабенда сформулировано положение, которое получило название "несоизмеримости научных теорий". Согласно этому положению, сменяющие друг друга научные теории несравнимы друг с другом, как в теоретическом плане, так и в эмпирическом, поскольку у них не существует общей фактуальной базы. Заметим, что это достаточно характерная черта некоторых философов - доводить положение до абсурда (см.: скептицизм, солипсизм и т.д.). Здесь обратим внимание на то, что соответствующая проверка показывает: утверждения о применимости тезиса о "несоизмеримости научных теорий" в психологии не только не обоснованы, но и скорее всего не соответствуют реальности, с которой мы имеем дело в психологической науке [Мазилов, 2014]. Снова неоправданные обобщения. Поэтому в противоположность утверждениям философии науки может быть сформулирован тезис о "соизмеримости теорий в психологии", основанный на положениях коммуникативной методологии [Мазилов, 2013]. Утверждение о том, что у разных теорий не существует общей фактуальной базы, также нуждается в проверке и уточнении. В связи с недостаточной разработкой проблемы факта в психологии не учитываются особенности его детерминации. Есть основания полагать, что полномасштабный учет уровневой структуры факта позволит по новому интерпретировать сами факты, которые окажутся соотносимыми в куда большей степени, чем об этом думали ранее.

Таким образом, резюмируем. Философия науки в настоящее время не готова к осознанию того, что науки различаются между собой гораздо значительнее, чем принято считать в этой уважаемой дисциплине. При определении различий или сходства стоит учитывать фактор предмета науки. И если учесть многоаспектность и многоуровневость предмета наук о психике, стоит признать, что традиционные схемы представления науки применительно к психологии не вполне адекватны. Не случайно наблюдаются ростки того движения, согласно которому за неимением *философии*

психологии (от философии науки) идет формирование *философии психологии как психологической теоретической дисциплины.* Ибо необходимость в таком знании есть, а производить его философы науки не желают [Мазилов, 2012, 2013, 2014].

Итак, мы сталкиваемся с тем, что психология постоянно находится в поисках своего подлинного предмета. Стоит отметить, что психология чрезвычайно далека от финальности, от завершенности. В конце XIX столетия один известный английский физик, выступая перед студентами, выразил им свое сочувствие: «Величественное здание науки построено, на вашу долю не осталось больших дел — только мелкие доработки». Психология, да, как выяснилось чуть позднее, и сама физика, далеки от завершенности. Процесс развития идет полным ходом. Вспомним, что научная психология заявила о себе как самостоятельной науке во второй половине XIX столетия. Тогда изучались с помощью самонаблюдения и эксперимента лишь ощущения, восприятия и произвольные движения. Сама научная психология называлась физиологической и изучала лишь простейшие психологические феномены. Вся дальнейшая история психологии в XX столетии это непрекращающиеся попытки углубить понимание предмета психологии и расширить границы научной психологии. История психологии — история поисков предмета психологии. Как справедливо заметил М. Г. Ярошевский, цитируя автора статьи в «Британской энциклопедии»: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» [Ярошевский, 1996, с.5]. Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же, психическое есть только что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета. По-настоящему фундаментальной наукой психология станет, когда начнет рассматривать психику в ее полном объеме. Для этого придется отказаться от мешающих психологии чужих парадигм (естественнонаучной или гуманистической) и вспомнить о том, что психика - уникальный научный объект и предмет, к постижению которого вряд ли приложимы в полной мере способы познания, выработанные в других науках.

Уместно вспомнить, что про значимость психологии в структуре научного знания в целом говорилось неоднократно. Фридрих Эдуард Бенеке (1798–1854), немецкий психолог и философ, ныне практически забытый, утверждал, что вся философия должна основываться на эмпирической психологии. Близких взглядов придерживался и В.Вундт, полагавший, что психология имеет уникальный предмет – это единственная наука, изучающая непосредственный опыт субъекта, поэтому именно она должна лежать в основе научного знания. Такого рода позиция получила название психологизм. Психологизм в конце XIX столетия был подвергнут резкой критике со стороны, в частности, таких выдающихся представителей психологической науки как Уильям Джемс, Гуго Мюнстерберг, Вильям Штерн. С тех пор многое изменилось: психология выделилась в самостоятельную науку, в значительной степени стала "положительной". Классификации наук в двадцатом столетии составлялись неоднократно. При этом почти все авторы недвусмысленно указывали на особое, центральное положение психологии среди других наук. Многие известные психологи и на новом этапе высказывали мысли о том, что психология в будущем займет ведущее место в структуре человеческого знания, что психология должна явиться основой для наук о духе. Одной из наиболее популярных явилась классификация наук, разработанная отечественным философом и науковедом Б. М. Кедровым (1903-1985). Согласно Кедрову, классификация наук имеет нелинейный характер. Кедров выделяет три группы научных дисциплин: естественные, социальные и философские. Схематически это можно представить в виде треугольника, вершины которого соответствуют естественным (верхняя), социальным (левая) и философским (правая). Психология имеет тесные связи со всеми тремя группами наук, поэтому располагается внутри треугольника.

Несколько по-иному подошел к вопросу об определении места психологии в системе наук выдающийся швейцарский психолог Жан Пиаже (1896-1980). Традиционно вопрос о связи психологии с другими науками рассматривали в аспекте того, что психология может получить от других наук. Такая постановка вопроса была логичной, поскольку психология одна из самых молодых наук ("математика существует уже 25 веков, а психология едва один век!" [Пиаже, 1969, с.128]). В докладе на XVIII

Международном психологическом конгрессе (1966 год, Москва) Пиаже поставил вопрос в ином "направлении": что может дать психология другим наукам?

Ответ Пиаже знаменателен: "Психология занимает центральное место не только как продукт всех других наук, но и как возможный источник объяснения их формирования и развития". Пиаже отмечает, что испытывает чувство гордости по поводу того, что психология занимает ключевую позицию в системе наук. "С одной стороны, психология зависит от всех других наук и видит в психологической жизни результат психохимических, биологических, социальных, лингвистических, экономических и других факторов, которые изучаются всеми науками, занимающимися объектами внешнего мира. Но, с другой стороны, ни одна из этих наук не возможна без логико-математической координации, которая выражает структуру реальности, но овладение которой возможно только через воздействие организма на объекты, и только психология позволяет изучить эту деятельность в ее развитии" [Пиаже, 1969, с.152]. Плодотворное будущее психологии он видит в развертывании междисциплинарных связей.

Как известно, и классификация Пиаже и классификация Кедрова подвергались критике, причем критике подвергались в первую очередь основания классификации и последовательность в их реализации. Обратим внимание на глубокий и проницательный вывод выдающегося швейцарского психолога: «Несколько лет назад, во время одной дружеской беседы в Академии наук в Москве, Кедров сделал глубокое замечание, над которым я очень много размышлял: «У вас есть тенденция психологизировать эпистемологию, тогда как мы склонны, наоборот, эпистемологизировать психологию». Он был прав, подчеркивая эту двойственность тенденций, но я все более и более убеждаюсь в том, что как одна, так и другая тенденция имеют законные основания для существования, и они даже необходимо дополняют друг друга» [Пиаже, 1969, с.154].

Эту мысль - о том, что психология занимает ключевое место среди других наук - Ж.Пиаже сохранил до конца своих дней. В одной из последних своих публикаций он отмечает, что отношения психологии с другими дисциплинами складываются в зависимости от специфики самих

этих дисциплин: "Психология занимает ключевое место в семействе наук, что заключается в том, что она зависит от каждой из этих наук, и, в свою очередь, объясняет их особенными способами" [Piaget, 1979, p.1].

Процесс становления психологии фундаментальной наукой только начинается. Он потребует значительного времени. Напомним, и условий: как говорил Леви-Строс, двадцать первый век будет веком гуманитарных наук, или его не будет. Можно полагать, что если он будет, то будет в первую очередь веком психологии. Пока делаются первые начальные шаги в этом направлении.

Главное - это то, с чего необходимо начинать. Нужно воплотить новую широкую трактовку психического. В частности, в настоящее время уже подготовлен и издан учебник для будущих психологов [Шадриков, Мазилов, 2015]. При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой — независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. Внутренний мир как субстанциональная сущность, характеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, существующее как причина самого себя. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются проблемы, которые решает психология.

В заключение кратко остановимся на том, каковы ближайшие перспективы подхода, при котором конструктивно определен предмет общей психологии:

1. В значительной степени преодолевается двойной функционализм, при котором психические процессы рассматриваются как изолированные друг от друга; в свою очередь процессы рассматриваются обособленно от качеств личности. Как можно полагать, функционализм

психологии, характерный для современной психологии, в значительной мере преодолевается: отдельные функции, и личностные качества находят свое место и гармонично соотносятся в рамках внутреннего мира человека.

2. Известный советский психолог П.Я.Гальперин, как мы помним, видел истоки методологического кризиса психологии в том, что сама психология не смогла преодолеть дуализм: “Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – toto genere – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя” [История.., 1992, с.3]. П.Я. Гальперин полагал, что “с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе” [История.., 1992, с.3]. Диалектическому материализму, как сейчас понятно, тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Описываемый подход, при котором психические явления обретают надежную нейрологическую основу, как представляется, позитивен, поскольку в этом случае, по крайней мере, удается избежать редукционизма и физиологизма.

3. Использование широкой трактовки предмета позволяет сформулировать обобщения, которые, насколько можно сейчас об этом судить, весьма надежной основой для психологической практики [Мазилов, 2007, 2008].

Литература

1. История психологии: период открытого кризиса: Тексты [Текст] / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. 364 с.

2. *Касавин И.Т., Пружинин Б.И*. Философия науки [Текст]/ И.Т.Касавин// Новая философская энциклопедия. Т.4. М., 2010, с.218-220

3. *Киященко Л.П., Моисеев В.И.* Философия

трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН, 2009. 205 с.

4. *Мазилов В.А.* Личность в эпоху социальных трансформаций: психологическая "цена" перемен и проблемы повышения их качества // Психологические новообразования личности в эпоху социальных трансформаций / Отв. редакторы Н.П.Фетискин, А.И. Субетто, Т.И.Миронова. Кострома: КГУ, 2015, с.19-22

5. *Мазилов В.А.* Принцип соизмеримости теорий в психологии [Текст] / В.А.Мазилов // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова. Серия "Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. № 4, том 19, 2013, с. 28-32

6. *Мазилов В.А.* Философия психологии как психологическая дисциплина: страницы истории [Текст] / В.А.Мазилов // Актуальные проблемы психологии развития личности. Сб. научных статей / Под ред. Л.М.Даукши, К.В.Карпинского. Гродно: ГрГУ, 2014, с.212-217

7. *Мазилов В.А.* О философии психологии [Текст] / В.А.Мазилов // Философия и / или новое интегративное знание - 3: Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Под ред. А.В.Азова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013, с. 136-158

8. *Мазилов В.А.* Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы [Текст] / В.А.Мазилов // Психологический журнал, 2015, том 36, № 3, с.87-96

9. *Петренко В. Ф.* Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М. : Канон+, 2008.

10. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук [Текст] / Ж.Пиаже // XVIII Международный психологический конгресс. 4-11 августа 1966 года. М., 1969. 168 с.

11. *Шадриков В.Д., Мазилов В.А.* Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. [Текст] / В.Д.Шадриков, В.А.Мазилов. М.: Юрайт, 2015. 411 с.

12. *Юнг К. Г.* Аналитическая психология. [Текст] / К.Г.Юнг. СПб., 1994. 136 с.

13. Ярошевский М. Г. Наука о поведении. Русский путь. [Текст]/

М.Г.Ярошевский. М. : Институт практической психологии; Воронеж : МОДЭК, 1996

14. *Piaget J.* Psychology and other sciences[Текст] / J.Piaget //Ann. Rev. Psychol., 1979. 30, pp. 1-8

15. *Piaget J.* The epistemology of interdisciplinary relationship // Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. P., 1972. pp. 127-139

– ● –

Mazilov V. A. Fundamental'naja nauka o psihike: 500 let pod imenem Psihologija / V. A. Mazilov // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

– ● –

Abstract. The article analyzes the peculiarities of interpretation of the phenomenon of science in the philosophy of science. It is stated that the philosophy of science as an ideal is taking a natural science. As a result it turns out that the analysis of the science of psychology, which is regarded as a socio-humanitarian discipline, important features are outside the field of attention of researchers. As a result, in psychology data analysis undertaken by the philosophy of science, remain unexploited. at the present time we are witnesses to the fact that philosophy of science has indirect negative impact on the situation in psychological science. Some of the provisions in the philosophy of science, being distributed to science in General, become myths that hamper implementation of positive trends. Note that the harm of myths, loosely based on interpreted findings of the philosophy of science, is the following: it appears that the understanding between the different approaches and schools basically impossible, and it really impedes the implementation of the integration processes in psychological science. Psychology must recognize the fundamental science, indeed, to consolidate power and assert its role in solving social problems.

Keywords: science, philosophy of science, psychology, methodology, fundamental science.

– ● –

Сведения об авторе

Владимир Александрович **Мазилов**, доктор психологических наук, профессор, академик МАПН, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия).

© В. А. Мазилов, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.12.2015.

— ● —

УДК 159.9

THE CONCEPT OF PSYCHOLOGY: A COMMENT ON CORRESPONDENCE CONFERENCE [КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОЛОГИИ: КОММЕНТАРИЙ НА ЗАОЧНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ]

Р. Смит [R.Smith]. Ланкастерский Университет, Великобритания,
e-mail: rogersmith1945@gmail.com

Резюме. Автор представляет обзор ряда основных концепций психологии и определения ее предмета. История психологии имеет большой интерес и ценность, т.к. благодаря ее исследованиям можно понять процесс становления психологии на протяжении многих веков. История психологии – это область споров, обсуждений и дебатов, которую историки должны развивать и организовывать.

Ключевые слова: интеллектуальная история, история психологии, предмет психологии, определение, психология.

There are different conceptions of psychology, but no one concept.

'Psychology' is a family name for a vast range of different activities, from theological debates about the immortality of the soul, to running white rats in mazes in order to study learning, to counselling parents about how a child is developing. Of course, there have been attempts to define psychology as the science of mind, or of behaviour, or of mind and behaviour, or of the psyche, or of the soul, or of consciousness, or of brain functions. These definitions are of historical interest, but so is the fact that there are different conceptions in different times and different cultures. Moreover, the search to define meaning is even more complicated because the word 'psychology' in everyday English denotes the states, or way of being that humans (or animals) have, the subject matter studied as psychology. Thus, for example, we talk about a person's psychology, or about psychological problems, as well as about the knowledge or practice of occupations called psychology. Psychology is certain forms of

existence themselves as well as the study of those forms.

People with the training and activity to qualify as professional (academic or applied) psychologists claim authority to make statements about psychology. Yet, in modern times, ordinary people use the language of psychology to describe themselves, relations with others and their conditions of life (health, well-being and so forth). So, in some social settings psychology is a science, or a profession, while in other settings it is part of the adaptive and expressive repertoire of daily life. This is, I think, a live issue in the current debate about the apparent globalization of psychology. According to one viewpoint, there are indigenous psychologies, growing out of local cultural traditions, from which the world profession can learn, especially in fostering human well-being. According to the opposite viewpoint, the scientific psychology and professional practices of the English-speaking world achieve knowledge and set standards that the rest of the world should follow. There are different concepts of psychology at work in these alternatives.

All these issues are reflected in different conceptualizations of the history of psychology. It is one kind of history to study the background to what now forms the mainstream of professional and scientific psychology. It is another kind of history to study what may be totally different ways of thought (Tibetan psychology, perhaps, or an Orthodox science of the soul) which are said, by some people, to be resources for re-thinking and re-shaping mainstream scientific psychology. It is my view that the history of psychology should include *debate* about such questions. If it does, however, historical work cannot presuppose one concept of psychology, whatever that concept may be. There is no reason to assume a relationship between one word, '*psychologia*', whenever it first came into use, and any particular later concept of psychology. What a word signifies is a subject for historical research.

It may be, though it cannot be confirmed, that the first use of the word '*psychologia*' came in a text, now lost, by Marko Marulic, a Dalmation humanist who wrote in Latin and Croatian in the early sixteenth century. Throughout the sixteenth century and later, there were a range of new words in Latin based on the Greek roots *psyche* and *pneuma*. '*Psychologia*' was one of the words sometimes used, but it had no settled meaning and did not receive any special attention (Vidal 2011, pp. 25-30). Historians debate whether these new words renamed existing fields of knowledge or signified new developments in

scholarship. Fernando Vidal (2011) takes the former position and illustrates ways in which sixteenth-century (and later) interest in the psyche (sometimes but by no means always called *psychologia*) encompassed theological, Aristotelian, Galenic and moral topics (e.g. control of the passions). In contrast, Paul Mengal (2005) argues that in the late sixteenth century, particularly in the universities of Marburg and Leiden, a specific discipline, *psychologia*, developed as an Aristotelian science of the soul. This discipline, Mengal states, treated the soul as a topic for study like other natural things, bringing it under the heading of *physica*, or natural philosophy, in the curriculum and, to some extent, discussing the soul independently of theological interests. Both Vidal and Mengal find here the roots of modern academic psychology; but Mengal describes the emergence of a definite discipline, whereas Vidal emphasises more the range and variety of headings under which sciences (in the plural) of the soul developed. This historical work still leaves for study the way in which early modern science(s) of the soul became modern sciences of the mind. (It is necessary to remember that the words 'soul' and 'mind' have very different connotations in modern English.)

I think this and related work has in recent years transformed our knowledge of the early history of psychology. Other work includes a series of papers by Gary Hatfield (in particular 1995, 1997), who argues that philosophical discussion of topics which modern authors would recognise as belonging to psychology (topics like perception and cognition) in the seventeenth and eighteenth centuries constituted a discipline of psychology long before the second half of the nineteenth century and the contributions of Wundt and his contemporaries. Writing a very different kind of history, Christopher Goodey (2011) examines the roots of reference to intelligence (understood as a mental capacity differing between individual people) in Calvinist debates in the seventeenth century. His argument is that Calvinist theology required people to understand the conditions of God's Grace; and this posed the problem of what to do about those who did not have such a capacity of understanding. His work shifts the focus of the history of psychology towards religious and moral practices. Among professional psychologists, the Canadian social psychologist, Kurt Danziger, has had the largest impact. *Constructing the Subject* (1990) focuses on the early twentieth century and shows how, through laboratory work, scientific psychologists actually constructed what they studied,

that is, the experimental subject. Then, in *Naming the Mind* (1997), Danziger argues for historical study of the development of the categories psychologists use (like emotion, intelligence, personality), while in *Marking the Mind* (2008), he exemplifies his argument with a study of memory from ancient to modern times, showing how references to memory have referenced very different things.

In my own work (Smith 1997, 2008a, 2008b, 2013), I write broadly about the Western development of concepts of human nature, studying the relations between biological, social and humanistic approaches. I try to characterise psychology as a cluster of related, modern approaches to what it is to be a human being. The range of activities called psychology is vast. At one end of the spectrum of opinion, there are materialist neuropsychologists who state that 'we are our brains' and that psychology is therefore the science of brain functions; at the other end of opinion, there are religious psychologists (such as Catholic and Orthodox scholars) who start from the God-given nature of the soul. There are also the many practising psychologists (like counsellors) who work with people but have no systematic philosophical position. And then, in contemporary Western societies, ordinary people have, in a way, become psychologists too, since they think about individual and collective identity, and about personal or social life and their problems, in terms of psychological ideas and realities. I have tried to write the history of this variety for the audience in the humanities disciplines, and among the public, concerned to understand and debate what it is to be a human. I try especially to explain why understanding requires historical knowledge (Smith 2007/2014).

Earlier writers on the history of psychology focused on explaining when and how psychology became a science. This gave the history of psychology a focus. Yet it was not satisfactory because it excluded the history of the way psychology developed as a range of practices related to human well-being. It also excluded discussion of what makes a discipline as science. The Aristotelian science of the soul in sixteenth century Leiden or Marburg was deductive and theoretical; the science of psychology in Leipzig in the late nineteenth century was experimental, but also involved cultural psychology; US behaviourists made psychology a science by observing physical variables like any other natural science; while D. F.-F.-J. Mercier (later Cardinal Mercier), in Louvain or Leuven, supported teaching in experimental psychology as a contribution to Thomist philosophy. Even within single countries, like Russia, there have been very

different views about what makes psychology a science. (For an overview of Russia, Sirotkina and Smith 2012.) In tsarist times, psychology existed both as the science of the soul and as experimental research; in the 1920s there was argument about the Marxist-Leninist nature of the science; then so- called Pavlovian theory dominated public statements about the science of psychology; then Leont'ev defined scientific psychology as activity theory; and so on. M. G. Yaroshevskii, the centenary of whose birth comes this year, led the way in the late Soviet period to bring all this into the history of the field.

What constructive conclusions do I draw from these comments? First, we should value historical work on specific, particular local topics, which should include analysis of concepts as well as stating facts. Statements about psychology in general have limited value. Secondly, historical work has to be collaborative, comparative and international. Thirdly, we can be confident history of psychology has great intellectual interest: it is a field that continuously examines and debates the framework and purposes for which studies of being human, including the range of studies called psychology, are undertaken. Fourthly, the history of psychology is not just 'there', waiting to be described. Historians *select* what they say according to their purpose and audience. Lastly, historians must learn the arts of good writing and communication in order to have an audience and demonstrate the intellectual and cultural interest of what they do.

Danziger, Kurt. (1990) *Constructing the Subject: Historical Origins of Psychological Research*. Cambridge, Cambridge University Press.

Danziger, Kurt. (1997) *Naming the Mind: How Psychology Found Its Language*. London and Thousand Oaks, CA, Sage.

Danziger, Kurt. (2008) *Marking the Mind: A History of Memory*. Cambridge, Cambridge University Press.

Goodey, Christopher F. (2011) *A History of Intelligence and 'Intellectual Disability': The Shaping of Psychology in Early Modern Europe*. Farnham, Surrey UK, Ashgate.

Hatfield, Gary. (1995) 'Remaking the science of mind: psychology as natural science', in C. Fox, R. Porter and R. Wokler, eds., *Inventing Human Science: Eighteenth-Century Domains*. Berkeley, CA, University of California Press, pp. 184-231.

Hatfield, Gary. (1997) 'Wundt and psychology as science: disciplinary transformations', *Perspectives on Science*, vol. 5, pp. 349-382.

Mengal, Paul. (2005) *La Naissance de la psychologie*, Paris, L'Harmattan.

Sirotkina, Irina and Roger Smith. (2012) 'Russian Federation', in David B. Baker, ed., *The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives*. Oxford, Oxford University Press, pp. 212-241. Russian version on-line at: www.rogersmith.ru

Smith, Roger. (1997) *The Fontana [or Norton] History of the Human Sciences*. On-line at: www.rogersmith.ru

Smith, Roger. (2008a) *История психологии*. Moscow, Akademiya.

Smith, Roger. (2008b) *История гуманитарных наукю*. Moscow, Isdatel'skii Dom GY VSE.

Smith, Roger. (2007) *Being Human: Historical Knowledge and the Creation of Human Nature*. Manchester, Manchester University Press, and New York, Columbia University Press; trans. (2014) as *Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы*. Moscow, Канон+, Institute of Philosophy.

Smith, Roger. (2013) *Between Mind and Nature: A History of Psychology*. London, Reaktion Books.

Vidal, Fernando. (2011) *The Sciences of the Soul: The Early Modern Origins of Psychology*. Chicago: University of Chicago Press. (This is a translation of *Les Sciences de l'âme XVIe-XVIIIe siècle*. Paris, Honoré Champion, 2006.).

– ● –

Abstract. The author presents the review of a range of concepts of psychology. The history of psychology has a great interest and value as thanks to it we can understand the process of development of psychology throughout the centuries. The history of psychology is a debate field that historians of science should design and provide.

Keywords: psychology, concept, subject of psychology, history of psychology, intellectual history.

– ● –

Сведения об авторе

Roger **Smith**, PhD, Reader Emeritus in History of Science, Lancaster University, UK; Associate, Institute of Philosophy, Moscow, Russia.

© Roger Smith, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 18.12.2015.

— ● —

К истории проблем

УДК 518.7+159.9

УЧЕНИЕ О ДОМИНАНТЕ А. УХТОМСКОГО. НА СТЫКЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ, РЕЛИГИИ, ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Е. Ю. Зуева. Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Москва, Россия, *e-mail:* ezueva@keldysh.ru
К. Б. Зуев. Институт психологии РАН, Москва, Россия, *e-mail: konstantin.zyev@gmail.com*

Резюме. Статья посвящена наследию выдающегося русского ученого А.А.Ухтомского. Его учение о доминанте принадлежит как физиологии, так и психологии и философии, а также предвосхищает ряд идей кибернетики и синергетики. Нравственная трактовка учения близка к христианству. Автору удается сблизить естественно – научный и религиозный подходы.

Ключевые слова: А. Ухтомский, доминанта, моделирование поведения, категория лица, закон двойника и заслуженного собеседника.

Алексей Алексеевич Ухтомский (1875-1942) был очень цельным, и в то же время на редкость многогранным мыслителем. Он принадлежал к тому поколению, которое еще могло давать таких ученых-универсалов с эрудицией не только в своей узкой области, но и во многих других. В наше время такие почти не встречаются, и по объективным причинам – объем знаний возрос экспоненциально, но и по субъективным – люди реже ставят себе задачи такого масштаба. А.А.Ухтомский с юношеского возраста не может согласиться с противопоставлением религии и науки. «Два пути, две сокровищницы мысли известны мне и современному мне человечеству, в которых оно может черпать ответ на вопросы жизни: первый - путь христианской и святоотеческой философии; второй – в науке, который есть метод по преимуществу. Почему, откуда это роковое разделение путей,

имеющих одну цель впереди себя? Не составляют ли эти два пути по существу одно?»[1,274]. Имея за плечами два образования – военно-инженерное и философское (богословское), Ухтомский поступает на естественный факультет Петербургского университета для изучения физиологии, так как ставит задачу найти "биологически целесообразный момент богопочитания». В Университете Ухтомский становится ассистентом Н.Е.Введенского, ученика Н.М.Сеченова, и изучает процессы возбуждения и торможения в центральной нервной системе. При этом довольно рано Ухтомский открывает для себя, что двигательная реакция организма зависит от его внутреннего состояния не в меньшей степени, чем от пришедшего извне сигнала. Это наблюдение позже ляжет в основу учения о доминанте. Принцип доминанты дает объяснение поведению живых существ. В каждый конкретный момент выполняется некоторый целостный поведенческий акт, для чего нужно объединить и согласовать все силы организма. Временным управляющим центром и является доминанта, использующая энергию любого приходящего сигнала для подкрепления выполняемого действия и подавляющая другие возможные действия. Затем роль доминанты переходит к другому центру для выполнения следующей функциональной задачи. Задача же формируется на основании вновь пришедшей информации и всего прошлого опыта. Этот опыт хранится в виде следов пережитых доминант, как моделей возможных действий. Таким образом, концепция доминанты позволяет рассматривать поведение как активное и целенаправленное. Кроме того, при таком подходе организм рассматривается в своем развитии, а поведенческая реакция зависит от момента времени, которое тем самым становится историческим (необратимым, зависящим от уже произошедших событий).

Доминанта рассматривалась самим автором как всеобщий принцип, сравнимый по универсальности с принципом всемирного тяготения. В наших предыдущих работах [2,3] мы попытались выделить те философские и методологические положения его учения, которые допускают сравнение с идеями кибернетики, а также более позднего научного направления – синергетики. Были выявлены совпадения по важным пунктам:

необратимость времени в жизненном процессе,

наличие двух принципиально различных стадий процесса – детерминированной фазы и фазы неустойчивости (смены доминант),

интеграция в единую систему как объединение ритмических процессов, при этом в детерминированной фазе один из процессов преобладает и подавляет остальные (доминанта),

холизм (целое не равно сумме частей, функционирование части зависит от ее места в целом),

неравновесность процесса (наличие энергетического обмена со средой), и ряд других.

Эти совпадения открывают принципиальную возможность использования принципа доминанты для математического описания и компьютерного моделирования различных аспектов поведения.

Принцип доминанты возник как физиологическая теория. Одновременно он дает основу для объяснения явлений на психологическом уровне. С его помощью можно описать очень многие психологические феномены: память, внимание, восприятие, предметное мышление, мотивации [4]. Этот же подход может использоваться и использовался самим А.Ухтомским для таких прикладных областей, как психология труда, спорта, педагогическая психология. В настоящее время принцип доминанты уже принят и используется многими психологами.

Итак, А.Ухтомским найден физиологический принцип, дающий единый ключ ко многим психологическим явлениям и согласующийся с современным описанием процессов различного рода в синергетике (появившейся на несколько десятилетий позже его работ). Это само по себе замечательный результат. Но сам автор ставил себе сверхзадачу – согласовать естественную науку и христианство. Как это возможно, в каком смысле это может быть удачным? А.Ухтомский исходит из такого представления о человеке, которое не требует специальных мистических объяснений, а согласуется с обычным здравым смыслом. Так, в его учении человек – существо не только биологическое, но и историческое, и социальное, он включен в общественное взаимодействие и в процесс смены поколений, и этим во многом определяются его реакции на внешние вызовы. Кроме того, человек активен, обладает волей, способен к целенаправленной деятельности, относительно свободен, и в меру этой свободы ответственен. И, что очень важно, воспринимает себя целостно.

«Я» не дробится на составляющие, это не мозаичная картинка, а единица. Все это согласуется с концепцией доминанты и может быть интерпретировано на ее основе.

Рассмотрим трактовку А.Ухтомским проблем межличностного взаимодействия. Она близка к христианским взглядам. Автор формулирует два закона – закон Двойника и закон Заслуженного собеседника (фактически это две стороны одной медали). *«Между нами и переживаемой реальностью стоят, прежде всего, наши доминанты, которые ведь преломляют для нас действительность, равно как наши реакции на действительность в чрезвычайной степени. Доминанты создают «предрассУДКи», т.е. те предпосылки мысли, которые эта последняя вносит в работу сама от себя, не отдавая себе в этом отчета. Значительная часть таких предрассУДКов совершенно неизбежна и имеет нормальное рабочее значение».*[1,395] В зависимости от того, как складывались эти «предрассУДКи», какова предыстория возникновения доминант, отношение к встреченному человеку может меняться в очень широком диапазоне. На одном его полюсе – «двойник», неспособность понять другого человека, аутизм, солипсизм. *“Каждый видит в мире и людях то, чего искал и чего заслужил. И каждому мир и люди поворачиваются так, как он того заслужил. Это, можно сказать, “закон заслуженного собеседника». Общий колорит, под которым рисуется нам мир и люди, в чрезвычайной степени определяется тем, каковы наши доминанты и каковы мы сами… Делец, все равно – научный или биржевой, заранее видит в мире и в истории всего лишь специально предоставленную среду для операций sans gene, а людей разделяет в общем на умных, с которыми предстоит бороться, и простачков, которыми предстоит пользоваться. Все это абстракции, предопределенные доминантами, и, как видите, все они более или менее ответственны”*[1,355]. На другом полюсе человеческих отношений – творческая, дающая возможность личного роста любовь. *«С того момента, как человек решится однажды вынести свою установку (свою доминанту) на Собеседника вне и помимо себя, начинается все растущий труд над собой и ради другого, т.е. все больший уход от себя в жизнь для ближнего. Награда, и притом ничем не заменимая, в том, что изобилию жизни и дела конца уже нет»*[1,365].

Из этих законов следует практически-нравственный вывод – человек должен воспитывать в себе «доминанту на лицо другого». *«Самое трудное дело для каждого из нас – это надлежащая и неизбежная реальность Собеседника, - ближайшего человека, к которому направлена всякая наша мысль и слово. Итак – от теории к человеку, к реальному, ближайшему, осязаемому, живому человеку во всей его неожиданности поверх всех наших ожиданий и теоретических предвидений. От двойника к собеседнику!»*[1,412]. Только в выходе из себя к другим людям, к миру человек может найти спасение, избежать нравственного падения, надуманных теорий, солипсизма.

Это учение может интерпретироваться в философских, психологических, христианских терминах. А.Ухтомский предлагает ввести в научное рассмотрение новую философскую категорию – категорию «лица*». «Тем самым вносится в наше мышление совершенно новая категория – «категория лица», которая обыкновенно игнорируется в системах логики, в теории познания и в философских системах, - потому что громадное большинство этих систем написано индивидуалистически мыслившими людьми с самоупором на себя!»*[1,341]. Доминанта на лицо другого - это для А.Ухтомского способ перевести на язык науки категорию христианской любви.

Заметим попутно, что, вводя христианскую любовь непосредственно в научное рассмотрение, А.Ухтомский следует не просто христианской, и даже не просто православной, а именно русской философской традиции. Здесь его предшественниками являются А.С Хомяков и В.С.Соловьев. Это должно быть темой отдельного рассмотрения; насколько нам известно, пока публикаций на эту тему не было.

Также в терминах доминанты А.Ухтомский рассматривает проблему обратного влияния наших решений, нашего поведения на обстоятельства нашей жизни. Это можно видеть в общественных отношениях, в семье, во взаимоотношениях поколений. Тут можно провести аналогии с «семейными сценариями» в психологии, а в христианстве это близко к понятию суда, наказания за грехи. *"Событие не создается, не определяется только что пришедшими факторами, - последние пришли лишь затем, чтобы осуществить и выявить то, что пребывало,*

копилось и определялось в прошлом судимого. Сейчас всего лишь омакается трость осуждения, - пришел суд, подытоживающий то, что было и уже сложилось. Человеку странно и обидно думать, что это не он сейчас решает свою судьбу и что делать. Но, всматриваясь в ход событий, он начинает понимать все яснее, что то, что решается сейчас в его жизни, предрешено в действительности задолго. Ничто прежнее не проходит бесследно. Теперь все прежнее учитывается. Лишь выявляется то, что скрывалось внутри"[1,349]. В каждом нашем слове, поступке, мысли уже заключен суд над нами. Страшнее всего мы осуждаем себя, осуждая других. *"Всякая пребывающая сейчас в тебе тайно мысль — воплотится, осуществится, даст новую реальность! Она даром не пройдет! Оттого уже тайные мысли так ответственны!"*[5,464] А.Ухтомский называет это законом возмездия. Преодолеть «закон возмездия» можно только «законом милосердия».

Отметим важную, на наш взгляд, особенность творчества А.Ухтомского – его «литературность». Как уже отмечалось на этой конференции, «литература – это долгое детство психологии». Это тем более верно для XIX века и начала XX века, когда психология была литературной, а литература - психологической. А.Ухтомский любил и хорошо знал литературу, особенно русскую: Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Салтыкова–Щедрина, Пришвина, Блока, Чехова. Он и сам был великолепным писателем, со своим ярким, образным стилем. Действие принципа доминанты он любил объяснять на литературных примерах, к чему мы сейчас и перейдем. Самыми любимыми его «виртуальными собеседниками» были Толстой и Достоевский.

«Двойник» – название ранней повести Достоевского. Ухтомский рассмотрел ее сквозь призму доминанты, и увидел важные для себя вещи – объяснение того, как наши собственные предрассУДКи и прошлые грехи становятся между нами и миром, нами и другими людьми и мешают адекватному восприятию и полноценному общению.

«Проблема «Двойника» поставлена Достоевским, а мостом к ее пониманию послужила для меня доминанта. В одном собрании посмертных бумаг Достоевского я в свое время с удивлением прочел, что, по собственному убеждению этого писателя, его раннее и столь,

казалось бы, незначительное произведение «Двойник» было попыткою разработать и высказать самое важное, что когда-либо его мучило. Неоднократно и потом, после ссылки, он возвращался к этой теме, и все без удовлетворения. Для читателей «Двойник» остается до сих пор каким-то загадочным, маловнятным литературным явлением! Для меня из доминанты стало раскрываться вот что.

Человек подходит к миру и к людям всегда через посредство своих доминант, своей деятельности. Старинная мысль, что мы пассивно отпечатлеваем на себе реальность, какова она есть, совершенно не соответствует действительности. Наши доминанты, наше поведение стоят между нами и миром, между нашими мыслями и действительностью. Неизбежно получается доминантная абстракция. Целые неисчерпаемые области прекрасной или ужасной реальности данного момента не учитываются нами, если наши доминанты не направлены на них или направлены в другую сторону. Для того, чтоб поступок вообще мог совершиться, мы неизбежно абстрагируемся от целостной реальности, преломляем ее через наши доминанты. Мы можем воспринимать лишь то и тех, к чему и к кому подготовлены наши доминанты, т. е. наше поведение»[1,353].

«Человек видит в мире и в людях предопределенное своею деятельностью, т. е. так или иначе самого себя. И в этом может быть величайшее его наказание! Тут зачатки «аутизма» самодовольных натур; тут же зачатки систематического бреда параноика с его уверенностью, что его кто-то преследует, им все заняты и что он ужасно велик...Так вот, герой Достоевского Господин Голядкин (он же в более позднем произведении — «человек из подполья») и является представителем аутистов, которые не могут освободиться от своего Двойника, куда бы они ни пошли, что бы ни увидели, с кем бы ни говорили. Господин Голядкин не «урод», не «drôle» (смешной). Он может быть даже очень грандиозен, но, во всяком случае, чрезвычайно распространен»[1,354]

«Возмездие» - это тоже название литературного произведения, поэмы Блока. На полях этой книги А.Ухтомский и формулирует свои мысли о том, что мы сами носим в себе свое осуждение, и что часто суд приходит к нам через наших детей, через отношения поколений.

«Возмездие есть, без сомнения, закон бытия, и оно еще гораздо ближе к человеку, чем принимал это Ибсен или Блок. Согласно принципу доминанты, мы видим во встречном человеке преимущественно то, что по поводу встречи с ним поднимается в нас, но не то, что он есть. А то, как мы толкуем себе встречного человека (на свой аршин), предопределяет наше поведение в отношении его, а значит, и его поведение в отношении нас

Иными словами, мы всегда имеем во встречном человеке более или менее заслуженного собеседника. Встреча с человеком вскрывает и делает явным то, что до этого таилось в нас; и получается самый подлинный, самый реальный, объективно закрепляющийся суд над тем, чем мы втайне жили и что из себя втайне представляли»[1,367]…

«По мысли Блока, которой я очень сочувствую, рождающееся поколение является закреплением, осуществлением и воплощением тех задатков и неясных замыслов, которые носились втайне предками и отцами! То, что тогда говорилось втайне, теперь проповедуется с кровли. То, о чем едва думалось, теперь действует в реальной истории на улице»[1,369].

И вот тут в особенности сказывается, куда направлялась жизнь и культура отцов. Была ли эта культура зоологического человека, замкнутого в себе и в своей индивидуалистической слепоте к другому, или культура преодоления себя ради другого. В поколениях подчеркиваются в особенности закон возмездия для одних, закон любви и общественного роста для других! Для слепой смены человеческих поколений дети являются по преимуществу «заслуженными собеседниками» — историческим возмездием для отцов своих. Но они же являются для них усугублением любви и живым осуществлением зачатков будущего мира»[1,370].

Положительный пример самоотверженной любви А.Ухтомский увидел в «Душечке» Чехова. Мы знаем, что примерно также воспринял этот рассказ и Л.Н. Толстой, бывший для А.Ухтомского большим авторитетом.

В одном из писем к своей ученице А.Ухтомский писал:

«Моя покойная тетя, которая меня воспитывала, простая и смиренная старушка, своим примером наглядно дала мне видеть с

детства, как обогащается и оплодотворяется жизнь, если душа открыта всякому человеческому лицу, которое встречается на пути. Постоянная забота о другом, можно сказать, была ее постоянной «установкою». Она была для людей подлинным «лицом» и желанным Собеседником, к которому стекались далекие, малознакомые люди за советом и утешением, потому что она ко всякому человеку относилась как к самодовлеющему «лицу», ожидающему и требующему для себя исключительного внимания. У ней не было жизни без тех, кого она любила и без кого у ней, собственно, и не было жизни. А любила она, можно сказать, всех, кто ей попадался, требуя заботы о себе. Под влиянием живого примера тети, я с детства привыкал относиться с недоверием к разным проповедникам человеколюбивых теорий на словах, говорящих о каком-то «человеке вообще».

И под влиянием того, что я знал мою тетю, я совсем особенным образом воспринял «Душечку» Чехова. Помните, как она расцветала на глазах у всех, если было о ком мучиться и о ком заботиться, и увядала, если в заботах ее более не нуждались? Такая она простая и смиренная, с такой застенчивой полуусмешкой говорит о ней Чехов! А она ведь, серьезно-то говоря, совсем не смешная, как показалось преобладающему множеству чеховских читателей! Она — человеческое лицо, которому открыты другие человеческие лица, — т. е. то, что для «премудрых» закрыто и не имеет к себе ключа! А таких бриллиантиков в действительности многое множество среди нас, среди «бедных людей» Достоевского!»[1,360].

В заключение хочется вернуться к исходному вопросу – не являются ли христианство и наука по существу единым путем, и если да, то в каком смысле? По Ухтомскому, положительная наука добилась больших и быстрорастущих успехов после Коперника, когда сумела выйти за пределы догмы, смогла принять действительность, как она есть. В обществе, отношениях между людьми нужно точно также научиться выходить за пределы своих интересов и догм, ставить реальность выше своих представлений о ней. В одном случае это реальность другого человека, в другом – мира, который для Ухтомского тоже одушевлен и для правильного понимания и суждения о котором требуется, прежде всего, совесть.

«В порядке нарочитого труда следует культивировать и воспитывать доминанту и поведение «по Копернику» – поставив «центр тяготения» вне себя, на другом: это значит устроить и воспитывать свое поведение и деятельность так, чтобы быть готовым в каждый данный момент предпочесть новооткрывающиеся законы мира и самобытные черты и интересы другого ЛИЦА всяким своим интересам и теориям относительно них» [5,250]. *«Для того, кто видит в мире одни лишь только более или менее повторяющиеся вещи и связи между вещами, - истина есть удобная для меня моя собственная абстракция, которая меня успокаивает, удовлетворяет и вооружает для новых побед над вещами. Для тех же, кто однажды учуял в мире лицо, истина есть важнейшая и обязывающая задача жизни, все отодвигающая в истории вперед, драгоценная и любимая, как любимое человеческое лицо, и дающая предвкушать свои решения не абстрактному «рацио», а лишь той собранности и целокупности живых сил человеческого лица, которую мы называем совестью»* [1,320].

Таким образом, поставив выше себя любовь к другому человеку, как и любовь к истине, можно избежать многих противопоставлений и раздвоений и обрести ту глубину постижения, на которой между христианством и наукой нет противоречия.

Литература:

1. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет - СПб.: Питер, 2002.- 448 с.

2. Е.Ю. Зуева, Г.Б. Ефимов. Принцип доминанты Ухтомского как подход к описанию живого. Препринт № 14 ИПМ им. М.В. Келдыша, М., 2010, 31 с.

3. Zueva, Elena Y, Zuev, Konstantin B The Concept of Dominance by A.A. Ukhtomsky and Anticipation //Anticipation: Learning from the Past The Russian/Soviet Contributions to the Science of Anticipation P.13-35 Nadin, Mihai (Ed.), Springer International Publishing, 2015, 520 p., ISNB 978-3-319-19445-5

4. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в. М., 1996

5. Ухтомский А.А.. Интуиция совести. – СПб., 1996. - 528 с..

— ● —

Zueva E. Ju., Zuev K. B. Uchenie o Dominante A.Uhtomskogo. Na styke estestvoznanija, religii, filosofii, psihologii i literatury / E. Ju. Zueva, K. B. Zuev // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4

— ● —

Abstract. The article is devoted to the legacy of the outstanding Russian scientist A. A. Ukhtomsky. His concept of the dominance relates to physiology and psychology, as well as philosophy. This concept anticipates a number of ideas of Cybernetics and Synergetics. The moral interpretation of the doctrine is close to Christianity. The author manages to bring together scientific and religious approaches.

Keywords: A. Ukhtomsky, Dominance, modeling of behavior, the category of the Face of a Person, the Law of the Double and the Deserved Companion.

— ● —

Сведения об авторах

Елена Юрьевна **Зуева**, кандидат физико-математических наук старший научный сотрудник Института прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН (Москва, Россия).

Константин Борисович **Зуев**, Начальник отдела по связям с общественностью Института психологии РАН (Москва, Россия).

© Е. Ю. Зуева, 2015.
© К. Б. Зуев, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 11.12.2015.

— ● —

УДК 159.9.01

ИСТОРИЯ «СУБЪЕКТА» В ЕЕ НЕКОТОРЫХ КЛЮЧЕВЫХ МОМЕНТАХ

И.Н. Карицкий. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: ignikkar@mail.ru

Резюме. Прослежены некоторые этапы формирования философского и психологического понятия субъекта. Более детально рассмотрены словарные значения слова «субъект», трактовка субъекта у Декарта, Канта, С.Л.Рубинштейна, В.А.Лекторского, в некоторых философских и психологических традициях, основные признаки субъекта.

Ключевые слова: понятие, реальность, субъект, объект, сознание, Я, душа.

Понятия, в которых наука мыслит реальность, есть попытка, с одной стороны, выстроить в соответствии с определенными критериями образ реальности или ее фрагмента на уровне мышления, с другой стороны, сформировать систему практических процедур взаимодействия с этой реальностью в плане достижения прагматических целей, в которой понятия играют роль одинаково толкуемых опорных моментов коммуникации. Понятия разными способами соотнесены с реальностью и в определенных отношениях коррелирует с ней, хотя в каких отношениях и в какой степени они соотнесены с реальностью – это всегда остается под вопросом, обычно разрешаемым практически либо в силу относительной успешности человеческих действий, либо в соответствии с неявными конвенциями. При этом существенно, что понятия – это только человеческие представления о реальности, но не сама реальность: как бы нам ни были привычны сами понятия, субъективно почти тождественные реальности по причине постоянного, бесконечно повторяющегося, почти автоматического их отнесения к этой реальности, они только наш образ реальности, которая всегда остается для нас темной, вещью-в-себе. Одним из важнейших понятий-категорий современной философии,

гуманитарной науки в целом и, в частности, психологии является понятие субъекта.

История понятия «субъект» имеет длинную историю от древних греков до Декарта и Канта и от Канта к разнообразию современных трактовок. Попробуем проследить эту истории в некоторых существенных моментах.

До Канта «субъект» трактовался, прежде всего, как логический и грамматический субъект, а также в значении субстанции как производителя и носителя действий и свойств. В логике как часть суждения, которому приписываются определенные предикаты (свойства), аналогично в грамматике – в качестве подлежащего (в обоих этих случаях субъект был языковой реальностью, соотносимой с реальностью мира в виде выделенного в нем фрагмента – объекта). Субъект как носитель свойств и активности, по сути, совпадал с понятием субстанции.

Кант сопоставил структуру суждения со структурой познавательной ситуации, и то, что у Декарта называлось по большей части душой и мышлением, а также разумом, умом, сознанием и Я, объединил под общим понятием субъекта – того, чему принадлежит восприятие и мышление, и противопоставил так понимаемому субъекту объект в форме, прежде всего, восприятия, трактуемого на уровне эмпирического субъекта в качестве объективной реальности, а на уровне трансцендентального субъекта как интенциональное содержание сознание неизвестной природы (как то, что принадлежит самому сознанию, порождается им, или как то, что имеет своей причиной нечто объективное, существующее вне сознания) (Декарт, 1989; 1994; Кант, 1964).

Категории философии «субъект» и «объект», уже как они представлены у Канта, являются всеобщими и парными – поскольку являясь предельными, они определяются одна через другую: в понятии субъекта уже содержится объект, в понятии объекта – субъект. В исходной трактовке этих категорий познавательный акт (правда, не в обычном его эмпирическом значении, а как исходная данность сознания) на одной стороне имеет познающего (субъект), на другой – познаваемое (объект). Этим, по сути, исчерпывается всеобщее содержание данных категорий в их предельно абстрактном выражении: познавательный акт и его крайние стороны, одна из которых инициирует познавательный акт и тем самым в

своей познавательной направленности образует другую сторону. Иными словами, в самом общем и абстрактном виде в познании выделяются только его субъект и его объект, к субъекту сводятся все возможные существа, осуществляющие акт познания, это их предельная вершина обобщения, к объекту – все возможные предметы познания, эта категория – логическая вершина пирамиды обобщения всех этих предметов.

В той или иной философской системе эти предельные категории (субъект и объект) в процессе развертывания получают свое более конкретное содержание и значение, между ними выстраиваются опосредующие звенья (исторически это, правда, выглядит по-другому, но логически это так). Например, субъект наделяется сознанием и отождествляется с ним (поскольку достоверно мы знаем только одно существо, осуществляющее познание на уровне мышления), объект полагается производным от субъекта (в одних системах) или познание рассматривается как обусловленное практической деятельностью (в других системах) и т.д.

Категория «субъект» широко используется в философии, психологии, других науках. В то же время в ее истолковании, прежде всего в российской психологии, не только не существует единого понимания, но отдельные ее трактовки находятся в противоречии между собой и авторы различных теоретических подходов ведут дискуссии в отношении содержания термина «субъект», не всегда плодотворных, поскольку каждый настаивает на своем понимании, но, обычно, избегает детального методологического анализа этого понятия, не выясняет возможности различных допустимых его интерпретаций, не производит их взаимного соотнесения и не анализирует значение этих толкований для тех или иных конкретных исследований.

Это приводит к необходимости начать выяснять содержание слова «субъект» издалека, заглянув для начала в разного рода словари и некоторые работы по проблеме субъекта.

В общих словарях приведено несколько значений слова «субъект», не говоря уже о специализированных словарях и специальных работах, посвященных тем или иным аспектам понятия субъекта (см., напр.: Абульханова-Славская, 1973; Акопов, 2007; Брушлинский, 2008; Знаков, 2005; Карицкий, 2005; 2010; 2011; 2012; Лекторский, 1980; 2001; 2009; 2010;

Любутин, 1981; Микешина, 2002; 2009; Психология.., 2002; Рубинштейн, 1983; 1997; 2002; 2003; Слинин, 2001 и др.).

Словари, как общие, так и специализированные, конечно, не являются главным аргументом в анализе содержания понятий. Но в них, хотя и с некоторым опозданием, отражается сложившаяся языковая картина, статус-кво тех или иных слов, и они представляют основные, относительно широко используемые значения слов.

Так, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (изд. 1991 г., первое изд. – 1949 г.) приведено пять значений слова «субъект»: 1) философское – познающий и действующий человек, которому противопоставлен объект; 2) книжное – человек как носитель каких-нибудь свойств; 3) разговорное – человек вообще, обычно характеризуемый отрицательно (подозрительный субъект, странный субъект); 4) логическое – предмет суждения и 5) грамматическое – семантическая категория со значением производителя действия или носителя состояния (Ожегов, 1991, с. 776). При желании можно обнаружить определенную смысловую общность разных значений этого слова, которая и позволяет использовать его в столь различных ипостасях. Эта общность заключается в моменте основности (быть в основе) и активности, которая приписана субъекту по какому-либо критерию. Такой субъект не обязательно является человеком (логический и грамматический субъект), хотя все значения восходят к одному источнику (древнегреческому и латинскому). В то же время понятно, что из этих пяти значений в философской и психологической литературе в содержательном отношении могут быть использованы только первые два значения слова «субъект» (если отвлечься от логического значения термина «субъект», отвлечься от того, что логика является частью философии, и отвлечься от соотношений между логическими и грамматическими категориями, с одной стороны, и реальностью, с другой). Обратим также внимание на то, что прилагательное «субъектный», согласно этому словарю, существительное «субъект» образует только в 1-м, 4-м и 5-м значениях (там же).

В «Современном толковом словаре русского языка» (2003 г.) добавлены еще два значения, являющиеся производными от первых двух значений слова «субъект» словаря С.И. Ожегова: 6) субъект как лицо или группа лиц, коллектив, организация, выступающие активным деятелем в

каком-либо акте, процессе; 7) субъект как лицо или организация, обладающие определенными правами и обязанностями (юридический термин) (Современный.., 2003, с.807-808). Как видно, первое из этих двух значений также может быть применимо в психологическом смысле.

Если ввести специальные наименования для перечисленных в этих словарях субъектов, то субъект в значении 1) «познающий и действующий человек, которому противопоставлен объект» – это субъект вообще; субъект в значении 2) «носитель свойств» – это субъект присущности (или принадлежности); субъект в значении 3) «человек вообще» – это субъект в обыденном смысле; субъект в значении 4) «предмет суждения» – логический субъект; субъект в значении 5) «семантическая категория со значением производителя действия или носителя состояния» – грамматический субъект; субъект в значении 6) «деятель» – субъект действия (или деятельности); субъект в значении 7) «субъект как лицо или организация, обладающие определенными правами и обязанностями» – юридический субъект. Это различение нам пригодится в дальнейшем.

«Философский энциклопедический словарь» (1989 г.) определяет субъект как носителя предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленный на объект. В качестве объекта выступает фрагмент объективной реальности, данный субъекту в формах его деятельности. В словаре также приведен ряд трактовок понятия субъекта, существовавших в истории философии, но сегодня утративших свое значение (Философский.., 1989, с. 633-634). Следует также отметить, что в настоящее время существует значительное разнообразие философских трактовок понятия субъекта, различающихся теми или иными подходами в развертывании его содержания – марксизм, феноменология, неклассическая философия, постклассика, модернизм, постструктурализм и др. Вместе с тем они сохраняют основную характеристику субъекта как активного момента в связке субъект-объект.

В словарях по психологии имеется схожее понимание субъекта. Словарь «Психология» (1990 г.): субъект – индивид или группа как источник познания и преобразования действительности; носитель активности. Далее отмечается, что эта активность направлена на объект (Психология.., 1990, с. 389). В словаре И.М. Кондакова (2003 г.): субъект – индивид (или социальная группа), реализующий познавательную или

предметно-преобразующую деятельность, направленную на конкретный предмет (Кондаков, 2003, с.348). По мнению Р.С. Немова, в психологии термин «субъект» используется в трех основных значениях: 1) человек как субъект деятельности, проявляющий активность по отношению к окружающему миру (объекту его деятельности); 2) человек как субъект воздействия на другого человека, рассматриваемого как объект воздействия; 3) субъективное (внутренний мир человека) в противоположность объективному (внешнему миру) (Немов, 2003, с. 244). В «Большом психологическом словаре» под редакцией Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко хотя нет словарной статьи «Субъект», но общее понимание субъекта содержится в статье «Деятельность»: «Деятельность – активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий т.о. свои потребности» (Большой.., 2003, с. 135). Таким образом, словари по психологии в целом излагают философскую трактовку субъекта.

Если обратиться к значению «subject» в английском языке, то мы здесь наблюдаем существенные отличия от словарей русского языка, прежде всего, в плане значительно большей многозначности этого слова. Слово «subject» (в форме существительного) в английском языке помимо перечисленных для русского «субъект» (субъект – в философским, логическом, грамматическом и юридическом смысле; думающее, чувствующее существо, рассудок, эго; человек; подлежащее), имеет также значения: предмет, тема, вещь; сюжет, обстоятельство; учебная дисциплина; объект; пациент, подопытный; труп; повод, основание; подданный; субстанция, реальность; музыкальная тема и ряд других. То есть при большом многообразии значений английское «subject» употребляется также в смысле «объект». Но важно то, что в английском «subject» сохраняет значение субъекта как противоположного «object» – объекту в философском смысле, хотя эти слова («subject» и «object») и имеют ряд общих значений: человек, предмет, объект и др. А если посмотреть словарные статьи, в которых даны другие грамматические формы слова «subject» (прилагательное, глагол, наречие) и слова, образованные на основе «subject», то картина семантических значений «subject» оказывается еще более богатой, чем «субъект» в русском языке,

с его 5-7 значениями. Например, такие как: подчиненный; подконтрольный; подверженный; представлять и др. (Новый.., 2001, с. 394-395; Oxford.., 2009).

Аналогично во французском языке, слово «sujet» имеет значения: сюжет; тема, предмет; причина, повод; основание; лицо, субъект, участник; подопытный; пациент; подлежащее; танцор; подданный; девушка и др. (Гак, Ганшина, 2004; Ганшина, 1977, с. 808; Гринева, Громова, 1988, с. 567).

Понятно, что в обоих случаях нас интересуют, прежде всего, философские значения терминов «subject» и «sujet», т.е. «субъект». Собственно психологические значения этих слов в западноевропейских языках отсутствуют, если не иметь в виду использование этих слов в контексте эмпирических исследований и психологических практик в значении «подопытный», «испытуемый», «обследуемый», «исследуемый», «пациент», «клиент».

«Оксфордский словарь» дает такое определение двум философским значениям «subject» (Oxford.., 2009): 1) «a thinking or feeling entity; the conscious mind; the ego, especially as opposed to anything external to the mind» («думающее или чувствующее существо; рассудок; эго, главным образом, что-либо внешнее противоположное уму»), 2) «the central substance or core of a thing as opposed to its attributes» («центральная субстанция или ядро вещи в противоположность ее свойствам»). То есть в первом случае это наш субъект, обладающий чувствами и мышлением, Я, противостоящее внешнему. Во втором случае речь идет о субстанции (основе) или сущности вещи; данное значение «subject» на самом деле в неявном виде присутствует и в первом философском значении этого слова.

В «Оксфордском словаре» также указывается происхождение английского «subject»: «Middle English (in the sense “(person) owing obedience”): from Old French suget, from Latin subjectus “brought under”, past participle of subicere, from sub- “under” + jacere “throw”. Senses relating to philosophy, logic, and grammar are derived ultimately from Aristotle's use of to hupokeimenon meaning “material from which things are made” and “subject of attributes and predicates”» («Среднеанглийский язык (в смысле “(человек), должный повиноваться”): от Старого французского suget, от латинского

subjectus, “лежащий в основе”, причастие прошедшего времени subicere (подчиненный), от sub- “под” + jacere “бросок”. Значения слова, относящиеся к философии, логике и грамматики, ведут происхождение в конечном счете от использования Аристотелем термина “hupokeimenon”, означающего “материал, из которого сделана вещь” и “основа атрибутов и свойств”») (Oxford.., 2009). Эта статья до определенной степени позволяет проследить эволюцию значений слова «subject» в его исторических вариациях от древних греков, через латинский и французский языки к современному английскому, а значит и точнее понять тот смысл, который в него вкладывался и вкладывается.

Для Декарта, явившегося родоначальником субъектно-объектного рассмотрения процесса познания, субъект описывается в следующих положениях: 1) субъект – это характеристика чего-либо (часто субстанции) как производителя, носителя каких-либо действий или свойств, 2) основными простыми (несоставными) субъектами являются три субстанции: Бог, мышление (душа, Я, сознание) и материя (протяженность, тело), 3) мышление (душа, Я, сознание) есть простой субъект, осуществляющий функции мышления такие, как: разуметь, желать, воображать, вспоминать, чувствовать и т.п., 4) «субстанция, представляющая собой непосредственный субъект… протяженности… – именуется телом» (Декарт, 1994, с. 128), 5) существование Я абсолютно достоверно, 6) человек является сложным субъектом, состоящим из души и тела, которые взаимодействуют, 7) субъект (мышление, сознание) противопоставлен объекту, как тому, что познается, 8) субъект (мышление, сознание) проявляет познавательную активность в отношении объекта (см.: Декарт, 1989, с. 172, 177, 269, 306, 408, 423, 462, 464-467, 598-599 и др.; Декарт, 1994, с. 97, 138-139, 145, 197, 212, 240, 265, 290, 300, 306, 310, 312, 319, 459, 571, 581, 586 и др.; Микешина, 2002, с. 123-155).

При этом у самого Декарта мы не найдем активного использования термина «субъект» (не считая его логического значения), он в основном говорит о Я, душе и мышлении, а субъект для него основание (субстанция, то что производит) как мышления, так и протяженности, а также и вообще каких-либо других свойств (атрибутов и акциденций), что указывает, скорее, на средневековые коннотации субъекта, а не его трактовку в Новое время. Противопоставленность субъекта и объекта не понимается как

некого рода противоречие между ними, а только как две крайние стороны познавательного отношения, одной из которых выступает душа, Я, мышление, а другой нечто в качестве объекта. И конечно, обычно о Декарте говорят, как о дуалисте, который полагает, что существуют две независимые субстанции, но сам Декарт говорит еще о Боге как субстанции, в которой находят свое основание две другие – мышление и материя. Надо также иметь в виду, что всякая концепция, тем более оказавшая большое влияние на философский дискурс, и система Декарта здесь не исключение, существует не сама по себе, в своей чистой, изначальной аутентичности, а в том пространстве культурных коннотаций и акцентуаций, которые выявляют и проясняют ее смысл для современников и последующих поколений мыслителей. Поэтому исходное многообразие картезианских философских размышлений, подвергнутое, с одной стороны, культурно-исторической фильтрации, с другой – многообразным интерпретациям, увязываниям в различные системы понятий, а также тривиальной редукции, для нынешнего исследователя, сводится к субъекту, центрируемому в сознании и Я, и интенции сознания, образующей свой объект.

В дальнейшем развитии философской мысли субъект стал трактоваться как человек или его сущность, в основном в аспекте познавательного отношения человека (субъекта) к действительности (объекту) (Дж. Локк, Г. Лейбниц, Дж. Беркли, Д. Юм, И. Кант, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, Л. Фейербах, В. Дильтей, Р. Авенариус, А. Бергсон, Э. Гуссерль, Г. Риккерт, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Э. Мунье, Ж.-П.Сартр и др.) (Гегель, 1975-1977; Гутнер, 2003; Кант, 1964; Кузнецов, 1989; Лекторский, 1980; 2001; 2009; 2010; Любутин, 1981; Микешина, 2002; 2009, с. 5-15; Соловьев, 1901 и др.).

Важной в разработке категории субъекта является работа, выполненная Кантом. Основные моменты его учения о субъекте представлены следующими позициями: 1) субъект – это мышление, чувствование, сознание, душа, Я (Кант обычно употребляет выражение «мыслящий субъект», понимая мышление в широком смысле как сознание), 2) необходимо различать трансцендентальный субъект и эмпирический как два уровня организации (структуры) одного субъекта, 3) трансцендентальный субъект – субъект вообще как основание

априорных форм восприятия и познания, 4) для трансцендентального субъекта мир (объект) есть его представление, 5) эмпирический субъект – конкретный индивид, 6) для эмпирического субъекта мир существует как внешние субъекту объекты (явления), 7) объекты существуют реально, но как вещи-в-себе, для субъекта они существуют в качестве явлений, представлений, обусловленных априорными формами познания трансцендентального субъекта, т.е. как созданные им, 8) субъект проявляет познавательную активность в отношении объекта (см.: Кант, 1964, с. 78, 91, 132-157, 190-209, 213-215, 227, 241, 255-258, 270-303, 317-322, 354-381, 442, 726-729, 743-746 и др.).

Как видим, хотя субъект у Декарта и Канта – это мыслящее существо (обладающее сознанием), и в обоих случаях субъект противопоставлен объекту, активен в отношении его, но у Декарта субъект познает объект, который выступает источником знания, а у Канта источник знания и данности самого объекта зависят от субъекта: субъект производит объект, т.е. их взаимоотношения являются прямо противоположными.

В то же время, необходимо пояснение в отношении той ситуации, в которой были сформированы понятия субъекта и объекта. Исходно понятие субъектно-объектных отношений было введено для анализа специфической проблемы, поставленной в философии: как Я может что-либо знать. И сначала эта проблема даже рассматривалась в других терминах: как мышление (сознание, ум, душа, Я) и его содержание (Декарт), которые лишь затем обрели в рамках этого отношения названия субъекта и объекта. И эта проблема – не вполне проблема познавательного акта в обычной его трактовке (скорее, это даже совсем другая проблема): здесь есть самосущее Я (субъект) и непосредственная данность ему его содержания (объекта). И отношения Я и его содержания могут быть поняты по-разному: объект может быть порожден субъектом (полностью или в каких-то аспектах), они могут быть независимы (полностью или частично), субъект может быть порожден объектом (опять же полностью или частично). Сейчас это рассматривается как сфера трансцендентального сознания: сфера трансцендентального субъекта и интенциональных объектов, имманентных сознанию (по Э. Гуссерлю).

Таким образом, субъектно-объектное отношение – это не просто

познавательное отношение в противоположность практическому, в этом категориальном отношении схватывается сам способ бытия такого сущего как человек в его отношении к другим сущим как известным ему, данным ему. Человек здесь присутствует только как сознание, а эта известность других сущих есть содержание его сознания, но не более того. Он сам в этих отношениях определяется как субъект, а содержание сознания (каким бы оно не было) – как объект. Субъектно-объектное отношение – это универсальное отношение человеческого бытия, кардинальный факт его существования. Он более общ, чем познание или практика, они только частичные и производные случаи этого отношения. Называть это исходное и кардинальное отношение познавательным – не точно.

Естественно, что эмпирические науки, в том числе психология, не могут брать субъект и объект в их полной абстрактности, поскольку объект (человек) и предмет (психика) их исследования – очень конкретны в своем содержании. И более того, с необходимостью находясь в позиции практического реализма и научного материализма, они полагают объективное, внешнее существование реальности и объективное существование самого человека, его организма, т.е. они берут человека во всей его эмпирической полноте. А значит, для них указанная философская проблема не может существовать в ее исходной постановке, а только на фоне уже совсем других имплицитных мировоззренческих установок, как заранее решенная: человек и внешний ему мир. Тогда остается только исследовать взаимоотношения человека и мира, а не сознания и его содержания до какого-либо опыта, до всякого мира и телесного человека.

Философы-эмпирики, как материалисты (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк и др.), так и идеалисты (Дж. Беркли, Д. Юм и др.), исходили из того, что субъектом познания выступает отдельный человек, главной познавательной способностью которого является чувственное познание, направленное на свой объект – природу. «Главная особенность трактовки представителями эмпиризма проблемы субъекта и объекта заключается в том, что они свели данную проблему к гносеологическому отношению чувственного образа и вещи» (Субъект.., 1979). Но материалисты-эмпирики сводили чувственный образ к вещи (по мнению Т. Гоббса и Дж. Локка, все понятия человеческого ума порождены чувственным познанием), а идеалисты-эмпирики сводили вещь к чувственному образу.

Позже указанную линию понимания субъекта и объекта продолжил Л. Фейербах. Фейербах рассматривал субъект как реального целостного человека в единстве его тела и сознания, объектом познания для него была природа, данная в чувственном созерцании. Далее К. Маркс к познавательному отношению субъекта и объекта добавляет практическое (субъект не только познает мир, но и изменяет, преобразует его) и развивает представление о значении общества в детерминации субъекта.

Если обобщить материалистическую линию представлений о субъекте (а психология как конкретная наука по большей части все же имплицитно полагает в своей основе материалистическое представление о реальности), то основные положения в трактовке субъекта выглядят следующим образом. Субъект – это: 1) конкретный телесный индивид, 2) детерминированный биологически и социально, 3) существующий в обществе (его нельзя брать изолированно от общества), 4) носитель социальной деятельности (прежде всего практической, а только потом познавательной), 5) носитель сознания, которое формируется в деятельности (сознание имеет общественный характер), 6) необходимо предполагает объект, на который направлена его практическая и познавательная деятельность.

Материалистическая линия в философии это только одно из ее направлений, а проблема субъекта развивалась в основном в рамках линии субъективного идеализма и феноменологии, поднявших важные проблемы отношения человека к реальности. Поэтому необходимо учесть и некоторые моменты трактовки субъекта в данных подходах. Это связано в основном с сознанием, в котором, собственно, и развертывается драма субъектно-объектных отношений, при этом в ее исходной постановке и относительным характером понятий «субъект» и «объект».

В понимании субъекта в отечественной психологии обычно исходят из его трактовки С.Л. Рубинштейном. При этом опора на тексты Рубинштейна у разных авторов приводит к весьма различным развертываниям этого понятия. Мы предприняли специальный анализ того, в каком значении слово «субъект» используется в трудах Рубинштейна. Понятно, что исходное, общее понимание субъекта у автора состоит в том, что субъектом является живой телесный человек во всем многообразии его социальных связей, внутренней жизни, осуществляющий

практическую и познавательную деятельность, имеющую в качестве своего объекта природный и социальный мир. Этот человек является сознательным существом, его центром выступает Я, самосознание. Неотъемлемой характеристикой субъекта является направленность его активности, деятельности на объект. Это – суть понимания субъекта Рубинштейном, на котором он настаивает, которое в разных версиях повторяет и которое лежит в основе всех других смысловых вариаций этого термина. Но в том или ином контексте в понятии субъекта акцентируется тот или другой его содержательный компонент, что в отрыве от исходной трактовки субъекта Рубинштейном, игнорировании целостного контекста его трудов и в рамках узкого контекста обсуждения какой-то конкретной проблемы естественным образом приводит к какому-то особому пониманию и самого субъекта. Чтобы не быть голословными, приведем примеры и сделаем некоторые комментарии.

Анализ текста и контекста показывает, что С.Л. Рубинштейн в своих работах (1983; 1997; 2002; 2003) использует слово «субъект» в следующих значениях.

1. В философском понимании субъекта как познающего и действующего человека, активность которого направлена на объект познания или преобразования, т.е. как субъект вообще.

Примеры: «Маркс, пользуясь гегелевской терминологией, определяет человеческую деятельность как опредмечивание субъекта, которое вместе с тем есть распредмечивание объекта» (1983). «Образ вещи – результат взаимодействия субъекта с объектом» (1997, с. 221). «На самом же деле объектом познания может стать и субъект, т.е. то реальное сознательное существо (человек), которое в тех или иных актах познания выступает *в качестве*, в функции или *роли субъекта*…» (это положение важно в том отношении, что показывает, что быть человеком и быть субъектом, по Рубинштейну, – это не одно и то же, человек выступает «в качестве субъекта», «в роли субъекта» в определенных ситуациях, в определенных отношениях) (1997, с. 309). «…по мере того как с развитием общественной практики он [человек] становится субъектом в подлинном смысле слова, сознательно выделяющим себя из окружающего и соотносящегося с ним» (2002, с. 19). «Таким образом, единство сознания и деятельности или поведения основывается на единстве сознания и

действительности или бытия, объективное содержание которого опосредует сознание, на единстве субъекта и объекта» (2002, с. 31). «Деятельность человека становится сознательной деятельностью. В ходе ее и формируется и проявляется сознание человека, как отражение независимого от него объекта и отношение к нему субъекта» (2002, с. 173). «Для строения деятельности при этом существенно не только то, что она исходит от субъекта, но также – и никак не в меньшей мере – и то, что она направляется на объект и в самом внутреннем своем содержании обусловлена им» (2002, с. 208). «Поэтому в каждом из изученных нами до сих пор процессов всегда имеется какое-то отношение личности к миру, субъекта к объекту, сознания к предмету» (2002, с. 495). «Сводить всю проблему внимания к структурности чувственного поля – значит в конечном счете отрицать существование субъекта, противопоставляющего себя предметам и активно воздействующего на них» (2002, с. 500). «Значение деятельности в том прежде всего и заключается, что в ней и через нее устанавливается действенная связь между человеком и миром, благодаря которой бытие выступает как реальное единство и взаимопроникновение субъекта и объекта… Вместе с тем в деятельности и через деятельность индивид реализует и утверждает себя как субъект, как личность: как субъект – в своем отношении к объектам, им порожденным, как личность – в своем отношении к другим людям, на которых он в своей деятельности воздействует и с которыми он через нее вступает в контакт» (здесь наличествует различение субъекта и личности, хотя в ряде других мест – см. ниже – личность называется реальным субъектом) (2002, с. 594). «Отношение человека как субъекта к объективной реальности – это исходное, основное отношение для постановки гносеологической проблемы… Единство (диалектика) субъекта и объекта обнаруживается как в практической деятельности человека, так и в познании» (2003, с. 82). «Бытие существует и независимо от субъекта, но *в качестве* объекта оно соотносительно с субъектом» (2003, с. 85). «Познающий субъект – это человек, сущее, наделенное сознанием, расположенное внутри сущего» (2003, с. 288).

Комментарий. Это основное, исходное понимание субъекта Рубинштейном, оно является философским и общим для всей марксистской философии. Там где Рубинштейн преодолевает (развивает)

марксистскую философию и Маркса, он обращается, с одной стороны, к природному началу человека (частично возвращаясь к Л. Фейербаху), с другой – к его личностной составляющей (и здесь на первый план выходят экзистенциальные и персоналистические темы), и расширяет понятие субъекта до субъекта жизни (отказываясь от более узкой трактовки субъекта как субъекта практики (деятельности), познания и сознания).

2. В значении человека как носителя свойств или производителя деятельности, т.е. субъекта присущности.

Примеры: «…принадлежность индивиду, субъекту является первым существенным признаком психического…» (2002, с. 19). «Но всякое действие и всякая деятельность предполагают действующего индивида, субъекта этой деятельности» (2002, с. 210). «Мозг – только *орган* психической деятельности, человек – ее субъект» (2003, с. 47).

Комментарий. Понятно, что в основе лежит философское (марксистское) понимание субъекта, но здесь как бы отсечен объект, он только предполагается, на него направлена деятельность субъекта. Если проигнорировать то, что находится за скобками узкого контекста (ведь нельзя же все время приговаривать: субъект и объект неразделимы), но с необходимостью присутствует в понятии, то субъект здесь превращается в субстанцию, основание для предикатов, в данном случае – только в носитель деятельности.

3. В значении «испытуемый».

Примеры: «При первом способе ориентации иллюзии возникают вследствие незамеченного поворота.., при втором способе – вследствие неверного определения положения данных, воспринимаемых субъектом, пунктов местности к одному из четырех основных компасных направлений» (2002, с. 295). «Все эти отклонения непосредственного переживания длительности как у маниакальных больных, так и у обеих групп депрессивных, обнаруживают по патологическому материалу связь переоценок и недооценок временнóй длительности с эмоциональным отношением субъекта к переживаемому и подтверждает выше отмеченное положение об эмоциональной детерминированности оценок времени» (2002, с. 304). «Исследования… отчетливо вскрыли роль осмысливания в запоминании… вместо механического воспроизведения смежных частей, которое должно было бы иметь место согласно законам ассоциации,

фактически при запоминании и воспроизведении осмысленного текста происходит значительно более сложный процесс смыслового отбора, в результате которого преимущественно закрепляется наиболее существенное для данного субъекта, основной смысловой остов текста» (2002, с. 331). «Ряд исследователей (Г. Мюллер, Ф. Шуман, Т. Смит (Smith)) выяснил, что насильственное подавление ритмизации делало для некоторых субъектов совершенно невозможным запоминание» (2002, с. 334). «Зависимость запоминания от функции или роли, которую тот или иной материал играет в совершаемой субъектом деятельности, обнаружилась единообразно в опытах как П.И. Зинченко, так и А.А. Смирнова» (2002, с. 339). «Собственная речевая формулировка, измененная при первоначальном, у этих испытуемых обычно сначала неточном, воспроизведении, затрудняла затем воспроизведение формы подлинного текста. Происходившая… в перерыве между первоначальным заучиванием и последующим доучиванием дальнейшая работа мысли над содержанием афоризма, которая отливается субъектом в им привнесенную форму, все более разрыхляла связи между содержанием и речевой формой подлинника, вклинивая между ними свои привнесенные формулировки» (2002, с. 351-352). «В специальных опытах некоторые из вышеперечисленных исследователей (К. Ландис, М. Шерман) пытались различными раздражителями вызвать в лабораторных условиях у подопытных субъектов различные эмоциональные состояния, требуя от испытуемых, чтобы они, не будучи осведомлены о том, действию какого раздражителя подвергся наблюдаемый ими субъект, по выражению его лица определили, какую эмоцию он испытывает» (2002, с. 537). «Повышенная внушаемость отличает истерических субъектов» (2002, с. 580).

Комментарий. В приведенных цитатах слово «субъект» можно понимать двояко: как «человек» или как «испытуемый». В первом случае это тогда пример для следующего пункта. Но мы специально выделили этот ряд применений «субъекта», чтобы, с одной стороны, соотнести его с использованием в английском языке «subject» и во французском «sujet» в значении «подопытный», а с другой стороны, показать намечающуюся (но нереализованную) тенденцию и в русском языке употребления в том же значении слова «субъект».

4. Как синоним для слов «человек», «индивид», «лицо» (в значении «человек»).

Примеры: «…в нем [в реальном сознании] существенную роль играет отношение вещей к потребностям и действиям субъекта как общественного индивида и его отношение к окружающему» (1997, с. 310). «Через посредство деятельности субъекта его психика становится познаваема для других» (2002, с. 38). «Но нельзя вместе с тем, с другой стороны, отожествлять деятельность человека в подлинном специфическом смысле этого слова с активностью субъекта вообще» (2002, с. 209). «В ассоциативном процессе связи и отношения, объективно определяющие течение процесса, не осознаются самим субъектом как связи его предметного содержания. Поэтому содержание процесса субъективно в познавательном отношении, и вместе с тем его течение автоматично, независимо от субъекта; субъект не регулирует его течения» (2002, с. 387). «Лишенный воображения ребенок мало доступен воздействию искусства, которое в состоянии оказать исключительно глубокое формирующее влияние на внутреннюю жизнь восприимчивого к нему субъекта» (2002, с. 382). «Наличие проблемной ситуации, с которой начинается мыслительный процесс, всегда направленный на разрешение какой-нибудь задачи, свидетельствует о том, что исходная ситуация дана в представлении субъекта неадекватно, в случайном аспекте, в несущественных связях» (2002, с. 399). «…одно дело, если стимулом для мыслительного процесса служит практическая, действенная ситуация, непосредственная необходимость для субъекта немедленно выйти из затруднения, в котором он оказался; совсем другое дело, когда речь идет о разрешении теоретической проблемы, прямо не связанной с практической ситуацией, в которой в данный момент находится человек» (2002, с. 413). «Выразительное движение из непроизвольной разрядки может стать речью, приобрести значение только в силу того, что субъект замечает то воздействие, которое оно оказывает на других. Ребенок сначала издает крик потому, что он голоден, а затем пользуется им для того, чтобы его накормили» (2002, с. 460). «…одно и то же местоимение “он” или “она” сплошь и рядом в одном и том же предложении относятся к различным субъектам» (2002, с. 483). «Вставшая перед субъектом и принятая им задача, направляя его мысли по единому руслу, сосредоточивает их на

едином предмете; этим и порождается сосредоточенность, которой обычно характеризуют внимание» (2002, с. 497). «В ходе деятельности есть обычно критические точки, в которых определяется благоприятный для субъекта или неблагоприятный для него результат, оборот или исход его деятельности. Человек как сознательное существо более или менее адекватно предвидит приближение этих критических точек» (2002, с. 521). «У маленьких детей и у некоторых взрослых – больших детей – чуть ли не каждое эмоциональное впечатление, не встречая собственно никакой устойчивой организации и иерархии мотивов, никаких барьеров, беспрепятственно иррадиирует и диффузно распространяется, порождая чрезвычайно неустойчивые, переменчивые, капризные настроения, которые быстро сменяют друг друга; и каждый раз субъект легко поддается этой смене настроения, не способный совладать с первым падающим на него впечатлением и как бы локализовать его эмоциональный эффект» (2002, с. 554). «В контексте различных конкретных общественных ситуаций одно и то же действие может приобрести объективно различный общественный смысл. В контексте целей и мотивов действующего субъекта оно приобретает для него тот или иной личностный смысл» (2002, с. 594). «Так, оценка, направленная непосредственно на личность действующего субъекта, действует вообще иначе, чем оценка, направленная лишь на те или иные его действия» (здесь субъект приобретает личность, но в свете других высказываний Рубинштейна именно человек обладает личностью, а не субъект) (2002, с. 626). «Личность, субъект это… конкретный, исторический, живой индивид, включенный в реальные отношения к реальному миру» (2002, с. 740). «Будучи обусловлены внешними воздействиями, психические процессы определяют поведение, опосредствуя зависимость поведения субъекта от объективных условий» (2003, с. 272). «От такого обобщенного, итогового отношения человека к жизни зависит и поведение субъекта в любой ситуации… Таким образом, возникает необходимость создания концепции жизни субъекта, человека…» (2003, с. 367).

Комментарий. В значении «человек», «индивид», «лицо» слово «субъект» употребляется наиболее часто. Во всех этих случаях без всякого ущерба для смысла текста мы можем заменить слово «субъект» словом «человек» или «индивид», иногда «лицо» (они обычно тут же

встречаются как синонимы). Анализ текстов показывает, что в приведенных отрывках в той или иной степени выраженности присутствует и исходная трактовка субъекта как философской категории, иногда достаточно явно, часто почти неразличимо, но все же это слово в данных текстах употреблено именно в значении «человек». Понятно также, что сама исходная трактовка субъекта как человека, позволяет использовать «субъект» и «человек» как неточные синонимы, хотя человек все же гораздо больше, богаче субъекта, субъект только один бледный, абстрактный аспект действительного человека в бесконечности его реальных проявлений.

Далее, можно предполагать, что в период написания анализируемых трудов языковая и культурная ситуация была такова, что слово «субъект» широкой публикой использовалось в значении «человек». Вернемся к статье в словаре С.И. Ожегова (1-е изд. – 1949 г., 2-е – 1952 г., 4-е – 1960 г.): значение 3) «разговорное – человек вообще, обычно характеризуемый отрицательно (подозрительный субъект, странный субъект)». Сейчас слово «субъект» в этом значении малоупотребимо, но в середине XX века было в достаточно широком ходу, что позволило ему войти и в словари (как известно, в словарях фиксируется уже сложившаяся практика использования слов с отсрочкой в 10-20 лет). Значит, в этом случае и Рубинштейном «субъект» легко употреблялся в значении «человек».

Наконец, можно выделить еще один момент (о котором хорошо знают литературные редакторы): чтобы избежать бесконечного повторения одних и тех же слов, которые требуются исходя из содержания текста, но что снижает эстетическое качество текста, и авторы, и редакторы ищут синонимы, которые никогда полностью не совпадают с заменяемым словом (тем более в научном тексте), но что облегчает и улучшает структуру текста для восприятия. Можно предположить, что сознательно или бессознательно чувство стиля также сыграло здесь свою роль.

Можно также сделать еще одно предположение. В перечисленных текстах наблюдается формирование сугубо психологического термина «субъект» в значении «человек как предмет психологического исследования». Это значение, с одной стороны, шире, чем субъект в

качестве подопытного, поскольку включает не только экспериментальные ситуации, но и все психологические исследования, в том числе теоретические, с другой стороны, у́же чем человек, поскольку выделяет в нем психологическую сторону, т.е. берет человека только в его психологическом качестве. Если это предположение верно, то мы тогда наблюдаем в текстах Рубинштейна возникновение важнейшей психологической категории, которой, по сути, лишена и современная психология, но которая могла бы свести воедино, интегрировать психологию человека, поскольку ни психология личности, ни общая психология (учение о психике) этой целостности не достигают.

5. В значении Я, самосознания.

Примеры: «Для этого индивид должен быть в состоянии подняться над своими влечениями и, отвлекаясь от них, осознать самого себя, как “я”, как субъекта…» (2002, с. 566). «Поэтому последний завершающий вопрос, который встает перед нами в плане психологического изучения личности, это вопрос о ее самосознании, о личности как “я”, которое в качестве субъекта сознательно присваивает себе все, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца» (2002, с. 740). «Прежде чем стать субъектом практической и теоретической деятельности, “я” само формируется в ней» (2002, с. 741). «Субъект в специфическом смысле слова (как “Я”) – это субъект сознательной, произвольной деятельности» (2003, с. 273). «“Я” – это не сознание, а человек, субъект как сознательный деятель» (2003, с. 351).

Комментарий. Поскольку субъект как реальный живой человек как-то устроен, то он имеет определенную структуру. Эта структура имеет центр, ядро субъекта и ряд подвижных, изменчивых и многомерных кругов более периферийных областей, вплоть до тех, которые являясь субъектом в смысле того, что они составляют человека, субъектом не являются в том смысле, что он не управляет ими, не сознает их, не подозревает об их существовании. Я может пониматься в разных смыслах, но если не углубляться в проблему, то именно оно является центром субъекта, а значит, несомненно, субъектом. Сам Рубинштейн прослеживает этапы становления человека как субъекта, формирование и развитие Я у него является неотъемлемым моментом этого становления, т.е. яйность

субъекта – его необходимый элемент, он без него не существует. В разных частях своих работ Рубинштейн обращает внимание на разные аспекты человеческой субъектности: где-то он подробно рассматривает взаимоопределение субъекта и объекта в деятельности, где-то развертывает представление о субъекте как живом человеке, в приведенных отрывках акцент сделан на развитии самосознания.

6. В значении «личность».

Примеры: «Становление предметного сознания, в котором субъект противополагается объекту, является по существу не чем иным, как идеальным аспектом становления личности как реального субъекта общественной практики» (2002, с. 36). «В итоге онтогенетического развития в жизнь вступает и в жизни дальше формируется личность – субъект практической и теоретической деятельности» (2002, с. 198). «Поскольку личность бесспорно является субъектом деятельности и сознания, – тем, кто мыслит, чувствует, действует, от кого исходят действия» (в этой цитате присутствуют два момента: а) личность – субъект деятельности и сознания и б) субъект – это тот, «кто мыслит, чувствует, действует, от кого исходят действия»; это позволяет различить у С.Л. Рубинштейна одно из используемых значений слова «субъект» как того, кто действует, и понять, что личность является таким субъектом) (2002, с. 210). «Характер формируется в процессе развития личности как субъекта, активно включающегося в многообразную совокупность общественных отношений» (2002, с. 738). «Первый этап в реальном формировании личности как самостоятельного субъекта, выделяющегося из окружающего, связан с овладением собственным телом, с возникновением произвольных движений» (2002, с. 741). «…соотнесенный с личностью как реальным субъектом» (2003, с. 20). «…вопрос о личности как психологическом субъекте непосредственно связан с соотношением непроизвольных и так называемых произвольных процессов» (2003, с. 273).

Комментарий. Здесь, как и в предыдущем случае, присутствует представление о структуре субъекта. Если Я, самосознание – центр субъекта, то личность, если можно так выразиться, – его центральная периферия.

Таким образом, по существу все приведенные трактовки субъекта у

С.Л. Рубинштейна, несмотря на их видимые различия, сводятся к тому, что субъектом является реальный человек в его многогранной жизнедеятельности, направленной на познание и преобразование мира и самого себя. Когда эта деятельность обращена к самому человеку, то ее непосредственным субъектом является Я. Естественно, человек является субъектом не только познания и практики, как многообразно направленное существо, имеющее развитый внутренний мир, он – субъект сознания, созерцания, жизни и всех иных своих проявлений. Только понятие субъекта (субъекта вообще) остается в логическом отношении наиболее общим и одновременно наиболее бедным по содержанию (предельно абстрактным), вмещающим в себя все частные (более конкретные) субъекты.

В то же время существующие концепции субъекта, разработанные теми или иными авторами с опорой на труды С.Л. Рубинштейна, имеют определенные основания в его произведениях, поскольку высказанные Рубинштейном идеи могут быть развиты в разных направлениях в зависимости от их истолкования и собственных авторских методологических установок.

Одним из ведущих специалистов по проблеме субъекта в России является В.А. Лекторский, посвятивший ряд работ философскому анализу этой категории. Он отмечает: «Субъект… – носитель деятельности, сознания и познания… Большинство представителей классической философии отождествляли субъект с центром сознания, с Я… Проблематика, связанная с пониманием субъекта, была в классической философии по сути дела тождественна проблематике Я… Для современной философии субъект – это прежде всего конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру… Непосредственно внутренне по отношению к индивиду субъект выступает как Я… Субъект является необходимым полюсом субъектно-объектных отношений» (Лекторский, 2010, с. 659–660). «Активность субъекта необходимо предполагает внеположенный ей объект. В противном случае она невозможна, как невозможным становится и сам субъект. Поэтому нередко встречающееся в отечественной философской литературе противопоставление двух типов отношений субъектно-объектных и субъектно-субъектных – в действительности

лишено оснований. Оно основано на неправомерном отождествлении объекта с физической вещью. В действительности объектом может стать все, что существует…» Автор отмечает, что существуют разные типы объектов, и объектом также могут выступать другие люди, собственные состояния сознания и т.п. (Лекторский, 2001, с. 155-158 и др.).

В.А. Лекторский определенно указывает, что субъект: 1) конкретный телесный индивид, 2) носитель деятельности (социальной), 3) носитель сознания, 4) по отношению к индивиду (т.е. себе) выступает как Я, 5) необходимо предполагает объект (не в смысле вещи, а как элемент (полюс) практической или познавательной деятельности). (Следует отметить, что в концепции В.А. Лекторского представлены и другие важные характеристики субъекта, которые нами здесь не отражены: роль языка и культуры в формировании сознание, представление о Другом, коммуникативные связи, структура сознания, индивидуально-биографический компонент и др.) Можно считать перечисленные характеристики субъекта его необходимыми признаками, хотя, конечно, каждый из них должен быть развернут. И понятно, что в той или иной философской или научной концепции не все из этих характеристик могут считаться признаками субъекта. В то же время и С.Л. Рубинштейн и В.А. Лекторский стоят в конце почти четырехсотлетнего дискурса по проблеме субъекта.

Обобщая проанализированные выше философские и иные подходы к трактовке субъекта и беря за основу представление о субъекте как телесном индивиде, его основные признаки в самом общем виде можно представить так. Субъект: 1) конкретный телесный человеческий индивид (существующий в обществе, детерминированный биологически и социально, во всем многообразии своих реальных связей), 2) осуществитель социальной деятельности (прежде всего практической, а только потом познавательной), 3) носитель сознания (но сознание надо брать процессуально; сознание формируется в деятельности и общении, имеет общественный характер, не является исходной данностью, а возникает и развивается), 4) необходимо предполагает объект (на который направлена его практическая и познавательная деятельность, субъект и объект – моменты взаимодействия как его наиболее общие характеристики), 5) имеет определенную структуру (в чем-то общую для

всех людей, в чем-то уникальную, индивидуальную), 6) по отношению к индивиду (т.е. самому себе) выступает как сознание и как Я (ядро сознания и субъектности), 7) является относительным (человеческий индивид является субъектом только в определенных отношениях, а не всегда и везде).

Это тот набор характеристик субъекта, который должен сохраняться пока мы говорим о субъекте, хотя в некоторых направлениях философии первые два пункта будут лишними, а другие несколько видоизмененными. В то же время если говорить о психологии, то это – психологический субъект с его необходимыми признаками. В самой психологии они подлежат дальнейшему уточнению и конкретизации.

Также надо иметь в виду, что так, как эти характеристики (признаки) субъекта представлены здесь, они являются отдельными, формальными моментами той целостности (субъектно-объектное единство), из которой они выделены. Субъект есть целостность, в которой они присутствуют как его существенные и взаимосвязанные моменты. В структуре человеческого индивида как его сущность наличествует сознание, центром которого является Я, сознание формируется, существует и развивается в процессе деятельности, направленной на свой объект. Каждый из элементов этой целостности может быть развернут более детально. В частности, в ходе психологической конкретизации.

Важно также понимать (и это все время подчеркивалось в истории философии), что понятия субъекта и объекта являются относительными в том смысле, что ни за каким человеком (сознанием) свойство быть субъектом не закреплено навечно (человек (сознание) не тождественен субъекту): в субъект данный человек (сознание) превращается в тот момент, когда мы его рассматриваем как агент какого-то сознательного действия, и в тот же момент появляется объект как то, на что направлено это действие. И этим объектом могут быть не только материальные вещи и процессы, но и другие люди, содержание сознания, сам субъект, обращенный к себе. Здесь существенно, что то, что в одном отношении выступает как субъектно-объектное взаимодействие, в другом отношении им не является или является, наоборот, объектно-субъектным (в том смысле, что субъект и объект поменялись местами).

Психологические трактовки субъекта, чтобы в них шла речь все же о

субъекте в его общезначимых характеристиках, должны брать за основу философскую концепцию субъекта (одну из философских концепций, не обязательно материалистическую), иначе при употреблении слова «субъект» за ним будет примысливаться совсем другое содержание, не имеющее отношение к субъекту в традиционном понимании, что будет приводить только к путанице в понятиях.

Философия, используя категорию субъекта (и соотнесенную с ним категорию объекта), решает свои задачи, и эта система парных категорий релевантна ее задачам как науке о всеобщем. Субъектно-объектное отношение схватывает всеобщее содержание практической и познавательной деятельности человека в моментах актуального источника этой деятельности, самой деятельности и предмета, на который эта активность направлена (а также других всеобщих категорий, как это, например, развернуто у Канта или Гегеля). Так понимаемые субъект и объект с необходимостью принадлежат этой деятельности, взаимно обусловлены и вне этого отношения теряют смысл: в частности, не существуют друг без друга. Говорить об объекте – значит предполагать за ним субъект, указывать на субъект – значит иметь в виду его объект (речь, здесь, конечно, не идет о другом значении слова «объект», используемом и в философии, – как «вещи», хотя такого рода аберрация присутствует во многих текстах).

Категории философии, примененные в других сферах и науках, конкретизируют свое содержание, превращаясь из всеобщих понятий в частные. И хотя они сохраняют свое всеобщее содержание как родовые предикаты, они теперь только особенное, выражающее специфичность частной сферы через видовые признаки. То есть субъект и объект частной сферы – это особенный субъект и особенный объект.

Литература:

Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.

Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 43–64.

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. М., 2000.

Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. – Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб., 2003.

Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М., 2008.

Гак В.Н., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lingvopro.abbyyonline.com/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Universal%20(Fr-Ru).

Ганшина К.А. Французско-русский словарь. М., 1977.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. М., 1975–1977.

Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка. М., 1988.

Гутнер Г.Б. Субъект и метод // Методология науки: проблемы и история. М., 2003. С. 47–61.

Декарт Р. Сочинения в двух томах. М. Т. 1. 1989. Т. 2. 1994.

Знаков В.В. Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М., 2005.

Кант И. Соч. в 6 т. Т. 3. М., 1964.

Карицкий И.Н. Понятие субъекта в философии и психологии // ЧФ: Социальный психолог. 2005. № 1 (9). С. 32–39.

Карицкий И.Н. Понятие субъекта и объекта в философии и психологии // Методология и история психологии. 2010. Вып. 1. С. 69-101.

Карицкий И.Н. Структура субъекта психологической практики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2011. Том 5, вып. 1. С.40-49.

Карицкий И.Н. Субъект: от философского содержания понятия к психологическому // Актуальные проблемы психологии личности: сборник научных статей (в 2-х ч.) / под ред. К.В.Карпинского, В.А.Мазилова. Гродно: ИЦ ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. Ч.2. С.23-59.

Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь. СПб., 2003.

Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.

Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

Лекторский В.А. Объект. Я // Энциклопедия эпистемологии и

философии науки. М., 2009. С. 642, 1184–1190.

Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М., 2010. С. 659–660.

Любутин К.Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981.

Микешина Л.А. Философия познания. М., 2002.

Микешина Л.А. Эмпирический субъект и категория жизни // Эпистемология и философия науки. 2009. № 1. С. 5–15.

Немов Р.С. Психология: Словарь-справочник. В 2 ч. Ч. 2. М., 2003.

Новый большой англо-русский словарь. В 3 т. Т. 3 / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. М., 2001.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М., 2002.

Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.

Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 9–25.

Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.

Слинин Я.А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. СПб., 2001.

Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2003.

Соловьев Вл. Кант // Вл. Соловьев. Собр. соч. в X т. Т. X. СПб., 1901.

Субъект и объект как философская проблема / под ред. М.А. Парнюка. Киев, 1979.

Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. М., 1989.

Oxford Dictionaries. 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oxforddictionaries.com/.

— ● —

Karickij I.N. Istorija «sub'ekta» v ee nekotoryh kljuchevyh momentah / I.N. Karickij // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4

— ● —

Abstract. Traced some of the stages of the formation of philosophical and psychological concepts of the subject. Consider dictionary meanings of the word "subject", the interpretation of the subject in Descartes, Kant, S. L. Rubinstein, V. A. lektorsky, in some philosophical and psychological traditions, the main features of the subject.

Keywords: the concept, reality, subject, object, consciousness, I, the soul

.

— ● —

Сведения об авторе

Игорь Николаевич **Карицкий**, кандидат психологических наук, МГУ им. М.В.Ломоносова, лаборатория психологии общения и психосемантики, ст.н.с. (Москва, Россия).

© И.Н. Карицкий, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 04.12.2015.

— ● —

УДК 159.923.2:17.036.2

КАТЕГОРИЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА ЛИЧНОСТИ

О.И. Кононенко. Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина), e-mail: oksana.kroshka@gmail.com

Резюме. Краткое сообщение. Продолжение рассуждения о проблеме перфекционизма, начатое на предыдущей сессии научно-практической конференции «500 лет использования понятия "психология" в литературе, искусстве, науке и практике по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic».

Ключевые слова: психология, личность, перфекционизм, категория диверсификации.

Проблема перфекционизма является актуальной и своевременной для современного психологического знания. В психологической науке исследований в этой области становится все больше, однако они все еще немногочисленны.Изучение перфекционизма в психологии осуществлялись в четыре этапа, а именно: на первом этапе становления представлений о перфекционизм он исследовался как одномерный феномен, включал один параметр - тенденцию личности по установлению чрезмерно высоких стандартов и, как следствие, невозможность испытывать удовлетворение результатами; на втором этапе перфекционизм был определен как особую «сеть когниций», включающий ожидания, интерпретации событий, оценки себя и других; на третьем этапе развития научных представлений о перфекционизм была осуществлена дальнейшая дифференциация данного конструкта, показано, что перфекционизм является сложным феноменом, связанным как с нормальным адаптивным функционированием, так и с дезадаптацией. На четвертом, современном этапе, перфекционизм представлено как многомерный конструкт, имеет сложную структуру и включает, наряду с высокими личными стандартами, ряд когнитивных и интерперсональных параметров.

Основной методологической препятствием на пути к изучению структуры и генезиса перфекционизма выступает отсутствие теоретической модели, в рамках которой возможно совместить разные грани этого феномена в едином континууме, что дает нам возможность использовать понятие диверсификация для создания авторской концепции перфекционизма личности.

Итак, диверсификация - одно из самых заметных явлений современности. Она представляет собой соединение различных явлений, процессов или тенденций, позволяет лучшим образом использовать имеющиеся ресурсы и достигать целей.

Термин диверсификация (лат.Diversicatio- изменение, разнообразие) первоначально использовался в сфере экономики. На уровне государственной политики диверсификация - это расширение возможностей и направлений регулирования в целях обеспечения конкурентных преимуществ национальной экономики на мировом рынке путем создания наиболее благоприятных условий для частного и государственного предпринимательства и развития конкурентной рыночной среды. В зарубежной экономической литературе для характеристики этих процессов используется специальный термин: policidiversiti - разнообразие политики.

В философии понятие «диверсификация» отражает степень разнообразия, означает перераспределение ресурсов, их вложения в новые сферы деятельности, существенно отличаются от первоначальных. Целью диверсификации является достижение устойчивости, уменьшения рисков за счет увеличения разнообразия элементов, создание качественно новых элементов в системе [1].

В социологии процессы диверсификации рассматриваются под углом зрения анализа различных социальных процессов и явлений. Примером могут служить исследования диверсификации современного образа жизни граждан, который характеризуется переходом от унифицированного, советского образа жизни в различных моделям, стратегиям и стилям жизнедеятельности, характеризующий состояние современного общества.

Диверсификация рассматривается как сложное многомерное социально-педагогическое явление, характеризующее современный период развития мировой образовательной системы, связанных с поиском выхода из кризиса образования; с формированием новой образовательной пара-

дигмы, ориентированной не на производство, а на лицо; с повышением степени гибкости образовательной системы, ее способности к быстрой перестройке, учета возросших требований общества к результатам деятельности образовательных систем [4].

Диверсификация как педагогическое явление включает в себя и новые направления в образовательной политике и трансформацию учебных заведений, изменения в содержании образовательных программ, форм и технологий обучения, образовательных услуг [3].

В психологии под диверсификацией можно понимать расширение спектра функций явления и реализацию его путем применения различных механизмов и использования внутренних и внешних возможностей и ресурсов.

Характер феномена перфекционизма личности дает основания нам говорить о его диверсификации. Под диверсификацией перфекционизма мы подразумеваемпротиворечивость и парадоксальность, многомерность и разнообразие данного феномена.

На современном этапе развития научного знания перфекционизм исследуется через анализ различных сторон жизнедеятельности личности: через исследование взаимосвязи перфекционизма со стрессом и стратегиями его преодоления; через изучение мотивационной основы перфекционизма; через связь перфекционизма с различными типологическими измерениями личности; через взаимосвязь перфекционизма и проблем в браке; через связи перфекционизма с суицидальной активностью личности;через связи перфекционизма с родительско-детскими отношениями.

Выделенные нами два вида перфекционизма: глобальный и парциальный, которые отражают степень погружения личности в перфекционистские установки, подтверждают идею о диверсификации перфекционизма, так как каждый из этих видов перфекционизма является сложным, системно организованным психологическим феноменом, и отражает его состав, структуру и функции.

Таким образом, диверсификация перфекционизма рассматривается как противоречивость и парадоксальность, многомерность и разнообразие данного феномена, поскольку перфекционизм - сложный феномен, связанный как с нормальным, так и с невротическим функционированием личности. Диверсификация дает возможность расширить спектр функций

перфекционизма и реализацию его путем применения различных механизмов и использования внутренних и внешних возможностей и ресурсов.

Литература:

1. Брызгалина Е. В. Диверсификация современного философского образования: специализация «Философия образования» //Философское образование (ВестникАФФО). – 2010. –Вып.5 [Электронный ресурс].– URL: http://affo.philos.msu.ru/index.php?id=1036)

2. Возьмитель А. А. Диверсификация образа жизни (Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве)//Мир России. – 2002. – Т. 11. №1. – С. 97–113.

3. Королева А. Г. Социально-педагогические проблемы диверсификации образования взрослых/ А.Г.Королева// Человек и образование. - №2(35) – 2013 . – с. 113- 116.

4. Кудрина Е. Л. Диверсификация высшего профессионального образования в сфере культуры и искусства: автореф. дис. д-ра пед. наук: 13.00.05; 13.00.08. – М., 1999. – 44 с.

5. Рыночная экономика: 200 терминов: сл./ под общ. ред. Г. Я. Кипермана. – М.: Политиздат, 1991.

– ● –

Kononenko O.I. Kategorija diversifikacii v kontekste psihologii perfekcionizma lichnosti / O.I. Kononenko // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4

– ● –

Abstract. In article Short message. The continuation of the discourse about the problem of perfectionism, which began at the previous session of scientific-practical conference "500 years of the use of the term "psychology" in literature, art, science and practice in fact the first mention of this concept in the bibliography of the works of Marko Marulic".

Keywords: psychology, personality, perfectionism, category diversification.

– ● –

Сведения об авторе

Оксана Ивановна **Кононенко** - кандидат психологических наук, доцент, докторант, доцент кафедры дифференциальной и специальной психологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина).

© О. И. Кононенко, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.12.2015.

– ● –

УДК 159.9

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Н. Ю. Стоюхина. *Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, e-mail:* Natast0@rambler.ru

Резюме. С конца XIX в. психология начинает свое самостоятельное существование в науке, завоевывая внимание самых разных специалистов: врачей, юристов, экономистов, педагогов. В начале XX в. в России психология распространяется и в провинцию, в первую очередь, как учебная дисциплина в губернских гимназиях. В Нижнем Новгороде, как во всех провинциальных городах, гимназии были «культурными гнездами» для психологического знания, т.к. именно учительство инициировало и двигало поступательное движение психологии в народ, чему способствовало обучение нижегородских учителей психологии московскими учеными под руководством А.П. Нечаева. В годы советской власти, в 1920-30-е гг., педагогический институт стал очагом распространения психологии, т.к. именно там концентрировались основные психологические кадры. Педологи – сотрудники пединститута занимались вопросами организации и обучения беспризорных, слепых и умственно-отсталых детей. Для психологического сопровождения детей из массовой школы работал научно-исследовательский институт педологии и психотехники.

Ключевые слова: психология, Нижний Новгород, гимназия, преподавание психологии, нижегородские учителя, педология, умственно отсталые дети.

В 1879 г. В. Вундт открыл первую экспериментальную психологическую лабораторию, и психология начала свое самостоятельное существование в науке. Психологическое движение распространилось на все страны, активно привлекая сторонников в лице ученых, педагогов, врачей, юристов, общественных деятелей. Российская психология, став равноправной составляющей мировой психологической науки, испытала на себе влияние всех социально-политических и экономических изменений неспокойной эпохи.

Педагог В. Росинский в 1908 г. писал: «еще не так давно политико-экономические вопросы были главной и чуть ли не единственной пищей для ума нашего интеллигента» (13, с. 562), пока не появился спрос на знания о душевной жизни человека. «Мысль, закупоренная со всех сторон всевозможными “разъяснениями”, “положениями” и “распоряжениями”, направилась на область, независимую пока от попечения свыше — на душевную жизнь человека. Стали интересоваться душою, наследственностью; начали изучать историческое прошлое, грехи наших отцов, за которые Иегова мстит до седьмого колена»(там же).Книжный рынок сразу откликнулся выходом журналов «Спиритуалисты»,«Вестники загробной жизни», «Таинственное» и т. д., где за определенную сумму обещали «решение чуть ли не всех вопросов душевной жизни и обладание чудодейственной, “духовной” силой “внутри нас”»(там же).Другой очевидец происходящего психолог И. Оршанский добавлял: «Эта переоценка духовной индивидуальности и отстаивание особенного чувства дает сильный толчок к самонаблюдению и к анализу других людей, составляет весьма сильный вспомогательный источник современного интереса к психологическим исследованиям и наблюдениям» (11, с. 10).

Завоевав огромное интеллектуальное пространство, ученые-психологи почувствовали настоятельную необходимость в психологическом образовании. 1905 г. стал годом становления психологии как учебного курса: именно тогда психология вводится в программы гимназий, чему немало способствовал громадный научный авторитет и организационная деятельность Г.И. Челпанова (1862-1936) – русского философа, логика и психолога, основателя Психологического института в Москве.

В это же время в Петербурге, в Соляном городке при курсах подготовки воспитателей кадетских корпусов еще одним великим русским ученым-психологом А.П. Нечаевым (1870-1948) была организована первая в России лаборатория экспериментальной педагогической психологии, ставшей центром научных работ по педагогической психологии, чему способствовало открытие педологических курсов со своим печатным органом – «Книжки педагогической психологии». Сплотившиеся вокруг Нечаева педагоги и ученые способствовали проведению в 1906 г. в Санкт-Петербурге Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии (31 мая -4 июня 1906 г.), сыгравшему большую роль в обновлении русской школы, где впервые

обсуждались вопросы преподавания психологии в гимназиях.

Основной задачей школы А.П. Нечаев видел такую подготовку к жизни, чтобы «воспитанник, окончив учебное заведение, мог с наибольшей полнотой развернуть и приложить к деятельности все свои силы, чтобы он испытывал полноту жизни, то есть был бы счастлив» (6, с. 2), поэтому будущую жизнь школьников ученый связывал с получением «такого систематизированного знания, которое помогло бы им критически отнестись к самим себе и к окружающему, которое сделало бы их способными к пониманию явлений и суждений» (6, с. 4).Такие же знания следовало дать и учителям: «только педагог, глубоко понимающий психические запросы учащихся, будет в силах сбросить с себя цепи старых предрассУДКов и вредных традиций» (6, с. 12).

После организации Московским Педагогическим обществом педологических лекций для педагогов народного образования зимой 1906 г., для чтения которых несколько раз приглашались из Петербурга А.П. Нечаев, А.Ф. Лазурский и И.Р. Тарханов, волна психолого-педологического просвещения направилась в провинцию.

Нижний Новгород стал первым провинциальным городом, куда приехали лекторы из Санкт-Петербурга. Мысль об устройстве курсов, знакомивших учителей с современным состоянием знания о человеке как предмете воспитания, возникла у участников I Всероссийского съезда по педагогической психологии (1906) В.В. Мурашева – преподавателя коммерческого училища и представительницы нижегородской интеллигенции, просветительницы М.П. Подсосовой[10], которым удалось заинтересовать деятелей секции гигиены воспитания и образования во главе с уважаемым нижегородским деятелем доктором Н.А. Грациановым[11]. Эта секция и взяла на себя устройство курсов(14). Приехавшие гости с 25 апреля по 4 мая 1907 г. в Нижнем Новгороде читали лекции по следующей программе:

Курс экспериментальной психологии А.Ф. Лазурского (6 лекций). Процесс восприятий. Его анализ. Ассоциация представлений. Ее значение в психической жизни. Понимание. Процесс образования общих представлений. Воображение. Его виды. Наследование личности. Составление

[10] Подсосова М.П. — жена Н.А. Грацианова, близкая знакомая В.Г. Короленко, учительница его дочери.

[11] Грацианов Николай Алексеевич (1855-1913) — нижегородский земской врач, просветитель.

характеристик.

Курс педагогической психологии А.П. Нечаева (4 лекции). Педагогика и педология. Экспериментальная психология и ее значение для школьного дела. Основные типы памяти. Заучивание. Совершенствование памяти.

Курс «О новых методах исследования нервно-психических явлений» В.И. Вартанова (6 лекций). Анатомическая основа рефлекторного акта. Физиологическое значение различных частей рефлекторной дуги. Специфическая энергия. Рефлексы спинного и головного мозга. Рефлексы на мышечную систему и железистые органы. Понятие об условных рефлексах. Значение их в жизни животного. Реакция организма на явления внешнего мира, как фактор приспособления. Новые перспективы изучения функций головного мозга.

Курс «Аномалии нервной и душевной сферы ребенка» Г.И. Россолимо (4 лекции). Заболевание нервной системы у детей и отношение их к воспитанию и обучению. Двигательные расстройства чувствительности. Расстройства кровообращения. Зависимость этих расстройств от психической сферы. Значение наследственности и окружающих условий. Разновидности детских характеров. Отличие детской психики от психики взрослых. Хорошие и дурные характеры. Уклонение со стороны душевных свойств детей. Душевные болезни. Душевные конституции – общие понятия и различные виды ее.

Лекции сопровождались демонстрацией световых картин, психологических аппаратов, опытами над животными (это были собаки из лаборатории профессора И.П. Павлова). Слушателям также были предложены беседы: о составлении характеристик учащихся с демонстрацией коллекций таблиц для исследования индивидуальных особенностей характера и о преподавании психологии в школе; демонстрировалась коллекция психологических аппаратов, предназначенных для опытов при прохождении курса психологии в школе. На практических занятиях, проходивших под руководством А.П. Нечаева, А.Ф. Лазурского и Н.Е. Румянцева, показывали способы измерения психических процессов (восприятия, памяти, воображения, внимания) при помощи различных приборов. Несмотря на праздничные дни (Пасха) на курсах присутствовало до 300 человек, занимавшихся с утра до вечера. Нижегородские педагоги отмечали, что одним научные сведения «открыли новые горизонты в области

педагогики» (14, с. 85), другим – «осветили новым светом повседневные явления многотрудной педагогической деятельности, в которой почти на каждом шагу встречаются сомнения и вопросы» (там же).

Директор учительской семинарии в АрзамасеВ.В. Логинови преподаватель коммерческого училища Н. НовгородаВ.В. Мурашев участвовали в работе II Всероссийского съезда по педагогической психологии, проходившего в Санкт-Петербурге в 1909 г. Множество учителей и педагогов, заинтересовавшись методами экспериментальной психологии и имея возможность пользоваться методиками и приборами, с энтузиазмом «исследовали» психику учеников, против чего на съезде выступил профессор Г.И. Челпанов: «“демократизация” этого метода при помощи плохоньких кабинетов ничего кроме вреда, принести не может, и …все экспериментирования непризванных педагогов будут лишь содействовать накоплению ненужного “психологического хлама” и поведут к дискредитированию преподавания психологии в средней школе» (там же).

С 1910 г. изменились названия психологических съездов, они стали съездами по экспериментальной педагогике. Нам не удалось узнать имена нижегородских участников I и III Всероссийских съездов по экспериментальной педагогике (Санкт-Петербург, 1910 г. и 1916 г.), но на II Всероссийском съезде по экспериментальной педагогике (Санкт-Петербург, 1913) были: Д.В. Акифьов – школьный врач, В.В. Бабкин – преподаватель мужской гимназии, В.П. Вицинский – преподаватель кадетского корпуса, Б.А. Зерчанинов – преподаватель мужской гимназии (Ветлуга), В.В. Кубинцева – начальница епархиального училища, С.Н. Мицкевич – школьный врач.

В Нижнем Новгороде психология была представлена как учебный предмет для старшеклассников; она преподавалась в Нижегородском дворянском институте Императора Александра II[12] и в 1-й мужской гимназии чаще всего преподавателями словесности.

Известный нижегородский литературовед А.Н.Свободов (1884-1950), работавший в Нижегородском педагогическом институте с самого его основания, начинал педагогическую деятельность с должности штатного учителя русского языка и философской пропедевтики[13] в Нижегородском

[12] Среднее учебное заведение для детей потомственных и личных дворян, основанное в Нижнем Новгороде в 1837г.

[13] В курс «философская пропедевтика», по замыслу, должны были войти

дворянском институте после окончания историко-филологического факультета Московского университета в 1910 г. и кратковременной работы в Коломенской мужской гимназии. До его приезда психологию преподавал институтский законоучитель протоиерей Николай Михайлович Архангельский, он же был настоятелем церкви института.

В 1-й мужской гимназии с 1905 по 1912 гг. на должности преподавателя русского языка и словесности работал Борис Васильевич Лавров(15; 16), бывший выпускник историко-филологического факультета Московского университета. В результате своего интереса к психологии и ввиду недостатка учебных пособий был издан его «Курс психологии»(5), о котором рецензент, отмечая самостоятельность и независимость изложения материала в учебнике Лаврова, писал, что автор успешно справился с задачей: «изложить содержание своей науки, чтобы оно было вполне доступно для начинающего и вместе с тем будило в нем интерес и к проблемам философско-психологическим, рассмотрение которых часто совсем устраняется из элементарного учебника» (12, с. 23).

Действительный статский советник И.С. Баранов после окончания историко-филологического факультета того же Московского университета в 1878 г. работал в гимназиях Вязьмы и Орла, воспитателем и инспектором Нижегородского Дворянского института им. Императора Александра II, а с осени 1909 г. стал директором 1-й мужской гимназии. Преподавал русский язык, словесность и философскую пропедевтику[14]. Преподаватель русского языка и словесности в Нижегородской 1-й мужской гимназии, статский советник В.В. Бабкин окончил курс в Императорском историко-филологическом институте (Санкт-Петербург) в 1897 г., где готовили преподавателей русского языка, словесности, истории, географии для гимназий и реальных училищ. После работы в Уфе, Могилеве, он приехал в Нижний Новгород и с июля 1912 г. начал свою учительскую деятельность в 1-й мужской гимназии[15], где также вел курс философской пропедевтики.

Сохранилась очень краткая запись программы курса психологии, читавшейся в 7-м классе: *Понятие о психологии. Методы и источники ее*

философия, психология и логика, но знания по философии не были представлены так целостно, как психология и логика, лишь фрагментарно.

[14]ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 1562. Л. 2об. , 3 об.

[15] ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 1562. Л. 5об.

изучения. Нервная система. Ощущение. Представление. Ассоциации представлений. Внимание. Память. Воображение. Краткое изложение деятельности ума. Отдел о чувствах. Произвольные и непроизвольные движения. Воля.

Психология как учебный предмет в гимназиях преподавалась с 1905 по 1917 гг., но последняя дата условна, так как до 1920 г. Наркомпрос не предлагал учебных планов школам, и имеющиеся рабочие планы значительно отличались.

В психологических знаниях, кроме подростков, нуждались и учителя, которые нуждались в учебно-методической литературе. Назначенный директором народных училищ М.С. Григоревский (1872-?), приехавший в Нижний Новгород из Глухова, издал «Лекции по педагогической психологии, читанные народным учителям», внеся свой вклад в психологическое просвещение нижегородского учительства. Приверженец религиозного воспитания, он видел основу духовного здоровья «отдельных лиц и целых государств». «Лекции…» получились настоящим учебником по педагогической психологии, насыщенные именами авторитетных педагогов и психологов как российских, так и зарубежных. Автор замечал: «Воспитание есть искусство, но развитие этого искусства может идти без всякого плана, механически и с ошибками. Поэтому искусство воспитания нуждается в руководстве со стороны научного знания. Поскольку учитель, воспитатель имеет в виду умственное и нравственное развитие вверенных его попечению детей, он должен опираться на науку о человеческой душе – психологию. Вопрос о важности и необходимости психологических, знаний для педагога в настоящее время не подлежит никакому сомнению» (1, с. 13). Именно психология укажет воспитателю «законы постепенного роста духовных способностей ребенка и дает ему ключ к разгадке его личности», при помощи психологии «можно составить более или менее правильный план воспитательного воздействия применительно к будущим духовным силам живого детского организма», «продумать до конца ход обучения детей» (1, с. 14). Автор понимал, что, изучая психологию, учитель столкнется с трудностями на пути практического применения знаний к вопросам воспитания: «Душевная жизнь крайне сложна, а между тем психологические законы относятся к отдельным элементам, на которые надо разложить душу, чтобы стало возможно приложение этих законов. Здесь от педагога требуется уменье анализировать душевные

явления, дарование и такт, которые имеют мало общего с теоретическими знаниями» (1, с. 16).

На примере Нижнего Новгорода можно увидеть типичную картину становления научной психологии в Российской Империи (17). В губернских городах не было университетов, поэтому психология появлялась там как психологическое знание для целей образования – в семинариях, гимназиях и для учителей. Неизменно очагами психологического просвещения становились гимназии, а носителями – провинциальные учителя.

После 1917 г. в СССР стала активно развиваться практическая область психологии – педология (комплексная наука о ребенке), которая за короткое время обрела множество ярких исследований и имен, обогативших мировую науку – М.Я. Басов, Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, С.С. Моложавый, А.М. Шуберт и др. Рассмотрим деятельность нижегородских педологов на примере одного из направлений – дефектологического, чей вклад в педологическую практику представляется весомым.

В первые годы Советской власти понятие «дефективность» носило широкий характер: физическая и психическая дефективность (слепота, глухота и умственная отсталость), моральная дефективность (нарушение норм поведения в обществе, антисоциальность). Учитывая множество беспризорных детей в стране, можно представить, насколько востребована была деятельность педологов-дефектологов. Большую роль в становлении педологии в работе с дефективными детьми сыграли нижегородские молодые ученые, сотрудники Нижегородского педагогического института Б.И. Орловский и А.Н. Крылов.

Общество «Друг Детей» (Б.И. Орловский – заместитель председателя общества при Нижегородском губоно) начало работать в Нижегородской губернии в конце 1925 г. и за три года увеличило количество своих членов до 4 тысяч. Наиболее успешным мероприятием общества была кампания «Красный цветок» во время первомайской демонстрации 1927 г., когда было продано более 30 тысячи цветов за 1500 рублей, на которые для безнадзорных детей губернии построили свыше 15 детских площадок, обслуживавшие около 500 детей. В Арзамасском уезде за счет общества содержались несколько беспризор-

ных, которые устроили на обучение в сапожную мастерскую; организовывали буфеты в кинотеатрах, дававшие по 200-250 рублей дохода в месяц. В Городецком уезде одна из ячеек общества открыла свой магазин с более 1000 рублей оборота.

Среди множества вопросов работы с беспризорниками, Б. Орловский выделял клубную работу в детском доме, в общей системе педагогических мероприятий детского дома занимавшей одно из главных мест. Для выражения активности, творчества, склонностей и интересов воспитанниками, изучения их педагогами, клубная работа должна: иметь систему отдельных кружков, связанных друг с другом, имеющая четкую организационную структуру и использующую инициативу органов детского самоуправления; учитывать детские интересы при выборе игр, развлечений и клубных занятий, а не организовывать их в зависимости от умений работников; следовало найти «специалистов-клубистов» среди педагогов детдомов и создать обстановку полной непринужденности для участников, добровольного выбора ими занятий, благодаря чему клубная работа превращается в нудные и скучные, подневольные занятия; не подменять клубную работу классными занятиями или подготовкой уроков.

Озабоченный судьбой умственно-отсталых детей, Б.И. Орловский ставит вопрос о расширении количества вспомогательных школ в Нижегородской губернии, т.к. имелось только две подобные школы (150 учащихся) (10, с. 23), в то время как детей, нуждающихся в специальном обучении (по прогнозам), было 13 тысяч. Почему же эти дети так нуждаются в особом внимании общества? «…Среди детей, учащихся в школах, много таких, которые по состоянию своего интеллекта и психика не поддаются образованию в обычных школах. Они отстают от своих товарищей по классу, а учитель, занятый работой с целой школьной группой, не имеет возможности уделять им нужной доли внимания. Эти дети попадают в разряд ‘‘неспособных’’ к учению, по нескольку лет остаются в прежних классах и морально страдают от сознания своей неуспеваемости. …Эти дети нередко отличаются от других особой подвижностью, озорством, нервностью. В результате школа помается, побьется над этими школьниками, – и выбрасывает их за пределы класса. Фактически дети лишаются возможности

получить даже какое-либо образование. …Главное зло заключается в том, что эти ‘‘неспособные’’ дети тормозят работу с остальными учениками, влияя, таким образом, на успешное прохождение школьной программы всего класса» (там же). По мнению Б. Орловского, оставлять без образования таких детей нельзя, т.к. «без специального образовании умственно-дефективных детей большая часть их впоследствии превращается в очень опасный и тяжелый для государства контингент лиц, не могущих самостоятельно зарабатывать кусок хлеба, заполняющих благодаря этому или психолечебные учреждения, или дома инвалидов и даже исправтруддома» (10, с. 24), при этом обучение их в обычной школе «наносит отсталым детям такой вред, который иногда является роковым» (там же). По его мнению, в Нижегородской губернии следует сосредоточится на организации вспомогательных классов при школах I ступени в Нижнем Новгороде, Канавино, Сормово, Арзамасе, Павлово.

Молодой педагог-педолог А.Н. Крылов в том же 1926 г. поддержал своего коллегу: «умственно-отсталый ребенок дает знать о себе: в школьных предметах не успевает, в товарищеской среде уживается плохо, является первым нарушителем школьной дисциплины, имеет слабое развитие общественных навыков и т.д. …не может нормально развиваться в обычном школьном коллективе, тормозит работу его н все больше и больше отстает от своих товарищей, ибо нуждается в ином педагогическом подходе, требует иных методов работы, иной программы занятий, систематического и педагогического наблюдения» (3, с. 33). На основании проведенного исследования тридцати восьми детей по методу Бинэ-Симона, он выявил четырёх умственно-отсталых, отличавшихся от «среднего умственного уровня городских русских детей примерно на 2,-2,5 года» (3, с. 34). Правильность результатов, полученным методом тестирования, А.Н. Крылов подтвердил данными антропометрических измерений, которые свидетельствовали как о часто встречающемся отсталом физическом развитии неуспевающих детей – «они имеют… узкую грудную клетку, недостаточный вес и рост, несимметрическое раз-

витие головы..., что ведет к пониженной сопротивляемости организма» (4, с. 27), так об особых дефектах: близорукости, глухоты, косноязычия, хронического насморка. Одной из причин такого состояния он видел в патологической наследственности, в нарушенной репродуктивной функции их матерей: трудные и частые роды, выкидыши и аборты, искусственное вскармливание, а также в болезнях их родственников: чахотка, сифилис, алкоголизм, ревматизм, припадки, душевные болезни, что усугублялось неблагоприятными условиями жизни (плохое питание, плохое жилище, несоблюдение элементарных санитарно-гигиенических правил взрослыми и т.п.). А.Н. Крылов также говорит о создании вспомогательных школ для неуспевающих детей-дезорганизаторов.

Проблема воспитания и обучения слепых для Нижегородского края тоже была нерешенной и важной: «Нижегородский край по распространению слепоты занимает одно из первых мест в мире» (9, с. 7). Слепых детей насчитывалось не менее 3500 человек и лишь 2 школы слепых, в которых обучались 95 человек детей. Они находились в Н. Новгороде и в Вятке, т.е. в таких городах, где меньше всего слепых, в самих школах почти всегда имеются свободные места, но нет ни одной специальной школы для слепых в автономиях края, нет детсадов для слепых детей, единицы ходят в обычные школы, учатся в нижегородском рабфаке в Нижегородской фабрике-школе.

При такой слабой социализации слепым детям остается лишь семья, как правило, культурно-отсталая, где слепой ребенок обычно рассматривается, как обуза или тяжкое наказание: «на нем срывается обида. Его не понимают, его бьют. В такой семье слепой ребенок нередко используется как нищий, или выбрасывается на улицу как “негодь”, нетрудоспособный элемент» (9, с. 8). Бывает и по-другому, когда слепого ребенка, жалея, «излишне опекают, преувеличивают его беспомощность, окружают удесятеренной заботливостью, его стараются не допускать к зрячим детям. А сама семья безропотно склоняется перед непоправимым

несчастьем и бездействует, считая, что все равно из слепого ничего не получится»(там же).С трудоустройством – тоже проблема: общественное мнение считает, что «у слепого только две дороги – или нищенствовать, или быть музыкантом»(9, с. 9). Даже те, кто закончили школу и прошли неплохую производственную выучку в учебных мастерских, часто не могут устроиться на работу.

Б.И. Орловский считал, что обучение слепых детей должно производиться по тем же методам, как и обучение зрячих; учить и воспитывать их нужно вместе со зрячими, организовывая помощь и сотрудничество; слепые дети должны получать дошкольное воспитание и учиться в начальных школах; они могут поступать в школы колхозной молодежи (ШКМ), в школы фабрично-заводской семилетки (ФЗС), в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), в техникумы, в ВУЗы. По мнению Орловского, отличие воспитания и обучения слепого от зрячего в том, чтобы учить слепых азбуке и чтению, помогая овладевать азбукой Брайля, пользоваться особыми букварями, задачниками, пособиями, книгами, специальными библиотеками для слепых. Орловский призвал встать на путь организации помощи слепому со стороны всей массы учащихся, организовать своеобразное шефство зрячих школьников над слепыми, привлекая учком, детские комиссии, пионеротряд, комсод, группы родителей и производство, связанное со школой.

Б.И. Орловский также писал о видах помощи умственно отсталым детям (7), не отрицая роли тяжелой наследственности, но все же с уверенностью утверждая, «что основной корень причин заключается не в наследственности, а в тех неблагоприятных социальных условиях, в которых рождается и развивается ребенок»(7, с. 10), для них важен правильный уход, предупреждение различных заболеваний и создание для них нормальной воспитательной обстановки. Умственно-отсталых детей нужно учить во вспомогательных школах, также готовить кадры строителей социализма, коммунистически воспитывать с помощью методов, основанных на марксистско-ленинской установке. Важнейшим моментом вспомогательного обучения является труд, который обязательно должен быть производительным: «работая у станка или в мастерской своей школы, они должны в итоге настолько овладеть трудовыми навыками и умением, чтобы самостоятельно изготовлять

предметы, годные для употребления. Работая на заводе или в колхозе, они не должны ограничиваться только простой работой на станках или на поле. Нет, они должны активно участвовать во всех сторонах заводской и колхозной жизни, бороться за промфинплан, вести общественную и культурно-бытовую работу»(7, с. 20).

В 1932 г. в городе был создан отдел трудного детства при открывшемся Горьковском научно-исследовательском институте педологии и психотехники, чьи сотрудники выступали в периодической печати в качестве консультантов, отвечали на различные вопросычитателей о трудных детях: кто такие дети-логопаты; как быть с детьми, пишущими «зеркально»; куда отправить систематически ворующего ребенка(8); как работать с социогенно-трудными детьми в нормальной школе; каких детей можно направлять во вспомогательные школы и как; считается ли умственно-отсталый ребенок трудновоспитуемым; куда направлять учащихся с резкими проявлениями нервности и др. Важной задачей педологов было подбор и рекомендации литературы по различным проблемам педологии для специалистов.

В марте 1933 г. НИИ педологии и психотехники объединили с Горьковским институтом политехнической школы, и педологическая секция трудного детства превратилась в краевую педологическую лабораторию, состоящую из научного сотрудника и двух педологов под общим руководством профессора Горьковского педагогического института С.М. Василейского (18). Самой частой причиной обращения в консультацию была неуспеваемость в учебе, подозрение на умственную усталость, «излишняя шаловливость, дезорганизующая поведение в школе», «значительная социальная запущенность, правонарушения», «нервозность, болезненное состояние», «дефекты речи» (2, с. 138). Педологи опрашивали родителей, ребенка, беседовали с педагогом, обследовали ребенка по 2-3 тестовым методикам. Порой требовалась консультация детского психоневролога, отоларинголога или другого врача.

Большой вклад в педологические исследования внесли врачи-психиатры, работавшие в Горьковском краевом психоневрологическом институте (директор – профессор Я.Г. Ильон). Так, сотрудница института В.Ю. Толкачевская участвовала в диспансеризации трудных детей – дезорганизаторов, отметив их слабое соматическое и нервно-психическое здоровье(19). К эндогенным факторам биосоциального фонда этой группы детей она отнесла отягощенную наследственность различного рода заболеваниями. Но «наследственность это не нечто фатальное, – пишет автор,– …конституция не есть нечто абсолютно неизменное и во многих случаях с возрастом она изменяется под влиянием образа жизни, питания и других факторов. …заложенные в зародышевой плазме предрасположения обусловливают лишь тенденции организма, которые реализуются в признаки лишь при посредстве внешней среды» (19, с. 328). Она рекомендовала оживить, рационализировать учебно-воспитательную работу с ними. Важно, что врач-психиатр указывает на необходимость педологического анализа каждого ребенка-дезорганизатора в отдельности: «борьба с дезорганизаторством должна идти по линии педологизациипедпроцесса, по пути укрепления здоровья детей, оздоровления труда и быта детей, развертывания дифференцированных учреждений для соматически неустойчивых детей… и по пути ознакомления широких масс с основами психопедологии и психогигиены – все это будет способствовать созданию поколения полноценных, здоровых, сильных и бодрых строителей новой жизни» (19, с. 329).

Нижегородские психологи распространяли и пропагандировали достижения науки психологии, формировали ее образ, позиционируя себя как активную часть психологического сообщества, сложного по структуре, с нечеткими границами (из-за перемещений из столицы на периферию и обратно), объединенного внутренними профессиональными связями. Знакомясь с биографическим и научным историко-психологическим материалом провинции на примере Нижегородской области, возвращая незаслуженно забытые имена психологов, живших в губернских и областных городах, мы разрушаем образ российской провинции как второстепенной составляющей российской науки.

Литература:

1. Григоревский М.С. Лекции по педагогической психологии, читанные народным учителям. – Н. Новгород: Издание Нижегородского Губернского Земства, 1914. – 266 с.

2. Косолапов В.А. Из опыта работы педологической консультации: при Горьковской педологической лаборатории // Горьковский просвещенец. 1934. № 11-12. С. 138-140.

3. Крылов А. О работе с умственно-отсталыми детьми (В порядке обсуждения) // Школа и жизнь. 1926. № 8-9. С. 33-35.

4. Крылов А. Физическое развитие неуспевающих детей и их прошлое // Школа и жизнь. 1928. № 10. С. 26-31.

5. Лавров Б.В. Курс психологии (для гимназий и самообразования). – Н. Новгород, 1912.

6. Нечаев А.П.К вопросу о реформе нашей школы // Педагогический сборник. 1906. № 7. С. 1-12.

7. Орловский Б.И. Как воспитывать умственно отсталых детей. Нижний Новгород: Нижегородское краевое издательство, 1931. – 32 с.

8. Орловский Б. Консультация по вопросам воспитания трудных детей // В помощь учителю. Методический бюллетень Горьковского крайоно. 1933. № 5. С. 29-30.

9. Орловский Б.И. Слепые дети Нижегородского края. Нижний Новгород: Нижегородское краевое издательство, 1931. – 24 с.

10. Орловский Б. Умственно-отсталые дети (В порядке обсуждения) // Школа и жизнь. 1926. № 2. С. 23-27.

11. Оршанский И. Современное психологическое движение// Русская мысль. 1899. Кн. II.С. 1-21.

12. Поспелов Н. Курс психологии (учебник для гимназий и самообразования)// Вестник воспитания. 1912. № 7. С. 23-24.

13. Росинский В. Психология в России // Вестник знания. 1908. № 4. С. 562-566.

14. Румянцев Н.Е. Педологические курсы в Нижнем Новгороде // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1907. Вып. 2. С. 82-85.

15. Стоюхина Н.Ю. Б.В. Лавров – нижегородский педагог и психолог

// Нижегородское образование. 2009.№ 2. С. 194-198.

16. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи педагоги в Нижегородском университете (1918-1921 гг.). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2013. –307 с.

17. Стоюхина Н.Ю.Психологическое образование в Нижнем Новгороде в начале XX в. // Нижегородское образование. 2013. № 3. С. 232-238.

18. Стоюхина Н.Ю.Судьба и научное творчество Серафима Михайловича Василейского // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 2. С. 115-131.

19. Толкачевская В.Ю. Опыт анализа личности детей-дезорганизаторов в школе / Вопросы нервно-психического оздоровления населения. Под ред. проф. Я.Г. Ильона. Горький, 1935. – 470 с.

– ● –

Stojuhina N.Ju. Iz istorii stanovlenija psihologii v Nizhnem Novgorode / N.Ju. Stojuhina // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4.

– ● –

Abstract. Since the end of XIX century psychology began its independent existence in the science gaining the attention of a variety of professionals: doctors, lawyers, economists, and educators. In the beginning of XX century in Russia the psychology appeared in the province primarily as an academic discipline in provincial regional gymnasiums. In Nizhny Novgorod like in all provincial towns the gymnasiums were «cultural nests» for psychological knowledge, as particularly the educators initiated and promoted the psychology to popularity and the psychology teaching of Nizhny Novgorod teachers by Moscow scientists under the leadership of A.P. Nechayev developed it. During the Soviet era, in 1920-30-ies Pedagogical Institute became a focus of dissemination of psychology, as the basic psychological staff concentrated there. Paedologists, Pedagogical Institute staff engaged the organization and training of homeless, blind and mentally retarded children. Research Institute of Paedology and Psychotechnics carried the psychological support for children

from mass schools.

Keywords: Psychology, Nizhny Novgorod, gymnasium, teaching of psychology, Nizhny Novgorod teacher, Pedology, mentally retarded children.

– ● –

Сведения об авторе

Наталья Юрьевна **Стоюхина**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

© Н. Ю. Стоюхина, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 25.11.2015.

– ● –

К истории методов

УДК 159.9+615.851

ОТ ИНСТРУМЕНТА К ЛИЧНОСТИ

Е. Г. Андреева, ГБОУ Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции Адмиралтейского района, (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: elenagennand@gmail.com

Резюме. Дискуссионная статья психолога-практика о нерешенных аспектах современной практической психологии образования. В статье обсуждаются вопросы теории и истории психологии, а также о месте психологической коррекции и психотерапии в работе психолога. Многие тезисы данного сообщения представляются спорными, но именно в этом и ценность данного материала.

Ключевые слова: психология, история психологии, практика психологии, психотерапия.

«Психическое», как и сама психика возникла параллельно с возникновением и развитием существ, обладающих ей. Хотя история психологического знания насчитывает более 2000 лет, на протяжении которых она развивалась в рамках философии и естествознания, начало превращения психологии в самостоятельную науку отстоит от нашего времени всего на 250 лет. Именно тогда, немецкий ученый Христиан Вольф (1679-1754), опубликовал книги «Рациональная психология (1732), и «Экспериментальная психология» (1734), в которых он впервые использовал термин «психология», что и создало предпосылки к переводу психологического знания в научное русло.

За годы накопилось огромное количество направлений и подходов, состоящих из техник и методик, используемых в психологии как в науке, и психотерапии, как в прикладной сфере психологического знания. В целом, сегодня психология чаще служит для целей психотерапии, т.е. врачевания души и все они с их методиками и психотехниками призваны служить одной и той же цели.

Вот краткий перечень ведущих современных направлений:

1. Психоанализ и психоаналитическая психотерапия

Важнейшие направления психоаналитического «семейства»: классический психоанализ, аналитическая психотерапия (юнгианский анализ), индивидуальная психология (адлерианский анализ), психодрама, гипноанализ, символдрама (кататимное переживание образов, кататимно-имагинативная психотерапия по Х. Лёйнеру), транзактный анализ.

2. Поведенческая и когнитивно-поведенческая психотерапия

Важнейшие направления поведенческого «семейства»: условно-рефлекторная терапия, бихевиоральная терапия, когнитивная терапия, рационально-эмоционально-поведенческая психотерапия.

3. Экзистенциально-гуманистическая психотерапия

Важнейшие направления гуманистического «семейства»: Dasein-анализ (экзистенциальный психоанализ по Бинсвангеру), логотерапия (экзистенциальный анализ по Франклу), клиент-центрированное консультирование по К. Роджерсу.

4. Синтетические и эклектические направления в психотерапии

а) Собственно эклектическая психотерапия;

б) Нейролингвистическое программирование (НЛП);

в) Гештальт-терапия;

г) Трансперсональная психология.

Это далеко не полный перечень. Он стремительно расширяется за счет все новых и новых вариаций и модификаций, введения новых названий и попыток создания новых направлений на стыках направлений и дисциплин. Даже беглое рассмотрение их создает ощущение хаотичности, мозаичности, раздробленности.

Таблица. Сравнительный обзор методов психологического лечения (Karasu T. B., 1979).

Основные тематические параметры	**Динамический подход**	**Поведенческий подход**	**Феноменологический подход**
Природа человека	Движется сексуальными и агрессивными инстинктами	Продукт социального научения и обусловливания; ведет себя на	Имеет свободную волю и способность к самоопреде-

		основании прошлого опыта	лению и самоактуализации
Основная проблема	Сексуальное подавление	Тревога	Психическое отчуждение
Концепция патологии	Конфликты в сфере инстинктов: бессознательные ранние либидонозные влечения	Приобретенные стереотипы поведения	Экзистенциальное отчуждение: утрата возможностей, расщепление «я», рассогласование между мыслями, чувствами и поведением (потеря аутентичности)
Концепция здоровья	Разрешение интрапсихических конфликтов: победа «эго» над «ид», т. е. сила «эго»	Устранение симптомов: отсутствие специфического симптома или снижение тревоги	Актуализация личностного потенциала: рост «я», аутентичность и спонтанность.
Вид изменения	Глубинный инсайт: понимание раннего прошлого	Прямое научение: поведение в текущем настоящем, т. е. действие, или действие в воображении	Непосредственное переживание: ощущение или чувство в данный момент
Временной подход и "фокус"	Исторический: субъективное прошлое	Неисторический: объективное настоящее	Отсутствие историзма: феноменологический момент («здесь-и-сейчас»)
Задачи тера-	Понять бессозна-	Программировать,	Взаимодейст-

певта	тельное психическое содержание и его историческое, скрытое значение	подкреплять, подавлять или формировать специфические поведенческие реакции для устранения тревоги	вовать в атмосфере взаимного принятия, способствующей самовыражению (от физического до духовного)
Основные техники	Интерпретация. Материал: свободные ассоциации, сновидения, обыденное поведение, перенос и сопротивление	Обусловливание: систематическая десенситизация, позитивное и негативное подкрепление, моделирование	«Энкаунтер» («встреча»): равное участие в диалоге, эксперименты или игры, драматизация или разыгрывание чувств
Роль терапевта	Нейтральная. Помогает пациенту исследовать значение свободных ассоциаций и другого материала из бессознательного	Учитель (тренер). Помогает пациенту заменять дезадаптивное поведение на адаптивное. Активный, ориентированный на действия	Фасилитатор (ускоритель) роста личности
Характер связи между терапевтом и пациентом	Трансферентная и первостепенная для лечения: нереальные взаимоотношения	Реальная, но второстепенная для лечения: взаимоотношения отсутствуют	Реальная и первостепенная для лечения: реальные взаимоотношения

Лечебная модель	Медицинская: врач - пациент. Авторитарная. Терапевтический союз	Образовательная: преподаватель - ученик. Авторитарная. Учебный союз	Экзистенциальная: общение двух равных людей. Эгалитарная (равноправная). Человеческий союз.

Рассматривая направления, не может не сложиться впечатления, что в подавляющем своем большинстве, они не рассматривают Человека, как целостное существо, включая Душу, понятие о которой лежит в основе деятельности с приставной «пси», а всего лишь работают с запросами на снятие отдельных симптомов, вне их связи с Человеком и его жизнью.

Современные специалисты в этом разнообразии методов, принципов подходов различных школ, выбирают их «на вкус», по личным предпочтениям: кому и что больше подходит или «нравится», что лучше продается или более востребовано обществом. В профессиональном сообществе принято придерживаться определенной школы или заявленной парадигмы. Считается, что так достигается некое качество в работе.

Рыночные отношения не могут не определять актуальный для общества набор методов и психотерапий. Они же определяют запрос клиента и предложения специалистов. Как правило, они вместе выбирают направления, которые являются модными, которые предлагают активнее, агрессивнее и настойчивей, которые рекомендуют «авторитеты», о которых громче всего говорят и пишут.

Рекламисты продают свои продукты. Так, к примеру, широко разрекламированный «волшебный, чудодейственный» метод системных семейных расстановок по Хелингеру, «продают» клиентам как панацею «от всего». НЛП – метод стал очень популярным, т.к. о нем сложилось мнение, что он настолько прост и доступен, что только ленивый не освоит и не использует его в своих, сугубо прикладных и сиюминутных целях.

Сами по себе методы – не хорошие и не плохие. Это инструмент. Как нож. Можно и хлеб нарезать, а можно и человека зарезать. Разница в точке приложения его к живой психике. Основа всего по-прежнему остает-

ся личность того, кто берет инструмент в руки. Личная этичность специалиста с приставкой «пси», взявшегося работать с Человеком. Это первоочередное профессиональное качество. Тот, кто взялся работать с душой, обязан быть носителем и транслятором определенного набора духовных ценностей. Об этом говорят тихо, не часто, немного и с опаской, что небезосновательно.

В «толерантном» обществе принято к любому отклонению от нормы относиться терпимо. В психотерапевтическом сообществе терпимость достигает зачастую колоссальных масштабов. Активно стираются границы нормы и патологии, наступает дезориентация. Эта тенденция рискует привести к тому, что нормальное здоровое восприятие мира может быть вывернуто наизнанку. То, что принято считать «добром» окажется «злом» и наоборот. Мысль о том, что многие современные идеи не что иное, как «*христианские истины, сошедшие с ума*», принадлежит английскому писателю и журналисту Г. К. Честертону (1874—1936) современна и актуальна как никогда. Это деструктивная позиция для человеческой психики, которая стремится к установлению и поддержанию четких границ для эффективного функционирования в мире.

Этика, как свод норм и правил предоставления качественных психологических услуг, не работает без проявленных духовных ценностей исполнителя услуг. Невозможно привести Человека к норме и здоровью при помощи искаженных представлений об этой самой норме и о здоровье.

Очевидно, что не настолько важно чем (разновидность используемых психотехник) мы работаем, сколько важно, что у нас внутри, какие состояния мы генерируем и как мы это транслируем. При контакте с клиентом мы задействуем собственный духовно-ценностный потенциал.

Возникает вопрос: где искать эталон духовных ценностей?

Эталон этот давно уже создан и заложен в нашем культурном коде[16]. Это то, что позволило человечеству не только выжить, но и разви-

[16] Культу́рный код — ключ к пониманию данного типа культуры; уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков; это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это культурное бессознательное — не то, что говорится или чётко осознается, а

ваться. И в частности то, что позволяет отделять «своих от чужих». В России сегодня, как и много веков назад, православный культурный код, который, вне зависимости от того, осознаваем мы это или нет, нами руководит.

Пример. Автобус в Архангельской области. На заднем сидении едет группа молодых людей, кришнаитов, тихонько напевающих: «Харе Кришна». На одном из ухабов автобус подкидывает, зубы лязгают и «кришнаиты» в один голос, и громко так: «О, Господи!»…. и после паузы снова свое: «Харе Кришна, Кришна харе».

В критические минуты в нас напрямую говорит подсознание. Далее, включается культурный код, который является производным от религии (православия). Никуда от этого не денешься. Еще пример.

Психологам хорошо известны книги Д. Карнеги, особенно, его работа «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей», в которой он, ссылаясь на американский культурный код, дает совет чаще произносить имя собеседника, т.к. оно очень приятно для его слуха и располагает собеседника к вам. Для русских людей, как показала практика, имя – не самое приятное и любимое слово. Очень уж разные эмоциональные ассоциации связаны у нас с собственным именем. По данным опроса современных подростков и молодых людей, негативно к своему имени относится примерно половина, терпимо – еще треть, а положительно – оставшаяся небольшая часть. Взрослые люди, обладающие большим принятие себя, сохраняют эту тенденцию. Поэтому совет американского автора недостаточно эффективен в нашей среде. Слишком большие расхождения в культурных кодах.

Вот еще пример, иллюстрирующих разницу в культурных кодах православного и исламского мира. В сводках новостей регулярно можно видеть кадры, как агрессивные участники демонстраций, в которых существует высокий уровень вероятности применения оружия, выходя на улицы, лицом к лицу с опасностью, выпускают вперед детей. Мы, в подобных случаях, прячем своих детей, прикрываем их собой, а не выставляем на передний край. Это существенное различие, отражающее разницу наших духовных ценностей. У нас – одни, у них – другие.

то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. Культурный код нации помогает понимать её поведенческие реакции, определяет народную психологию.

Где заложен эталон духовно-нравственных ценностей? Кто является носителем этого эталона? В первую очередь, он заложен в святоотеческой и в житийной литературе. Это не религиозная пропаганда. Это трезвый взгляд на истоки нашей культуры. В житиях святых, в сказках, преданиях, в духовной литературе заложены неискаженные эталоны родного, аутентичного для нас культурного кода, содержащего наши духовно-нравственное основы, стройную и оформленную систему ценностей. Этот же эталон, в виде состояний, содержится в национальных произведениях искусства, отражающих наши культурные ценности.

К каким выводам я подвожу?

Существуют системные ошибки в принципах подхода к Человеку, к его психике и принципах подхода к их коррекции. Не в последнюю очередь эти процессы связаны с теми ценностями, которые заложены в основе разнообразных школ и направлений, принесенных к нам из Западной Европы, в книгах, по которым учат специалистов с приставкой «пси». В них заложены, по большей части, основы протестантской этики и нравственности, которые несколько разнятся с тем культурным кодом, который распространен в нашей стране. «Дьявол кроется в мелочах», что общеизвестно. Вот «мелочь» - отношение к греху (вине). Отношение к нему в протестантизме и в православии кардинально отличается. В первом к нему относятся как к «неправильному выбору», во втором случае – как к «болезни души». Отсюда принципиальная разница в подходе к методам психокоррекции. Если в одном случае мы имеем дело с поведенческой коррекцией, то во втором случае мы должны иметь дело с комплексным, целостным подходом

Если этим процессом не озаботиться сейчас, то он «озаботится» нами и нашей профессией. Мы все устали от «психологов по жизни», чисто которых, благодаря «поп-психологии» будет расти в геометрической прогрессии. А они всего лишь следствие распространения идей о том, что «психология – это легко и просто», что надо всего лишь соблюдать «Десять правил (12 принципов, 15 методов) успешной жизни», которую нам активно навязывают.

Литература:

1. URL: http://therapeutic.ru/psychotherapy_articles/pages/id_235
2. URL: http://evolkov.net/practic.psychol/Alexandrov.A/main.approaches.html
3. URL: https://ru.wikipedia.org/
4. URL: http://www.wco.ru/biblio/books/serafim5/Main.htm

— ● —

Andreeva E. G. Ot instrumenta k lichnosti / E. G. Andreeva // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4.

— ● —

Abstract. Discussion article of the psychologist-practice on the remaining aspects of modern practical psychology of education. The article discusses the questions of theory and history of psychology, as well as about the place of psychological correction and psychotherapy in the work of the psychologist. Many of the arguments of this message are controversial, but that the value of this material.

Keywords: psychology, history of psychology, practice psychology, psychotherapy.

— ● —

Сведения об авторе

Елена Геннадьевна **Андреева** – практический психолог, автор-разработчик и ведущая тренингов личностного развития для подростков и взрослых, педагог-психолог по реабилитации и коррекции поведения подростков, имеющих проблемы употребления психоактивных веществ, куратор подросткового добровольческого движения Адмиралтейского района Санкт-Петербурга.

© Е. Г. Андреева, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 06.12.2015.

– • –

УДК 159.9

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ: К ВОПРОСУ О ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИВНОСТИ МЕТОДИКИ Т. ХОЛМСА И Р. РАГЕ[17]

Х. Б. Гулиева, О. А. Белобрыкина, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». *Новосибирск, Россия, e-mail:* olga.belobrykina@gmail.com.

Резюме. В статье рассматривается проблема качества современной психодиагностики, осуществляемой на основе использования методик, публикуемых в широкой печати. Представлены результаты теоретического анализа диагностической состоятельности методики Т. Холмса и Р. Раге «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации», опубликованной в различных методических источниках.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, психодиагностика, методика, психометрические свойства.

Интенсификация темпа жизни и тотальное увеличение объемов деятельности, с которыми ежедневно сталкивается каждый человек, привели к тому, что стресс стал неотъемлемой частью современного общества. По мысли Д. Брайт и Ф. Джонс, каждый пятый человек в мире находится в состоянии стресса. Каждый второй проходил через стрессовые ситуации. А каждый седьмой был не в силах самостоятельно выйти из подобных ситуаций [5]. В связи с этим одна из задач психолога состоит в диагностике личности для понимания ее актуального эмоционального состояния. Для полноценного решения этой задачи необходимо, чтобы выбранная для применения методика была адекватна предмету диагностики [2; 8; 9; 13].

Одной из достаточно распространенных в диагностической практике

[17] Статья рекомендована к. псх. н. Л.Ф. Чупровым (Россия, Черногорск).

психологов и широко представленных в профессионально-методической литературе является методика Т. Холмса и Р. Раге «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации», что и определило наш выбор в целях выявления и характеристики диагностической состоятельности измерительной процедуры.

В качестве источников, в которых представлена обозначенная методика, были выбраны учебно-методические пособия, адресованные психологам и имеющие значительные тиражи, включая неоднократные переиздания: 1) Барканова О.В. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум (2009. С. 117-120); 2) Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса (2009. С. 110-117); 3) Практическая психодиагностика. Методики и тесты (редактор-составитель Д.Я.Райгородский (2006-2011. С. 149-153).

Критериальной основой анализа методики выступали требования, предъявляемые к процедуре разработки и стандартизации диагностического инструментария [3; 13]. На основе использования алгоритма оценки диагностического инструментария, выявлено, что в обозначенных источниках тексты методики имеют ряд различий. В частности, различия наблюдаются уже в названии методики. Так, в работах Д.Я. Райгородского (с. 149) и О.В. Баркановой (с. 117) название методики обозначено почти идентично – «Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Т. Холмса и Р. Раге». Различие состоит в том, что в пособии под редакцией Д.Я. Райгородского отсутствуют инициалы авторов-разработчиков теста. Н.Е.Водопьянова позиционирует методику как «Измерение стрессонаполненности жизни» (с. 110). Поскольку название методик в разных источниках различается, то это может вызвать трудности идентификации при поиске методики и осложнить выбор ее варианта и по отношению близости к оригиналу, и в связи с ее практическим применением.

Фамилии авторов методики указаны в каждом из обозначенных источников без изменений – Т. Холмс и Р. Раге. Цели и задачи методики ни в одном из анализируемых пособий не указываются. А, значит, возможно возникновение сложностей с определением диагностического конструкта, без которого измерительный инструмент оказывается психологически не информативным.

История создания теста представлена в каждом из рассматриваемых источников очень фрагментарно. В частности, в пособии Н.Е.Водопьяновой отмечается, что в конце 1960-х гг. исследователи Т.Холмс и Р. Раге изучали зависимость развития психических и физических болезней от значимых изменений в жизни. Было опрошено 2500 человек для создания шкалы стрессонаполненности жизненных перемен. В работах Д.Я.Райгородского и О.В. Баркановой указывается, что Т. Холмс и Р. Раге изучали зависимость заболеваний от различных стрессогенных жизненных ситуаций у более чем пяти тысяч пациентов. Исследователями было замечено, что психическим и физическим болезням обычно предшествуют серьезные изменения в жизни человека. Как видим, информация по истории создания методики имеет качественные различия. Первое, что обращает на себя внимание – это расхождения сведений о количестве респондентов, привлеченных к участию при разработке теста: Н.Е Водопьянова указывает на выборку из 2500 человек, тогда как Д.Я. Райгородский и О.В. Барканова увеличивают число испытуемых в два раза. Второе, что зрительно фиксируется, у Н.Е. Водопьяновой представлена информация «о заболеваниях психических и физических», тогда как у Д.Я. Райгородского и О.В. Баркановой род заболеваний не конкретизируется, несмотря на всю значимость этих сведений. Кроме того, ни в одном из анализируемых источников не представлена информация о возрастном диапазоне выборки стандартизации методики, что оказывает существенное влияние на адекватность определения области ее применения. Как отмечает А.Г.Шмелев, «до тех пор, пока мы неверно трактуем сущность теста, не видим адекватным образом ограничений в практике его использования, мы совершаем серьезные ошибки» [15, с. 48].

Структура методики включает традиционные для любой тестовой процедуры составляющие – инструкцию, стимульный материал, ключ и интерпретатор. Стимульный материал представлен 43 утверждениями. В методике имеется всего одна шкала, которая, однако, в рассматриваемых источниках различается названием и смысловым контекстом. Так, Н.Е.Водопьянова обозначает шкалу «стрессонаполненность жизни», О.В.Барканова и Д.Я.Райгородский – называют ее шкалой «стрессоустойчивости». Вместе с тем, ни в одном из анализируемых

источников не предоставлены соответствующие обозначению шкалы определения «стрессоустойчивости» и «стрессонаполненности», что свидетельствует о несоответствии методики одному из важнейших методологических требований, необходимых при создании измерительной процедуры – операционализации ключевого понятия. Причем, в психометрии четко обозначается, что понятие должно опираться либо на авторскую концепцию (теоретическую модель, предлагаемую разработчиками методики или выступившую ее основой систему научных взглядов), либо на устоявшийся в психологии категориальный аппарат (представленный в психологических словарях) [3; 11; 13]. В частности, под стрессоустойчивостью (синоним «нервно-психическая устойчивость») понимается «способность человека посредством саморегуляции и самоуправления противостоять отрицат. факторам внешней среды (в т. ч. экстремальным), не снижая продуктивности деятельности и не нанося ущерба своему здоровью» [4, с. 509].

Стресс, в свою очередь, рассматривается в психологии как «состояние чрезмерной психической напряженности и дезорганизации поведения, которое развивается в результате угрозы или реального воздействия экстремальных факторов социального, психологического, экологического и профессионального характера» [11, с. 436]. Г.Селье рассматривает стресс как форму неспецифического ответа организма на любое предъявленное ему требование, особо отмечая, что для нормального функционирования жизнедеятельности человеку не следует избегать стресса. При этом автор уточняет, что деятельность, связанная со стрессом, может быть приятной или неприятной, но негативный эффект обусловлен именно дистрессом [11].

В психологии предлагается различать три типа стрессовых оценок:

1) травмирующая потеря, утрата чего-либо (реальная или ожидаемая), что имеет для субъекта особое личностное значение (смерть супруга, потеря работы и пр.);

2) угроза воздействия, требующая от человека способностей, превышающих его реальные возможности;

3) сложная задача, проблема, ответственная и потенциально рискованная ситуация [5; 11].

Заметим, что содержание методики не в полной мере соответствует

обозначенным в психологическом словаре определениям, а концептуальной модели стресса, предлагаемой разработчиками методики, ни один из авторов анализируемых пособий пользователю не представляет.

И, наконец, категория «стрессонаполненность». Примечательно, что ни в одном психологическом словаре не представлено определения этого понятия, а в толковом словаре «наполненность» трактуется как «полнота чего-либо, насыщенность чем-либо» [7, с. 951]. Очевидно, что без полноценной операционализации ключевого понятия, составляющего основу диагностического конструкта методики, измерительный психологический инструментарий не может быть признан психометрически состоятельным.

Анализ структурно-содержательных компонентов методики показал, что область применения методики ни в одном из рассматриваемых источников не обозначена, что затрудняет работу с ней, так как сложно определить, ту социальную сферу жизнедеятельности человека или общественной практики, в которых данная методика будет востребована и информативна. Отсутствуют сведения об адресной группе и ее возрастных границах, что качественно снижает требования к репрезентативности методики и экстраполяции данных. Организация проведения методики в обозначенных источниках представлена фрагментарно. В частности, не указывается время и необходимые условия выполнения теста, что, соответственно, будет затруднять проведение диагностической процедуры. В логике выполнения задания так же обнаружены различия. Так, у Н.Е.Водопьяновой отмечается, что нужно вспомнить и записать события последнего года своей жизни. Затем, используя 100-бальную шкалу, следует оценить степень их разрушительного влияния на душевное состояние. Для сравнения силы негативного переживания автор предлагает использовать ситуацию – смерть супруга (ребенка), принимаемую за 100 баллов. Следует отметить, что, во-первых, вызывает сомнение этическая сторона актуализации психологической травмы (нарушен принцип профессиональной психологической деятельности «Не навреди»), связанной с ситуацией потери близкого человека (переживаемой некоторыми людьми глубоко и длительно), если таковая имелась в жизненном опыте отдельных респондентов (например, смерть

ребенка). Во-вторых, некоторые обследуемые могут не состоять в браке или не иметь детей, либо актуальные межличностные отношения между супругами характеризуются состоянием предельной конфликтности, поэтому 100 баллов «за смерть» супруга может одним показаться слишком малой мерой наказания обидчику, тогда как другим, – слишком высоким критерием расплаты за временные трудности во взаимоотношениях. Да и к тому же, если человеку разрешено обозначить собственные ситуации, то смерть супруга для него может быть не столь важным событием, как, например, ситуация развода или измены, которые он может принять за 100 баллов. Совершенно очевидно, что все критерии будут оцениваться респондентом сугубо субъективно. Заметим, что на значимость и информативность субъективно-индивидуальной оценки указывают многие исследователи [5; 6; 11]. В частности, Г.Селье полагает, что влияние идентичных факторов на эмоциональное состояние разных людей будет совершенно различно и, соответственно, оцениваться ими по-разному [12]. Считается, что оценка человеком ситуации как стрессовой определяется тремя факторами: 1) эмоциями, ассоциирующимися у него с конкретным событием; 2) неопределенностью события с точки зрения возможности или момента наступления, силы воздействия, объема необходимых знаний для предупреждения или ликвидации угрозы, степени сложности необходимых способностей и опыта субъекта; 3) значимостью ситуации для конкретного человека, его субъективной оценки степени важности для достижения необходимого результата, вредности или опасности последствий этого события и пр. [11; 12]. В.А.Бодров особо отмечает, что «в качестве стрессовой может быть признана только такая реакция индивида, которая достигает пороговых уровней его психологических или физиологических возможностей. Изменение поведения при стрессе является специфическим и более интегральным показателем характера ответа на воздействие, чем отдельные функциональные показатели» [11, с. 437].

В пособии Д.Я. Райгородского обозначается, что необходимо несколько раз прочитать предложенные утверждения, находящиеся в таблице с баллами. После прочтения обследуемому нужно выбрать те утверждения, которые случались в его жизни за последний год. Если ситуация повторялась несколько раз, то балл за данную ситуацию

необходимо умножить на количество повторений. В работе О.В. Баркановой респонденту предлагается отметить в списке те события, которые с ним случались за последний год. Если какая-либо ситуация возникала у обследуемого чаще одного раза, то соответствующее ситуации количество баллов следует умножить на данное количество раз. Следует так же отметить, что в источниках О.В. Баркановой и Д.Я. Райгородского процедура работы с тестом имеет облегченную форму и, с одной стороны, не вызовет серьезных затруднений ни у диагноста, ни у обследуемого, так как стимульный материал представлен в табличном варианте и имеет четко заданное количество (43) и содержание ситуаций, степень их оценки. Однако, с другой стороны, поскольку в предлагаемые утверждения и соответствующие им баллы невозможно внести какие-либо изменения, в том числе и добавить свой пример, то методика может быть не достоверной в связи с тем, что, значимость ситуации в бальном эквиваленте не будет соответствовать индивидуальным переживаниям обследуемого. Например, для кого-то ситуация, например, «развод – 73 балла» будет не столь личностно значимой по сравнению со «смертью близкого друга – 37 баллов», и, возможно, человек захочет поменять местами баллы в этих утверждениях, однако это недопустимо, поскольку каждому утверждению соответствует конкретный, исходно заданный бал. Подобную облегченность процедуры диагностики мы склонны рассматривать как недостаток вариантов методики, предлагаемых в пособиях О.В. Баркановой и Д.Я.Райгородского.

Кроме того, исходная заданность значимых ситуаций предполагает соответствие требованиям смысловой четкости утверждений, равно как и обоснования процедуры начисления балловых эквивалентов [13]. Однако, оценка качества стимульного материала показала некорректность содержательных формулировок значительной доли обозначенных ситуаций. Проиллюстрируем логику наших рассуждений иллюстративными примерами:

1. *Смерть супруга (супруги) – 100 б.* Как уже отмечалось выше, в связи с отсутствием в методике обозначения возрастных границ адресной группы, обследуемый может быть не женат/не замужем и, соответственно, данный пункт может не попасть в категорию выбора.

2. *Развод – 73 б.* Подобная формулировка, на наш взгляд, ориентирует на полисмысловую трактовку ситуации. Соответственно, для получения достоверной информации требуется конкретизация ситуации, имеется в виду развод респондента с супругом, или же речь идет о близком круге общения, например, развод родителей, близких родственников, друзей.

3. *Разъезд супругов (без оформления развода), разрыв с партнером – 65 б.* В данном случае так же требуются определенные уточнения – сам респондент разъезжается с супругом (супругой) или семейные пары из его близкого окружения? Кроме того, имеется в виду разрыв отношений между сексуальными партнерами или партнерами по бизнесу, что и по смыслу, и по содержанию – не одно и то же?

4. *Тюремное заключение – 63 б.* Данная формулировка так же, на наш взгляд, требует уточнения – речь идет о тюремном заключении самого обследуемого или кого-то из родственников, значимых для него людей.

5. *Смерть близкого члена семьи – 63 б.* Здесь так же наблюдается двусмысленность – смерть близкого члена семьи подразумевает смерть человека или речь идет о животном, которого, например, одинокий человек, вполне может считать членом семьи. Очевидно, что в зависимости от вкладываемого респондентом в данное утверждение смысла, задаваемая им балльная оценка ситуации может варьироваться.

6. *Травма или болезнь – 53 б.* Утверждение также нуждается в конкретизации, что имеется в виду, травма или болезнь самого обследуемого или близкого, значимого человека? Не менее важна и информация о характере травмы и болезни – насколько они создают угрозу для последующей жизнедеятельности человека (например, смертельная болезнь, черепно-мозговая травма)? Исходя из этого, на наш взгляд, респондент будет и оценивать степень сложности ситуации, которая может совершенно не совпадать с заданным балловым эквивалентом.

7. *Женитьба, свадьба – 50 б.* Обозначенная ситуация так же требует уточнения – это события, связанные с обследуемым, или с родственником, или с другом и пр.? Кроме того, возникает вопрос, в связи с чем столь торжественное и значимое событие в жизни человека в данном варианте методики трактуется как стрессогенный фактор негативного характера?

8. *Увольнение с работы – 47 б.* Утверждение, на наш взгляд, нуждается в конкретизации – речь идет об увольнении обследуемого или близкого человека (например, мужа, являющегося основным источником дохода для семейного бюджета)? При каких обстоятельствах произошло увольнение – по собственному желанию или принудительно?

9. *Примирение супругов – 45 б.* Здесь также важно конкретизировать, имеется в виду, обследуемый со своим супругом или помирившаяся семейная пара из числа близких друзей, родственнников.

10. *Уход на пенсию – 45 б.* Снова встает вопрос, уход на пенсию самого обследуемого или кого-то из близких людей? Кроме того, многие люди после формального оформления пенсии остаются на своих рабочих местах, а, соответственно, уход на пенсию может быть совершенно не связан с негативными переживаниями, и даже, напротив, пенсионные выплаты могут выступать положительным стимулом как форма дополнительной материальной поддержки.

11. *Изменение в состоянии здоровья членов семьи – 44 б.* В данном случае требует уточнения, в какую сторону произошло изменение здоровья – его улучшение или ухудшение?

12. *Беременность партнерши – 40 б.* На наш взгляд, подобный вопрос у респондентов женского пола в большинстве случаев вызовет закономерное недоумение.

13. *Сексуальные проблемы – 39 б.* Проблемы подобного рода могут быть самого разного характера и, соответственно, кто-то их может оценить, как нулевые, а кто-то, как 100-бальные.

14. *Появление нового члена семьи, рождение ребенка – 39 б.* В данном случае так же не уточнено, имеется в виду появление на свет ребенка у самого респондента или в семье у кого-то. Кроме того, новый член семьи может появиться не только благодаря рождению ребенка, а, например, женитьбе сына (замужества дочери), усыновлению ребенка и т.п., соответственно, оценочно-смысловая нагрузка данной ситуации для разных людей будет различной.

15. *Реорганизация на работе – 39 б.* Само понятие «реорганизация» имеет двоякий смысл. Реорганизация может быть связана как с закрытием предприятия или организации, предполагающим сокращение кадров и необходимость смены работы, так и с укрупнением или расширени-

ем производства, при котором кадровый состав будет расширяться. Соответственно, в разных ситуациях характер стрессогенного влияния данного фактора будет различным.

16. *Изменение финансового положения – 38 б.* Смысловой аспект данного утверждения для разных респондентов может иметь вариативную направленность – это и материальное обеспечение самого респондента, и финансовое положение его семьи, а так же изменение, которое может быть как в сторону снижения, так и увеличения. Что конкретно имеется в виду, остается не понятным.

17. *Смерть близкого друга – 37 б.* Вызывает сомнение статистическая сторона ситуации – насколько должен быть эмоционально «холодным» человек, чтобы переживать смерть **близкого** друга всего на 37 баллов?

18. *Изменение профессиональной ориентации, смена места работы – 36 б.* Судя по формулировке и количеству начисляемых баллов, этот фактор, будет вызывать стресс у более, чем 30 % обследуемых. Позитивный смысл смены места работы и профессиональной переориентации, особенно, когда это происходит по желанию самого респондента, видимо не предполагается.

19. *Усиление конфликтности отношений с супругом – 35 б*. Если человек не женат/не замужем, насколько допустим выбор данного пункта в случае конфликта с любимым человеком?

20. *Ссуда или заем на крупную покупку (например, дома) – 31 б.* Имеется в виду, сам обследуемый взял ссуду или кто-то из его близкого окружения?

21. *Окончание срока выплаты ссуды или займа, растущие долги – 30 б.* На наш взгляд, так же требуется уточнение, имеется в виду ситуация, когда сам обследуемый имеет долги или кто-то из его близкого окружения, а так же ссуда – самого человека или кого-то из близких людей? Кроме того, что конкретно предполагается в заданной формулировке – срок по выплате закончен, а сумма выплат не завершена и это ведет к росту долга? Очевидно, окончание срока выплаты непосредственно и всегда связано с ростом долгов?!

22. *Изменение должности, повышение служебной ответственности – 29 б.* Судя по формулировке, речь идет о повышении в должно-

сти, которое без принятия решения самим субъектом вряд ли состоится, поэтому очень сомнительно возникновение у него в данной ситуации негативных состояний. Кроме того, возникает вопрос, в связи с чем степень стрессогенного влияния данной ситуации задана авторами на порядок выше, чем, например, факторы, обозначенные в п. 25, 27, 31 (ведь именно новое назначение может обусловливать изменение режима работы), 32 (перемена места жительства тоже может быть связана с повышением по службе).

23. *Сын или дочь покидают дом – 29 б*. При наличии у обследуемого ребенка (детей), данный вопрос требует конкретизации: ребенок покидает дом, потому что способен сам обеспечивать себя, или вследствие ссоры с родителями, или сами родители отправляют ребенка куда-либо (например, учиться за границу, к родственникам в другой город, на отдых в детский лагерь и т.п.). Важно так же, что степень стресогенности будет зависеть от того, какого возраста ребенок и на какой период он покидает дом. Кроме того, подобная формулировка может рассматриваться как вероятный ориентир на адресную группу – для респондентов от 35 лет и старше.

24. *Проблемы с родственниками мужа (жены) – 29 б*. Если человек не женат/не замужем, насколько допустим выбор им данного пункта в случае наличия проблем с родственниками любимого человека?

25. *Выдающееся личное достижение, успех – 28 б.* Насколько корректно рассматривать успешность субъекта и его выдающееся достижение как стрессогенный фактор? Вероятно, ситуация успешности в данном случае должна быть сопряжена преимущественно с негативно насыщенными эмоциями.

26. *Супруг бросает работу (или приступает к работе) – 26 б.* При прочтении данного утверждения закономерно возникает вопрос: уход с работы и новая работа – это одинаково влияющий на эмоциональное состояние человека стрессогенный фактор? Кроме того, если человек не женат/не замужем, насколько допустим выбор данного пункта обследуемым, например, в случае, когда любимый человек бросил или нашел работу?

27. *Начало или окончание обучения в учебном заведении – 26 б.* Ситуация, на наш взгляд, требует конкретизации – речь идет об образова-

нии респондента или кого-то из его близкого окружения? Кроме того, насколько идентично оказывает стрессогенное влияние на человека начало обучения и его окончание?

28. *Изменение условий жизни – 25 б.* Мы полагаем, что в данном случае важен характер (в лучшую или худшую сторону) и содержание изменений условий жизни. В противном случае обозначенная ситуация оказывается неинформативной.

29. *Отказ от каких-то индивидуальных привычек, изменение стереотипов поведения – 24 б.* Данная ситуация требует уточнения, так как важно определить по личному усмотрению обследуемого или по необходимости, по принуждению происходит отказ от привычек и изменение стереотипов поведения? Очевидно, что степень стрессогенности будет зависеть и от содержания привычки или стереотипа, их значимости для обследуемого (важные, жизненно необходимые или незначительные), характера их влияния на жизнедеятельность человека (например, отказ от курения, или от алкоголя вследствие заболевания).

30. *Проблемы с начальством, конфликты – 23 б.* Вызывает некоторое недоумение количественная оценка стрессового фактора в сравнении, например, с ситуациями, обозначенными в п. 25 или 27. Не секрет, что в современной действительности конфликтогенность административного характера в профессиональном пространстве достаточно высока, а распространенность явлений моббинга и буллинга и их негативных последствий и для личности, и для трудовых коллективов, вызывает особую озабоченность у практических психологов [1; 10; 11].

31. *Изменение условий или часов работы – 20 б.* Важно уточнить, изменения произошли в лучшую или худшую сторону. Кроме того, что конкретно понимается под «часами работы» – это длительность (например, вместо 6 часового 8 часовой рабочий день или наоборот) или режим (утренний, дневной и т.п.) рабочего времени?

32. *Перемена места жительства – 20 б.* Обозначенная ситуация требует уточнения, в частности, по личному усмотрению обследуемого или по необходимости, по принуждению произошла перемена.

33. *Смена места обучения – 20 б.* В данной ситуации важно, смена произошла по желанию респондента или это была вынужденная мера? Кроме того, формулировка ориентирует, по сравнению с п. 23 на другую

адресную группу – учащаяся молодежь, а это уже другие возрастные границы предполагаемой группы респондентов.

34. *Изменение привычек, связанных с проведением досуга/отпуска – 19 б.* На наш взгляд, важно уточнить характер происшедших изменений (в лучшую или худшую сторону, по желанию самого обследуемого или по принуждению извне), который в большей мере и будет обусловливать направленность эмоциональных переживаний субъекта по поводу обозначенной ситуации.

35. *Изменение привычек, связанных с вероисповеданием – 19 б.* В данном случае так же важно конкретизировать характер происшедших изменений (в лучшую или худшую сторону, по желанию или по принуждению извне).

36. *Изменение социальной активности – 18 б.* Важен факт того, смена произошла по желанию респондента или это была вынужденная мера, а так же, содержание изменений – в сторону снижения или повышения.

37. *Ссуда или заем для покупки менее крупных вещей (машины, телевизора) – 17 б.* На наш взгляд, необходима конкретизация нескольких моментов: а) менее крупные вещи по сравнению с чем? б) насколько равнозначными по стоимости являются машина (предполагается автомобиль или стиральная машина?) и телевизор? в) сам респондент брал заем или кто-то из его близких людей?

38. *Изменение индивидуальных привычек, связанных со сном, нарушение сна – 16 б.* На наш взгляд, в данном утверждении неправомерно объединены сон как физиологическое состояние и характер его протекания. Сон мог стать, например, более длительным, спокойным, что так же окажет определенное влияние на изменение режима дня и привычек человека. Не менее важна и конкретизация характера изменения привычек, обусловленная нарушением сна (например, человек по состоянию здоровья бросил курить перед сном).

39. *Изменение числа живущих вместе членов семьи, изменение характера и частоты встреч с другими членами семьи – 15 б.* На наш взгляд, ситуация задана слишком «размыто» и неправомерно объединены разные по смыслу и содержанию факторы влияния. Например, причин изменения численного состава совместно проживающих членов семьи

может быть множество (увеличение – в связи с женитьбой/замужеством ребенка (детей), рождением ребенка и пр.; уменьшение – вследствие смены места жительства, длительной командировки или путешествия отдельных членов семьи, ссоры, после которой кто-то из членов семьи ушел из дома, смерти кого-либо из членов семьи и т.п.). Характер встреч так же может быть самым разнообразным, исходя из различных критериев дифференциации, например, непосредственный – опосредованный (форма контакта), позитивный – негативный (эмоциональная компонента), длительный – кратковременный (длительность встречи) и пр. Соответственно, не всякое изменение характера встреч будет связано с изменением числа живущих вместе членов семьи и влиять на частоту (чаще или реже) встреч с другими членами семьи.

40. *Изменение привычек, связанных с питанием (количество потребляемой пищи, диета, отсутствие аппетита и т. п.) – 15 б.* На наш взгляд, важно конкретизировать, вследствие чего произошло изменение привычек, связанных с питанием (после каких-либо стрессовых ситуаций или по состоянию здоровья), так как – это, скорее следствие, а не собственно фактор негативного влияния. Следует так же отметить, что отсутствие аппетита и диета – не синонимы, а количество потребляемой пищи может быть как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Кроме того, и диету, и отсутствие аппетита довольно трудно отнести к привычкам питания.

41. *Отпуск – 13 б*. Для определения степени стрессогенного влияния данного фактора, немаловажно уточнить, отпуск был очередным, непредвиденным или вынужденным; таким, каким планировался (путешествие, прогулки) или что-то не получилось.

42. *Рождество, встреча Нового года, день рождения – 12 б.* Важно уточнить, праздник был ожидаем, личностно значим для респондента или он не желал осуществлять подготовку к нему. Кроме того, в подобной обобщающей формулировке наблюдаются этнические ограничения по влиянию данного фактора (например, для мусульманина Рождество – далеко не значимый праздник).

43. *Незначительное нарушение правопорядка (штраф за нарушение правил уличного движения) – 11 б*. Следует отметить, что влияние данного фактора напрямую зависит от уровня нравственности респонден-

та – для одних эта ситуация будет мало значительна, тогда как для других – чрезвычайно стрессогенное событие.

Содержательный анализ утверждений, представленных в пособиях О.В.Баркановой и Д.Я. Райгородского, показал, что обозначенный перечень не позволяет конкретизировать адресную группу, на которую ориентирована методика, в первую очередь, по показателю возрастных границ, что снижает валидность, достоверность и репрезентативность измерительной процедуры. Кроме того, значительная доля обозначенных ситуаций может быть рассмотрена как стресогенный фактор лишь для обследуемых, имеющих слабый тип нервной системы, низкий уровень адаптивных ресурсов и высокую личностную тревожность. Так, по данным многочисленных исследований высокотревожным субъектам исходно свойственны высокий уровень нервно-психического напряжения в широком диапазоне ситуаций и склонность находить проблемы даже там, где их не может существовать [4; 10; 12]. На наш взгляд, вариант, предлагаемый Н.Е. Водопьяновой, можно считать более информативно достоверным, поскольку диагностируемый сам вписывает в один столбец таблицы те ситуации, которые с ним происходили, и оценивать их значимость в столбце напротив по своему усмотрению [6].

Интерпретация данных представлена в каждом из анализируемых нами источников. Отличия в содержании интерпретации заключаются в том, что у Н.Е. Водопьяновой тест обозначается как «Стрессонаполненность жизни», отсюда и ключ, включающий три уровня стрессонаполненности жизни: низкий (150-199), средний (200-299), высокий (300-650). Причем, отмечает автор, чем ниже балл, тем лучше (с.115-117). Вместе с тем, в этом источнике не дается никаких пояснений о том, как следует трактовать полученный результат в случае, когда обследуемый набирает менее 150 баллов или более 650. В пособиях Д.Я. Райгородского (с. 153) и О.В. Баркановой (с. 120) определяется «степень сопротивляемости стрессу» так же по трем уровням: высокая (150-199), средняя (200-299), низкая (300 и более) с формальным указанием, что, чем ниже балл, тем лучше. Следует также отметить, что в этих двух источниках отсутствует интерпретационная информация о «социальной адаптации», заявленной в названии методики, а о её взаимосвязи с уровнем сопротивляемости стрессу психолог может только догадываться,

так как достоверных сведений в тексте описания методики не представлено.

В целом анализ методики в ее вариативной публикации в разных источниках позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Методика обладает определенными достоинствами, в частности, авторы предлагают достаточно интересный подход к измерению показателей стрессоустойчивости личности.

2. В связи с различиями по содержанию методики, представленной в разных источниках, возникают серьезные затруднения в определении ее близости к оригиналу, что осложняется полным отсутствием информации о том, **кем, где и когда** осуществлялась адаптация методики на русскоязычной выборке.

3. В анализируемых методических пособиях наблюдаются различия в информации по истории создания методики. Так же в текстах отсутствуют составляющие, значимые для оценки психометрического соответствия методики, которые позволяют рассматривать ее как надежный измерительный инструмент. В частности отсутствуют: а) описание целей и задач; б) сведения об адресной группе и ее возрастных границах; в) информация о валидности, достоверности, точности, репрезентативности и других характеристик методики.

4. В пособиях Д.Я. Райгородского и О.В. Баркановой: а) значительная часть утверждений стимульного материала сформулирована некорректно, отдельные ситуации не конкретизированы и требуют уточнения; б) не представлено обоснования по поводу начисления баллов по каждому утверждению, что делает эти варианты методики непригодными для использования. По отношению к обозначенным источникам вполне справедлива характеристика, данная А.Г.Лидерсом, о культуре вторичных публикаций психодиагностических методик, которую он рассматривает «как ущербную и раздражающую» [8, с.52-53].

5. Относительно информативной можно считать методику, представленную в пособии Н.Е.Водопьяновой [6]. Этот вариант методики можно рекомендовать к практическому применению при условии корректировки инструкции и использовании в комплексе с другими диагностическими процедурами.

Подводя краткий итог, отметим, что именно пользователи несут

ответственность за выбор, адекватное применение теста как измерительного инструмента и результаты, полученные при его использовании. Как справедливо отмечает Л.Ф.Чупров, «атрибуция ответственности за качество выполнения запроса полностью лежит на самом психологе. Здесь вступают в права этические принципы, регламентирующие деятельность специалиста. Главным из которых как для медицинской, так и для психологической практики является «Не навреди!» [14, с. 127]. По мысли А.Г.Шмелева, «тест – это оружие. И пользоваться им надо умело» [15, с. 53]. Только в этом случае будут достижимы и адекватная реализация этических требований, и квалифицированное применение диагностического инструментария в деятельности практического психолога, и сохранение профессионального достоинства.

Список литературы

1. Акбиева З.С., Терновская О.П., Шнейдер Л.Б. Психология карьеры и профессионально-релевантное поведение специалиста. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. – 328 с.
2. Белобрыкина О.А., Ожеховская Л.В. Диагностический инструментарий в работе психолога: проблемы и парадоксы (на примере современной практики психологов г. Новосибирска) // Психодиагностика. – 2006, № 4. – С. 92-112.
3. Белобрыкина О.А. Обучение студентов элементарным основам профессиональной оценки диагностического инструментария // Современные проблемы психодиагностики: материалы межвузовской научно-практической конференции /Под общ. ред. проф. И.А.Воронова. – СПб.: С.-Петерб. ин-та психологии и акмеологии, 2012. – С. 50-56 с.
4. Большой психологический словарь /под ред. Б.Г.Мещерякова, В.П. Зинченко. – СПб: прайм-ЕВРОЗНАК; М.: Олма-пресс, 2003. – 666 с.
5. Брайт Д., Джонс Ф. Стресс. Теории, исследования, мифы. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 352 с.
6. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.

7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. – М.: Русский язык, 2000. Т. 1: А-О. – 1213 с.

8. Лидерс А.Г. О культуре публикаций психодиагностических методик //Психологическая диагностика. – 2003, № 2. – С.44-53.

9. Лубовский В.И., Переслени Л.И., Семаго М.М. О публикациях психодиагностических материалов //Вопросы психологии. – 1997, № 1. – С. 133-137.

10. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.

11. Психология /под общей ред. В.Н.Дружинина. – СПб.: Питер, 2009. – 656 с.

12. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1979. – 123 с.

13. Стандартные требования к психологическим тестам: Приложение 2 Б // Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер, 2009. – С. 410-450.

14. Чупров Л.Ф. Психологическая диагностика в работе практического психолога //Вестник практической психологии образования. – 2009, № 3. – С. 111-115; № 4. – С. 124-127.

15. Шмелев А.Г. Тест как оружие //Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. Т. 1, № 2. – С. 40-53.

— ● —

Gulieva H. B., Belobrykina O. A. Stressoustojchivost' lichnosti: k voprosu o diagnosticheskoj informativnosti metodiki T. Holmsa i R. Rage / H. B. Gulieva, O. A. Belobrykin // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4.

— ● —

Abstract. In article the problem of quality of the modern psychodiagnostics which is carried out on the basis of use of the techniques published in the wide press is considered. Results of the theoretical analysis of a diagnostic solvency of a technique of T. Holmes and R. Rage «Definition of re-

sistance to stress and social adaptation», published in various methodical sources are presented.

Keywords: stress, resistance to stress, psychodiagnostics, technique, psychometric properties.

– ● –

Сведения об авторах

Халида Бахтияр гызы **Гулиева**, студентка 2 курса, направление подготовки «Психология» (академический бакалавриат), ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», факультет Психологии (Новосибирск, Россия).

Ольга Альфонсасовна **Белобрыкина**, профессор, канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», кафедра общей психологии и истории психологии (Новосибирск, Россия).

© Х. Б. Гулиева, 2015.
© О. А. Белобрыкина, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.11.2015.

– ● –

УДК 159.9

«ESCAPE» - ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЙ АЛГОРИТМ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

А. В. Мантикова. ФГБОУ ВПО Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Медико-психолого-социальный институт, Абакан, республика Хакасия, Россия, *e-mail:* psychologistmantika@gmail.com
О. Ю. Гребешкова, ФГБОУ ВПО Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Медико-психолого-социальный институт, Абакан, республика Хакасия, Россия
Л. Ф. Чупров, ЭНЖ «PEM:Psychology. Educology. Medicine» (Черногорск, Россия)

Резюме. Объектом исследования является молодежь в трудной жизненной ситуации. Цель работы – исследование опыта социально ориентированных учреждений г. Абакана и районов Хакасии по взаимодействию с целью оказания помощи молодёжи, находящейся в трудной жизненной ситуации; исследование опыта молодёжи Хакасии, имеющей эффективные копинги по преодолению трудной жизненной ситуации. В процессе работы были определены модели помощи молодежи Республики Хакасия, оказавшейся в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: психология, трудная жизненная ситуация, молодежь, Escape.

Проект направлен на развитие моделей помощи молодежи Республики Хакасия, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. Информация для дальнейшей переработки и создания алгоритма собирается из нескольких источников: в ходе обсуждения проблемы со специалистами управлений социальной поддержки населения муниципальных образований Республики Хакасия, специалистов республиканских служб экстренной психологической помощи и других служб, оказывающих информационные и социальные услуги бесплатно

молодежи в различных трудных жизненных ситуациях, а также в ходе видеоинтервью представителей молодёжи Республики Хакасия, имеющих позитивный опыт преодоления трудных жизненных ситуаций. Далее, полученный опыт обобщается, анализируются сильные и слабые стороны сложившейся системы практики, на основе анализа создается алгоритм работы с молодёжью Республики Хакасия в трудной жизненной ситуации, результаты освещаются в местных СМИ.

Итоги внедрения результатов: как было заявлено в информационных письмах-приглашениях, все государственные и общественные организации, принявшие участие в круглом столе по созданию алгоритма работы с молодёжью Республики Хакасия в трудной жизненной ситуации, получили в информационной рассылке материалы, обобщенные после проведения круглого стола, содержащие алгоритм и сопутствующие материалы (презентация, резолюция круглого стола).

Эффективность определяется использованием алгоритма в ходе дифференциации ситуации на субъективно и объективно трудную, социальной работы с представителями молодёжи, находящимися в объективно трудной жизненной ситуации.

Данное направление можно развивать и во втором, более психологическом, аспекте – развитии моделей помощи молодёжи, определяющей своё положение как трудное субъективно, которое не подходит под определение класса объективных трудных жизненных ситуаций. Это может быть разработка модели психологического консультирования молодёжи, воспринимающей свою социальную ситуацию как трудную жизненную ситуацию.

Определения

Молодежь - это социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной зрелости, адаптации к миру взрослых и будущие изменения. Молодежь имеет подвижные границы своего возраста, они зависят от социально-экономического развития общества, уровня культуры, условий жизни. Нижняя возрастная граница определяется тем, что с 14 лет наступает физическая зрелость и человек может заниматься трудовой деятельностью (период выбора учиться или работать). Верхняя граница определяется достижением экономической самостоятельности, профессиональной и личной стабильности (создание

семьи, рождение детей) [1].

Ситуация - совокупность обстоятельств, положение, обстановка [2].

Трудная жизненная ситуация – обстоятельство (совокупность обстоятельств), признанное по основаниям, определенным настоящим Федеральным законом, как объективно нарушающее или способное нарушить нормальные условия жизнедеятельности гражданина, привести в положение, представляющее опасность для жизни и (или) здоровья, последствия которого он не может преодолеть самостоятельно и требующее, на основе определения индивидуальной нуждаемости, предоставления социального обслуживания [3].

Помощь - содействие кому-нибудь в чём-нибудь, участие в чём-нибудь, приносящее облегчение [4].

Алгоритм - набор инструкций, описывающих порядок действий исполнителя для достижения результата решения задачи за конечное число действий, при любом наборе исходных данных [4].

Оценка современного состояния проблемы. Молодежь как особая социальная группа традиционно рассматривается как профессиональный, творческий и социально-демографический потенциал общества. Поэтому помощь и поддержка молодежи является приоритетной задачей государственной молодежной политики, в целом, и органов и служб социальной работы с молодежью, в частности.

Особенно актуальной проблема социальной поддержки молодежи становится применительно к различным кризисным жизненным ситуациям и обстоятельствам, определяемым как трудные жизненные ситуации. Это связано с тем, что, с одной стороны, экономические и социокультурные изменения в обществе провоцируют возникновение и расширение круга трудных жизненных ситуаций, частоту их встречаемости и все более глобальный характер их последствий. С другой стороны, молодежь как группа, имеющая переходный характер от детства к взрослости, часто оказывается наиболее уязвимой по отношению к различного рода кризисным социальным и экономическим явлениям.

В связи с этим все более приоритетный характер приобретает социальная помощь и поддержка молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, поиск эффективных технологий психо-социальной работы. Существующие трудности такой помощи и поддержки, прежде

всего, сводятся к двум основным моментам.

Во-первых, происходящее углубление и расширение кризисных ситуаций приводит к множественности групп лиц, в том числе и молодежи, которым такая помощь необходима. Каждая такая выделенная группа (например, правонарушители, лица с наркотической и алкогольной зависимостью и т.д.) характеризуется особым сочетанием методов и техник социальной помощи и поддержки. Это приводит к все более узкой специализации социальных работников, умеющих эффективно помогать определенной группе лиц с тяжелой жизненной ситуацией, и не представляющих себе работу с другой такой группой. Во-вторых, такая дефрагментация техник и технологий является следствием потери (или отсутствия) целостного взгляда на проблему трудной жизненной ситуации как психосоциального феномена.

Актуальность темы исследования: современный темп жизни и

социально-экономические условия, а также, нестабильность системы ценностей, культивируемых обществом, конструируют необходимость выработки у представителей юношеского и молодого возраста такой социально-психологической компетенции, как паттерн конструктивного преодоления сложившейся трудной жизненной ситуации. Можно отметить, что в современных условиях, такой поведенческий паттерн становится настолько значимым, что его наличие либо несформированность могут определять, в общем смысле, прогресс или стагнацию человеческой популяции.

Нельзя недооценить роль контекста не только в формировании, но и в функционировании личности. Чтобы описать механизм вовлечения представителей молодёжи в трудную жизненную ситуацию, или инициации трудной жизненной ситуации самой молодёжью, нужно рассматривать её в контексте не только социальных процессов в обществе, но и конкретных социальных ситуаций. В условиях социально-экономических и политических изменений, происходящих в обществе, особенно трудно приходится подросткам и молодёжи, с их ещё не устоявшимся мировоззрением, подвижной системой ценностей. Крушение идеалов, предлагаемых молодёжи, обостряет естественный юношеский нигилизм, что порождает у многих молодых людей апатию, безразличие к себе и другим и грозит потерей нравственного и духовного здоровья нации. Это позволяет говорить о данной категории населения как об одной из самых уязвимых.

Выявляя основные проблемы социализации и адаптации молодёжи в обществе, её экономические, возрастные, психологические и социальные особенности, её социальный статус и основные тенденции развития субкультуры в современных условиях, следует подчеркнуть крайнюю необходимость социальной работы в отношении этой группы населения.

Отечественные исследования, в основном посвященные молодёжным и подростковым субкультурам, ценностным ориентациям молодёжи, процессам социализации и жизненного самоопределения, особенностям подросткового поведения, практически не затрагивают молодёжные организации разного типа, не исследуют их как самостоятельную реальность. Несмотря на это, нельзя не принимать во

внимание тот факт, что не только субкультура оказывает значительное влияние на молодых людей, также существенным фактором в их социализации являются организации, которые их окружают [5].

Рис. Направления мониторинга семей в трудной жизненной ситуации.

Молодежь, как особая социальная группа постоянно находится в фокусе исследований социологов, поскольку, именно она является чутким индикатором происходящих перемен и определяет в целом потенциал развития общества. От того, насколько изучен мир ценностей современной молодежи, ее установки, жизненные планы, во многом зависит эффективность разрабатываемых мероприятий в области образования, в сфере труда и занятости, а также преодоления молодёжью трудных жизненных ситуаций [2, 4].

Трудная ситуация всегда характеризуется несоответствием между тем, что человек хочет (сделать, достичь и т.п.), и тем, что он может, оказавшись в данных обстоятельствах и располагая имеющимися у него собственными возможностями. Понятие «трудная жизненная ситуация» тесно связано со словосочетанием «экстремальная ситуация», так как нельзя не брать во внимание, что зачастую люди поневоле становятся жертвами различных бедствий и катастроф.

На рисунке 1. можно увидеть основные направления мониторинга семей в трудной жизненной ситуации.

По аналогии с данной схемой в настоящее время существует достаточно схем для «теоретической» работы с различными категориями трудных жизненных ситуаций.

Классификация категории «трудная жизненная ситуация» по степени участия:

1) Трудные жизненные ситуации;

2) Трудные ситуации, связанные с выполнением какой-либо задачи;

3) Трудные ситуации, связанные с социальным воздействием [2].

Ф. Е. Василюк выделяет четыре основных типа в соответствии с особенностями ситуаций: стресс, фрустрацию, конфликт и кризис.

По типам трудностей квалифицируют трудную жизненную ситуацию К. Муздыбаев: по интенсивности, по величине потери или угрозы, по длительности (хронические, краткосрочные), по степени управляемости событий (контролируемые, неконтролируемые), по уровню влияния [4].

13.11.2015 проведен Республиканский круглый стол, в котором приняли участие специалисты управления социальной поддержки населения г. Абакана и других муниципальных образований республики Хакасия (г. Абаза, с. Аскиз, г. Белый Яр, г. Черногорск, г. Сорск). Итогом

работы круглого стола стало обсуждение, создание комплексной модели «Escape» - централизованного алгоритма работы с молодёжью Республики Хакасия, оказавшейся в трудной жизненной ситуации.

В ходе обсуждения проблемы со специалистами управлений социальной поддержки населения муниципальных образований Республики Хакасия, работающими с молодежью в различных трудных жизненных ситуациях (на круглом столе), в ходе видео-интервью представителей молодёжи Республики Хакасия, имеющих позитивный опыт преодоления трудных жизненных ситуаций была собрана информация о проблемном поле исследования. Проведен конкурс студенческих работ видеоинтервью «Я - молодой, и у меня всё получилось!», самые эффективные интервью просмотрены с комментариями в ходе работы круглого стола. Полученный опыт был обобщен, проанализирован, выделены сильные и слабые стороны сложившейся системы практики. По итогам работы круглого стола, в ходе дальнейшей аналитической работы, создан алгоритм работы с молодёжью Республики Хакасия в трудной жизненной ситуации. На круглом столе присутствовали корреспонденты местных СИМ, корреспондент Кедрин Андрей написал заметку о проведенном мероприятии и его итогах, напечатанную 18.11.15г. в газете «Абакан». Велась видеосъемка местными СМИ.

Всего в очном и заочном формате приняло участие 122 человека. Непосредственно в круглом столе приняли участие 47 человек. География участия: Абакан, Абаза, Белый Яр, Сорск, Аскиз.

Результаты имеют явный социально-значимый характер, область применения – социальная сфера. По материалам проекта готовится научная публикация, освещающая результаты (январь 2016).

Анонс мероприятия был размещён на информационных порталах в Интернет, что повлекло за собой значительное расширение круга заочных и очных участников круглого стола, всего приняло участие 122 человека, расширилось проблемное поле.

Круглый стол прошел на эмоциональном подъёме, присутствующая аудитория активно включилась в дискуссию. Опыт видеоинтервью оказался успешным, принято решение о продолжении конкурса до конца текущего учебного года. Иногородние специалисты высказали одобрение и

предложение по продолжению сотрудничества с ХГУ как площадки для обмена профессиональным опытом.

У молодости есть ряд особенностей, отличающих ее от других возрастов. По своему характеру молодость — это переходное, «подвешенное» состояние между детством и взрослостью. В каких-то вопросах молодежь является вполне зрелой, серьезной и ответственной, а в других — наивной, ограниченной и инфантильной. Эта двойственность определяет ряд противоречий и проблем, свойственных этому возрасту, в том числе, возрастающее в последнее время число представителей молодежи, находящихся хронически или периодически в трудной жизненной ситуацию.

В условиях обилия программ политики в области молодежи в каждом регионе РФ, первостепенной задачей является формирование у представителя молодёжи активной позиции по отношению к трудной жизненной ситуации, в которой он находится. Разработанный алгоритм способен инициировать такую позицию у представителя молодежи по отношению к его ситуации. В активную позицию входит всесторонняя рефлексия ситуации (а не поиск виноватых), формирования чувства причастности к ситуации («это моя проблема»), ревизия жизненных установок, проявившихся через отношение к конкретной трудной жизненной ситуации, поиск ресурсов, информационная поддержка и этап перехода интенции к действию. Алгоритм представляет собой 6-шаговую модель анализа (либо самооанализа) ситуации, помогающую сформировать у представителя молодёжи адаптивный копинг по совладанию с трудной жизненной ситуацией.

Алгоритм работы с молодёжью Республики Хакасия в трудной жизненной ситуации «Escape»

1. Этап Самоопределения или «постановки диагноза»: «Я - в трудной жизненной ситуации».

2. Этап Рефлексии «Моя трудная жизненная ситуация – объективного или субъективного характера».

2.1. Что привело меня к тому, что в данное время я нахожусь в трудной жизненной ситуации?

2.2. Сколько времени я уже пребываю в трудной жизненной ситуации?

2.3. Причастность. Кто (если имеется) вовлёк меня в трудную жизненную ситуацию? Кого (если имеется) я уже вовлёк в трудную жизненную ситуацию?

2.4. Могу я остановить дальнейшее вовлечение людей в эту трудную жизненную ситуацию? (имеется в виду, в саму ситуацию, а не в её разрешение).

2.5. Степень контроля. Каким аспектом трудной жизненной ситуации я могу управлять? Что неподвластно мне в этой трудной жизненной ситуации?

2.6. Ревизия. Изменит ли эту ситуацию пересмотр своих мыслей, чувств о ней, своего поведения? Изменит ли эту ситуацию пересмотр своих мыслей, чувств и поведения вообще?

2.7. Что мне следует пересмотреть, чтобы уменьшить негативное влияние на меня этой ситуации?

2.8. Вывод о типе трудной жизненной ситуации: субъективная, объективная, сочетающая оба фактора (пропорция).

3. Поиск ресурсов. Какие я имею внутренние и внешние ресурсы, чтобы справиться с трудной жизненной ситуацией?

4. Решение. Какой первый шаг я сделаю, чтобы совладать с трудной жизненной ситуацией?

5. Информационная поддержка. Куда я могу обратиться за консультацией, информацией?

6. Действие. Сегодня я звоню в…/отправляюсь в….для того чтобы узнать о…

Главная задача использования алгоритма «Escape» – содействие навыку точно диагностировать собственные затруднения, их сферу, определять возможные пути решения и адресатов, которые могут оказать информационную поддержку и создание зоны персональной ответственности за сложившуюся ситуацию.

При желании каждый молодой человек способен найти в средствах массовой информации всю необходимую информацию о текущих проектах в области поддержки молодёжи, и выбрать те из них, которые способны помочь в решении его конкретных проблем. Кроме того, в РХ имеются 2

«горячих линии», в том числе, для молодёжи, где можно получить как информационную поддержку, в случае объективно сложившейся трудной жизненной ситуации, так и консультацию психолога, в случае субъективной трудной жизненной ситуации.

Информация для молодежи о службах, где в РХ можно получить бесплатную консультацию и иную помощь:

1. Республиканская служба психологической помощи "ЕДИНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН". Республиканская служба психологической помощи «Единый социальный телефон»: экстренная психологическая помощь по телефону бесплатно, анонимно, круглосуточно. Также, если Вы не знаете, к какому специалисту обратиться в решении социальных проблем, кратко сообщите запрос, и Вас соединят с нужным отделом Управления социальной поддержки населения, Министерства труда и социального

развития, Министерства образования или другой службой; по г. Абакану: 215-002; по Республике Хакасия: 8-800-200-3902 [6];

2. АНТИКРИЗИСНЫЙ ЦЕНТР (г. Абакан, ул. Ленина, 36) - ведёт работу по нескольким направлениям: Круглосуточный телефон психологической помощи для детей, подростков и взрослых 8-800-250-4425. Если Вам одиноко, вы переживаете утрату, не знаете, с чего начать решать ворох накопившихся проблем - позвоните в антикризисный центр в любое время. Также, в этом центре Вы можете бесплатно прийти на приём к психологу или психиатру, для этого запишитесь в регистратуре (8-3902) 215-660, с 8.00 до 17.00, перерыв с 12.00 до 13.00. Отделение имеет психотерапевтический и физиотерапевтический кабинеты [6].

3. С 2011 года Мантикова А.В. регулярно размещает на своём блоге информацию для молодежи и других социально незащищённых категорий граждан, где можно получить бесплатные психологические, социальные услуги: http://pomogydaromkhakasia.blogspot.ru/

В настоящее время не умаляется значение и роль молодёжи не только в настоящем социально-экономическом контексте, но и в будущем. Признаётся значение поддержки молодёжи как переходной социально-демографической, нестабильной группы.

Несмотря на обилие государственных программ, направленных на адресную поддержку молодёжи в различных трудных жизненных ситуациях: концепций поддержки работающей молодежи, молодёжи, не имеющей профессиональных навыков, безработной молодёжи и т.п., имеется актуальная потребность в единой стратегии анализа трудной жизненной ситуации, в которой находится представитель молодёжи.

При этом, данная аналитическая стратегия, главным образом, должна использоваться самим представителем молодёжи (самостоятельно либо с помощью другого лица) как стратегия, актуализирующая потенциал, формирующая на интенциональном уровне рефлексивный взгляд на ситуацию, готовность проявлять активность, инициативу в формировании копинг-стратегий совладания с трудной жизненной ситуации различного формата. Поэтому создаваемый алгоритм должен отвечать критериям операционализируемости и возможности практического применения для анализа трудной жизненной ситуации и выработки первых шагов по её активному преобразованию, а не существовать как ещё одна умозрительная теоретическая выкладка.

Создание алгоритма «Escape» призвано решать прикладную задачу помощи молодежи РХ, находящейся в трудной жизненной ситуации. Данный шестишаговый алгоритм может использоваться как консультантами республиканских линий антикризисной помощи в качестве ещё одного инструмента помощи молодёжи, так и самостоятельно представителями молодёжи для анализа сложившейся ситуации.

Таким образом, целевая аудитория для данного алгоритма: молодёжь, представители социальных служб и общественных организаций, оказывающие помощь представителям молодёжи.

Литература:

1. Кон, И.С. Социология молодежи. В кн.: Краткий словарь по социологии М., 1988.

2. Человек в трудной жизненной ситуации: Материалы I и II НПК / Под ред. Е. А. Петровой – М., 2004. – 260 с.

3. Проект федерального закона от 09 января 2013 г. «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». URL: http://www.rosmintrud.ru/docs/doc_projects/944 (Дата обращения: 22.10.2015)

4. Мацукевич, Ольга Юрьевна. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ // Вестник ТГУ. 2012. №3. С.177-181.

5. Положение молодежи в РФ и государственная молодежная политика. М.: Психология, 2011. - 200 с.

6. Информация о бесплатной и социальной помощи в РХ. URL: http://pomogydaromkhakasia.blogspot.ru/ (Дата обращения: 29.11.2015)

7. Спасти потерянное поколение. URL: http://abakan-news.ru/articles/65391/ (Дата обращения: 18.11.2015).

– ● –

Приложения

Приложение 1 .

Резолюция Круглого Стола
«Escape» - централизованный алгоритм работы с молодёжью Республики Хакасия в трудной жизненной ситуации»

1. В ходе дискуссии по определению круга проблем молодежи, выявлено 2 типа ТЖС – объективные (зафиксированные в законодательстве) и субъективные, связанные с личностными особенностями, незрелостью личности. Считать «молодежью в ТЖС» только ту молодежь, которая находится в ТЖС объективно, т.е., в обстоятельствах, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности.

2. Считать профилактическую работу, работу на упреждение, работу с лицами, которые только недавно оказались в ТЖС, наиболее эффективной.

3. Расширить аудиторию и продолжить работу над составлением

единого алгоритма помощи молодежи в ТЖС в присутствии представителей НКО и Политических партий.

4.Представителям НКО и политических партий осуществлять координацию межведомственной коммуникации по проблеме молодежи в трудной жизненной ситуации.

5. В качестве куратора рассмотреть возможность закрепления представителя общественности за каждой организацией, занимающейся молодежи в ТЖС.

6. Инициировать НКО деловую коммуникацию между общественностью и государственными организациями.

7. Оптимизировать функцию «Единого социального телефона» как координатора между молодежью в ТЖС и государственными организациями по аналогии с коротким номером службы спасения «112».

Приложение 2 .

Материалы статьи по итогам работы круглого стола «Escape» «Спасти потерянное поколение»

Найти способ поддержать молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации – такую цель поставили перед собой участники республиканского круглого стола «Escape». Организаторами его выступили представители кафедры психологии МПСИ Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова при поддержке министерства экономики Хакасии.

Многообразие проблем

Для участия в работе круглого стола были приглашены социальные работники, педагоги, представители молодежи – словом, все желающие. При этом работать требовалось над целым клубком противоречивых проблем, которые лишь на первый взгляд могут показаться самостоятельными. Судите сами: с юридической точки зрения под понятием «трудная жизненная ситуация» подразумеваются обстоятельства, которые человек не способен преодолеть самостоятельно. Официальный перечень их хотя и велик, но довольно ограничен. Возможно, потому, что законодатели имели в виду крайние случаи, с которыми приходится сталкиваться взрослым, состоявшимся людям. Например, инвалидность или одиночество пожилых людей, не

имеющих родственников, за которыми нужен уход. Как показывает практика, в случае с детьми и подростками трагедию может вызвать и такое обстоятельство, на которое не обратят внимания взрослые.

Возьмем, к примеру, такую проблему как отсутствие цели в жизни. Казалось бы, здесь нет ничего опасного: жить можно и просто так, ради самого процесса. Более того, немалая доля наших сограждан так и поступает, даже не задумываясь о том, что можно желать чего-то большего. Однако цель в жизни, как правило, выступает своего рода путеводным маяком для человека. Именно ориентируясь на нее, мы выбираем, в какой вуз поступать и поступать ли вообще, с какого места работы начинать свою карьеру и так далее. При отсутствии такого ориентира человек может попросту потеряться в жизни, не зная, где применить свои силы. Как итог мы можем наблюдать равнодушие к жизни уже на самом начальном ее этапе, либо несколько позже – примерно к 25-

30 годам, когда наступает очередной кризис личности. В обоих случаях результат может быть одинаковым: человек выбирает бегство от действительности, уходя в виртуальный мир, алкоголизм или наркоманию. А именно от этого и предполагается удержать наших молодых людей.

Именно потому, что само болезненное пристрастие к чему-либо также может быть названо трудной жизненной ситуацией. Но, как видно из приведенного выше примера, часто это – следствие каких-либо проблем, выхода из которых ребенок также не может найти самостоятельно. Крайний вариант – когда дети просто не знают, что в жизни есть иные радости, кроме бутылки, поскольку их родители именно так отмечают любой праздник. Или не умеют проводить свободное время без компьютера, поскольку их отец большую часть выходных или вечеров проводит «на войне» с World of Tanks или другим продуктом игровой индустрии.

Жестокое обращение в семье – еще одна многогранная проблема, с которой приходится сталкиваться и воспитателям и обществу в целом. Дело в то, что в семейном насилии так сложно сплетены особенности отношений в этой семье, что со стороны порой очень сложно разобраться в первопричинах происходящего. Не всегда удается и однозначно определить жертву и агрессора, поскольку они порой меняются местами, а ребенок может выступать в качестве любой из сторон конфликта. Или быть лишь наблюдателем, но переносить увиденное в собственную семью.

Когда хочется добра

Интересно, что, наряду с подобными ужасами трудную жизненную ситуацию для молодого человека могут создать и невинные, на первый взгляд вещи. С тем, что наличие цели в жизни безусловно важно, согласятся все. А вот тот факт, что родительские внушения могут оказать не менее разрушительное влияние на жизнь, признать сложнее. Конечно, не все однозначно, тем более что в этом случае мы речь идет об искреннем желании взрослых людей уберечь свое дитя от разочарований или помочь ему избежать ошибок в жизни. Однако порой получается, что взрослые программируют свое дитя на неуспех. Происходит это следующим образом: родители могут, к примеру, отговаривать ребенка от поступления в престижный вуз, уверяя, что без взятки пройти по конкурсу

невозможно. Или часто повторяя в разговорах то, что больших денег заработать честным трудом не получится. А может, уверяют детей, что работа ни в коем случае не должна приносить радость, ведь в этом случае она будет «ненастоящей»... Вариантов масса, и, пожалуй, у каждого человека есть несколько таких установок, полученных в жизни. Теперь посмотрим, чем они оборачиваются на практике. Если вернуться к нашим примерам, то выйдет, что в первом случае ребенок получает уверенность в силе коррупции, а одновременно – в том, что он всегда будет неудачником, не имея достаточно денег. Более того, он может никогда даже не попытаться открыть новое дело или овладеть интересной профессией, будучи внутренне уверенным в неизбежности провала. Во втором случае ограничивается полет фантазии в поиске заработка: у человека формируется представление о том, что стремиться что-то сделать бессмысленно, потому что все равно самыми богатыми будут лишь те, кто обманывает своих ближних. А бедность будет восприниматься как эталон честности. Что, скажем прямо, не всегда соответствует действительности. В третьем случае мы можем увидеть несчастного, который не решается оставить ненавистную работу и заняться интересным делом, которое принесло бы больше пользы окружающим только потому, что когда-то его уверили в том, что его хобби – лишь забава для свободного времени.

Чего хочет молодежь?

Старшее поколение может сколько угодно искать способы помочь юным, однако без понимания мировоззрения нового поколения все предлагаемые способы вряд ли будут действенны. К сожалению, с устремлениями молодежи дела обстоят отнюдь не радостно. «Потерянное поколение» – эта оценка детей девяностых годов звучала в ходе круглого стола не раз. Наблюдения специалистов подтверждают и проведенные в Абакане научные исследования в сфере ценностно-потребностной сферы личности у подростков. Так, по словам старшего преподавателя кафедры психологии МПСИ ХГУ Анны Мантиковой, на первых местах у большинства молодых людей находится их эго, то есть, все индивидуальные устремления. На втором – стремление к удовольствию, на третьем – к безопасности. А вот тяга к познанию, общению с другими людьми, не говоря уже обо всем, что связано с духовным ростом, значительно от них

отстают. Проще говоря, в настоящее время в обществе имеется значительная доля эгоистичных личностей с большими амбициями, которые при этом не способны реализовать себя в жизни, потому что не умеют, и не хотят учиться и работать. Причем, что интересно, в этой сфере практически нет разницы между подростками из благополучных семей и контингентом спецучилищ.

Одной из причин такой ситуации исследователи указывают влияние СМИ. А точнее, весь тот вал рекламы, который несется с экранов. Дело в том, что рекламные продукты создается таким образом, чтобы воздействовать на человеческие слабости и амбиции: «Пусть весь мир подождет…», «Ведь вы этого достойны», "Имидж ничто...". Именно такие установки призваны побуждать людей на покупки. Но подобные слоганы одновременно воспитывают тех людей, кто не в состоянии выставить фильтр критического восприятия. К последним относятся, в первую очередь, дети. К сожалению, часто они так и не получают способности мыслить критично. Вот и получается, что побочный эффект рекламы – создание поколения эгоистов, уверенных в том, что они-то достойны всего просто по праву рождения.

Решать проблемы вместе

Понятно, что не существует волшебной палочки, одним взмахом которой можно исправить текущее положение дел. В этом соображении собравшиеся за круглым столом оказались единодушны. Как и в том, что требуется и дальше совершенствовать систему воспитания в стране. При этом мнение на местах во многом совпадает с теми предложениями, которые выдвигаются на федеральном уровне. Например, обязательное воспитание патриотизма. Такие ценности, как любовь к своей стране в России едва не были забыты, а именно на их основе можно растить личность. А вот как именно это сделать – единого рецепта пока нет.

Одним из вариантов решения проблемы названо появление достойных объектов для подражания. Речь идет о том, чтобы молодежь как можно больше узнавала не о звездах эстрады, а о тех, кто совершает подвиги, открытия, добивается успеха в условиях, когда это кажется невозможным. Такие герои могут стать тем самым примером, которому смогут следовать молодые люди.

Параллельно некоторые из участников дискуссии склонились к

тому, чтобы сотрудничать с религиозными объединениями – такая практика порой приносит свои плоды, когда речь идет о реабилитации зависимых от наркотиков или алкоголя. Важно, по мнению педагогов, возвращать в школы систему профориентирования, ведь далеко не везде в нашей республики она действует в полную силу.

Понятно, что даже разработанная участниками резолюция не означает решения проблем молодежи. Однако «Escape» важен уже потому, что позволил понять, что тот, кто старается помочь новому поколению – не одинок в своих устремлениях. Это чувство очень важно для любого человека. А значит, работа продолжится [7].

Андрей КЕДРИН. Газета «Абакан» от 18.11.15 г.

Кедрин А. Спасти потерянное поколение // Газета «Абакан» от 18.11.2015 г. URL: http://abakan.bezformata.ru/listnews/spasti-poteryannoe-pokolenie/40311214/

– ● –

Mantikova A. V., Grebeshkova O. Ju., Chuprov L. F. «Escape» - centralizovannyj algoritm raboty s molodjozh'ju Respubliki Hakasija v trudnoj zhiznennoj situacii/ A. V. Mantikova, O. Ju. Grebeshkova, L. F. Chuprov // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4.

– ● –

Abstract. The object of study is young people in difficult situations. Purpose – to study the experience of socially oriented institutions in Abakan and Khakassia regions for interaction with the purpose of helping youth in difficult life situation; a study of the experience of youth of Khakassia, having effective coping to overcome difficult situations. In the process they identified patterns of assistance to the youth of the Republic of Khakassia caught in a difficult situation.

Keywords: psychology, a difficult life situation, youth, Escape.

– ● –

Сведения об авторах

Анна Владимировна **Мантикова**, практикующий психолог, ст. преподаватель кафедры психологии Медико-психолого-социального института. ФГБОУ ВПО Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия)

Ольга Юрьевна **Гребешкова**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии Медико-психолого-социального института. ФГБОУ ВПО Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия).

Леонид Федорович **Чупров**, главный редактор ЭНЖ «PEM:Psychology. Educology. Medicine».

© А. В. Мантикова, 2015.
© О. Ю. Гребешкова, 2015.
© Л. Ф. Чупров, 2015.

© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.12.2015.

– • –

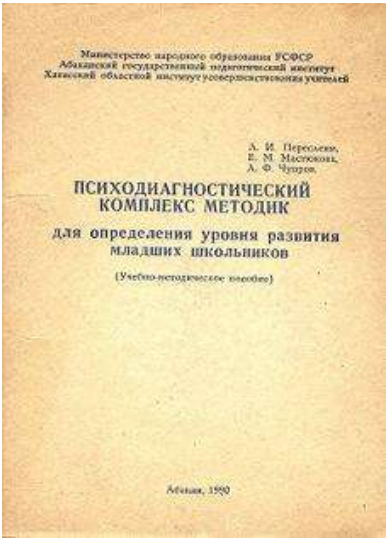
УДК 159.922.7(075)

К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (ПДК-ТРИАДА)

Л. Ф. Чупров. *Научный жкрнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия), e-mail: leo-chuprov@yandex.ru*

Резюме. В статье описана история создания диагностической батареи: психодиагностического комплекса методик для обследования детей дошкольного и младшего школьного возраста. Публикация приурочена к 25 годовщине публикации учебно-методического пособия с описанием этой диагностической батареи методик.

Ключевые слова: психологическая диагностика, умственное развитие, дети дошкольного возраста, младшие школьники, диагностический алгоритм.


Министерство народного образования РСФСР
Абакинский государственный педагогический институт
Хакасский областной институт усовершенствования учителей

Л. И. Переслени,
Е. М. Мастюкова,
Л. Ф. Чупров.

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕТОДИК

для определения уровня развития младших школьников

(Учебно-методическое пособие)

Абакан, 1990

В этом, 2015 году, исполнилось ровно 25 лет с того момента, как увидела свет и получила широкое распространение психодиагностическая батарея «Психодиагностический комплекс методик» (ПД-триада) по Л. И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову и М.С. Певзнер [6; 7].

Исходное название инструмента «Психодиагностический комплекс методик для определения уровня умственного развития младших школьников» (ПДК) [6]. Позднее в справочнике Е.М. Мастюкова в своей статье

зафиксировала в названии «триада ПДК» [4]. Полное же свое имя комплекс (ПД-триада) получил после профессионального рецензирования [1].

Довольно трудно сегодня написать новую статью о комплексе, начиная с первой публикации в «Психологической газете»[14], но обстоятельства этого требуют. В основу данного описания положены фрагменты из статьи автора на портале «СоцОбраз» [15].

Если быть точным, то ПДК – это упрощенная батарея из трех психодиагностических методик и формализованного «Вопросника-характеристики» [5]. Исходно это были четыре методики – тетрада: методика «Угадайка! Для исследования особенностей прогностической деятельности, цветные матрицы Дж. Равена, «методика «Словес-ные субтесты» [12; 13; 16]. Четвертым диагностическим инструментом была методика совмещения признаков по В.М. Когану [8]. Само собой разумеется, что психологические данные должны подкрепляться педагогическими сведениями, как минимум. Это предполагалось, как минимум, получить из данных вопросника-характеристики.

Психодиагностический комплекс основан на принципе необходимости-достаточности диагностических инструментов, объединенных общей теоретической концепцией и способом «Интерпретации психодиагностического комплекса и написанием психологического заключения». После выхода ПДК один мой коллега (М. В. Воропаев) поздравил меня с удачным названием и предсказал, что это будет бренд. И не ошибся. С самого первого дня после своего выхода, несмотря на отсутствии пособия в свободной продаже, ПДК стал объектом пиратского копирования и контрафактных переизданий. Подробнее это все описано в статье на портале «СоцОбраз» [15].

В силу объективных обстоятельств и необходимости хоть чем-то вооружить слушателей, получающих новую специальность «практический психолог», первоначальное издание было в виде серии из трех методичек

[2; 3; 9]. Лишь к осени 1990 г. появилась возможность издания целостного учебно-методического пособия [6].

Попробуем представить структуру ПДК и теоретический принцип конструирования триады (см.: рис.1).

Это и есть отличительные признаки ПДК по Л. И. Переслени, Е. М. Мастюковой, Л. Ф. Чупрову (1990)[6] от любого другого комплекса, направленного на исследование познавательной деятельности (дошкольников, младших школьников, подростков, взрослых). Отдельно взятая методика (или методики), изначально присутствуя в ПДК, может (могут) использоваться в составе других диагностических батарей, построенных на принципах отличных от ПДК, но к вариантам описания методик в редакции 1990 г. это не применимо.

Не будем терять время на рассматривание всех вариантов контрафактного переиздания ПДК.

Рис. 1.

Первыми с материалами этого учебно-методического пособия ознакомились слушатели курсов практических психологов и организаторов школьной психологической службы (1989-1990 учебный год) при Кировском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина (Киров). Именно там впервые была произведена апробация содержания данного пособия в учебном процессе, а отзывы и пожелания слушателей по возможности были учтены при подготовке рукописи первого издания к

печати. И лишь позднее в Абаканском государственном педагогическом институте.

Тогда авторы не предполагали, что пройдет всего несколько лет, и оно станет своеобразным бестселлером, активно воспроизводимым разного рода справочниками, учебно-методическими комплексами, пособиями и т.п., будет оценено как издание из «Золотого фонда отечественной науки» в 2010 году.

Несколько позднее пособие пошло процедуру профессионального рецензирования [10; 11]. Через год после этого было принято к изданию в научный журнал «Психологическая диагностика». Сетевое издание пособия в настоящее время находится в свободном доступе на сайтах «Объединенной редакции научных журналов» [«Наука. Мысль» URL: http://wwenews.esrae.ru/17-147 ; «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» URL: http://bulletinpp.esrae.ru/208-965].

На этом, вероятно, надо поставить точку в истории ПДК-триады, Новая история – это будет уже история полного психодиагностического комплекса – ПДК-тетрады.

— ● —

Литература:

1. Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения / под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – Т.2. – 231 с.

2. Исследование особенностей прогностической деятельности (методические рекомендации и компьютерная программа) / Авт.-состав.: Л.И. Переслени, В.Л. Подобед, Л.Ф. Чупров.- Абакан: АГПИ, 1990.- 30 с.

3. Использование матриц Дж. Равена в экспериментальных и диагностических целях (методические рекомендации) / Сост.: Л.И. Переслени, Л.Ф. Чупров, М.В. Воропаев, А.Ю. Тутрин. - Абакан: АГПИ, 1990. - 41 с.

4. *Мастюкова Е. М.* Олигофрения// Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста/ Циркин С. Ю. (общая редакция). – СПб.: Издательство «Питер», 1999. - с. 510.

5. *Певзнер М.С., Чупров Л.Ф.* Формализованный вопросник-

характеристика неуспевающего младшего школьника (Вступительные пояснения Л.Ф.Чупрова) //«СоцОбраз» [Электронный ресурс]. — режим доступа: http://www.socobraz.ru/index.php/Формализованный_вопросник-характеристика_неуспевающего_младшего_школьника - 04.07.2009.

6. *Переслени Л.И., Мастюкова Е.М., Чупров Л.Ф.* Психодиагностический комплекс методик для определения уровня умственного развития младших школьников (учебно-методическое пособие)/ Л. И. Переслени, Е. М. Мастюкова, Л. Ф. Чупров/. - Абакан, АГПИ, 1990. -. 68 с.

7. *Переслени, Л. И.* Психодиагностический комплекс методик для определения уровня умственного развития младших школьников [Текст]: (практическое пособие) / Л. И. Переслени, Е. М. Мастюкова, Л. Ф. Чупров; под ред. Л. Ф. Чупрова // Психологическая диагностика. - 2014. - № 2. - С. 3-66. - Библиогр.: с. 1-51 (75 назв.) . - ISSN 1991-3230.

8. Проба на совмещение признаков (В.М. Коган – по Л. Чупрову)// В кн.: Бизюк А.П. Компендиум методов нейропсихологического исследования. Методическое пособие. СПб.: Речь, 2005. - С. 308-310.

9. Психодиагностика особенностей словесно-логического мышления младших школьников (методические рекомендации и компьютерная программа) / Авт.-сост.: Л.И. Переслени, Е.М. Мастюкова, Л.Ф. Чупров. - Абакан: АГПИ, 1990. - 28 с.

10. Рецензия Акимовой Маргариты Константиновны на Психодиагностическую триаду методик для исследования структуры интеллектуального развития младших школьников (ПД-Триада) Переслени Л.И., Мастюковой Е.М., Чупрова Л.Ф. и Певзнер М.С.

Выходные данные: Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения / под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – Т.2. – С. 184-187.

11. Рецензия Барлас Татьяны Владимировны на Психодиагностическую триаду методик для исследования структуры интеллектуального раз-

вития младших школьников (ПД-Триада) Переслени Л.И., Мастюковой Е.М., Чупрова Л.Ф. и Певзнер М.С.

Выходные данные: Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения / под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – Т.2. – С. 187-191.

12. *Чупров Л.Ф.* Особенности произвольного внимания и познавательной деятельности младших школьников с задержкой психического развития // Дефектология. - 1987.- № 6.- С. 17-22.

13. *Чупров Л.Ф*. Особенности интеллектуальной недостаточности у младших школьников с задержкой психического развития из различных социально-педагогических условий обучения и воспитания // Современные исследования по проблемам учебной и трудовой деятельности аномальных детей (тезисы Всесоюзной сессии по дефектологии). — М.: АПН, 1990. — Ч. 2. — С. 310-311.

14. *Чупров Л.Ф*. Чудесная триада - ПДК // Психологическая газета (ИМАТОН). - 1999. - № 11. - ноябрь. - С. 24-25.

15. *Чупров Л. Ф.* ПДК: история разработки психодиагностической батареи. // «СоцОбраз» [Электронный ресурс]. -14 сентября 2009 . - Режим доступа: URL: http://www.socobraz.ru/index.php/ПДК:_история_разработки_психодиагностической_батареи

16. *Чупров Л.Ф.* Психологическая дифференциация состояний задержки психического развития у младших школьников // V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». — Москва, 14–18 февраля 2012 года. Научные материалы. — Том III. Психодиагностика – М., 2012. – С. 227-228. – Сайт РПО psyrus.ru [Электронный ресурс] — Режим доступа: World Wide Web. URL: http://www.psyrus.ru./periodicals/pdf/v_tom_3.pdf . - 25.02.2012.

Chuprov L.F. K istorii razrabotki psihodiagnosticheskogo kompleksa (PDK-triada)/ L. F. Chuprov // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4

– ● –

Abstract. The article describes history of creation of a diagnostic battery: a complex psychodiagnostic methods for the examination of children of preschool and younger school age. The publication is timed to the 25th anniversary of the publication of teaching AIDS with a description this diagnostic battery of techniques.

Keywords: psychological diagnosis, mental development, preschool children, primary school children, a diagnostic algorithm.

– ● –

Сведения об авторе

Леонид Федорович **Чупров**, главный редактор и учредитель научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» и ЭНЖ «PEM:Psychology. Educology. Medicine» (Черногорск, Россия).

© Л. Ф. Чупров, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.11.2015.

– ● –

УДК 159.9

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ: АЛЁХИН А.Н. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ

П. В. Сабанин. Институт психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ / ЭНЖ «Наука. Мысль» (Россия, Москва), e-mail: converge@mail.ru

Л.Ф. Чупров, «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» / ЭНЖ «PEM: Psychology. Educology. Medicine» (Россия, Черногорск), e-mail: lchpr@rambler.ru

Резюме. Статья представлена двумя текстами. Это два комментария, которые подготовили авторы к запланированному обсуждению статьи доктора медицинских наук, профессора А.Н. Алёхина. Первый текст комментария принадлежит аспиранту-психологу П.В. Сабанину, второй - кандидату психологических наук Л.Ф. Чупрову. Публикация материалов обсуждения и сама обсуждаемая статья не были опубликованы в журнале. Статья А.Н. Алёхина увидела свет лишь в сетевом варианте в другом издании.

Ключевые слова: несостоявшаяся дискуссия, психологическая диагностика, методологический анализ, обсуждения.

Предисловие. Обсуждаемая статья предназначалась для публикации с последующей дискуссией в одном из практико-ориентированных психологических журналов, но поскольку мероприятие не состоялось, то автор разместил позднее эту статью на ресурсе «Медицинская психология в России: электрон. науч. журн.». - 2011. N 2., где она свободно доступна читателям [1].

Сабанин П.В. (Москва). **Обсуждение статьи: Алёхин А. Н. «Методологический диагноз психологической диагностике»**

Статья представляет несомненный интерес в том плане, что автор подходит к анализу предмета своего рассмотрения через теорию симулякров, применительно к процессу психологического исследования[1].

Автор статьи, рассматривая тему, затронул ряд проблемных вопросов касающихся психодиагностики. Один из них это чрезмерное, употребление опросников психологами в своей практической работе. К сожалению, эта проблема реально имеет место быть, особенно в учреждениях, относящихся к институтам государственных органов власти, особенно в силовых структурах, где психологи, зажатые в жесткие рамки, обязаны использовать опросники (например «СМИЛ» и на его основе, используя его как основополагающий источник знания о личности человека делать заключения) [4]. Проблема использования «СМИЛ» усугубляется еще и тем, что обследуемому очень сложно ответить на все 566 утверждения. Данное обследование люди, зачастую воспринимают как некую пытку, так как приходится затрачивать большое количество волевых усилий, и очевидно, что переутомление может негативно сказаться на качестве полученных результатов. Также при наблюдении за испытуемыми, выполняющими данную методику, отмечается, что у некоторых из них меняется эмоциональный фон поведения, другие явно высказывают свою утомлённость и нежелание отвечать. В таких условиях полученные результаты вызывают явные сомнения в их достоверности.

Но, что может противопоставить психолог-практик опросникам? При массовых исследованиях, приведенные автором лонгитюдные и «максимально индивидуальные» обследования, зачастую просто технически не возможны. А применять индивидуальные нормы для анализа полученных результатов, конечно же, необходимо, но как узнать, как эта норма для испытуемого вписывается в социальную норму, присущую для данной популяции людей их культуры, в широко смысле этого слова. И какая должна быть тогда характеристика полученных

результатов, в какой форме они должны тогда отражаться в статье не указано, и вопрос остается открытым.

Также необходимо отметить, что человек воспитываясь в определенной культурной среде, усваивает определённые нормы поведения и информацию, у него формируются определенного типа навыки, поэтому людей можно друг с другом некоторым образом сравнивать. А раз так, то нормально созданный опросник, учитывающий требования надежности и прошедший стандартизацию, валидный может применяться психологом в точности с требованиями к его применению, но, ни как самостоятельный инструмент диагностики, так как ценность в этом случае его теряется. Конечно, опросник должен быть оптимизирован под усредненные психофизиологические особенности человека.

Данная статья затрагивает много проблемных и острых вопросов психологической диагностики, отдельного рассмотрения требует такой аспект, как применение статистического анализа в психологических исследованиях.

— ● —

Чупров Л. Ф. (Черногорск). **Обсуждение статьи Алёхин А. Н. «Методологический диагноз психоло-гической диагностике»**

Статья представляет несомненный интерес в том плане, что автор старается через теорию симулякров подойти к процессу психологического исследования.

Вопросы, обсуждаемые автором, выходят далеко за рамки профессиональной культуры психолога, и, действительно, имеют методологическое значение. Эти вопросы обсуждались отечественными психологами (педологами) Л.С. Выготским, П.П. Блонским и др. еще в 20-30 гг. Но и ныне они актуальны в свете одного из Ведомственных приказов: «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а

также в образовательных организациях высшего образования» [2].

В центре его рассуждения стоят такие понятия как диагноз и феномен (признак, знак, симптом).

Поскольку автор представитель медицинской науки, то он и пытается подойти к этим семиотическим понятиям с клинической точки зрения.

Действительно, диагностикой занимаются и психологи, и логопеды, и врачи, и педагоги. За этим модным греческим термином имеется конкретное, закрепленное в веках определение: «Диагноз (гр. diagnosis - распознавание, определение) - медицинское заключение о состоянии здоровья, характере и сущности заболевания на основании клинического и параклинического исследования, выраженное в терминах, обозначающих названия болезни (травмы) или ведущего синдрома, их форм и вариантов течения» [5, с. 66]. Если у врача и логопеда стоят какие-то «ощущаемые объективно» состояния, то у педагога и психолога далеко не всегда. Причем, учитель-логопед занимается диагностикой, выявляемые и объективизируемые им состояния первоначально имели клиническое происхождение, термина «логопедический диагноз» он не употребляет. Вместо него он пишет «Речевое заключение». Психолог выставляет диагноз лишь при комплексном исследовании совместно с врачом. Это мы в свое время обосновали «комплексно» с участием врачей и психологов в своем пособии (3, с. 52, 54-55), разведя понятия «психологическое заключение» и «диагноз». Самостоятельную диагностическую процедуру психолог оформляет как «Психологическое заключение».

Как мною отмечалось ранее, и «а воз и ныне там», в психологии отсутствует целый раздел: «психологическая семиотика». Порой, проработавший до самой пенсии психолог с удивлением обнаруживает, что один и тот же признак, выявляемый им при психологическом исследовании, может либо быть проявлением какого-то другого в рамках «иных координат», например, внимание и работоспособность, объем памяти и объем внимания, либо вообще иметь факультативное или случайное присутствие. В медицине такое вряд имело бы место.

Если за эпонимическими названиями симптомов, синдромов и диагностических проб «старых мастеров» [6] стояли клинические обоснования, то за новомодными эпонимами ничего, кроме поверхностных

представлений авторов. Как-то в «Вопросах психологии» был описан «Синдром Клеопатры». Красивая статья, только авторы не учли одного, что поведение египетской царицы было подражанием древним «кастрирующим богиням» Кибеле и Артемиде.

Термин эмпатия был введен К. Роджерсом. И вряд ли имеет отношение к «выгоранию», оно (выгорание) – проявление профессиональной деформации личности, если рассуждать клинически.

Можно было бы много написать рассуждений по данной статье, в том, и заключена ее основная ценность, как будящей мысль.

Литература:

1. *Алёхин А.Н.* Методологический диагноз психологической диагностике. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. N 2. ./ medpsy.ru - URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer01.php

2. Ведомственный приказ «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также в образовательных организациях высшего образования». - URL: http://www.zelenograd.ru/f/10656.pdf

3. *Переслени Л.И., Мастюкова Е.М., Чупров Л.Ф*. Психодиагностический комплекс методик для определения уровня умственного развития младших школьников (учебно-методическое пособие). - Абакан: АГПИ, 1990. - 68 с.

4. *Собчик Л.Н*. СМИЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. — М.: Речь, 2003. — 219 с.

5. Чупров Л.Ф. Терминологический словарь по логопедии и нейропсихологии.- М.: «Букстрим», «ООО Книжный перекресток», 2012. – 180 с.

6. Эпонимические термины в психиатрии, психотерапии и медицинской психологии. Словарь. Блейхер В.М. – К.: Вища школа, 1984. – 448 с.

— ● —

Sabanin P. V., Chuprov L. F. Obsuzhdenie stat'i Aljohin A. N. «Metodologicheskij diagnoz psiholo-gicheskoj diagnostike» /P. V.Sabanin, L. F. Chuprov // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4

– ● –

Abstract. The article presents two texts. These are two of the commentary, which was prepared by the authors to the scheduled discussion of the article of doctor of medical Sciences, Professor A. N. Alekhin. The first text belongs to the student-psychologist P. V. Sabanin, the Second - candidate of psychology L. F. Chuprov. Publication discussion, itself discussing the article were not published in the magazine. Article A. N. Alyokhin was released only in network version in another edition.

Keywords: failed discussion, psychological diagnostics, methodological analysis, discussion.

– ● –

Сведения об авторах

Павел Валериевич **Сабанин**, аспирант Институт психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ, ЭНЖ «Наука. Мысль», ответственный секретарь (Россия, Москва).

Леонид Федорович **Чупров**, кандидат психологических наук, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» и ЭНЖ «PEM: Psychology. Educology. Medicine» (Россия, Хакасия, Черногорск).

© А. В. Сабанин, 2015.
© Л. Ф. Чупров, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.12.2015.

К истории психологов и организаций

УДК 159.9

ИЗВЕСТНЫЕ ПСИХОЛОГИ НА МОНЕТАХ И БАНКНОТАХ МИРА: ПРИСТУПАЯ К ПОИСКУ

Т. М. Хусяинов, Московский университет им. С.Ю. Витте филиал в г. Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия).
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), e-mail: timur@husyainov.ru

Аннотация. В данной работе автор делает попытку сформировать новый раздел в современной нумизматике - психологическую нумизматику. В качестве предмета исследования выступили монеты и банкноты с изображением известных психологов или посвящённые событиям в истории психологии.

Ключевые слова: нумизматика, психологическая нумизматика, коллекционирование, монеты, банкноты, история психологии.

Банкноты и монеты, выпускаемые в разных странах мира, уже давно являются не просто платёжным средством, а представляют собой уникальные произведения искусства, содержащие информацию о традициях, истории и текущих событиях.

Ещё во времена Римской Империи, монеты использовались в качестве средств пропаганды и информирования, так монеты, выпущенные этот период нередко демонстрировали военные успехи, достижения в культуре и искусстве, а также пропаганда в области религии. Разумеется, в Римской Империи имелись и другие источники официальной информации, например, acta urbis или acta diuma - городские ведомости Рима, основанные в 59 г. до н.э., выполненные на отбеленные гипсом досках. Но их значение и возможности были существенно ниже, чем у монет [1], которые

могли доступным изобразительным языком донести до любого жителя в любой части Империи информацию.

В современном мире правительство большинство стран с особым вниманием подходят к изготовлению банкнот и монет, работая не только над защитой их от подделок, но и эстетической привлекательности. Денежные знаки представляют собой визитную карточку, являясь одним из важнейших атрибутов современной государственности.

Именно с помощью денежных знаков можно донести особенности культуры, истории, традиций, а также выдающихся личностях государства. Не существует лучшего способа рассказать об истории и нации впервые посещающему территорию государства гражданину другой страны, чем наличные деньги, которыми он будет пользоваться, и которые действительно специфичны.

Поэтому власти всех государств, руководство монетных дворов очень большое внимание уделяют не только средствам защиты и дизайну, но также личностям, событиям и объектам, изображаемым на банкнотах и монетах.

Стоит отметить, что обзоры монет и банкнот с изображениями различных учёных: физиков, химиков, математиков были уже не раз были представлены [2-3], но изображения психологов на монетах пока не стали предметом исследования. В своем обзоре мы рассматриваем исключительно денежные знаки, исключив разного рода жетоны и медали, которые мы рассмотрим в последующем.

Коллекционирование имеет глубокую психологическую природу, которую подметил ещё Иван Петрович Павлов, выступая с докладом на Третьем съезде экспериментальной педагогики в Петрограде 2 января 1916 г. Известный ученый говорил: *«беря коллекционерство во всем объеме, нельзя быть не пораженным тем фактом, что со страстью коллекционируются часто совершенно пустые, ничтожные вещи, которые не представляют решительно никакой ценности ни с какой точки зрения, кроме единственной, коллекционерской, как пункт влечения. А рядом с ничтожностью цели, всякий знает ту энергию, то безграничное подчас самопожертвование, с которым коллекционер стремится к своей цели. Сопоставляя все это, необходимо придти к заключению, что это есть темное, нервное, неодолимое влечение, инстинкт или рефлекс.*

Всякий коллекционер, захваченный его влечением и вместе с тем не потерявший способности наблюдать за собой, сознает отчетливо, что его также непосредственно влечет к следующему номеру его коллекции, как после известного промежутка в еде, влечет к новому приему пищи...»

Поэтому исследование коллекционирования как явления, а также предметов коллекционирования кажутся нам весьма интересными и актуальными.

Как правило, хотя и не всегда, на денежных знаках изображаются личности, сыгравшие выдающуюся роль в формировании и жизни этих стран или внесшие существенный вклад в развитие науки, техники, культуры и искусства. Среди таких личностей, которые удостаиваются быть изображёнными на банкнотах и монетах, в разных странах мира оказываются математики, физики, химики, политики и спортсмены, деятели искусства и их творения, многие из которых стали известными не только благодаря научным достижениям. Примерами таких учёных могут быть Исаак Ньютон, внесший большой вклад в спасение и становление финансовой системы Великобритании, или выдающийся президент США Бенджамин Франклин, который был не только выдающимся политиком, но также и известным математиком.

Открывает наш обзор банкнота с изображением Марко Марулича, главного героя этой конференции.

Марко Марулич

Автор впервые упомянувший термин “психология”, хорватский гуманист и поэт, известный как “отец хорватского ренессанса” - Марко Марулич (1450-1524). Именно его портрет нанесён на банкноту в 500 хорватских кун выпущенной в 1993 году и находится в обращении до сих пор (Рис. 1). На реверсе банкноты - дворец Диоклетиана в Сплите. Подпись на банкноте - управляющий банком Pero Jurković. В качестве водяного знака - портрет Марко.

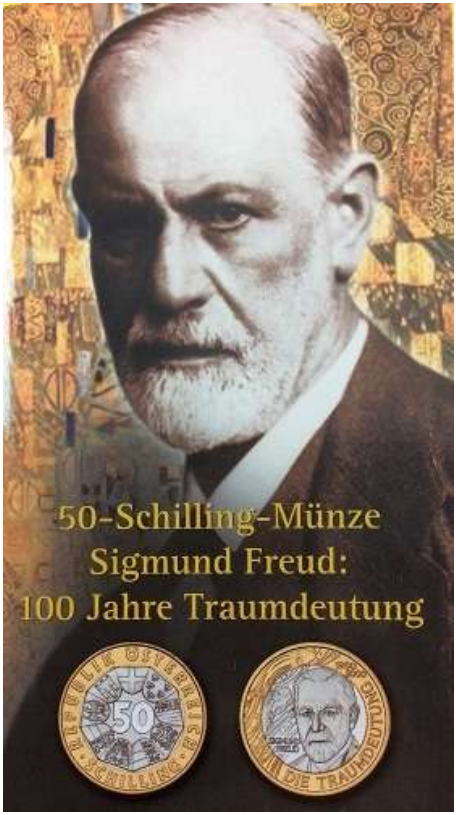
Банкнота отпечатана типографией "Giesecke & Devrient" в Мюнхене. Цветовая гамма: оливковый. Размер купюры: 146x73 миллиметров.

Рис. 1. Хорватия. 500 кун 1993.

Зигмунд Фрейд

Один из наиболее известных психологов мира - австрийский психолог, психиатр и невролог, родоначальник психоанализа Зигмунд Фрейд (1856-1939), чье изображение можно врестретить на австрийских монетах и банкнотах. Его можно встретить дважды. В 2000 г. в Австрии была выпущена памятная монета посвященная 100-летию «Толкования сновидений». Монета носит номинал 50 шиллингов, на ней изображён портрет Зигмунда Фрейда (Рис. 2-3).

Рис. 2. Австрия. 50 шиллингов 2000



Центр монеты на аверсе имеет 9 щитов, символизирующих число земель федерации. По периметру кольца монеты отчеканены надписи: в верхней части - «Republik Österreich» (нем. Республика Австрия) • «Schilling» (нем. Шиллинг) – в нижней части. На реверсе изображён портрет Фрейда, слева внизу в две строки надпись SIGMUND FREUD, справа вверху даты 1900 / 2000, во внешнем кольце по окружности надпись DIE TRAUMDEUTUNG.

Монета изготовлена в биметалле: медно-никелевый центр в кольце из алюминиевой бронзы. Диаметр - 26,5 мм. Тираж - 690000 монет.

Рис. 3. Информационный буклет о монете 50 шиллин-

гов с портретом Зигмунда Фрейда.

Австрийская банкнота с изображение Зигмунда Фрейда была отпечатана в Австрии 2 января 1986 года. В обращении с 19 октября 1988 года. Банкнота носит номинал 50 шиллингов, Цвета: пурпурный и фиолетовый на многоцветном фоне. Размер 130х65 мм. Аверс: портрет знаменитого австрийского психолога и психиатра Зигмунда Фрейда. Реверс: дворец Джозефиниум в Вене (Рис. 4).

Рис. 4. Австрия. 50 шиллингов 1988.

Юлиус Вагнер фон Яурегг

Кроме этого известнейшего психиатра и невролога на монетах и банкнотах Австрии были изображены и другие известные психологи. В 1953 году на банкноте 500 шиллингов появился портрет Юлиуса Вагнера

фон Яурегга (1857-1940) (Рис. 5). Австрийский психиатр, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1927 году. В 1890 году предложил применять «лихорадочную» терапию для лечения прогрессивного паралича, в 1917 году впервые привил малярию больным, страдающим этим заболеванием. В своей работе обосновал принципы «раздражающей» терапии, а также разработал методику малярийной терапии. Последняя в дальнейшем применялась им также и при лечении сифилиса, невросифилиса, рассеянного склероза и шизофрении. Юлиус Вагнер-Яурегг стал автором ряда работ по инфекционным психозам, проблемам наследственности и судебной психиатрии [7].

Конрад Лоренц

Конрад Захариас Лоренц (1903-1989) - выдающийся австрийский зоолог и зоопсихолог, один из основоположников этологии, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1973, совместно с Карлом фон Фришем и Николасом Тинбергеном) [7].

Его изображение нанесено на монету 50 шиллингов 1998 г. подготовленную в честь 25-летию присуждения ему Нобелевской премии. Монета выполнена в рамках той же серии, что и монета в память работ З.Фрейда, соответственно дизайн обеих монет схож - аверс идентичен, а на реверсе мы можем видеть портрет Конрада Лоренца и изображение 3-х серых гусей, которые долгое время были предметом его исследований (Рис. 6-7).

Рис. 6. Австрия. 50 шиллингов 1998.

Рис. 7. Монета 50 шиллингов 1998 в подарочной упаковке.

Огюст Анри Форель (1848-1931) - известный швейцарский невропатолог, психиатр и энтомолог. Его исследования многосторонни, они касаются как строения центральной нервной системы человека, гипнотизма и других психических явлений, вопросов об алкоголизме, о вменяемости умалишённых, так и биологии и систематики муравьёв, описав около 2000 видов [7]. Форель стал наиболее известным и прогрессивным швейцарским психиатром XIX века. Он был первым ученым, подготовившим психологическую картину мозга человека и позднее дал точное описание гипоталамуса, один из отделов которого был назван "campus Foreli". Изобра-

жение Огюста Фореля можно встретить на банкноте номиналом 1000 швейцарских франков.

4 апреля 1978 г. Национальный банк Швейцарии выпустил в обращение банкноту номиналом 1000 франков с изображением Огюста Фореля с одной стороны и муравьями с другой (Рис. 8).

Рис. 8. Швейцария. 1000 франков 1978.

1 апреля 1998 изображение Фореля, в связи с выпуском новой серии банкнот, сменилось портретом Якоба Буркхарта - родоначальника культурологии как самостоятельной дисциплины, историка швейцарской культуры.

Бенджамин Раш

Как и его швейцарский коллега Бенджамин Раш (1745-1813) занимался исследованиями в различных областях. Уделял внимание вопросам внедрения гигиены, борьбой с алкоголизмом и курением, а также диетоло-

гии, искал способы лечения туберкулеза, водянки, подагры. Много времени Раш посвятил изучению различных умственных отклонени, а его труд «Медицинские исследования и наблюдения за болезнями мозга» переиздавался 5 раз, став первым серьезным исследованием по психиатрии в США. Будучи одним из активных общественных деятелей своего времени Бенджамин Раш настойчиво боролся за гуманное отношение к психически больным людям. За свою деятельность Б. Раш получил титул «отца американской психиатрии» [7].

Изображение Бенджамина Раша появилось вместе с другими деятелями американской борьбы за независимость на оборотной стороне банкноты в 2 доллара, где изображена репродукция картины Джона Трамбулла «Декларация независимости» (Рис. 9). Данная банкнота была выпущена в 1976 году к празднованию 200-летия независимости США.

Рис. 9. Соединённые Штаты Америки. 2 доллара 1976.

Антониу Мониша

Антониу Эгаш Мониш (1874-1955) - португальский психиатр и нейрохирург, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1949 году, которую получил «за открытие терапевтического воздействия лейкотомии при некоторых психических заболеваниях». Разделил премию с швейцарцем Уолтером Гессом, награждённым «за открытие функциональной организации промежуточного мозга как координатора активности внутренних органов» [7].

Португальские 10 000 эскудо выпускавшиеся в 1989-1991 гг. имеют необычный рисунок - это стилизованный разрез головного мозга, а справа от него портрет Антониу Мониша, его же портрет в качестве водяного знака на белом поле. На оборотной стороне - Нобелевская медаль; две змеи и дерево. (Рис. 10).

Рис. 10.. Португалия. 10000 эскудо 1989.

Ольга Юлиановна Кобилянська.

Следующая монета была выпущена в рамках серии “Выдающиеся личности Украины” и посвящена украинской писательнице-психологу XIX века Ольге Юлиановне Кобилянськой. Монета была выпущена в обращение 25 октября 2013 г. и приурочена 150-летию известной украинки, которая, по словам Дмитрия Павлычко, `создала целую энциклопедию женской души`. Монета носит номинал 2 гривны, исполнена из сплава нейзильбера, массой 12,8 г и диаметром 31 мм. Тираж 30000 штук. Художник и скульптор создавший уникальный образ этой монеты - Иваненко Святослав (Рис. 11).

Рис. 11. Украина 2 гривны 2013.

На аверсе монеты размещены: вверху надпись полукругом “НАЦІОНАЛЬНИЙ БАНК УКРАІНЫ”, под которым малый Государственный Герб Украины и логотип Монетного двора Национального банка Украины; слева - фрагмент письма Ольги Кобилянськой к Лесе Украинки, на фоне которого изображена чернильница и перо; внизу - “2 ГРИВНІ 2013”.

На реверсе монеты на фоне также фрагмент письма Ольги Кобилянськой к Лесе Украинки, и портрет писательницы, годы ее жизни 1863-1942; вверху - надпись полукругом “ОЛЬГА КОБИЛЯНСЬКА”.

Далее мы рассмотрим монеты России с изображениями известных психологов, или вернее психофизиологов. На монетах СССР таковых изображений обнаружено не было. На монетах Российской Федерации были изображены академики И.П. Павлов и В. М. Бехтерев.

Иван Петрович Павлов

Ива́н Петро́вич Па́влов (14 (26) сентября 1849 — 27 февраля 1936) — первый российский нобелевский лауреат, физиолог, создатель науки о высшей нервной деятельности и формировании рефлекторных дуг; основатель крупнейшей российской физиологической школы; лауреат Нобелевской премии в области медицины и физиологии 1904 года «за работу по физиологии пищеварения» [4].

Две серебряные монеты номиналом 2 рубля была выпущена Московским монетным двором в 1999 году, в рамках серии “Выдающиеся личности России” (Рис. 12-13). Выпуск монет был приурочен к 150-летию со дня рождения учёного.

Рис. 12. Россия 2 рубля 1999.

Они были отчеканены из серебра 925 пробы, 17 г каждая, диаметр монеты составляет 33 мм. Художник - А.А.Колодкин, скульптор - В.М.Харламов. Тираж каждой из монет - 15 тысяч экземпляров.

Рис. 13. Россия 2 рубля 1999.

Бехтерев Владимир Михайлович

Владимир Михайлович Бехтерев (1857-1927) - выдающийся психиатр, невропатолог, физиолог, психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России. В 1907 основал в Санкт-Петербурге психоневрологический институт — первый в мире научный центр по комплексному изучению человека и научной разработке психологии, психиатрии, неврологии и других «человековедческих» дисциплин, организованный как исследовательское и высшее учебное заведение, ныне носящее имя В. М. Бехтерева [7].

Аверс монеты и её характеристики схожи с другими 2-х рублёвыми монетами серии “Выдающиеся личности России”, к которой относятся и монеты посвящённые Павлову. На реверсе в центре мы видим портрет В.М. Бехтерева, вверху справа – даты в две строки «1857» и «1927», ниже – фрагмент рукописи с изображением головного мозга человека и факсимильной подписью учёного (Рис. 14). Художник и скульптор - С.А. Корнилов, монета отчеканена на Санкт-Петербургском монетном дворе.

Рис. 14. Россия 2 рубля 2007.

Подобный выбор для России, вероятно, связан с господствовавшей на протяжении периода Советской власти научной парадигмы. По всей видимости, использование тех же образов, вероятно, связано с укоренённостью этих образов в мышлении.

Заключение.

Как мы видим, изображения психологов на монетах и банкнотах довольно редки, например, по сравнению с физиками и химиками, музыкантами и художниками. Психологи не стали популярным сюжетом для монет и банкнот во всё мире. Во многом это связано с недостаточным знанием о психологических исследованиях, их значения среди населения и недооценка властей. Стоит однако, отметить, что отдельные страны вовсе не выпускают монеты с учёными, так, например, в США все памятные серии носят портреты президентов, образы штатов и национальных парков, сюжеты связанные с коренными народами Северной Америки - индейцами.

Монеты и банкноты могут стимулировать восполнение недостатка специальных психологических знаний, изображение известного психолога может пробудить интерес к его личности, исследованиям, психологическому наследию. Оборотная сторона - развитие новой отрасли нумизматики - психологической нумизматики, как коллекционирования монет с изображением психологов, сюжетов из истории психологии. Выпуск же подобных памятных монет может привести к существенной экономической выгоде, увеличив число коллекционеров за счет психологов и других новичков, пожелавших заниматься психологической нумизматикой.

В заключение можно упомянуть тот факт, как американский психолог Уильям Герберт Шелдон - автор конституциональной теории темперамента, является также автором и системы оценки сохранности монет, применяемой и сейчас. Таким образом, мы в очередной раз видим как тесно связана психология и нумизматика.

Литература:

1. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи / Ответственный редактор Т.И.Кругликова, М.: Институт археологии РАН, 1995г. 656 с.

2 .Китаев Ю.Э. Физики и деньги // Окно в микромир. 2001. №2. С. 42-45. URL: http://wmw-magazine.ru/uploads/volumes/02/42-45a.pdf

3. Математики и физики на деньгах // Персональный сайт учителя математики Татьяны Мельничук. URL: http://tmel.ru/matematiki-i-fiziki-na-dengax/

4. Новиков Ю. Ю. Первый российский Нобелевский лауреат Иван Петрович Павлов (посвящается 100-летию присуждения И. П. Павлову Нобелевской премии). — Москва: Компания Спутник+, 2005. — 92 с.

5. Standard Catalog of World Paper Money. Volume 2: General Issues to 1960. 12th Edition. Krause Publications, 2008. 1128 p.

6. Standard Catalog of World Paper Money. Volume 3: Modern Issues 1961-2006. 15th edition. Krause Publications, 2009. 1112 p.

7. Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org

Приложение.

Таблица 1. Известные психологи, психиатры, психофизиологи на монетах и банкнотах.

п/п	Персоналии	М/Б	Страна-эмитент	Номинал	Год выпуска
1	Марко Марулич	Банкнота	Хорватия	500 кун	1993
2а	Зигмунд Фрейд	Монета	Австрия	50 шиллингов	2000
2б	Зигмунд Фрейд	Банкнота	Австрия	50 шиллингов	1988
3	Юлиус Вагнер Яурегг	Банкнота	Австрия	500 шиллингов	1953
4	Конрад Лоренц	Монета	Австрия	50 шиллинг	1998
5	Огюст Форель	Банкнота	Швейцария	1000 франков	1978
6	Бенджамин Раш	Банкнота	США	2 доллара	1976
7	Антониу Мониша	Банкнота	Португалия	10000 эскудо	1989
8	Ольга Юлиановна Кобилянськая	Монета	Украина	2 гривны	2013
9а	Иван Петрович Павлов	Монета	Россия	2 рубля	1999
9б	Иван Петрович Павлов	Монета	Россия	2 рубля	1999
10	Владимир Михайлович Бехтерев	Монета	Россия	2 рубля	2007

Husjainov T.M. Izvestnye psihologi na monetah i banknotah mira: pristupaja k poisku // PEM: Psychology. Educology. Medicine. - 2015. - №3-4.

© Т. М. Хусяинов, 2015.
© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.

– ● –

Abstract. In this paper, the author makes an attempt to create a new partition in the modern numismatics - psychological numismatics. As the subject of the study were coins and banknotes with the image of famous psychologists and dedicated to events in the history of psychology.

Keywords: numismatics, psychological numismatics, collection, coins, banknotes, history of psychology.

.– ● –

Сведения об авторе

Тимур Маратович **Хусяинов**, аспирант кафедры социальной философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; студент 6 курса Московского университета им. С.Ю. Витте филиал в г. Нижний Новгород.

– ● –

© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*
Подписано в печать 30.11.2015.

– ● –

УДК 159.9

25 ЛЕТ ЛАБОРАТОРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ» (ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ)

А. Г. ШМЕЛЕВ. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: ags12@ht.ru

Резюме. В этом очерке автор рассказывает о 25-летней истории одной из старейших в России частных компаний, которая продолжает успешно действовать на рынке психологических услуг и внесла определенный вклад в становление современной психологии в России.

Ключевые слова: юбилей, лаборатория Гуманитарные технологии, психология, основатели, этапы становления, психодиагностика.

Итак, дорогие коллеги.

Все еще, кажется, что мемуары писать рано. Но повод обязывает кое-что вспомнить. Хотя бы ради лучшего понимания контекста молодыми сотрудниками "Гуманитека", а также партнерами и клиентами Лаборатории.

В сентябре 1990 года было учреждено Малое инновационное предприятие "Гуманитарные технологии". По форме собственности это было АОЗТ (Акционерное Общество Закрытого Типа). Среди учредителей - банк "Технополис" (юрлицо), а также 8 физических лиц. Наверное, стоит перечислить всех первых учредителей по алфавиту:

Бурмистров Иван Викторович
Зеличенко Александр Исаакович
Пажитнов Алексей Леонидович
Пантилеев Сергей Рэмович - первый генеральный директор,
Похилько Владимир Иванович - председатель Правления,
Соловейчик Артем Симонович
Чуенко Александр Михайлович - представитель юридического лица
Шмелев Александр Георгиевич
Эйдман Евгений Владимирович

Расчетный счет этого предприятия по предложению А.М.Чуенко был открыт именно в зеленоградском банке "Технополис". От банка "Технополис" был командирован в "Первый Гуманитек" и бухгалтер (Елена Белова).

0. Предыстория (1984-1989)

Предприятие МИП "Гуманитарные технологии" оказалось не первым и не последним организационным объединением с участием указанных выше людей, а также других коллег.

Все началось в 1984 году с создания особой молодежной секции при Московском отделении Общества психологии АН СССР. Показательно, что в этом же 1984 году в Вестнике Московского университета вышло короткое сообщение А.Г.Шмелева под названием «На пути к компьютерной психодиагностики» - первая публикация, посвященная этой тематике. Секцию назвали "Компьютерные психологические методики" (КПМ). Речь шла не только о диагностических программах, но и о тренинговых, игровых, обучающих, развивающих а также экспертно-консультативных системах. Поочередно (по принципу ротации) секцию КПМ возглавляли сопредседатели, представлявшие ведущие научно-психологические учреждения г. Москвы (хотя, будучи кандидатами психол. наук, занимали они в этих учреждения очень тогда скромные должности - не выше ассистента и младшего научного):

Шмелев А,Г. (МГУ), Каптелинин В.Н. (НИИ ОПП АПН СССР), Кроник

А.А. (ИПАН СССР), Похилько В.И. (1ММИ), Дружинин В.Н. (ИПАН), Бодунов М.В. (ИПАН).

Кроме более или менее регулярных заседаний с заслушиванием и обсуждением докладов эта секций успела отметиться (до развала СССР и Общества психологов СССР) такими мероприятиями как Первый выпуск "Информационного бюллетеня секции КПМ" с перечнем из 6 аттестованных (сертифицированных) методик (1988), а также Первый Всесоюзный конкурс компьютерных психологических методик (1989).

Стоит сказать, что эта секция успела набрать определенный авторитет в рамках Общества психологов. Например, председателем жюри упомянутого конкурса был тогдашний Президент ОП СССР Ю.М.Забродин, а организатор и первый председатель секции КПМ А.Г.Шмелев в 1988 году вошел в состав Президиума ОП СССР (сработала определенная дань идее омоложения Президиума в эпоху Перестройки).

Тут же надо сказать о другой - не общественной, а коммерческой линии развития событий. Многие молодые активисты секции КПМ не просто "мечтали разбогатеть" (как сейчас могут подумать дети, выросшие в эпоху относительно продвинутого неокапитализма), а "нуждались выбраться из нищеты". Дело в том, что у младших научных сотрудников советских НИИ зарплата составляла не более 115 рублей в месяц без всякого право совмещать научную и педагогическую работу (в гораздо лучшем положении в те годы оказывались преподаватели ВУЗов, которым было разрешено совмещать педагогическую работу с хозрасчетной научно-прикладной работой). Этой зарплаты тогда хватало только на то, чтобы не умереть с голоду холостому человеку. А при появлении семьи зарплаты этой не хватало уже категорически ни на что. Так что "бэушные" детские коляски, кроватки, стульчики, игрушки молодые семьи вынуждены были передавать друг другу (или продавать за символические деньги). Или молодые семьи просто откладывали рождение и воспитание детей...

Поэтому-то при появлении первых признаков многоукладности в эпоху Перестройки (начавшейся в 1985 году с приходом Горбачева), с появлением кооперативов, а также так называемых Центров НТТМ при райкомах комсомола (центров научно-технического творчества молодежи), молодые разработчики компьютерных тестовых, обучающих и тренинго-игровых программ кинулись во всю сотрудничать с новыми

кооперативными и центрами НТТМ, чтобы получить дополнительный доход от продажи юрлицам своей "хорасчетной продукции" (компьютерных методик). Пожалуй, среди всех сопредседателей секции КПМ наивысшей коммерческой активностью и организационной предприимчивостью отличался тогда Владимир Похилько. Именно Владимир сблизился с Александром Чуенко - директором зеленоградского ЦНТТМ "ДОКА" и реализовал через этот ЦНТТМ немало инновационных проектов. Начиная с 1987 года, были созданы такие инструменты как компьютерная версия теста "17 личностных факторов" (или 17ЛФ, к стандартным 16-ти факторам Кэттелла здесь была добавлена шкала Социальной желательности, а примерно треть пунктов была заменена на новые, учитывающие социокультурную специфику), систему ТЕЗАЛ (ТЕЗАурус Личностных черт), Игровая обучающая программа СЕЛАБ (СЕмантический ЛАБиринт), игровая программа Велтрис ("Объемный Тетрис") и другие методики и системы. Параллельно под эгидой кооператива "ОСКОРД" (председатель - Борис Перов) создавались модифицированный тест "СОНДИ" (Добрович, Пажитнов), система "Биограф" (Кроник, Пажитнов), система "КЕЛЛИ" (Похилько, Воинов, Страхов) и другие.

Параллельно с этими проектами А.Г.Шмелев, например, сотрудничал с СП "Диалог" (совместное предприятие, имевшее филиал на базе ВМК МГУ, руководитель - Виктор Матвеев). Здесь была разработана Шмелевым программная система "Персоплан", содержащая уже определенный прототип экспертной системы для принятия профориентационных решений. Но... для всех перечисленных выше предприятий разработка и тиражирование КПМ было .... непрофильным видом деятельности, да и нередко малодоходным, почти дотационным. В немалой степени интерес коммерческих структур к нашим авторам из секции КПМ был простимулирован глобальным успехом игровой программы «Тетрис», с которой Алексей Пажитнов был отмечен в 1984 году на конкурсе игровых программ в Зеленограде (см. фото номер 1).

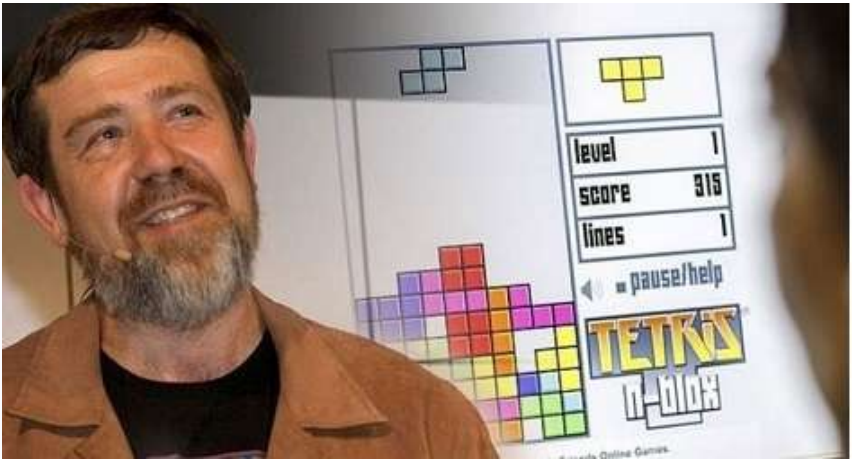


Фото 1. Автор игровой программы «Тетрис» А.Л.Пажитнов

В 1989 году Владимир Похилько стал сотрудником МГУ - новой кафедры "Психология и инженерия знаний" (заведующий - Б.М. Величковский) и заразил многих молодых сотрудников этой кафедры идеей создания отдельного собственного коммерческого предприятия, которое бы сплотило разработчиков КПМ и было целиком посвящено идее распространения компьютерных методик - путем создания реестра сертифицированных пользователей этих методик, прошедших дополнительную подготовку в рамках особого обучающего семинара. Так и возникло МИП "Гуманитарные технологии".

1. Первый этап (1990 - 1992)

Вторая половина 1990 года ушла на раскачку и... немедленно ознаменовалась первыми чувствительными кадровыми потерями.

В США эмигрировали Пажитнов и Похилько. Их новые игровые проекты "Фейсис" и "Хетрис" (вариации на тему "Тетрис") получили мощное коммерческое признание в США (так называемый "золотой диск", символизирующий многомиллионный тираж). На фоне этого коммерческого успеха наблюдать прогрессирующий развал советской экономики в 1990 году было уже очень тяжело (впрочем, и политическая нестабильность тоже внушала изрядкую тревогу).

В дальнейшем пути Похилько и Пажитнова в США разошлись. Владимир Похилько поселился в Пало-Альто и возглавил особое СП-предприятие "Аниматек" (ядро – московские программисты-физики), которое поставляло уникальные "трехмерные динамические модели" для игрового рынка в США (коммерческий конечный продукт раскрутить до больших тиражей не удалось – такой как игра Elfish - "электронный аквариум"). Алексей Пажитнов вскоре стал штатным игродизайнером - сотрудником игрового отдела Майкрософт (Сиэтл).

Отступление по поводу факультета психологии МГУ. Большинство сотрудников МИП "Гуманитарные технологии" вошли в 1988 в состав новой кафедры "Психологии и инженерии знаний" (А.Г. Шмелев стал доцентом этой кафедры, например). Но, ни один декан за все эти годы никогда не предлагал и не содействовал приданию группы "компьютерной психодиагностики" Шмелева статуса официальной Лаборатории в МГУ. Увы! Это обрекало данную группу на поиск организационного оформления вне стен МГУ. Возможность войти в состав Научного парка МГУ появилась вместе с этим научным парком уже позднее – только в 1993 году, когда первый, да и во многом второй состав Гуманитека уже разъехались.

А на рубеже 80-90-х годов на фоне крайнего обнищания вузов в РФ перспектива руководить лабораторией (без всякого финансирования, техники, нормальной инфраструктуры хозяйственных служб) стала вовсе не привлекательной. О том, что такая ситуация в МГУ способствовала "бегству кадров" свидетельствует тот факт, что Б.М.Величковский (сам создатель новой кафедры) первым фактически эмигрировал в Германию еще до отъезда в США Похилько и Пажитнова. Это никак не связано с кафедрой Величковского, но примерно в это же время на заработки в США отправился и В.В.Столин (который какое-то время в 80-е годы тоже попробовал безуспешно побороться с консервативным Ученым советом за создание кафедры психодиагностики и психологического консультирования).

В дальнейшем в ходе 90-х при декане Е.А.Климове отношения между "Гуманитарными технологиями" и факультетом психологии МГУ сложились своеобразные, но вполне адекватные экономическим реалиям

того времени. "Гуманитек" поставлял в компьютерный класс факультета свою компьютерную технику и фактически кормил сотрудников, за что получал право проводить на этой территории семинары для пользователей программ. Эту ситуацию вполне понимал и принимал Евгений Александрович, надо отдать ему должное. Именно благодаря таким компромиссам местами удавалось в наших вузах в 90-е годы сохранять жизнеспособные научные группы... Там, где такие компромиссы не складывались, люди убегали из вузов десятками и сотнями - в другие страны или в российский бизнес.

А что же происходило у нас на коммерческом фронте? - Первый 1991 год ознаменовался относительным коммерческим успехом МИП "Гуманитарные технологии".

Вот как выглядел дизайн первого каталога, созданный Артёмом Соловейчиком.

Каталог методик составил примерно 20 позиций и многие из них были за год проданы от 20 до 50 копий примерно в 2 сотни разных советских организаций (включая народившиеся коммерческие, но и госучреждения тоже). Сложился постоянный коллектив из 6 весьма квалифицированных дистрибьютеров, способных не только показывать программы, но и обучать пользователей: это Л.Загорская, М.Джерелиевская, Г.Гребенюк, Д.Сметанин, Ю.А.Машинцев, В.Граменицкий. Важно подчеркнуть, что большинство из этой шестерки очень быстро освоили программирование на хорошем уровне и вскоре пополнили арсенал продуктов Гуманитека собственными разработками. Например, Григорий Гребенюк разработал под ДОС первый "интегратор", он тогда назывался КИТ - "Комплексный Интегратор Тестов". Юрий Машинцев стал разработчиком уникального обучающего и тестирующего программного комплекса "Этикет". Лариса Загорская компьютеризировала известную к тому времени методику ШТУР. Также под оболочкой Ларисы работали методики ТИР и КОТ. Но самой эффективным оказалось программное решение, разработанное Иваном

Бурмистровым. В эту оболочку внедрили большего всего тестов, включая 17ЛФ. В ряде своих функциональных возможностей эта оболочка, созданная под ДОС на Паскале, до сих пор превосходит современные компьютерные системы тестирования (гораздо более современные по дизайну и более дорогие по затраченным на их разработку времени и деньгам). Например, оболочка Бурмистрова умела регистрировать "задержки и колебания" респондента при ответах на вопросы, что содействовало выявлению стратегии неискреннего выполнения теста. Иван разработал не только стандартный тестовый плейер, но и оригинальные системы - такие как ДКС - "диагностика когнитивной сложности" (какие компактные древовидные структуры умела эта программа "рисовать"... в режиме буквенно-цифровой псевдографики!) и ЭксСорт (экспертная сортировка). Иван много сил потратил тогда на так называемый "гибкий сценарный интерфейс". Вот это увлечение интерфейсными изысканиями и увело Ивана в другую область прикладной психологии - уже далекую от психодиагностики. Приятно вспомнить о творческой атмосфере тех лет...

Но... экономический коллапс, возникший в РФ в 1992 году после отпуска цен (что привело к тому, что монополисты задушили всех более мелких производителей своими монополистическими ценами), сделал свое черное дело. В 1992-1993 году продажи резко упали. Из России уехали Евгений Эйдман (в Австралию), Александр Зеличенко (в Швейцарию). Периодически в США гастролировал на заработках Артем Соловейчик. Гендир Первого Гуманитека Сергей Пантилеев вскоре открыл свое собственное предприятие, специализированное на "регистрации фирм" (затем в 1995 году он, впрочем, вернулся к психологии - основал "Академию Практической психологии", но это предприятие уже было далеким от разработки и распространения психодиагностических методик).

Таким образом, МИП "Гуманитарные технологии" к началу 1993 года фактически перестал существовать.

На этом фоне наиболее высокий организационный потенциал продемонстрировал Юрий Машинцев, сумевший организовать летом 1992 года, пожалуй, самый массовый семинар для пользователей Гуманитека (одновременно в нем участвовало свыше 100 пользователей). Этот семинар позволил даже приобрести парочку современных компьютеров, а

не только "не умереть от голодной смерти" разработчикам методик. В 1993 года Машинцев предложил идею заморозить старый, распавшийся МИП и открыть "новый Гуманитек" в Москве.

2. Второй период - между МИП и Агентством (1993 - 1996).

В Москве открылся "Второй Гуманитек". Его учредители:

Шмелев А.Г. - председатель Правления
Машинцев Юрий Александрович - генеральный директор
Пантилеев С.Р. - соучредитель,
Джерелиевская Мария Анатольевна - соучредитель.

Содержательно этот период ознаменовался отказом от тиражирования каких-либо методик, которые могли бы привести к подозрениям в "пиратском копировании". Из каталога последовательно были выведены тесты Люшера, MMPI, КОТ Вандерлика и другие методики с сомнительными правами интеллектуальной собственности. Это, в свою очередь, привело к новому падению продаж, но зато создало фундамент для разработки оригинальных, лицензионно-чистых методик. Именно в этот период Шмелеву удалось оформить лицензионный договор с фирмой Р.Кэттелла ИПАТ (США, Иллинойс). Большую помощь в заключении договора с фирмой ИПАТ оказал Владимир Похилько, который проживал в США и занимался там игровыми разработками, но не забывал о Гуманитеке. Какое-то время "Гуманитек", возможно, оказался единственным обладателем и дистрибьютером лицензионно-легальной адаптированной версии 16PF (о, чудо для того времени!). Но... это было категорически разорительная роскошь, так как было не по силам платить американцам большой процент с каждой продажи, кроме еще и налогов в казну РФ, да к тому, же на фоне пиратов, которые в нашей стране не платили никому и ничего...

В конце 1993 года Юрий Машинцев уехал в США - на курсы MBA в штате Теннеси, после чего работал в последующие годы уже вне психологии - как финансовый аналитик. Иван Бурмистров ушел в другую лабораторию в МГУ (к А.Б.Леоновой) и занялся "когнитивной эргономикой"

(психологией пользователей - тематика usablity тогда начала входить в моду).

В 1994-1996 году Шмелеву приходилось совмещать роли президента "Гуманитека" и генерального директора, а также... главного и единственного программиста компании, ибо главную оболочку тестирования MAINTEST также разработал А.Г.Шмелев (трудно поверить, что все это можно было тогда успеть поддерживать одному человеку и не свихнуться или ... не полностью свихнуться). Дважды менялись главные бухгалтеры и в пересменке между этими бухгалтерами несколько месяцев Шмелев выполнял также обязанности главного бухгалтера (!). В какие-то моменты предприятие грозило превратиться в "сольный бизнес", но в эти годы рядом со Шмелевым оставались Лариса Загорская, Мария Джерелиевская и Ирина Кладовщикова (позднее - бухгалтер Марина Трухманова). В какие-то моменты Шмелеву помогал Дмитрий Сатин и сын Иван Шмелев, ставший студентом экономического факультета МГУ. Осенью 1996 года в Лаборатории появился Алексей Серебряков, предложившей сконцентрировать внимание не на тиражировании методик (совсем уже нерентабельное занятие в те годы), а на оказании консультационно-тестовых услуг по профориентации. Завершение второго периода ознаменовалось отъездом Ларисы Загорской в Германию на ПМЖ. Каждая такая потеря - уникального специалиста с двойным образованием (психология и ВМК в МГУ) - воспринималась очень болезненно в те годы. Вскоре ушел Дмитрий Сатин. Мария Джерелиевская перешла в Академию практической психологии (к Пантилееву). Ирина Кладовщикова получила приглашение в Сбербанк и ушла в банковскую сферу. Гуманитек ко второй половине 90-х годов окончательно утратил коммерческую эффективность и перестал кормить даже минимальный круг сотрудников. Никого из ушедших нельзя было упрекнуть ни в чем, даже если в какой-то момент хотелось это сделать. Чтобы все не умерло, требовался крупный проект типа "грант" - с участием какого-либо фонда или спонсора. Таким проектом в третьем периоде стал "Телетестинг".

3. Третий период - Телетестинг (1997 - 2001).

В 1997 году Алексей Георгиевич Серебряков организовал "Третий Гуманитек". Он прошел перерегистрацию как ЗАО "Агентство

"Гуманитарные технологии". Предыдущим учредителям были выплачены небольшие отступные суммы и все права в "Третьем Гуманитеке" были сосредоточены в руках основного учредителя А.Г.Шмелева и А.Г.Серебрякова - управляющего партнера с небольшим пакетом акций.

Профориентация, однако, далеко не сразу стала ведущим и кормящим видом деятельности.

В этот период с 1997 по 2001 год главным проектом для "Гуманитека" стала "Олимпиада "Телетестинг". Инициатором этого проекта и его спонсором стал соучредитель Первого Гуманитека Артем Соловейчик, получивший как владелец крупного издательства "Первое сентября" возможность спонсировать инновационные проекты в сфере образования.

В рамках этот проекта сложился новый коллектив - настоящая дружная команда, сплоченная идеей выявления талантливых старшеклассников и абитуриентов с помощью новой всероссийской олимпиады - в форме компьютерного тестирования. В этот коллектив вначале входили кроме Шмелева и Серебрякова также Александр Ларионов, Мария Фаликман, Олег Субхангулов (увы, в настоящее время его тоже нет на свете), Денис Шаповалов. С 1998 года вместо Фаликман и Субхангулова в команду "Телетестинга" вошли Наталья Гончарова и Александр Бельцер. А.Бельцер стал программистом-разработчиком первой версии сайта www.ht.ru.

Олимпиада "Телетестинг" имела огромное значение не столько для приобретения репутации в сфере образования в РФ (во множестве вузов думали, что фирма наша так и называлась в те годы - "Телетестинг"), но она ознаменовала новый технологический прорыв - выход на сетевые технологии тестирования. В 1997 года был зарегистрирован сайт лаборатории www.ht.ru (тогда еще можно было регистрировать двухбуквенные домены в РФ!), как и сайт www.teletesting.ru. В 1998 году был оформлен патент на технологию "Телетестинг" (огромную роль в ее разработке сыграл изобретательный инженер-программист Александр Ларионов). На этой технологии в 21 веке стала основываться дистанционная профориентация. А на рубеже нулевых и десятых годов (в районе 2010-2011) на эту технологии дистанционного тестирования

перешли коммерческие организации, точнее эйчар-службы этих организаций. Но ... это уже другая эпоха и другой состав компании, точнее, группы компаний.

Фото 2

Третий период был омрачен трагическим событием - в сентябре 1998 при обстоятельствах, которые я до сих пор не могу считать "проясненными", в Калифорнии в своем доме погиб Владимир Похилько и вся его семья (см. фото 2).. Будучи основателем и инициатором Первого Гуманитека Владимир, таким образом, открыл первым и этот печальный список - список тех, кто начал "уходить от нас навсегда"...

В этом 2015 году печальный список продолжился - ушел из жизни первый гендир первого Гуманитека Сергей Пантилеев Как бы ни хотелось не превращать эти воспоминания в поминальные, но... на таких отрезках как 25 лет жизнь и смерть идут уже "рука об руку"... Ничего не поделаешь. Выше я назвал только умерших учредителей Гуманитека. Просто невозможно перечислить всех партнеров и друзей нашей компании, которые принимали участие в эпизодических проектах и, увы, в 21 веке начали один за другим уходить из жизни Я бы, пожалуй, назвал в числе таких партнеров прежде всего пятерых: Валерия Петухова, Константина Сурнова, Татьяну Кабаченко, Юрия Стрелкова, Александра Ерофеева. Их основная роль – оценка новых методик в качестве экспертов, разработка заданий для тестового контроля результатов обучения студентов и т.п.

4. Четвертый период - Агентство (2002 - 2006).

Переход Минобразования к проекту ЕГЭ ознаменовал завершение цикла "Олимпиада "Телетестинг". В этот период завершилось и сотрудничество с издательством "Первое сентября". В работе Агентства

"Гуманитарные технологии " сложились в этот период 3 главных направления (сектора):

1) Методическая поддержка ЕГЭ (на базе госзаказов). Руководитель направления - А.Г.Шмелев. Был создан вначале сайт www.ege.ru, затем портал www.ege.edu.ru, затем технология компьютерного проведения ЕГЭ - К-ЕГЭ. Ведущим программистом разработчиком системы К-ЕГЭ стал Дмитрий Ильиных (к этому времени Александр Ларионов покинул компанию "Гуманитарные технологии", ушел в финансовую компанию АТОН и начал подготовку к созданию собственной фирмы BSSL, которая сейчас стала уже вполне успешной и самостоятельной компанией). В авторский коллектив по проекту К-ЕГЭ вошел А.А. Чумаков. Определенную менеджерскую помощь проекту К-ЕГЭ оказал Александр Букин. Огромную работу по сайту www.ege.ru проделала Татьяна Костромина, которая параллельно стала редакторам титульного сайта Лаборатории www.ht.ru (софт-инженер и дизайнер этого сайта – Дмитрий Ильиных, более поздняя адаптация на CMS Джумла – Алексей Михальский). Менеджером форума, посвященного ЕГЭ, стала Татьяна Преснова (еще, будучи студенткой выпускного курса факультета, психологии МГУ). Работу технического писателя по проекту «Портал ЕГЭ» выполнял Борис Беспалов.

2) Профориентация (включая московскую и дистанционную - в региональных центрах), Этим направлением руководил А.Г.Серебряков. Главным инженером-конструктором компьютерной системы профориентации стал Олег Кононов, создавший Виндоуз версию оболочки тестирования MAINTEST. Его помощником стал в этот период Алексей Орлов, разработавший онлайн-модуль MAINTEST. В рамках второго направления вскоре с приходом Виктора Ковязина сложилось особая молодежная подсекция - тренинги.

С появлением признаков экономического возрождения страны это направление вскоре стало коммерчески эффективным и стал расширяться круг клиентов и консультантов профориентационного центра (консультации оказывали какое-то время на базе Физфака МГУ, затем - на базе лицея на улице Усачева, м. Спортивная). Множество (десятки!) молодых специалистов прошли школу профконсультирования - начинали в статусе профконсультантов. Перечисление этих людей - задача Алексея Серебрякова. Впрочем, в будущем году исполняется 20 лет

профориентационного центру "Гуманитарные технологии", так что ждать осталось этих воспоминаний не так долго... Но... уже сегодня можно сказать, что многие штатные сотрудники сегодняшнего Гуманитека либо начинали как консультанты, либо совмещали другие обязанности с работой консультантов. Это и Александр Горбачев, и Татьяна Преснова. и Елена Воскресенская, и Анна Науменко, Светлана Манухина, Мария Сомикова (Миневич) и многие-многие другие. Отдел дистанционной профориентации возглавила в эти годы Наталья Гончарова (Серебрякова). Она перенесла в эту работу опыт "Телетестинга", обретенный там азарт и результативность. И вскоре сеть "Профориентации" по численности региональных участников примерно в 2 раза превысила бывшие показатели "Телетестинга" (уже более 200 договорных центров по стране).

3) Тиражирование тестов для коммерческих организаций (для эйчар-служб). Руководитель направления - Александр Владимирович Горбачев, который также, как Серебряков и Ларионов, был выпускником спецпотока (второго высшего) факультета психологии МГУ. Это направление также опиралось на универсальную оболочку тестирования MAINTEST, созданную на базе досовского прототипа Олегом Кононовым (автор-программист досовского прототипа - А.Г.Шмелев). В этот период в рамках третьего направления в организацию пришли Елена Воскресенская, Наталья Кузьмина, Надежда Волкова, ставшие новым поколением постоянного штата эффективных дистрибьютеров (правда, в 21 веке их стали называть "сейлзы", или "продажники"). Я очень горжусь тем, что этот костяк Лаборатории, благодаря усилиям Александра Горбачева сохранился по сей день. Преодоление текучки 90-х стало едва ли не главным достижением нулевых.

Именно в этот четвертый период Гуманитек разместился в нынешнем офисе на Кутузовском проспекте - в бизнес-центре "Атлант" (это произошло в 2002 году).

В четвертый период в 2004 году зародилась система HT-LINE, но чтобы достичь определенного коммерческого признания должно было пройти шесть долгих лет. В это время были проведены десятки (!) семинаров-тренингов по конструированию тестов в системе HT-LINE, но ... дело сдвинулось с мертвой точки только после того, как наши пользователи увидели подобные западные системы, пришедшие

завоевывать российский рынок. Ох, горе-горе! - Ну никак не видят наши пользователи и не могут оценить наших инноваций, пока они не приходят к ним в обличье "западного продукта"...

Следует вспомнить, что у истоков HT-LINE стояли не только программисты Дмитрий Ильиных и Алексей Орлов, но и контент-менеджер этого проекта на самом первом этапе Екатерина Орел (в ту пору аспирант Шмелева на факультете психологии МГУ). Определенную помощь в появлении и развитии HT-LINE также оказали Евгения Орлова, Арсений Белорусец, Анна Науменко, Михаил Васильцов, Александр Осипов, Иван Осадчий.

Более подробный мой анализ того, как технические инновации опережают на много лет их внедрение в практику работы наших организаций (корпоративных пользователей), приводится в публикации, подготовленной в 2013 году в формате интервью Дарьей Портновой:

http://www.ht.ru/cms/pdf/Articles/grebennikov_izmeneniya_v_instrumentah_ocenki.pdf

Одним из событий, ознаменовавших завершение 4-го периода, стал фактический отказ Рособразования (руководитель - В.А.Болотов) от проекта внедрения в систему госэкзамена компьютерной модели К-ЕГЭ. Все применение этой модели стало сводиться лишь к проведению тренировок по подготовке к обычному экзамену - на бланках. А.Г.Шмелев по собственному решению вышел из состава Рабочей комиссии по ЕГЭ при Рособрнадзоре. Лишь через полтора десятка лет после проведения первого ЕГЭ в 2001 году и почти через 20 лет после создания технологии "Телетестинг" в нашем ЕГЭ появились первые признаки использования технический средств для контроля достоверности, но... это стало наблюдение с помощью веб-камер. Можно легко доказать, что это более дорогостоящее решение и меньше содействующее прогрессу страны в плане освоения и внедрения новых инфотехнологий. Но... кто у нас заинтересован в более дешевых и более перспективных решениях? Все время хочется "распилить побольше бюджета"...

5. Пятый период - ЦТР и Лаборатория (2007 - 2013)

Ко второй половине нулевых годов стало ясно, что разным направлениям в рамках одной компании становится тесно (и прежде всего

не хватает деловой свободы лидерам этих направлений). Первым в 2006 году выделился из общего "куста" Центр тестирования и развития "Гуманитарные технологии" под руководством Алексея Серебрякова. До 2013 года группа компаний стала существовать фактически на одной площадке в составе двух самостоятельных юрлиц - ЦТР и Лаборатория. Лабораторию возглавил генеральный директор Александр Владимирович Горбачев, приобретший права управляющего партнера. Единый научный руководитель этих компаний - А.Г.Шмелев.

В этот период самое главное технологическое завоевание - признание клиентами системы HT-LINE. Каждый клиент стал управлять своими ресурсами не на своем компьютере, а в личном кабинете HT-LINE, который размещается на сервере разработчика. К 2011 году большинство клиентов Лаборатории стали приобретать не коробки с дисками, а лицензии на определенное количество запусков тестов в режиме онлайн.

Важным событием в этот период стала попытка "подхватить моду" на социальные сети. На базе такого сервис-модуля HT-LINE как "инфолента" (он же "блог-форум") была создана в 2008 году блогосфера под названием "Экспертное Интернет-сообщество психологов". Каждый блоггер в этой блогосфере получил свой блог-кабинет. Этот проект до сих пор существует на форуме forum.ht.ru под несколько измененным названием ЭСПП (Экспертное сообщество профессиональных психологов) и базируется уже на другой технической платформе - адаптированной для наших нужд заморской системе XenForo. В "оседлании и дрессировке" этого нового коня - XenForo - решающую роль сыграл программист О.В.Соколов, но это произошло уже в последний

Фото 3

шестой период.

В пятый период очень эффективный софт-разработчик Николай Николаевич Страхов стал штатным сотрудником Лаборатории (см. фото 3) и начался этап интенсивного сотрудничества по разработке наиболее сложного модуля в системе HT-LINE - системы дистанционного управления проектами "Интегратор". Координатором разработок по HT-LINE стал Арсений Белорусец. Николай и раньше был едва ли не ключевым разработчиком Гуманитека, но работал вне штата. Он создал еще в начале 90-х в ДОСе систему репертуарных решеток Келли, ТЕЗАЛ, модифицированный тест Люшера... После ухода Дмитрия Ильиных (Дима уехал в 2006 году в Канаду) Страхов подхватил важнейший модуль HT-LINE - "шкалирование". В 2008-2009 гг. Страхов разработал инфоленту и блогосферу HT-LINE. Но самый главный и мощный проект - это "Интегратор". Частные варианты применения этой системы - это СДО (дистанционное обучение), Тест-пакет (группировка тестов на одной странице тестируемого), КИТТ (Клуб испытателей тестовых технологий). экспертиза методик МОНЭКС, круговая оценка фотопортретов, система «онлайн-заказ» (двухступенчатая система распространения электронных книг) и т.п. Многие из этих разработок пока, увы, не нашли еще признания у практиков, но опыт показывает. что это - обычная история. Люфт между созданием и опытным внедрением системы составляет от 5 до 10 лет, так что... где-то в районе 2016-2017 все должно случиться - должно наступить признание. Наша задача с Николаем - дожить до этого момента в здравом уме...

Каждый период в жизни Гуманитека отмечался как кадровыми потерями, так и приобретениями. В пятый период в нашу компанию влились Вадим Лобов (финансовый директор), Виталий Алтухов (впрочем, появился несколько раньше), Ирина Лисица, Александра Сынникова, Михаил Коняхин (увы, этот очень эффективный сисадмин в настоящее время уже не работает в нашей компании), Алексей Жердев (ближе к концу периода). В Сбербанк ушел Саша Чумаков, но набрал опыта и эффективности Арсений Белорусец (особенно при проведении обучающих семинаров по конструированию тестов).

На глазах в этот период начали крепнуть кадры ЦТР. Генеральным директором этой компании вскоре стала кандидат наук Виктория Кононова.

Смогла стать кандидатом психологических наук и ведущий методист ЦТР Олеся Кувшинова. Консультативный отдел по карьерному консультирования вначале возглавила Анна Мухина, затем (по настоящее время) - Екатерина Лукьянова. Она вместе с Кириллом Кузнецовым в настоящее время развивают новый вид профориентационного консультирования - дистанционное с использованием Скайп-диалога. В эффективного менеджера по организации семинаров ЦТР выросла Арина Никифорова. Большой посещаемостью отличается ключевой сайт ЦТР - www.proforientator.ru. Но это отнюдь не единственный Интернет-сайт, созданный этой компанией.

6. Шестой период - группа компаний (с 2013 по настоящее время)

В этот период выделилось два новых направления, которые вскоре оформились в самостоятельные юрлица:

1) ЦТР учредило проект-фирму под названием "Профбаза Uniprof", ориентированную на профориентацию и трудоустройства студентов. Соинвестором этого проекта стал А.А.Рудик.

2) Из состава Лаборатории выделился Инновационный Центр "Гуманитарные технологии" (ИнцГТ). Цель – оптимизировать работу коллектива, нацеленного на внедрение совершенно новых технологических решений. Гендиректором ИнцГТ стал Вадим Лобов.

В этот период в компании успели эффективно поработать какое-то время выпускники факультета психологии МГУ Мария Рыбникова (методическая работа), Михаил Морозов (интерфейс-дизайн), Дарья Портнова (Интернет-маркетинг). Методические отделы Лаборатории и ЦТР начали активный прием новых сотрудников. Это Дарья Ткачева, Алена Мезенцева, Никита Хохлов, Ирина Григорьева. В коммерческий отдел Лаборатории пришли Марина Антонова, Алексей Кузичкин, Лариса Паневина, Виталий Федорченко, Диана Сапожникова. Алексей Жердев создал достаточно мощную группу под названием "Программно-технический отдел". В нее вошли Михаил Егоров, Евгений Ким, Константин Ремизов, Сергей Шанский, Михаил Васильцов. Особую роль играет сисадмин Николай Трофимов. Мы многого ждем от нового поколения сотрудников "Гуманитарных технологий". Верим в то, что Гуманитек - это вечно молодая компания, постоянно обновляющаяся, всегда готовая к

революционным изменениям, к новым проектам, которые не только вчера, но прямо сегодня многим кажутся "нереальными" и "неосуществимыми".

"Да Вы что? Это Вы хотите внедрить в условиях нашей страны?!" - так с глубочайшим скепсисом спрашивали меня не раз в разных кабинетах, некоторые из которых весьма высокие. Но мы проводили в 1992-1993 гг в условиях массовой разрухи обучение и сертификационный компьютерный тестовый экзамен пользователей, проводили в 1997 году на медленных телефонных модемах всероссийскую олимпиаду "Телетестинг" (и физики, и мехматяне, и вэмкашники в тех годы считали эту затею "обреченной глупостью"), создали систему Интернет-исследований HT-LINE еще в то время, когда сам термин "личный кабинет" понимали в нашей стране немногие пользователи. Мы внедряем прямо в эти годы (2014-2015), вопреки стонам насчет "страшного кризиса" наш "Стандарт тестирования персонала" и Интернет-систему экспертизы качества методик МОНЭКС... Мы находим в себе силы поддерживать некоммерческие, затратные, инфраструктурные проекты. необходимые для цивилизованного рынка оценочных и диагностических методик.

И мы верим в то, что нам на смену идут новые люди, которые будут настолько же смелыми и романтичными в своих инновационных устремлениях, какими были когда-то основатели Первого Гуманитека - 25 лет тому назад.

ЭСПП
ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО

Первичное размещение материала на сайте «Экспертного сообщества прикладных психологов» http://forum.ht-line.ru/[1].

– • –

Shmelev A.G. 25 let Laboratorii «Gumanitarnye tehnologii» (hronologicheskie vospominanija) / A.G. Shmelev // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4.

– • –

Abstract. In this essay the author tells the 25-year-old story of one of the oldest Russian private companies which is continuing to operate on the market of psychological services and has contributed to the formation of modern psychology in Russia

Keywords: anniversary, laboratory "Humanitarian technologies", psychology, founders, stages of formation, psychological diagnostics.

Торжественный юбилейный вечер (20 декабря 2015, Москва) начался с поздравлений в адрес "ветеранов первой пятилетки" Гуманитека. На снимке (на сцене слева-направо): Иван Бурмистров, Александр Шмелев, Мария Джерелиевская, Николай Страхов, Артем Соловейчик. Ведущий - Александр Горбачев.

Библиографическая ссылка

Шмелев А.Г. 25 лет Лаборатории «Гуманитарные технологии» (хронологические воспоминания).// «Экспертное сообщество прикладных психологов» [Электронный ресурс] - URL: http://forum.ht-line.ru/threads/25-let-laboratorii-gumanitarnye-texnologii-xronologicheskie-vospominanija.1493/

– ● –

Сведения об авторе

Александр Георгиевич **Шмелев**, профессор, доктор психологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

© А. Г. Шмелев, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 21.12.2015.

Вызовы современности

УДК 304.2:316.752+371.12:371.715

«ОБЩЕСТВО РИСКА» И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РИСКОГЕННОСТЬ ПЕДАГОГА

Г.В. Вержибок* УО «Минский государственный лингвистический университет» (МГЛУ), Минск, Беларусь, e-mail:galina_minsk@mail.ru

Резюме. В статье раскрываются траектории кризисов и развития «общества риска», выделяются подходы и концепции изучения феномена «риск», показаны проблемы рискогенности социального и профессионального пространства, актуализирован вопрос здоровья специалиста (педагога).

Ключевые слова: риск, рискогенность, профессиональное здоровье.

Парадокс современности состоит сегодня в проблеме анализа «общества риска» (U. Beck, G. Bechmann, N. Luhmann), где теории систем и общества взаимно соотносятся друг с другом и взаимозависимы. Однако риск больше не рассматривается как свойство техники, а связывается с потенциалом общества в целом, который изменяется в ходе его развития, и сопутствует любому проявлению активной деятельности человека. Вопрос затрагивает уже не столько минимизацию или элиминирование самих рисков, сколько управление ими, поиск и устремление к нахождению опоры для принимаемых решений.

Однако научно-технический прогресс, развитие современных инновативных технологий усугубляют определения и распределения рисков, изменяются «*источники уверенности*, питающие жизнь. Индустриальное общество в процессе развития *само делается неустойчивым*» [1, с. 33-34]. «Социальные институты (государство, семья, традиции, работа), кото-

* Статья подготовлена в рамках совместного российско-белорусского проекта при поддержке РГНФ № 15-26-01004/15 – БРФФИ № Г15Р-039.

рые внешне выглядят так же, как и раньше, и носят те же названия, абсолютно изменились изнутри» [2, с. 35]. Разнонаправленные общественные процессы приводят к изменению ценностей, которые ставят под вопрос смысл и пользу технических инноваций [3, с. 213]. Как утверждал К. Касториадис, «мы вступаем в «эпоху универсального конформизма», обнаруживается разрушение «порядка вещей», фиксируется неопределенность, непредсказуемость и нестабильность [4, с. 67, 103].

Общество риска – это, фактически, новая парадигма развития, понимаемое как специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений социальных акторов в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных ресурсов приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска. Степень подверженности рискам становится важным фактором социальной дифференциации: высокоресурсные группы вырабатывают стратегии и практики социальной защиты, риски (в т.ч., и образовательные) накапливаются малоресурсными группами внизу [5, с. 24].

Индустриализация и модернизация подразумевают уже не только технологические рационализаторские изменения в организации труда, но охватывают и смену социальных характеров, человеческих биографий и стилей жизни, структур влияния и власти, форм политического принуждения и политической активности, восприятия действительности и норм познания. Так и «индивидуализация несет все более широкому кругу людей беспрецедентную свободу экспериментирования, но она ставит на повестку дня и задачу борьбы с ее последствиями. Основным противоречием эпохи постмодернити или «второй модернити» (U. Beck) начинает выступать разрыв «между правом на самоутверждение и способностью контролировать социальные условия, делающие его осуществимым или нереальным» [4, с. 63]. Риск незнания становится менее угрожающим, чем «риск в знании» (U. Beck).

Делается вывод о том, что риски есть систематическое взаимодействие с угрозами и опасностями, индуцируемые и производимые процессом модернизации (U. Beck, 1986), элемент намерения, содержащего опасность (L.L. Lopez, 1987) или идентификация потенциальных опасностей принятия решений и их осуществления для индивидов и социума (O.

Renn, 1985). Это целенаправленное поведение социального субъекта с учетом средовых и субъективных детерминант, осуществляемое в обстоятельствах неопределенности ожидаемых исходов (В.И. Зубков, 1998, 1999). Наличествует единство мнений в признании поливариантной интерпретации феномена, все больше осознается применимость теорий риска (теории катастроф, теории бифуркаций, теории ансамблей, теории хаоса) к потребностям развития социально-экономических и политических систем.

В общей теории риска выделяют ряд подходов (рационалистический, социопсихологический) и концепций, различаемых по исследуемым сферам его проявления [6, с. 167-168]:

- *техническая* (технократическая) – основана на анализе относительных частот возникновения опасных явлений или их последствий как способе задания их вероятностей; при ее использовании имеющиеся статистические данные усредняются по определенным критериям;
- *экономическая* – анализ риска рассматривается как часть более общего затратно-прибыльного исследования, где это ожидаемые потери полезности, возникающие в следствии некоторых событий или действий, а прибыль – это предотвращенный ущерб; конечная цель состоит в распределении ресурсов так, чтобы максимизировать их полезность для субъекта деятельности;
- социальная (культурологическая) – основана на интерпретации нежелательных последствий с учетом групповых ценностей и интересов; социологический анализ риска связывает суждения в обществе относительно риска с личными или общественными интересами и ценностями; культурологический подход предполагает, что существующие культурные прототипы определяют образ мыслей отдельных личностей и организаций (субъектов), заставляя их принимать одни ценности и отвергать другие;
- *психологическая* – концентрируется вокруг исследований межиндивидуальных предпочтений относительно вероятностей с целью объяснения, почему индивидуумы не вырабатывают свое мнение о риске на основе средних значений; почему люди реагируют согласно их восприятию риска, а не объективному уровню рисков, то есть его научной оценке.

Так, психологическое направление исследований риска направлено

на изучение множества факторов, определяющих восприятие и оценку риска. Социально ориентированные работы занимаются идентификацией установок риска или же более общими позициями, оказывающими влияние на суждение о технических рисках. Для наглядности можно привести следующие результаты (V.T. Covello, J. Menkes, J. Nehnevajasa, 1982; A.F. Fritzsche, 1986):

- добровольные риски скорее принимаются во внимание, чем недобровольные, управляемые извне
- контролируемые риски воспринимаются быстрее, чем неконтролируемые, во многих случаях собственные возможности по контролю за уровнем риска систематически переоцениваются;
- риск, обусловленный новыми технологиями, оценивается выше и слабее воспринимается, чем риск от известной и опробованной техники, риск от конкретной технологии известен, но он кажется не таким значительным, поскольку давно и многими взят в расчет;
- риски, ущерб от которых наступает с определенной временной задержкой, воспринимаются медленнее, чем риски, связанные с непосредственным наступлением ущерба;
- если связанные с риском последствия потенциально поправимы, то риск воспринимается легче, чем в случае, когда речь идет о непоправимом ущербе [3, с. 87].

Существенно, что «с распределением и нарастанием рисков возникают *социально опасные ситуации*» [Бек, с. 42], которые все чаще приписываются деятельности человека, за которые он должен нести ответственность. «В результате мир сегодня более «случаен» и зависим от принятия решений, сильнее зависит от расчетов и просчетов тех, кто их принимает» [3, с. 97]. В *научно-технической сфере* современной России это такие риски, как: нерациональный выбор приоритетов научно-технической политики (1.00); снижение научно-технического и инновационного потенциалов: утечка мозгов, старение кадров, кризис системы образования (0.70); рост информационной уязвимости всех сфер жизнедеятельности общества (0.33); возрастание угрозы несанкционированного использования современных технологий (0.17); неопределенность рисков технологий

будущего (коммуникационных, информационных, генных, космических и т.п.) (0.10) [7].

Выделены основные стратегические риски в *социальной сфере*, которыми являются: коррупция, криминализация и некомпетентность властных структур, понижение доверия к власти (1.00); снижение уровня жизни и антагонизация социальной структуры (0.76); духовный кризис в обществе (0.29); неравномерность социально-экономического развития регионов страны (0.27); рост преступности (0.23); рост алкоголизма и наркомании (0.19); обострение демографической ситуации в стране (0.18); возможность биолого-социальных чрезвычайных ситуаций (0.08). При этом, предварительный прогноз на перспективу от 5 до 20 лет (до 2022г.) не указывает достаточного снижения значимых для общественного развития показателей в области духовного кризиса в обществе (особенно в молодежной среде) и снижения научного потенциала [7].

В современных условиях производство и распространение риска приобретает всеобщий характер, затрагивая все социальные структуры, включая образование. Рискологический подход к образованию, предлагаемый И.М. Лоскутовой (2014), направлен на рассмотрение специфики рисков получения образования как вида инвестиций в человеческий капитал в условиях разрывов имманентной социокультурной динамики под влиянием факторов нелинейности. Происходит смещение функции присвоения статуса из системы образования в систему занятости. Главными источниками модернизационных рисков в образовательном пространстве являются высокий уровень неопределенности последствий реформирования, слабая информационная политика и низкий уровень доверия к субъектам этого процесса [5].

В педагогическом контексте различные аспекты риска изучали И.Г. Абрамова, Т.В. Грязнова, М.Ю. Елагина, Т.В. Корнилова, Е.Н. Михайлова, А.В. Молчанов, Н.Б. Москвина, Н.Н. Сабинина, Э.Р. Хабибулин, О.В. Яцук и др. Предлагается ввести и анализировать концепт *социального субъекта риска* в понимании активности по самоизменению (А.В. Кандаурова, 2014; М.В. Ручкина, 2009). «Риски квалификации» и «риски здоровья» давно уже являются темой рационализации и связанных с ней социальных конфликтов» [1, с. 42].

Профессия педагога является одним из наиболее потенциально

аффектогенных, интеллектуально и эмоционально напряженных видов труда, нередко социальная апатия, пассивность и безразличие становятся своеобразными формами адаптации к сложному психосоциальному контексту их работы. Риски в педагогическом сообществе связывают и с инновационными процессами, модернизацией в системе образования, которые опосредованы предметной направленностью деятельности и имеют специфические и общие для всех проявления [8]:

- риски, связанные с техническими условиями, обеспечивающими образовательный процесс;
- риски, связанные с технологиями, которыми оперирует педагог в инновационной деятельности, организуя педагогический процесс;
- риски, связанные с возможными изменениями целевых установок учебно-воспитательного процесса в зависимости от личностных характеристик участников образовательного процесса;
- риски, связанные с неадекватным определением формы и содержания врачебно-педагогического контроля подготовленности учащихся;
- риски, связанные с возможностью неоказания должной медицинской помощи в случае необходимости (заболевания, непредвиденные обстоятельства, гиперактивность детей и т.д.).

Почти половина учителей (48%) Новосибирской области считает, что школа негативно повлияла на их здоровье, практически постоянно ощущение переутомления присутствует у каждого третьего учителя (Л.А. Осьмук, М.В. Сафронова, Ю.С. Захир, 2013), от 40 до 50% педагогов не удовлетворены своей работой (А.А. Алексеенок, Н.В. Никитина, 2009), педагоги-участники инновационной деятельности образовательных учреждений находятся в «зоне риска» по своим психофизиологическим показателям (хроническое переутомление, сниженная работоспособность, снижение общего тонуса организма свойственны 43% педагогов) [8].

Необходимость работы с большим количеством профессионально значимой информации, в режиме непрестанной ответственности за учащихся, неограниченной продолжительности рабочего времени, высокой плотности межличностных контактов, постоянного возникновения непредсказуемых ситуаций отрицательно сказывается на самочувствии и здоровье учителя. Это приводит к эмоциональной напряженности и переутомле-

нию, ощущению недовольства своим трудом, появлению ряда профессиональных заболеваний. Многолетний поток изменений в сфере образования с частыми нововведениями, организационные проблемы в учебных учреждениях не оставляют педагогам возможности к ним адаптироваться, критически осмыслить, приобрести полезный опыт. Те или иные жалобы на состояние здоровья предъявляют практически все учителя (Е.В. Земцов, В.С. Серкерова, С.Л. Асиновская, 2004; Ю.Г. Ильченко, 2006).

Исследования, проведенные на базе Минского областного института усовершенствования учителей, показали, что из 1280 обследованных педагогов в возрасте 35-55 лет более 90% имеют различные заболевания сердечнососудистой системы, опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, ЛОР-органов и нервной системы (И.И. Крушевская, С.П. Кускова, 1998). У них достаточно высок риск возникновения неврозов и психосоматических проблем. По данным С.Г. Ахмеровой (2003) наиболее высокий уровень заболеваемости зафиксирован среди преподавателей общественных дисциплин и лингвистов. Невротические изменения в большей степени проявлены у русского языка учителей и литературы, в меньшей степени – у преподавателей физической культуры и труда.

Установлено, что наиболее распространенными рисками социального взаимодействия в педагогической деятельности, обусловленными социальными изменениями, по мнению педагогов Омской и Тюменской областей, являются:

- риски изменения субъектов (78% респондентов) – обусловлены включением новых сторон образовательных отношений (новый тип родителя, дети с ОВЗ, дети и родители – мигранты, дети и родители группы риска, общественность, социальные партнеры и пр.);
- риски изменения статусов (функций, ролей) (76%) – связаны с непринятием, изменением социальных статусов, расширением функций педагогической деятельности (педагог-тьютер, педагог-менеджер и т.п.);
- риск невыполнения социальной роли (родителей, педагога, ученика);
- риски изменения социальных действий (76%) – неумение овладения новыми средствами (техническими, электронными), формами и технологиями, стратегиями социального взаимодействия;

- риск конфликтного, деструктивного развития социального взаимодействия на фоне изменений;
- риск недостатка информации о способах современного социального взаимодействия;
- риск дезадаптации и некомпетентности в новом информационном и открытом образовательном пространстве [9].

С учетом продолжительности учебно-воспитательного периода в жизни ребенка неблагополучное психоэмоциональное состояние педагога, несомненно, может являться фактором риска ухудшения психического и соматического здоровья детей и подростков. Не случайно в последние годы появились исследования, посвященные выявлению взаимосвязей между состоянием здоровья учителей и учащихся (А.В. Бардахчьян, 2007; Н.В. Гончарова, 2005; О.Л. Максимов, А.В. Бардахчьян, 2007; и др.).

Проблема здоровья педагогов обусловлена не только объективными особенностями трудовой деятельности, но и отношением к своему здоровью, низкой осведомленностью о факторах риска и способах профилактики профессиональных заболеваний. В информировании населения о рисках, связанных со здоровьем, в настоящее время в России доминирует медикалистский и административный дискурс. Материалы СМИ, посвященные рискам в сфере здоровья, занимают от 2% до 4,8% печатной площади издания, что значительно ниже, чем площадь, выделяемая под освещение событий в сфере политики, экономики, поп-культуры, спорта. Интересна выделенная категория «риск-конструирующих заголовков», вызывающих ассоциации с опасностью, угрозой (И.С. Паутов, 2012).

Важной задачей в сфере здоровья, как следствие повышения степени индивидуализации и атомизации повседневных практик (C.L. Clarke, 2009), становится необходимость повышения степени осознанности самими членами социума ответственности за свое здоровье. В группе учителей московских школ выявлено, что только 14% опрошенных занимались физической зарядкой не менее трех раз в неделю, 13% ложились спать в одно и то же время и 38% спали не менее 7–8 часов в сутки; не принимали лекарства без назначения врача 22%; всего лишь 5% регулярно получали информацию по вопросам охраны и укрепления здоровья.

Все эти изменения, как правило, носят функциональный, обратимый характер и, при соответствующем лечении и режиме труда и отдыха, вполне могут быть ликвидированы. Основным социальным механизмом, обеспечивающим сохранение здоровья педагогов, как считают Е.А. Багнетова и Е.Р. Шарифуллина (2013), является соблюдение нормативно-правовой базы в области охраны профессионального здоровья. Профилактика профессиональных рисков педагога посредством социально-психологического сопровождения, разработки и реализации для каждого педагога индивидуальных программ реабилитации будет способствовать минимизации негативных последствий и повышению результативности работы. Это возможно осуществить при условиях, когда:

- педагог будет выступать как субъект, владеющий представлениями о причинах возникновения, видах и последствиях профессиональных рисков, умеющий применять эффективные меры по их минимизации;
- будет организовано управленческое, научно-методическое и психологическое сопровождение;
- будут разработаны и внедрены организационно-педагогические условия системы профилактики, которая будет носить системный характер [8].

Зоны риска существуют в любом обществе, однако, в трансформирующемся обществе они существуют реально и являются реальным источником угроз социальной безопасности. «Жить в глобальную эпоху – значит иметь дело с множеством новых ситуаций, связанных с риском» [2, с. 52]. Однако «риск – это динамичная мобилизующая сила в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять свое будущее», происходит переход, «поворотный момент от преобладания внешнего риска к господству рукотворного. Активный риск – важнейший элемент динамичной экономики и прогрессивного общества» [2, с. 41, 43]. Чем выше уровень социальной организации, тем многомернее понятие риска, специфичнее методы его анализа и управления. Без учета психологических и социальных аспектов восприятия и приемлемости риска человеком и обществом, конструктивного взаимодействия с общественностью управление риском невозможно (В.А. Акимов, В.В. Лесных, Н.Н. Радаев, 2004).

«Мы переживаем изменение основ изменения. Процесс модернизации «самоосмысляется», становится «рефлексивным» [1, с. 33]. Именно учитель является основным субъектом модернизации образования, без его активного и вдумчивого участия прогрессивные изменения практически невозможны. Снижение рисков с учетом фактора здоровья является экономически эффективным и взаимовыгодным решением в сохранении условий жизнедеятельности и развития различных социальных и профессиональных групп.

Литература:

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

2. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; пер. с англ.. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – 120 с.

3. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн; пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. – 2-е изд. – М: Логос, 2010. – 248 с.

4. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

5. Лоскутова, И.М. Образовательное пространство в обществе риска: монография / И.М. Лоскутова. – М. Прометей. – 2011. – 210 с.

6. Матвеенко, Ю.И. Современные подходы к изучению риска / Ю.И. Матвеенко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1-1. – С. 165-173.

7. Акимов, В.А. Оценка и прогноз стратегических рисков России: теория и практика / В.А. Акимов // Право и безопасность. – 2004. – № 1 (10). Март. – [Электр. ресурс]. – http://dpr.ru/pravo/pravo_7_4.htm (дата обращения 11.10.2014).

8. Сабинина, Н.Н. Профилактика профессиональных рисков педагогов в условиях инновационной деятельности образовательного учреждения: дисс. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.Н. Сабинина; Санкт-Петерб. ун-т. – СПб., 2012. – 183 с.

9. Кандаурова, А.В. Результаты исследования готовности педагогов

к изменениям социального взаимодействия на современном этапе / А.В. Кандаурова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – Вып. № 20. – http://teoria-practica.ru/vipusk-20-2014/.

– ● –

Verzhibok G.V. «Obshhestvo riska» i professional'naja riskogennost' pedagoga/ G.V. Verzhibok // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4

– ● –

Abstract. In article trajectories of crises and development of "society of risk" reveal, approaches and concepts of studying of a phenomenon "risk" are allocated, problems of a riskogennost of social and professional space are shown, the health issue of the expert (teacher) is staticized.

Keywords: risk, riskogennost, professional health.

– ● –

Сведения об авторе

Галина Владиславовна **Вержибок**, кандидат психологических наук, доцент, член-корреспондент МАН, доцент кафедры психологии МГЛУ (Минский государственный лингвистический университет), Беларусь.

© Г. В. Вержибок, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 06.12.2015.

УДК 37.015.3+371.78

СУЩНОСТЬ И ПОНИМАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА*

Т. В. Кецко. УО «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка» (Минск, Беларусь), e-mail: architw@rambler.ru

Резюме. В статье раскрываются основополагающие позиции возникновения и преодоления кризисных явлений для обеспечения эффективного профессионального развития. Детализируются причины и факторы, условия и проявления профессиональных деструкций у педагога, выделяется значимость работы по их профилактике и преодолению

Ключевые слова: педагог, профессиональное развитие, профессиональная деструкция, здоровье.

Исследования последних лет свидетельствуют о возрастании нагрузок на нервную систему и психику человека, приводят к эмоциональному напряжению, которое становится одним из факторов развития различных заболеваний. Поэтому проблема здоровья носит выраженный комплексный характер, изучается и раскрывается в различных научных дисциплинах и направлениях, где главное внимание уделяется формированию у человека потребности в здоровом образе жизни и соответствующих формах его обеспечения (В.А. Ананьев, Р.А. Березовский, И.Н. Гурвич, Д.Н. Давиденко, Л.В. Куликов, А.Г. Маклаков и др.). Изменения, происходящие в социально-экономической, духовной и культурной жизни, убедительно показывают, что кризисные явления в обществе невозможно преодолеть без решения проблем субъектов образовательной среды. Аспект влияния профессии на личность периодически возникает в фокусе внимания исследователей и до настоящего времени остается в достаточной степени актуальной.

* Материал подготовлен в рамках совместного российско-белорусского научного проекта при поддержке РГНФ № 15-26-01004/15 – БРФФИ № Г15Р-039.

Проблемы как конструктивных, так и деструктивных тенденций становления и развития субъекта труда как две стороны целостного процесса профессионального развития (Д.Н. Завалишина, 2004), единство прогрессивных и регрессивных преобразований (Л.И. Анцыферова, 1977). В рамках социальной ситуации фиксируются требования, притязания и нормативные возможности субъекта труда, которые в совокупности и определяют базовые противоречия. В соответствии с этим происходит выбор адаптивной или прогрессивно-творческой стратегий (прогрессивная и регрессивная тенденции) профессионального развития личности. Недостатки адаптационной стратегии заключаются в узкопрофессиональной специализации субъекта труда, ограничении его развития профессиональными требованиями, нарушении естественной связи между профессионализацией и целостной жизнедеятельностью человека [1, с. 207-212].

В наибольшей степени кризисные проявления развиваются у представителей социономических профессий, которые постоянно взаимодействуют с людьми. Считается, что одной из причин может быть «высокая эмоциональная загруженность труда», которая связана с личностными, ролевыми и организационными факторами [2, с. 249]. Явления дизадаптации и профессиональной деформации можно считать актуальной проблемой, особенно для тех социально-демографических групп населения, чья деятельность проходит в условиях повышенных социально-психологических требований и связана с умственным и психоэмоциональным перенапряжением. Это может быть результатом нарушения профессионального развития и проявляться под влиянием неблагоприятных условий деятельности или следствие биологического старения человека (А.К. Маркова, 1996).

Определенная профессия как развитая и воспроизводящаяся система обусловливает структуризацию строго определенного профессионального типа личности [2]. Как отмечает Э.Э. Сыманюк (2003), профессиональное изменение педагога сопровождается личностными приобретениями и потерями, это не только рост, совершенствование, но и разрушение, т.е. профессиональные деструкции неизбежны [3, с. 367]. По данным Т.Е. Майоровой (2009), у 52% педагогов наблюдается высокий уровень профессиональной деформации, что схоже с данными Р.М.

Грановской (1984) и Е.И. Рогова (1998). Воздействие профессии на личность можно оценить и по ее модальности – позитивное или негативное влияние [2].

Профессиональная деформация (или деструкции) личности – это объективное явление, негативные эффекты которого могут быть элиминированы только посредством других, непрофессиональных факторов (социализации, воспитания и т.п.). Это изменение или разрушение сложившейся психологической структуры личности, процесс и результат влияния субъектных качеств человека, сформированных в соответствии со спецификой определенного профессионального труда, на личностные свойства целостной индивидуальности специалиста.

Предложена развернутая психологическая концепция профессиональных деструкций (Э.Ф. Зеер, 2005), в рамках которой раскрывается их содержание, динамика возникновения и детерминирующие факторы:

Профессиональные деструкции – это нарушение уже усвоенных способов деятельности, разрушение сформированных профессиональных качеств, появление стереотипов профессионального поведения и психологических барьеров при освоении новых профессиональных технологий, новой профессии или специальности.

Переживание профессиональных деструкций сопровождается психической напряженностью и дискомфортом, конфликтами и кризисными явлениями.

Деструкции, которые возникают в процессе многолетнего выполнения одной и той же профессиональной деятельности, негативно влияют на ее продуктивность, порождают профессионально нежелательные качества, которые называются профессиональными деформациями.

Любая профессиональная деятельность уже на стадии ее освоения и выполнения деформирует личность. Профессионализация способствуют развитию акцентуаций, т.е. чрезмерно выраженных качеств и их сочетаний, отрицательно сказывающихся на деятельности и поведении специалистов.

Многолетнее выполнение профессиональной деятельности не может постоянно сопровождаться ее совершенствованием и непрерывным

профессиональным развитием. Неизбежны периоды временной стабилизации, которые можно назвать профессиональной стагнацией.

Сензитивными периодами образования профессиональных деформаций являются кризисы профессионального становления личности, особенно непродуктивные формы их преодоления [4, с. 233-234].

С позиций деятельностного подхода С.П. Безносов показал, что в профессиях типа «человек – человек» специфическими факторами деформации субъекта труда являются процессы уподобления, идентификации, эмпатии, заражения, внушения, подражания, сращивания и несформированность механизмов управления или регуляции данными процессами. Причинами профессиональной деформации могут быть неправильно понятое содержание роли ее носителем, влияние роли наличность, расхождение между субъективным пониманием (или принятием) роли исполнителями и социальными экспектациями окружающих людей. Общим фактором профессиональной деформации человека является объективно существующее и продолжающее углубляться разделение труда, т.н. разделенные профессиональные и научные миры. Обозначены критерии профессиональной деформации, такие, как глубина, степень широты и устойчивости, скорость наступления этого процесса [2, с. 236, 239, 258].

Возникновение деструкций является и естественным процессом профессионального развития, его обратной стороной (Ю.П. Поваренков, 2011). В основе этого лежат те изменения субъекта труда, которые происходят с ним в процессе разрешения противоречия между профессиональной деятельностью, ее требованиями и условиями, с одной стороны и актуальными возможностями и притязаниями человека, с другой. В деятельностном плане отмечается нарушение целеполагания, отражения ситуации, планирования, контроля и регуляции. Одним из источников считают неадекватное преодоление нормативных и ненормативных профессиональных кризисов, которые, в свою очередь, снижают не только эффективность непосредственно профессиональной деятельности, но продуктивность жизнедеятельности вне рамок трудового процесса [5]. Так, А.К. Маркова [6] выделила восемь тенденций профессиональных деструкций:

1. дезинтеграция профессионального развития, распад

профессионального сознания и, как следствие, нереалистичные цели, ложные смыслы труда, профессиональные конфликты и возможное отчуждение;

2. искаженное профессиональное развитие, появление негативных качеств, отклонение от социальных и индивидуальных норм;

3. низкая профессиональная мобильность и неумение приспособиться к новым условиям труда, дизадаптация;

4. ослабление профессиональных данных, способностей и мышления;

5.отставание, замедление профессионального развития сравнительно с возрастными и социальными нормами;

6. появление деформаций личности;

7. профессиональные заболевания или потеря трудоспособности;

8. рассогласованность отдельных звеньев профессионального развития.

Деформации могут проявляться, как считает В.Е. Орел, в мотивационной (чрезмерная увлеченность какой-либо профессиональной сферой, гиперболизацией ее значимости) и познавательной (стереотипизация действий, упрощенный подход к решению проблем, неадекватное восприятие инновации и людей) сферах личности, на уровне ее характерологических качеств (их акцентуация, полная или частичная перестройка структуры личности профессионала). Регрессом профессионального развития становится психическое выгорание, для которого характерны особые формы деперсонализации личности. Данный феномен является необратимым, его нельзя полностью уничтожить в ходе специальных форм воздействия, можно только затормозить его развитие [7].

Большинству педагогов, как считает Г.А. Виноградова (2001), присуща поучающая, дидактическая манера речи, которая проявляется в сфере личных отношений. У учителей излишне проявляются авторитарность и категоричность, они упорно стремятся доказать окружающим свое превосходство и лидерство. Властность с чрезмерной дидактичность приводят к подавлению чувства юмора, наблюдается рост конфликтности и скрытой либо явной агрессивности. Как следствие, упрощенный подход к проблемам, завышенная самооценка, не зависящая

от их статуса [3, с.370].

С ростом стажа работы у некоторых учителей формируется излишняя обобщенность в восприятии учеников, происходит их деперсонализация (С.В. Кондратьева, 1980; А.В. Осницкий, 2001). Монологичность, жесткая структурированность и формализованность коммуникативных процессов снижает у учителей самокритичность, формирует компенсаторное ощущение превосходства над окружающими. С возрастом возрастает количество лиц с низкой коммуникативной толерантностью, которые категоричны в оценках других и стремятся к перевоспитанию окружающих (В.М. Бызова, М.Н. Заостровцева, 2005). У них формируется мнительность и педантичность, происходит снижение живости, эмоциональности и самообладания, возрастает импульсивность и интенсивность самоконтроля, ригидность и прямолинейность мышления (Р.М. Грановская, 1984; Е.И. Рогов, 1998).

Профессиональная деформация учителей, по мнению О.И. Ефремовой (2007), касается и педагогической оценки, которая задает ориентиры, жестко обусловленные требованиями учебного стандарта (в отрыве от интересов и возможностей ученика) или умозрительными представлениями педагога, произвольно определяемыми нормативами. Наблюдается фальсификация оценки для завышения показателей успеваемости и создания у себя и других иллюзии успешного усвоения программы учениками. С этой целью педагог использует ряд приемов манипулирования оценкой [3, с.371].

Проведенное Э.Э. Сыманюк исследование стратегий преодоления профессиональных кризисов педагогами общеобразовательных школ выявило преобладание пассивной или аффективно-агрессивной стратегии преодоления у 70% испытуемых, инициативная стратегия проявляется только у 11% педагогов. Эти данные свидетельствуют, что большинство педагогов выбирают такие стратегии преодолевающего поведения, которые способствуют развитию профессиональных деструкций [6, с. 368].

Если специалист остается в рамках противоречия между профессией и индивидуальностью, в рамках системы «человек и профессия» и не выходит на уровень осмысления своего профессионального бытия с позиций системы «человек и мир», то для него характерны три специфические формы существования в профессии:

адаптивно-репродуктивный, адаптивно-деформирующий и дизадаптивно-деформирующий [1, с. 207-219]. Адаптивно-деформирующий тип существования характерен для профессионалов, обладающих компетентностью в узкоспециализированной области (гипер-специализация) и способных обеспечивать высокую эффективность труда. Но профессиональная деятельность отделяет субъекта от нормальных отношений с миром, препятствуя использованию этих отношений в труде, что способствует развитию процессов застоя и стагнации. Характеристикой дизадаптивно-деформирующего типа является мобилизация субъектом арсенала психологических защит, которые обуславливают искаженное отражение профессиональных проблем или полное их игнорирование [5, с. 31-32].

Коррекция и профилактика профессиональной стагнации достигаются через построение альтернативных сценариев профессионального развития, моделирование проблемных педагогических ситуаций. Способствуют преодолению деформации личности педагога развитие у него высокого уровня педагогической рефлексии, ориентация на творческое самовыражение, самоактуализация и осмысление жизни (О.С. Ноженкина, 2009), повышение конфликтной компетентности путем специально организованного тренинга (Т.Е. Майорова, 2009). Значимы разработка психотехнологий и специальных систем тренингов, проведение психологического консультирования. Рассматриваются и оптимизация деятельности, формирование надситуативных форм регуляции деятельности и профессионализации в целом [2; 5].

Подводя итоги анализа многих работ, А.Л. Свенцицкий (1987) пришел к выводу, что проблема «профессиональной деформации» почти не изучена, хотя и представляет значительный интерес в теоретическом и прикладном плане. Выявление факторов риска в профессиональной среде представляется важным и необходимым с точки зрения превентивной идеи сбережения здоровья педагога. Равновесные психические состояния, характеризующие адекватное, предсказуемое и взвешенное поведение являются фундаментом психологического здоровья личности (Т.Ю. Артюхова, 2009). Одна из важнейших задач состоит в формировании высококвалифицированного профессионала как гармонично развитой личности.

Литература:

1. Завалишина, Д.Н. Практическое мышление: Специфика и проблемы развития / Д.Н. Завалишина. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – 376 с.

2. Безносов, С.П. Профессиональная деформация личности / С.П. Безносов. – СПб.: Речь, 2004.– 272 с.

3. Ильин, Е.П. Психология для педагогов / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2012. – 640 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).

4. Зеер, Э.Ф. Психология профессий: учеб. пособие / Э.Ф. Зеер. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2005. – 336 с.

5. Поваренков, Ю.П. Соотношение конструктивных и деструктивных тенденций развития в процессе профессионального становления личности / Ю.П. Поваренков // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. – Ярославль, 2011. – С. 23-32.

6. Маркова, А.К. Психология труда учителя / А.К. Маркова. – М.: Просвещение, 1993. – 192 с.

7. Орел, В.Е. Синдром психического выгорания личности / В.Е. Орел. – М.: Ин-т психологии РАН, 2005. – 330 с.

– ● –

Kecko T.V. Sushhnost' i ponimanie professional'noj destrukcii lichnosti pedagoga / T.V. Kecko // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4.

– ● –

Abstract. In article fundamental positions of emergence and overcoming of the crisis phenomena for ensuring effective professional development reveal. The reasons and factors, conditions and manifestations of professional destructions at the teacher are detailed, the importance of work on their prevention and overcoming is marked out.

Keywords: teacher, professional development, professional destruction, health.

– • –

Сведения об авторе

Татьяна Викторовна **Кецко**. Магистр педагогических наук по специальности «Практическая психология», преподаватель кафедры возрастной и педагогической психологии. Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка» (Минск, Беларусь).

© Т. В. Кецко, 2015.
© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.

Подписано в печать 08.12.2015.

УДК 159.9:34.01

ПО ТУ СТОРОНУ ЗАКОНА: ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ МУЖЧИН ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА КАК ИНДИКАТОРЫ РИСКА НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ

А. В. Мантикова. ФГБОУ ВПО Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Медико-психолого-социальный институт, Абакан, республика Хакасия, Россия, *e-mail:* psychologistmantika@gmail.com

Резюме. Объект исследования – волевая саморегуляция личности. Предмет исследования – особенности волевой саморегуляции мужчин зрелого возраста, имеющих условную судимость. Цель исследования: выявить особенности волевой саморегуляции лиц, имеющих условную судимость. Для этого в качестве группы сравнения выступала уравненная по социально-демографическим показателям группа правопослушных мужчин зрелого возраста, не имеющих ни одной судимости в настоящем времени и в прошлом. Результаты данного исследования могут быть использованы в системе криминальной психологии, в сфере психологического сопровождения и ресоциализации для оптимизации качества жизни условно осужденных. Также, знания особенностей волевой саморегуляции у мужчин зрелого возраста, имеющих условную судимость, могут использоваться для проектирования программ по социальной адаптации лиц зрелого возраста, направленных на упреждение противоправного поведения. Кроме того, результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, могут послужить основой для разработки программы психологической помощи сотрудникам правоохранительных органов при работе с лицами, имеющими условную судимость.

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, волевая саморегуляция, условно осужденные мужчины зрелого возраста, уровень субъективного контроля.

Проблему воли и волевой регуляции многие исследователи в

психологии считают центральной для психологии личности и ее формирования. До сих пор проблема воли не является однозначной, существует несколько подходов к её изучению. С одной стороны, в ряде научных коллективов ведется интенсивная работа по изучению механизмов волевой регуляции, накоплен значительный экспериментальный материал, появились обобщающие работы по данной проблеме (В. А. Иванников, 2006; В. К. Калин 1989; Е. О. Смирнова, А. И. Ушатиков, 2006 и др.). Психологи, изучающие волевые процессы, неизбежно выходят на рассмотрение проблем саморегуляции [2, 3]. С другой стороны, все эти исследования оказываются разрозненными, в них нет единого подхода к определению воли и волевой регуляции, связанных с ними психологических феноменов, отсутствует единство и в выделении той реальности, которая обозначается термином волевая регуляция, практически не отрефлексированы те ситуации, в рамках которых проявляется волевая регуляция. Недостаточно используется и накопленный в психологии фактический материал, который имеет непосредственное отношение к рассмотрению проблемы воли и волевой регуляции.

Лишь отдельные западные психологи рассматривают волю и волевую регуляцию в рамках проблемы саморегуляции, но их исследования малоизвестны в отечественной психологии: Л. Корно, В. Зиммерман, М. Мэндинах и др. [3]

К настоящему времени сформировалось несколько научных направлений, по разному истолковывающих понятие «воля». Они трактуют волю как волюнтаризм, как свободу выбора, как произвольное управление поведением, как мотивацию, как волевую регуляцию. Проанализировав современные трактовки термина, целесообразно разделить точку зрения Е. В. Шороховой о том, что воля является властью человека над самим собой, своими чувствами и страстями, способностью управлять собой, сознательно регулировать свою деятельность; сознательно и активно строить свою жизнь [4].

Многие исследователи придерживаются мнения о том, что развитые формы саморегуляции, проявляющиеся уже в дошкольном возрасте, не являются начальным проявлением этой способности, а опираются на предшествующий путь развития, который ребенок проходит с первых

месяцев жизни.

Развитие саморегуляции рассматривается как прерывистый процесс качественного преобразования поведения, перехода его на более высокий уровень. Этот процесс разделяется на ряд периодов, которые определяются появлением новых способностей и перестройкой предыдущих.

Между всеми стадиями волевой саморегуляции сохраняется глубокая внутренняя преемственность, позволяющая рассматривать ее онтогенез как постепенный, развертывающийся во времени процесс, характеризующийся все более сложными формами поведения.

Волю рассматривают во взаимосвязи с ее основной функцией − сознательного регулирования поведения и деятельности в затрудненных условиях при помощи волевого усилия. Воля соотносится со всем сознанием человека как одна из форм отражения действительности, функцией которой является саморегуляция активности в затрудненных условиях жизнедеятельности [1].

Исследования волевых качеств уже позволили выявить конкретную связь волевых процессов с эмоциональными и интеллектуальными процессами и подойти к решению важного вопроса о месте воли во всей структуре личности. В настоящее время имеется ряд исследований особенностей волевой саморегуляции лиц, совершивших противоправные действия – это исследования делинквентных подростков женского пола, отбывающих наказание в колониях для несовершеннолетних (Н. А. Харина, 2001), и исследования взрослых, отбывающих наказание в колониях общего и строгого режимов (А. Г. Ковалев, 1974; В. Ф. Пирожков, 1974; М. В. Тима-шов, 1975, 1980; У. Реклес, 1981; К. Е. Игошев, 1989; А. И. Ушатиков, 1990; В. А. Семенов, 1991; В. Г. Деев, 1992; С. В. Бабурин, 1999 и др.)

Также, российскими исследователями изучена эмоционально волевая саморегуляция сотрудников органов внутренних дел, однако, на данный момент не разработаны исследования в области волевой саморегуляции лиц, имеющих условную судимость, то есть, преступивших закон, но не находящихся в условиях лишения свободы. Эта группа лиц представляет интерес для изучения в силу следующей специфики: с одной стороны, это лица, совершившие противоправные действия (иногда по

неосторожности), с другой – их наказание условно, т.е., не связано с лишением свободы, и они ведут практически такой же образ жизни, как и правопослушные граждане.

Таким образом, недостаточная степень изученности особенности волевой саморегуляции лиц, имеющих условную судимость, определила тему данного исследования.

В начале исследования выдвинута гипотеза общего порядка: мужчины зрелого возраста, имеющие первую условную судимость, имеют более низкие показатели саморегуляции, в отличие от несудимых. Планируется выделить частности в волевой саморегуляции – как индикаторы риска незаконных действий.

В исследовании приняли участие две группы респондентов – условно осужденные мужчины зрелого возраста, средний возраст 35 лет, (N=39), которые ранее не имели уголовного наказания, и в данный момент не лишены свободы. Вторую группу составили правопослушные мужчины зрелого возраста, не имеющие судимости, средний возраст так же составил 35 лет, (N=42). Итого, в выборку исследования составил 81 респондент (РФ, г.Красноярск и Красноярский край).

В эмпирическом исследовании использованы 5 опросников (тест-опросников), для статистической обработки данных применялся U-критерий Манна-Уитни, а также описательные статистики (среднее значение) из программы «STATISTICA12.0.»

Опросники:

1. Тест-опросник А. В. Зверькова, Е. В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции»;
2. Методика В. И. Моросановой «Изучение стилевых особенностей саморегуляции поведения», или «ССП-98»;
3. Методика Дж. Роттера, Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной,

А. М. Эткинда «Уровень субъективного контроля», или «УСК»;

4. Опросник Г. С. Никифорова, В. К. Васильева, С. В. Фирсовой «Выявление выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере,

деятельности и поведении»;

5. Тест-опросник Н.М. Пейсахова «Способность самоуправления».

Всего по пяти методикам проанализировано 35 параметров респондентов.

Первая группа параметров, относящаяся к анкетным данным респондентов, представлена социально-демографическим блоком данных.

Самый низкий уровень образования, то есть, неполное среднее либо спец.школа, имеют 13,3% респондентов из общей выборки; среднее образование имеют 41,7% респондентов из общей выборки; средне-специальное образование имеют 21,7% респондентов из общей выборки; неоконченное высшее образование имеют 13,3% респондентов из общей выборки; высшее образование у 9,9% респондентов из общей выборки.

В целом, по распределению по уровню образования в обеих группах выборки, различия наблюдаются только по уровню среднего образования – оно имеется у 56,7% условно осужденных и только у 26,7% несудимых. В остальных градациях по образованию (неоконченное (начальное) среднее либо спец.школа, средне-специальное, неоконченное высшее, высшее) – соотношение обеих групп респондентов сбалансированное.

При этом, можно сказать, несудимые мужчины зрелого возраста оказались «образованнее»: среди них больше лиц, имеющих средне-специальное, неоконченное высшее и высшее образование. При этом, среди условно осужденных преобладают лица со средним образованием.

Большинство респондентов (55% из общей выборки) являются холостыми, ранее не состоящими в браке. Женаты 16,7% респондентов из общей выборки, столько же разведённых. Вдовцами являются 11,7% респондентов из общей выборки. Статистически значимых различий по семейному положению между условно осужденными и несудимыми мужчинами нет.

Большинство респондентов не имеют детей – 63,3% среди условно осужденных и 60% среди несудимых, всего 61,7% из общей выборки. Одного ребёнка имеют 26,7% условно осужденных и 30% несудимых, всего 28,3% из общей выборки. Незначительный процент респондентов имеет двух и более детей.

Проанализировав социально-демографические данные респондентов, можно заключить, что группы выборки эквивалентны и пригодны для дальнейшего сравнения. Поэтому перейдём к рассмотрению второй группы параметров – особенностей волевой саморегуляции, диагностированных при помощи опросников и тест-опросников.

Сравним данные условно осужденных и несудимых мужчин зрелого

возраста, полученные при исследовании при помощи опросников и тест-опросников.

Всего по пяти методикам проанализировано 35 параметров респондентов. Первая группа параметров, относящаяся к анкетным данным респондентов, представлена социально-демографическим блоком. Проанализировав социально-демографические данные респондентов, сделав вывод о эквивалентности групп выборки, перейдём к рассмотрению второй группы параметров – особенностей волевой саморегуляции, диагностированных при помощи опросников и тест-опросников.

Данные три параметра, представленные ниже в таблице 1, получены при использовании тест-опросника А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции».

Таблица 1.

Данные по волевой саморегуляции, настойчивости и самообладанию, N=81.

Параметры	Условно осужден-ные	Несуди-мые	U эмп.	*Уровень значимости,* p
«Настойчивость»	4,97	6,9	194	0,001**
«Самообладание»	6,17	6,57	393	не значимо
Интегративный параметр «Волевая саморегуляция»	11,07	13,47	206	0,001**

Условные обозначения: уровни значимости: * - p<0,05; ** - p<0,01 либо 0,001.

Как видно из таблицы 1, в проявлениях настойчивости между группами респондентов имеются различия (U эмп=194, p<0,001): несудимые мужчины имеют высокую степень настойчивости (6,90), условно осужденные – среднюю (4,97).

Несудимые мужчины – деятельные, работоспособные, активно стремящиеся к выполнению намеченного, их мобилизируют преграды на пути к цели, но отвлекают альтернативы и соблазны, главная их ценность – начатое дело. Таким людям свойственно уважение социальным нормам, стремление полностью подчинить им свое поведение. В крайнем выражении возможна утрата гибкости поведения, появление маниакальных тенденций. Низкие значения по данной шкале свидетельствуют о повышенной лабильности, неуверенности, импульсивности, которые могут приводить к непоследовательности и даже разбросанности поведения. Сниженный фон активности и работоспособности, как правило, компенсируется у таких лиц повышенной чувствительностью, гибкостью, изобретательностью, а также тенденцией к свободной трактовке социальных норм.

Поэтому, можно заключить, что условно осужденные мужчины имеют сниженное стремление к завершению начатого дела по сравнению с несудимыми мужчинами.

По степени самообладания обе группы респондентов проявляют средний его уровень, и не отличаются друг от друга, (U эмп=393, ср.ранг 6,17 и 6,57) у условно осужденных и несудимых соответственно.

Поэтому, мужчины обеих групп в средней степени эмоционально устойчивые, в основном, владеющие собой в различных ситуациях. Свойственное им внутреннее спокойствие, уверенность в себе освобождает от страха перед неизвестностью, повышает готовность к восприятию нового, неожиданного и, как правило, сочетается со свободой взглядов, тенденцией к новаторству и радикализму. Вместе с тем, стремление к постоянному самоконтролю, чрезмерное сознательное ограничение спонтанности может приводить к повышению внутренней напряженности, преобладанию постоянной озабоченности и утомляемости.

Рассматривая интегративный параметр по данной методике, можно сделать следующий вывод: в целом, к проявлениям волевой саморегуляции более склонны не имеющие судимости мужчины зрелого возраста (U эмп=206, $p<0,001$). Их можно охарактеризовать как эмоционально зрелых, активных, независимых, самостоятельных. Их отличает спокойствие, уверенность в себе, устойчивость намерений,

реалистичность взглядов, развитое чувство собственного долга. Как правило, они хорошо рефлексируют личные мотивы, планомерно реализуют возникшие намерения, умеют распределять усилия и способны контролировать свои поступки, обладают выраженной социально-позитивной направленностью. В предельных случаях у них возможно нарастание внутренней напряженности, связанной со стремлением проконтролировать каждый нюанс собственного поведения и тревогой по поводу малейшей его спонтанности.

Итак, по результатам данной методики, условно осужденные мужчины имеют сниженное стремление к завершению начатого дела, в целом, обладают средней степенью волевой саморегуляции, меньшей, по сравнению с несудимыми мужчинами. Они не всегда склонны рефлексировать личные мотивы, планомерно реализовать возникшие намерения, не всегда способны эффективно распределять усилия и контролировать свои поступки.

Рассмотрим стилевые особенностям саморегуляции поведения у обеих групп респондентов, см. таблицу 2.

Вначале рассмотрим те особенности, по которым получены статистически значимые различия между группами респондентов.

Как мы можем увидеть из таблицы 2, программирование выражено на среднем уровне у условно осужденных и на высоком – у несудимых. В саморегуляции поведения условно осужденные менее склонны к программированию, нежели неосужденные мужчины, (U эмп=285,0, $p<0,05$).

Гибкость более склонны проявлять условно осужденные (высокий уровень), чем правопослушные респонденты, (U эмп=291,0, $p<0,05$).

Самостоятельность как стилевую особенность саморегуляции поведения на высоком уровне проявляют правопослушные респонденты, в то время как условно осужденные характеризуются низким уровнем её выраженности, (U эмп=140,5, $p<0,001$). Возможно, что низкая степень самостоятельности в саморегуляции поведения делает эту группу респондентов более подверженной влиянию извне, внушению, конформизму, тем самым способствуя противоправной деятельности именно в силу несамостоятельности – по «чужой указке».

Таблица 2

Стилевые особенности саморегуляции поведения, N=81.

Параметры	Условно осужден-ные	Несуди-мые	эмп.	*Уровень значимости, ρ≤*
«Планирование»	4,93	4,77	34,5	
«Моделирование»	4,77	3,60	43,0	
«Программирование»	5,07	6,40	85,0	0,05*
«Оценка результатов»	5,73	5,40	09,5	
«Гибкость»	3,73	2,50	91,0	0,05*
«Самостоятельность»	3,23	6,53	40,5	0,0001**
Интегративный параметр «Общий уровень саморегуляции»	27,47	29,20	69,0	

По степени планирования в саморегуляции поведения и те, и другие зрелые мужчины находятся на среднем уровне так же, как и в моделировании (ср.4,93 у осужденных и 4,77 у несудимых, U эмп=434,5).

Средний, в границе ближе к высокому, уровень выраженности наблюдается по оценке результатов собственной деятельности у мужчин обеих групп, (ср.5,73 у осужденных и 5,40 у несудимых, U эмп=409,5).

По интегративному параметру «Общий уровень саморегуляции», который включает в себя шесть стилевых особенностей саморегуляции поведения, между условно осужденными и несудимыми мужчинами не обнаружено статистически значимых различий, (U эмп=369,0), у обеих групп респондентов общий уровень саморегуляции выражен в средней степени.

Итак, статистически одинаково у респондентов обеих групп выражен общий уровень саморегуляции – на среднем уровне.

Вместе с тем, имеются индивидуальные различия по трём стилевым особенностям: программированию, гибкости и самостоятельности. В саморегуляции поведения условно осужденные менее склонны к программированию и самостоятельности, но проявляют большую гибкость, чем несудимые респонденты.

Далее рассмотрим цикл способности самоуправления, состоящий из 8-ми этапов, полученный в результате использования тест-опросника Н. М. Пейсахова «Способность самоуправления».

Таблица 3.

Цикл способности самоуправления, N=81.

Параметры	Условно осужденные	Несудимые	U эмп.	*Уровень значимости,* ρ≤
1. анализ противоречий	2,0	1,4	276,5	0,05
2.прогнозирование	0,7	2,3	95,5	0,001
3.целеполагание	0,6	2,1	88,5	0,001
4.планирование	2,2	1,1	155,5	0,001
5.критерий оценки качества	4,2	2,6	189	0,001
6.принятие решений	1,1	0,6	251	0,01
7.самоконтроль	0,7	0,9	377	
8.коррекция	0,5	1,2	260	0,01
общая способность самоуправления	12	12,2	428,5	

Как мы можем наблюдать из таблицы 3, статистически значимые различия наблюдаются по 7 параметрам цикла самоуправления, различий не имеется между группами респондентов по параметру «самоконтроль»,

который слабо выражен у условно осужденных и у правопослушных мужчин. Поэтому у обеих групп респондентов нерегулярно осуществляется сбор информации о том, как идет выполнение плана в реальном общении, поведении, деятельности. Они не всегда отвечают сами себе на вопросы: «Как идет дело? Есть ли движение к цели? Нет ли ошибок в моих поступках?»

Анализ противоречий, или ориентировка в ситуации, — более развит у группы условно осужденных. (Uэмп= 276,5; $p<0,05$), они формируют субъективную модель ситуации, отвечая на вопросы, которые ставят сами себе: «Почему сейчас не получается так, как это было раньше? Что изменилось по сравнению с прошлым? Что происходит со мной? В чем причина моих неудач (во мне, в других, в сложившихся обстоятельствах)? Что происходит вокруг меня? Каково реальное положение вещей?»

Прогнозирование в высокой степени развито у правопослушных мужчин, у условно осужденных – на низком уровне, (Uэмп= $p<0,001$). Мужчины зрелого возраста, не имеющие судимости, формируют модель-прогноз, которая основана на анализе прошлого и настоящего, на анализе противоречий между прошлым и настоящим. Прогноз – это попытка заглянуть в будущее, предсказать ход событий или желаемые действия. Человек пытается получить ответы на вопросы: «Можно ли что-то изменить? Что может измениться, если я вмешаюсь, и буду как-то действовать? Что будет, если я не вмешаюсь в ход событий? Возможно, низкий уровень прогнозирования является фактором риска для нарушения норм закона – мужчины условно осужденные совершают проступки именно в силу того, что не предвидят их последствия.

Целеполагание также в значительной степени более характерно для правопослушных мужчин, у условно осужденных оно выражено на низком уровне, (Uэмп= $p<0,001$). Правопослушный респондент с лёгкостью формирует субъективную модель желаемого или должного. В основе целеполагания лежит прогноз. Это переход от предположения о принципиальной возможности произвести изменения к предположению о вероятных результатах. Он стремится получить ответы на такие вопросы: «Какими должны быть результаты? В каком направлении нужно изменять себя, свое общение, поведение или деятельность? Что конкретно можно

изменить, ситуацию или самого себя?»

Целеполагание – это процесс создания системы целей, соотнесения их между собой и выбора предпочтительных. При выборе целей их сравнивают по длительности (стратегические цели рассчитаны на всю жизнь, на их основе выдвигают тактические цели, осуществление которых требует 5—7 лет, а они, в свою очередь, определяют оперативные цели, реализация которых требует дней, месяцев). С точки зрения субъективной привлекательности оцениваются вероятность достижения цели, усилия, необходимые для ее достижения. Все эти процессы лучше развиты у правопослушных респондентов.

Планирование более выражено у условно осужденных (высокий уровень), нежели у правопослушных (средний уровень), Uэмп= p<0,001. Условно осужденные респонденты более детально формируют модель средств достижения цели и последовательности их применения. В соответствии с целями планы могут быть стратегическими, тактическими, оперативными. Они чётче ищут ответы на такие вопросы: «Какие средства нужны для достижения цели? В какой последовательности их следует применять?»

Критерии оценки качества более детализированы у условно осужденных (высокий уровень), нежели у правопослушных (средний уровень), Uэмп= p<0,001. Группа условно осужденных чаще решает следующие вопросы: «Какими должны быть показатели, позволяющие оценить успехи в реализации плана? Как оценить, что сделанное было необходимым? Как оценить, что мои поступки и действия достаточны? Поспешная выработка критериев может привести к тому, что они окажутся недостаточно обоснованными или просто ошибочными, а это может привести к совершенно иным результатам, чем было первоначально задумано. Возможно, несмотря на более высокий уровень данного параметра у условно осужденных, они поспешно разрабатывают данную систему критериев, и она не является валидной, так как прогнозирование у них слабо развито.

Принятие решения – это переход от плана к действиям, это самоприказ к началу действия, и он более выражен у условно осужденных, (Uэмп= p<0,01). Принятие решения – достаточно сложный внутренний процесс, для этого человеку предстоит ответить на совсем

непростые вопросы: «Все ли я предусмотрел? Есть ли у меня еще время? Начинать действовать или еще нужно подождать немного?» Вероятно, что в силу поспешности, условно осужденные поверхностно отвечают на данную группу вопросов, и отдают себе «непроверенный» самоприказ.

Правопослушные респонденты стремятся найти оптимальное решение, которое предполагает сочетание смелости и осмотрительности. Они, с одной стороны, стремятся оценить риски, с другой – не оттягивать исполнение задуманного. Упущенное время может быть потеряно безвозвратно, но и если слишком долго решаться на активные действия, может оказаться, что к этому моменту все изменилось настолько значительно, что любое, даже очень хорошо подготовленное действие теряет всякий смысл.

Самоконтроль одинаково выражен у обеих групп респондентов на среднем уровне (Uэмп=377). Это сбор информации о том, как идет выполнение плана в реальном общении, поведении, деятельности. Человек отвечает себе на вопросы: «Как идет дело? Есть ли движение к цели? Нет ли ошибок в моих поступках?»

Коррекция – это изменения реальных действий, поведения, общения, переживаний, а также самой системы самоуправления, она более свойственна правопослушной группе респондентов, (Uэмп= $p<0,01$). Они ищут ответ на вопрос: «Как быть дальше?» Ответ на него зависит от результатов самоконтроля. Если идет, как задумано, то они могут продолжать действовать так же, повторить еще и еще раз, чтобы убедиться в эффективности найденной системы самоуправления. Фактически — это переход к саморегуляции, закрепление того нового, что было найдено в процессе самоуправления. Если самоконтроль показывает, что имеется разрыв между желаемым и действительным, что есть ошибки в поведении и деятельности, то возникают новые вопросы: «Что нужно изменить в своих поступках и действиях? Когда нужно произвести изменения, немедленно или через некоторое время? Есть ли время на обдумывание? Что конкретно нужно пересмотреть в процессе самоуправления, чтобы получить желаемый результат?» После этого начинается новый цикл самоуправления, новый анализ ситуации, прогнозирование, целеполагание и т.д. Эти циклы повторяются до тех пор, пока не исчезнет потребность в совершенствовании отдельных звеньев,

этапов процесса самоуправления, пока не произойдет переход к саморегуляции, т.е. к привычным поступкам и действиям, совершаемым на основе найденных целей, планов, критериев оценки качества.

Все вышеисследованные параметры, отражённые также в рис.3 приложения, объединяются в интегративный под названием «Общая способность самоуправления».

Ср. балл интегративного параметра у условно осужденных 12,03, у правопослушных респондентов – 12,2. Несмотря на внутренние значимые различия в цикле самоуправления, по общему уровню или способности к самоуправлению между группами респондентов не имеется статистически значимых различий, она свойственна им в средней степени.

Итак, имеются качественные различия внутри цикла самоуправления по 7 этапам из 8, но общая способность к самоуправлению у респондентов, имеющих и не имеющих условную судимость, находится на одном (среднем) уровне. У респондентов обеих групп не имеется целостной системы самоуправления, а сформированы лишь отдельные её звенья. Скорее всего, они сильно переживают свои неудачи, но дальше этого не идут. У них эмоциональная оценка преобладает над рациональным анализом, т. е. полноценный цикл самоуправления в этом случае даже не начинается, а поэтому и не формируется.

Далее, на рисунке 1, рассмотрим такие показатели самоконтроля, как самоконтроль в эмоциональной сфере, в деятельности, социальный самоконтроль и общий уровень самоконтроля у обеих групп респондентов, (опросник Г. С. Никифорова, В. К. Васильева, С. В. Фирсовой «Выявление выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении»).

Как видно из рис.1, наименее выражена склонность к такому виду самоконтроля как социальный самоконтроль в статистически одинаковой степени у респондентов, имеющих и не имеющих условный срок, (Uэмп=381).

Респонденты, условно осужденные, отличаются тем, что имеют более низкий самоконтроль как в эмоциональной сфере (Uэмп=269; $p<0,01$), так и в деятельности (Uэмп=247; $p<0,01$), а также, по интегративному параметру «общий самоконтроль» они находятся на

среднем уровне выраженности, в то время как правопослушные респонденты имеют высокий уровень общего самоконтроля (Uэмп=185,5; p<0,001).

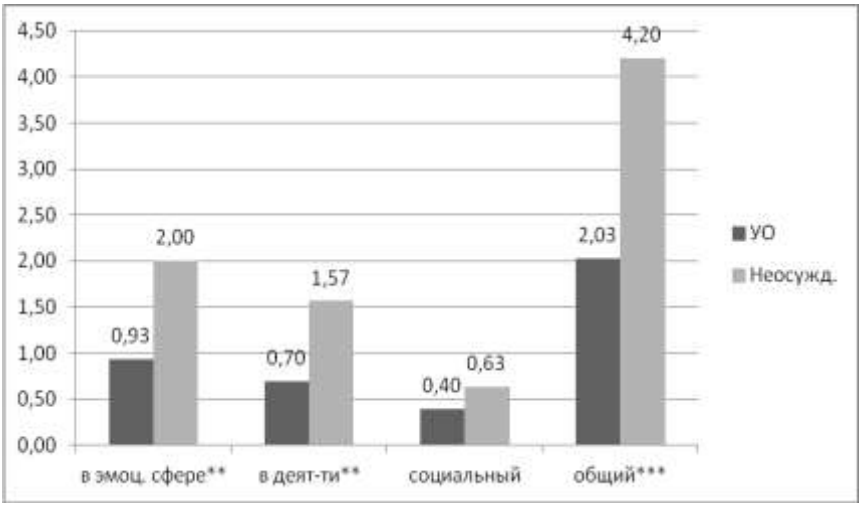


Рисунок 1- Ср.балл параметров самоконтроля

Таблица 6.

Данные по параметрам самоконтроля у условно осужденных и несудимых мужчин, N=81.

Параметры самоконтроля	Группа респондентов	
	Условно осужденные	Несудимые
в эмоциональной сфере**	0,93	2,00
в деятельности**	0,70	1,57
социальный	0,40	0,63
Общий***	2,03	4,20

Итак, условно осужденные респонденты отличаются тем, что:

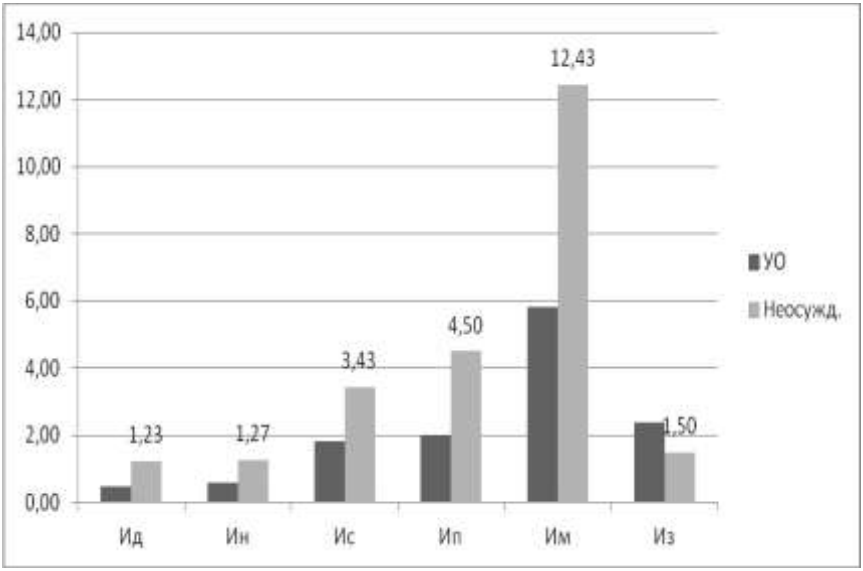
- имеют низкий уровень самоконтроля в эмоциональной сфере,

• имеют низкий уровень самоконтроля в деятельности,

• имеют средний уровень общего самоконтроля (интегративный параметр).

Социальный самоконтроль, выраженный на низком уровне, в одинаковой степени присущ мужчинам обеих групп.

По результатам опросника «УСК» сопоставим уровни субъективного контроля в различных сферах жизни и общий уровень субъективного контроля у респондентов обеих групп, рисунок 2.



Условные обозначения: шкалы по порядку с уровнями значимости: интернальность в области достижений ** (Ид), интернальность в области неудач* (Ин), интернальность в семейных отношениях** (Ис), интернальность в области производственных отношений** (Ип), интернальность в области межличностных отношений**(Им), интернальность в области здоровья и болезни** (Из).

Рисунок 2- Ср.балл параметров уровня субъективного контроля

По всем шести сферам в области субъективного контроля между группами условно осужденных и несудимых респондентов имеются

статистически значимые различия, причём степень интернальности по всем параметрам (статистически значимо) выше у правопослушных респондентов, кроме интернальности в области здоровья.

Интернальность в области достижений более выражена у правопослушных респондентов ($p<0,01$), она свидетельствует о высоком уровне субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями.

Данная группа респондентов считает, что они сами добились всего того хорошего, что было и есть в их жизни, и, что они способны с успехом преследовать свои цели в будущем. В это же время условно осужденные респонденты приписывают свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам - везению, счастливой судьбе или помощи других людей.

Интернальность в области неудач, более выраженная у правопослушных респондентов ($p<0,05$), свидетельствует о развитом у них чувстве субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, что проявляется в склонности к самообвинению в разнообразных неприятностях. Условно осужденные респонденты склонны приписывать ответственность за подобные события другим людям или считать эти события результатом невезения.

Интернальность в семейных отношениях респондентов, не имеющих судимости, характеризует их следующим образом: они считают себя ответственным за события, происходящие в семейной жизни. Условно осужденные респонденты отличаются тем, что считают не себя, а своих партнеров причиной значимых ситуаций, возникающих в семье ($p<0,01$).

Интернальность в области производственных отношений, более выраженнная у правопослушных респондентов, свидетельствует о том, что они считают свои действия важным фактором организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в карьерном росте. Условно осужденные респонденты отличаются тем, что склонны приписывать более важное значение внешним обстоятельствам - руководству, товарищам по работе, везению – невезению, ($p<0,001$).

Интернальность в области межличностных отношений, характерная для респондентов, не имеющих условной судимости, даёт им ощущение,

что именно они в силах контролировать свои формальные и неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию. Условно осужденные респонденты отличаются тем, что не могут активно формировать свой круг общения и склонны считать свои межличностные отношения результатом активности партнеров ($p<0,001$).

Интернальность в области здоровья и болезни является единственным параметром интернальности, который более выражен у респондентов, имеющих условную судимость, ($p<0,01$). Они считают себя во многом ответственным за свое здоровье: если они больны, то обвиняют в этом самих себя и полагают, что выздоровление во многом зависит от их действий. Несудимые респонденты имеют экстернальный локус в области здоровья и болезни.

Высокий показатель по интегративному параметру «общая интернальность» (ср.балл 24,37), свойственный мужчинам, не имеющим условной судимости, соответствует высокому уровню субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. Различия статистически значимы ($U_{эмп}=71$, $\rho< 0,001$).

Правопослушные респонденты считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что они могут ими управлять.

Таким образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом.

Средний показатель по общей интернальности (ср.балл 13,10), присущий группе условно осужденных респондентов, соответствует среднему уровню субъективного контроля.

Условно осужденные респонденты не всегда видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не всегда считают себя способными контролировать эту связь и полагают, что множество событий, происходящих с ними, и поступков являются результатом случая или действий других людей.

Итак, по интегративному параметру — общей интернальности, условно осужденные респонденты отличаются средним уровнем её выраженности, несудимые — высоким.

Можно сказать, что условно осужденные респонденты обладают скорее экстернальным локусом контроля, по сравнению с

правопослушными респондентами, имеющими явно выраженный интернальный локус.

Выводы:

Социально-демографическая подсистема личности условно осужденных статистически идентична социально-демографической подсистеме личности мужчин, не имеющих судимости. Перечислим данные особенности, в одинаковой степени характерные обеим группам респондентов:

- в обеих группах присутствует незначительная часть лиц, не имеющих законченного среднего образования;
- большинство из них являются холостыми, ранее не состоящими в браке и разведёнными;
- по количеству детей равные доли респондентов обеих групп как не имеют детей, так и имеют от одного до трёх и более детей.

Итак, помимо сходств в социально-демографической подсистеме личности респондентов обеих групп, мы имеем сходства по шести параметрам волевой саморегуляции.

Общая гипотеза исследования о наличии различий в особенностях саморегуляции лиц, имеющих условную судимость, в отличие от лиц, не имеющих судимости, подтвердилась статистически значимыми различиями по многим параметрам сравнения.

Всего в эмпирическом исследовании обнаружено 22 различия и 6 сходств в особенностях волевой саморегуляции мужчин, имеющих условную судимость и несудимых мужчин зрелого возраста.

Сходства в особенностях волевой саморегуляции мужчин, имеющих и не имеющих условную судимость:

1. Мужчины обеих групп выборки проявляют средний уровень самообладания.
2. По степени планирования в саморегуляции поведения и те, и другие зрелые мужчины находятся на среднем уровне так же, как и в моделировании.

3. Средний, в границе ближе к высокому, уровень выраженности наблюдается по оценке результатов собственной деятельности у мужчин обеих групп.

4. Самоконтроль слабо выражен у условно осужденных и у правопослушных мужчин.

5. Общая способность к самоуправлению в средней степени характерна для обеих групп выборки.

6. Социальный самоконтроль свойственен обеим группам мужчин в средней степени.

В результате эмпирического исследования, сообразно его цели, мы выявили особенности волевой саморегуляции мужчин зрелого возраста, имеющих условную судимость.

Значительное преобладание различий, которые проявляются в особенностях волевой саморегуляции мужчин, имеющих условную судимость, дают основание предполагать, что выявленные в ходе исследования различия являются индикаторами риска нарушения закона для мужчин зрелого возраста.

Итак, в исследовании выделены следующие особенности волевой саморегуляции мужчин, имеющих условную судимость, получившие статистическое подтверждение в сравнении с мужчинами, не имевшими судимости.

1. Мужчины зрелого возраста, имеющие условную судимость, обладают средней степенью настойчивости, (по сравнению с высоким уровнем настойчивости у правопослушных мужчин). Следовательно, условно осужденные мужчины имеют сниженное стремление к завершению начатого дела по сравнению с несудимыми мужчинами.

2. Условно осужденные мужчины обладают средней степенью волевой саморегуляции, они не всегда склонны рефлексировать личные мотивы, планомерно реализовать возникшие намерения, не всегда способны эффективно распределять усилия и контролировать свои поступки, по сравнению с правопослушными мужчинами, имеющими высокий уровень волевой саморегуляции.

3. Условно осужденные мужчины отличаются от правопослушных по трём стилевым особенностям саморегуляции поведения: программированию, гибкости, самостоятельности.

В саморегуляции поведения условно осужденные менее склонны к программированию, самостоятельности как стилевой особенности саморегуляции поведения, но более склонны проявлять гибкость, нежели неосужденные мужчины.

4. Различия между условно осужденными и правопослушными мужчинами наблюдаются по 7 параметрам самоуправления: анализ противоречий, или ориентировка в ситуации, планирование и принятие решения — более развиты у группы условно осужденных. Условно осужденные респонденты более детально формируют модель средств достижения цели и последовательности их применения, но целеполагание и прогнозирование у них менее выражено, чем у правопослушных мужчин.

5. Респонденты, условно осужденные, отличаются тем, что имеют более низкий самоконтроль как в эмоциональной сфере, так и в деятельности, а также, по интегративному параметру «общий самоконтроль» они находятся на среднем уровне выраженности, в то время как правопослушные респонденты имеют высокий уровень общего самоконтроля.

6. Условно осужденные респонденты отличаются от правопослушных экстернальным локусом контроля в следующих областях: успехи, неудачи, семейные отношения, производственные отношения, межличностные отношения.

Интернальность в области здоровья и болезни является единственным параметром интернальности, который более выражен у респондентов, имеющих условную судимость.

7. Средний показатель по общей интернальности, присущий группе условно осужденных респондентов, соответствует среднему уровню субъективного контроля, в отличие от высокого уровня у правопослушных мужчин зрелого возраста.

Таким образом, можно утверждать, что мужчины, имеющие первую условную судимость, в проявлениях волевой саморегуляции, в значительной степени, отличаются от правопослушных мужчин. Эти отличия, в комплексном подходе, могут рассматриваться в качестве индикаторов риска противозаконного поведения.

Литература:

1. Мантикова, А.В. Влияние личностных особенностей и актуального психофизиологического состояния личности на специфику проявления эмоциональной памяти // Проблема особенностей социальной науки: результаты и перспективы исследований: Тезисы докладов / под ред. И. Нечаевой. – Киев: Изд-во ВПЦ Киевского университета, 2004.- С. 239.

2. Моросанова, В.И. Субъект и личность в исследованиях осознанной саморегуляции произвольной активности человека [Текст]: (Введение) // Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека (Под ред. В. И. Моросановой). М. 2006. С.3-10.

3. Селиванов, В.И. Терминологический минимум основных понятий воли [Текст]: Рязань, 2002.

4. Шорохова, Е.В. Психологические проблемы социальной регуляции поведения [Текст]: Под ред. Е. В. Шороховой, М. И. Бобнева. М., 2006. С. 23.

– ● –

Mantikova A.V. Po tu storonu Zakona: osobennosti volevoj samoreguljacii muzhchin zrelogo vozrasta kak indikatory riska nezakonnyh dejstvij /A.V. Mantikova // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4

– ● –

Abstract. The object of study – strong-willed regulation of the person. Object of research – features of self-willed men of Mature age, having suspended sentences. Objective: to reveal the peculiarities of self-regulation volitional persons with suspended sentences. Since the comparison groups were adjusted for socio-demographic indicators, law-abiding group of men of Mature age who has no criminal record in the present tense and in the past. The results of this study can be used in the system of criminal psychology, in the field of psychological support and reintegration training to optimize the quality of life on probation and parole. Also, knowledge of the characteristics of volitional self-regulation in men of Mature age, having the conditional conviction can be used

for the design of programmes for social adaptation of persons of Mature age, intended to forestall wrongful conduct. In addition, the results obtained in the empirical research, can serve as a basis for developing programs of psychological assistance to law enforcement officers when working with persons with suspended sentences.

Keywords: will, volitional regulation, volitional self-regulation, conditionally convicted men of Mature age, level of subjective control.

– ● –

Сведения об авторе

Анна Владимировна **Мантикова**, старший преподаватель. ФГБОУ ВПО Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Медико-психолого-социальный институт (Абакан, Россия).

© А. В. Мантикова, 2015.
© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.

Подписано в печать 05.12.2015.

– ● –

УДК 159.9:34.01

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТЯЖЕСТИ СОВЕРШЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А. В. Мантикова. ФГБОУ ВПО Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Медико-психолого-социальный институт, Абакан, республика Хакасия, Россия, *e-mail:* psychologistmantika@gmail.com
Ю. В. Тен. Красноярск (Россия)

Резюме. История нашей страны вместе с зарубежным опытом показывает, что рост репрессий, ужесточение, продление наказания – не ведет к снижению уровня преступности в обществе. Существует также точка зрения, что гуманизация наказания снижает его общепревентивное воздействие, преступники перестают его бояться. Но, во-первых, совершая преступление, человек редко задумывается о его последствиях. Во-вторых, проявление жестокости при исполнении наказания, в большей степени, способно привести к формированию у осужденных озлобления, негативного отношения к администрации, и, в целом, к правоохранительным органам, повышение агрессивности по отношению друг к другу и другим людям. Все это не только не способствует реализации цели наказания – исправлению осужденных (ст. 1 УИК), но, напротив, с еще большей вероятностью, формирует систему негативных ценностей и преступных форм поведения. Таким образом, гуманное отношение к осужденным должно рассматриваться как одно из основных условий реализации на практике принципа исправимости в уголовно-исполнительной политике и законодательстве.

Ключевые слова: личность, структура личности, структурные особенности личности, личность осужденного, тяжкое преступление, преступление средней тяжести, FPI, Hand-test.

В последнее время по указу президента РФ запущена программа по сокращению сроков содержания лиц в местах лишения свободы, однако, нет единой и гармоничной программы по их ресоциализации. Вместе с тем, нужно обязательно учитывать психологические особенности

осужденных, проходящих по данной программе, чтобы не просто проявлять гуманизм, не только снизить рецидивность, но и именно обеспечить им надлежащую ресоциализацию. Данное противоречие и обеспечивает актуальность рассматриваемой темы.

Сложность и многогранность проблемы личности преступника обусловлена, прежде всего, неисчерпаемой сложностью самого понятия «личность». Личность всегда конкретна. Но эта конкретность воплощает в себе определенные социальные и индивидуальные качества, в которых отразились социальные отношения, имеющие место в данном обществе [1, 2].

Нельзя сводить личность осужденного только к влиянию на нее социального окружения, к совокупности выполняемых ею социальных функций в местах лишения свободы. Неверно противопоставлять социальное психологическому, поскольку социальные влияния оказываются через психологическое, которое, в свою очередь, есть результат прошлого социального влияния. Именно поэтому в отечественной психологии признано положение С.Л. Рубинштейна о том, что личность есть совокупность внутренних условий, через которые действуют внешние причины [1].

«Понятие личности преступника, то есть личности человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой привлечения к уголовной ответственности, выражает его социальную сущность, сложный комплекс характеризующих его свойств, связей, отношений, его нравственный и духовный мир, взятые в развитии, во взаимодействии с социальными условиями, с психологическими особенностями, в той или иной мере повлиявшими на совершение им преступления» [4].

В юридической литературе существую различные подходы к проблеме «личность преступника». Вопрос о необходимости учета личности преступника при анализе преступления обсуждается в монографии А.Б. Сахарова, где указывается на разный «удельный вес» личности на различных этапах преступления. «Антисоциальные свойства, составляющие характерную особенность личности преступника, присущи ей до преступления, обуславливая его свершение, а признание конкретного лица преступником возможно только после и в связи с

совершением им преступления» [2].

По мнению Н.Ф. Кузнецовой (1986) и В.Н. Кудрявцева (1984) непосредственные причины и истоки виновного поведения всегда лежат в личности человека, совершившего преступление. В противном случае отсутствуют основания вменения в вину и, соответственно, совершенное деяние не может рассматриваться как преступление. Другими словами, никакие внешние обстоятельства не могут являться определяющими причинами противоправного деяния, если они не положены одновременно на внутренние детерминанты человеческой активности.

Затрагивая вопрос о принципах исследования личности, криминологи подходят к личности как к набору разных признаков и функций. С одной стороны, в понятие личность преступника включают разного рода социальные функции человека (каков он как работник, семьянин, гражданин и т.д.), а с другой - чисто психологические характеристики: возраст, пол, психофизиологические особенности, темперамент, а также соматические и психические заболевания [1].

Структура личности преступника включает следующие составляющие ее подструктуры (признаки): биофизиологические, социально-демографические и социально-ролевые, нравственно-психологические, уголовно-правовые и криминологические [1].

Любая из названных подструктур не может быть автономной, т.к. все они находятся в определенных взаимоотношениях, образуя единое социально-биологическое содержание человека. Рассмотрение человека как организма и как личности позволяет соединить в нем природное и общественное.

В.Н. Кудрявцев (2003) вводит в структуру личности преступника свойства, значимые для совершения преступления, - демографические данные о преступнике, правосознание преступника, социальная (антиобщественная) установка личности, комплекс личностных свойств преступника.

П.С. Дагель (1970) отстаивает позицию, согласно которой структура личности преступника содержит как общие с непреступниками свойства, так и специфические, – характерные только для преступников. Причем, под специфическими и одновременно юридически значимыми чертами личности имеется в виду то, что связано с самим преступлением: его

характер тяжесть, рецидив и т.д. А.И. Долгова (1981), напротив, считает, что преступник от непреступника отличается не самой структурой личности, она общая для всех, а содержанием разных элементов этой структуры.

Г.М. Миньковский (1973) предлагает следующую структуру, характеризующую особенности личности преступника: демографические признаки; культурно-образовательные признаки, потребности интересы и отношения ведущей деятельности; потребности, интересы и отношения быта и досуга; эмоционально-волевые признаки, в том числе обусловленные соматически и психически [2].

В структуру личности преступника криминологи также включают и ценностно-нормативные представления (диспозиции, социальные установки). Часто употребляется понятие «антиобщественная установка», для которой характерно отрицание тех или иных общепризнанных ценностей, антиобщественный характер мотивов и целей поведения [3, 4].

Также в структуру личности преступника включают и психофизиологические особенности личности, такие как склонность к определенному типу реакции - преодолению трудностей или уходу от них, приспособлению к обстановке или выжиданию, быстроте или замедленности в оценке обстановки и принятии решения, что может оказаться весьма существенным в ряде юридически значимых ситуаций [4].

«Если цепочку причин и следствий, связанных с преступлением, рассматривать не в той последовательности, в которой она развивалась, а в обратной, идя от конца, т.е. от совершенного преступления к его истории, то мы, прежде всего, должны обратить внимание на совокупность психологических явлений, предшествовавших преступлению и коренившихся в сознании субъекта... иными словами, речь идет о свойствах личности преступника, о тех субъективных качествах, которые послужили ближайшей и непосредственной причиной совершения преступления»[3].

В настоящее время в научной психолого-юридической литературе наиболее широкое распространение получил подход к изучению личности преступника, предполагающий наличие в ней следующих двух наиболее крупных подсистем, объединяющих различные более мелкие признаки,

отдельные характеристики личности, а именно: социально-демографической и социально-психологической подсистем личности преступника.

Социально-демографическая подсистема личности преступника включает пол, возраст, семейное положение, образование, профессиональную принадлежность, род занятий, социальное, материальное положение, наличие судимости (иных связей с криминальной средой). Сюда же относятся признаки, характеризующие личность преступника с точки зрения выполнения им определенных функционально-ролевых обязанностей.

Социально-психологическая подсистема личности преступника включает психологическую структуру личности в виде ее четырех основных структурных элементов:

1) подструктура направленности в виде совокупности наиболее устойчивых, социально значимых качеств личности (мировоззрение, ценностные ориентации, социальные установки, ведущие мотивы и т.д.), связанных с правосознанием человека;

2) подструктура опыта, включающая знания, навыки, привычки и другие качества, которые проявляются в выборе ведущих форм деятельности;

3) подструктура психических форм отражения, проявляющихся в познавательных процессах, психических, эмоциональных состояниях человека;

4) подструктура темперамента и других биологически, наследственно обусловленных свойств, которые наряду с социальными факторами влияют на формирование характера и способностей человека.

Обобщая выше сказанное, можно сделать следующие выводы:

- личность осужденного - это конкретный человек, взятый со стороны его социальных качеств, отбывающий уголовное наказание;
- личность осужденного, как и любая личность, характеризуется такими особенностями, которые выражаются: в ее индивидуальности; отношениях с окружающими людьми и видами деятельности; самосознании; устойчивости и одновременной динамичности психического склада; типичности некоторых психологических свойств и качеств;
- личность осужденного отражает те условия, в которых она живет

и действует (условия места лишения свободы);

- личность осужденного отражает воздействия места лишения свободы. Осужденные при одинаковых условиях отбывания наказания по-разному проявляют себя. Это связано, прежде всего, с тем, что осужденные имеют личный жизненный опыт, индивидуальную структуру психологических свойств и качеств.

Опыт исследований осужденного показывает преимущества подхода к психологическому анализу личности, при котором предмет пенитенциарного изучения включает лишь те стороны личности, которые закономерно проявляются в поведении и деятельности в условиях отбывания наказания в местах лишения свободы.

Чтобы предвидеть поведение осужденных, недостаточно знать результаты их деятельности. Для получения объективной оценки надо знать, какими при этом целями и мотивами руководствовался человек.

Среди индивидуально-психологических особенностей личности преступников, которые могут оказать существенное влияние на характер их поведения и деятельности при отбывании наказания, на первое место необходимо поставить отношение осужденных к своему преступлению и наказанию. В зависимости от этого отношения можно выделить следующие категории осужденных:

а) лица, которые еще на предварительном следствии раскаялись в содеянном, осознали причиненный ими вред. Чаще всего они быстро входят в ритм жизни колонии, отряда, хотят трудиться и учиться, соблюдают режим, участвуют в работе общественных организаций;

б) лица, которые считают свое осуждение несправедливым, а свои действия не рассматривают как преступные. Им свойственно активно-отрицательное отношение к режиму в колонии, воспитательным мерам и администрации. Часто появляющееся у них ощущение опустошенности и отрешенности приводит к срывам, вспышкам немотивированной злобы и агрессивности.

В исследовании приняли участие две группы респондентов - осужденные, совершившие тяжкие преступления и отбывающие наказание в колонии строгого режима г. Красноярска (N=30) и осужденные, совершившие преступления средней тяжести, отбывающие наказание в колонии общего режима г. Красноярска (N=30), средний возраст 32,9 лет.

Итого, в выборку исследования вошло 60 респондентов. Рассмотрим их анкетные данные, характеризующие социально-демографическую подсистему личности осужденных, см. таблицу 1.

В целом, по распределению в обеих группах выборки по уровню образования, различия наблюдаются только по уровню среднего образования – оно имеется у 56,7% осужденных из колонии общего режима и только у 26,7% осужденных из колонии строгого режима. В остальных градациях по образованию (неоконченное (начальное) среднее либо отсутствие, средне-специальное, неоконченное высшее, высшее) – соотношение обеих групп респондентов сбалансированное.

Таблица 1.

Уровень образования респондентов, (N=60).

Группа выборки/уровень образования	Нет образования (либо незаконченное среднее)		Среднее		Средне-специальное		Неоконченное высшее		Высшее	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Осужденные, преступления средней тяжести, N=30	3	10	17	56,7	5	16,7	3	10	2	6,6
Осужденные, тяжкие преступления, N=30	5	16,7	8	26,7	8	26,7	5	16,7	4	13,2

При этом, можно сказать, что осужденные из колонии строгого режима (тяжкие преступления) оказались «образованнее»: среди них больше лиц, имеющих средне-специальное, неоконченное и полное высшее образование. При этом, среди осужденных из колонии общего режима (преступления средней тяжести) преобладают лица со средним образованием. Рассмотрим семейное положение респондентов, см. таблицу 2.

Таблица 2.

Семейное положение респондентов, (N=60).

Группа выборки	Женат		Холост		Разведён		Вдовец	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Осужденные, преступления средней тяжести, N=30	4	13,3	17	56,7	5	16,7	4	13,3
Осужденные, тяжкие преступления, N=30	6	20	16	53,3	5	16,7	3	10

Большинство респондентов (55% из общей выборки) являются холостыми, ранее не состоящими в браке. Женаты 16,7% осужденных из общей выборки, столько же разведённых. Вдовцами являются 11,7% осужденных из общей выборки. Далее рассмотрим, сколько детей имеют осужденные, см. таблицу 3.

Таблица 3.

Количество детей у респондентов, (N=60).

Группа выборки	Нет детей		1		2		3 и более	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Осужденные, преступления средней тяжести, N=30	19	63,3	8	26,7	2	6,7	1	3,3
Осужденные, тяжкие преступления, N=30	18	60	9	30	1	3,3	2	6,7

Большинство осужденных не имеют детей – 63,3% из колонии общего режима и 60% из колонии строгого режима, всего 61,7% из общей выборки осужденных. Одного ребёнка имеют 26,6% осужденных из колонии общего режима и 30% из колонии строгого режима, всего 28,3% из общей выборки осужденных. Незначительный процент осужденных имеет

двух и более детей.

В следующей таблице мы рассмотрим соотношение осужденных общего и строгого режима по параметру «общение с родственниками».

Таблица 4.

Общение с родственниками, (N=60).

Группа выборки	Общение присутствует						Общение отсутствует			
	Только переписка		Встречи и переписка		Посылки, письма и встречи		Отсутствие общения с обеих сторон		Односторонняя связь (пишут письма без ответа)	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Осужденные, преступления средней тяжести, N=30	3	10	17	56,7	5	16,7	3	10	2	6,6
Осужденные, тяжкие преступления, N=30	5	16,7	8	26,7	8	26,7	5	16,7	4	13,2

По распределению в обеих группах выборки по категории «встречи и переписка с родственниками», различия наблюдаются только по уровню среднего образования – оно имеется у 56,7% осужденных из колонии общего режима и только у 26,7% осужденных из колонии строгого режима. В целом, общение отсутствует у 16,6% осужденных из колонии общего режима и у 29,9% осужденных их колонии строгого режима. При этом взаимно не стремятся к общению осужденные и родственники осужденных, из колонии общего режима - 10%, из колонии строгого режима – 16,7%. Общение не только в виде встреч, но и наличие переписки, а также посылок от родственников, имеется у 16,7% осужденных из колонии общего режима и у 26,7% осужденных из колонии

строгого режима. Сравним данные осужденных, полученные при исследовании с помощью личностного опросника (Фрайбургский личностный опросник - «FPI», модификация B), и проективного теста «Hand-тест», (проективная методика исследования личности в адаптации Т.Н. Курбатовой).

Первая группа параметров, относящаяся к анкетным данным респондентов, рассмотрена выше (таблицы №№2-4), поэтому перейдём к рассмотрению второй группы параметров – двенадцати личностных особенностей, диагностированных при помощи опросника «FPI».

Таблица 5.

Данные U-критерия Манна-Уитни по шкале «невротичность», N=60.

Группа осужденных, совершивших преступления средней тяжести		Группа осужденных, тяжкие преступления	
Ср. ранг	Сумма рангов	Ср. ранг	Сумма рангов
25,2	756	35,8	1074
U=291, ρ=0,016. Различия статистически **значимы**.			

Обе группы респондентов имеют выраженные средние или высокие уровни невротичности, респондентов с низким уровнем невротичности в выборке нет. Осужденным из колонии строгого режима свойственен высокий уровень невротизации, осужденным из колонии общего режима - средний уровень. Осужденные из колонии строгого режима более невротизированы, нежели осужденные из колонии общего режима. Так как среди всей выборки нет ни одного респондента с низким уровнем невротизации, можем предположить, что осужденные, склонные к невротизации, в условиях лишения свободы (стрессогенных условиях) невротизируются ещё больше и находятся на высоком уровне невротизации. Осужденные, менее склонные к невротизации, в условиях лишения свободы приобретают средний уровень её выраженности. К сожалению, мы не можем сделать вывод об этиологии невротичности: является ли она предпосылкой к совершению преступления, либо

следствием пребывания в условиях лишения свободы.

Спонтанную агрессию более склонны проявлять осужденные из колонии строгого режима (U=199,5, ρ=0,0001). По уровням выраженности (низкий, средний и высокий) осужденные распределены следующим образом: осужденные из колонии общего режима имеют низкий и средний уровень выраженности спонтанной агрессивности, в то время как осужденные строгого режима имеют высокий и средний уровень выраженности спонтанной агрессивности. Депрессивность также более склонны проявлять осужденные из колонии строгого режима, (U=194, ρ=0,0001), они отличаются высоким уровнем её выраженности. По уровням выраженности депрессивности (низкий, средний и высокий) осужденные распределены следующим образом: осужденные из колонии общего режима имеют низкий и средний уровень выраженности качества, в то время как осужденные строгого режима имеют высокий и средний уровень выраженности депрессивности. Можем предположить, что уровень депрессивности осужденных тем выше, чем более строгое наказание (и соответственно больший срок) они получили. Возможно, депрессивность на высоком уровне свойственна осужденным из колонии строгого режима из-за отсутствия чувства перспективы в жизни вследствие более длительного, нежели у осужденных из колонии общего режима, срока и более жёстких жизненных условий.

Таблица 6.

Данные U-критерия Манна-Уитни по шкале «раздражительность», N=60.

Группа осужденных, совершивших преступления средней тяжести		Группа осужденных, тяжкие преступления	
Ср. ранг	Сумма рангов	Ср. ранг	Сумма рангов
28,6	858	32,4	972
U=393, ρ=0,391. Различия статистически незначимы.			

Осужденные как совершившие тяжкое, так и преступление средней тяжести, имеют различные уровни выраженности раздражительности – от

низкого до высокого. Поэтому мы не можем сказать, что у какой-то группы осужденных преобладает тот или иной уровень выраженности раздражительности. Следовательно, параметр раздражительности не будет пиковым (ни положительным, ни отрицательным) в личностном профиле осужденных обеих групп осужденных. Осужденные обеих групп выборки склонны к неустойчивому эмоциональному состоянию со склонностью к аффективному реагированию.

Таблица 7.

Данные U-критерия Манна-Уитни по шкале «общительность», N=60.

Группа осужденных, совершивших преступления средней тяжести		Группа осужденных, тяжкие преступления	
Ср. ранг	Сумма рангов	Ср. ранг	Сумма рангов
31,02	930,5	29,98	899,5
U=434,5, ρ=0,817. Различия статистически незначимы.			

Осужденные обеих групп имеют различные уровни выраженности общительности – от низкого до высокого. Поэтому мы не можем сказать, что у какой-то группы осужденных преобладает тот или иной уровень выраженности общительности. Следовательно, параметр общительности так же, как и вышеотмеченный, не будет пиковым в личностном профиле осужденных обеих групп осужденных.

Таблица 8.

Данные U-критерия Манна-Уитни по шкале «уравновешенность», N=60.

Группа осужденных, совершивших преступления средней тяжести		Группа осужденных, тяжкие преступления	
Ср. ранг	Сумма рангов	Ср. ранг	Сумма рангов
34,07	1022	26,93	808
U=343, ρ=0,110. Различия статистически незначимы.			

Осужденные, как из колонии общего, так и из колонии строгого режима, имеют различные уровни выраженности уравновешенности – от

низкого до высокого. Уравновешенность также не является пиковой в структуре личности осужденных.

Осужденные, как из колонии общего, так и из колонии строгого режима, имеют различные уровни выраженности реактивной агрессивности – от низкого до высокого. Реактивная агрессивность также не является пиковой в структуре личности осужденных из колонии общего режима, но для осужденных из колонии строгого режима показатель реактивной агрессивности более высок, она входит в их личностный профиль (U=285, ρ=0,013). Итак, можем предположить, что более высокий уровень реактивной агрессивности, свойственный осужденным строгого режима, является предпосылкой для совершения более тяжких преступлений (нежели низкий и средний уровни реактивной агрессивности у осужденных из колонии общего режима).

Таблица 9.

Данные U-критерия Манна-Уитни по шкале «застенчивость», N=60.

Группа осужденных, совершивших преступления средней тяжести		Группа осужденных, тяжкие преступления	
Ср. ранг	Сумма рангов	Ср. ранг	Сумма рангов
31,85	955,5	29,15	874,5
U=409,5, ρ=0,540. Различия статистически незначимы.			

Обе группы респондентов имеют разные уровни выраженности застенчивости – от низкого до высокого. Тенденций не обнаружено.

В уровне выраженности открытости осужденные за преступления средней тяжести отличаются её высоким уровнем, в то время как осужденные за тяжкие преступления – низким и средним (U=291, ρ=0,016). Возможно, именно более низкий уровень открытости, не позволяющий вовремя выговориться, выплеснуть негативные переживания, способствует тому, что осужденные совершают более тяжкие преступления, чем осужденные (из колонии общего режима) с высоким уровнем общительности. Можно также предположить, что уровень общительности является косвенным показателем социально-

психологической адаптации личности, и чем он выше, тем более адаптивна личность в социуме. Поэтому, вероятно, осужденные из колонии общего режима более адаптивны, чем осужденные из колонии строгого режима.

Таблица 10.

Взаимосвязь «экстраверсии-интроверсии» с другими личностными элементами.

Показатель, с которым наблюдается достоверная связь	Значение коэффициента корреляции Пирсона, r	Уровень значимости, p
Спонтанная агрессивность	0,268	0,05
Реактивная агрессивность	0,285	0,05
Открытость	-0,325	0,05
Эмоциональная лабильность	-0,490	0,01
Hand-test Agg	0,457	0,01
Hand-test Dir	0,591	0,01
Hand-test Aff	-0,258	0,05
Hand-test Dep	-0,290	0,05
Hand-test Ten	0,276	0,05
Hand-test Fall	0,267	0,05
Hand-test I	0,529	0,01
Hand-test MAL	0,297	0,05
Hand-test WITH	0,387	0,01
Hand-test PATH	0,438	0,01

Так как континуум «экстраверсия-интроверсия» в методике имеет тенденцию: чем больше баллов, тем более выражена интроверсия, чем

меньше баллов, тем более выражен противоположный крайний полюс шкалы, по средним рангам и их суммам мы видим, что к интроверсии склонны осужденные строгого режима, осужденные общего режима – напротив, склонны к экстраверсии (U=140,5, ρ=0,0001). Данный показатель ориентированности вовне либо вовнутрь является пиковым в профиле для обеих групп. Данный показатель коррелирует с четырнадцатью параметрами (помимо типа колонии), рассмотрим эти связи в таблице 10.

Итак, чем более интровертирован субъект, тем он более склонен к проявлению физической агрессии, к открытому агрессивному поведению (Hand-test Agg, суммарный показатель Hand-test I), а также к проявлениям агрессивности: и реактивной, и спонтанной. Так как интроверты – преимущественно осужденные из колонии строгого режима, эти выводы в первую очередь относятся именно к ним. Чем более интровертированы осужденные, тем они менее открыты и менее эмоционально лабильны, а также менее склонны к аффектации. Чем более экстравертированы осужденные, тем они более склонны к аффектации, которая выражается через способность к активной социальной жизни, желание сотрудничать с другими. Так как экстравертированы осужденные из колонии общего режима, эта характеристика относится к ним. Вместе с тем, осужденные за тяжкие преступления более директивны, это свойство проявляется в установке превосходства над другими, повышенной готовности использовать других в своих интересах.

Обратная корреляция интроверсии и зависимости (Hand-test Dep) свидетельствует о том, что осужденные из колонии строгого режима менее зависимы от мнения и одобрения окружающих. Осужденные из колонии общего режима более зависят от этих факторов.

Осужденные за тяжкие преступления более склонны испытывать тревогу, напряжение, дискомфорт (Hand-test Ten), нежели осужденные за преступления средней тяжести.

Интроверты выборки (преимущественно из колонии строгого режима) гораздо чаще не смогли дать ответа на карточку (Hand-test Fall). Это свидетельствует как о их более низком уровне развития, в общем, так и об установке на обследование, которая также показывает неумение этих респондентов сотрудничать с другими.

У респондентов-интровертов (преимущественно из колонии строгого

режима) более выражены как степень личностной дизадаптации, дезориентации, так и наличие психопаталогии (Hand-test MAL,WITH, PATH).

Осужденные, совершившие преступления средней тяжести, более эмоционально лабильны, в то время как осужденные из колонии строгого режима (осужденные за тяжкие преступления) более эмоционально ригидны (U=49,5, ρ=0,0001). Так как данное свойство коррелирует с шестнадцатью параметрами помимо типа колонии/тяжести преступления, рассмотрим все значимые взаимосвязи в таблице 11.

Таблица 11.

Взаимосвязь эмоциональной лабильности с другими личностными элементами.

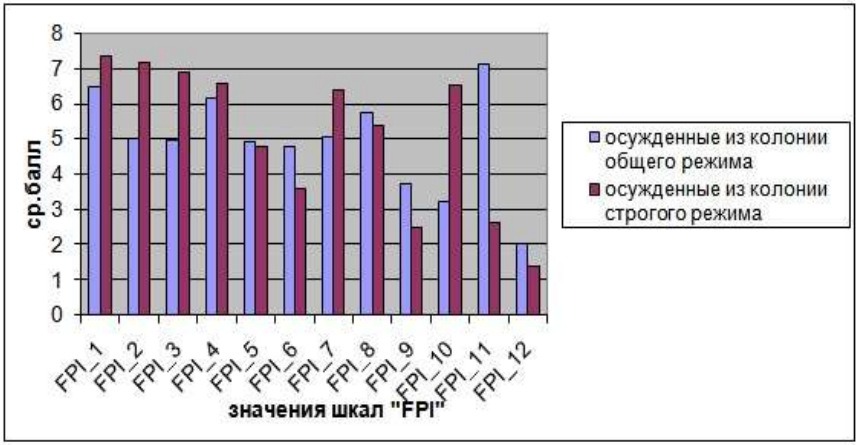
Показатель, с которым наблюдается достоверная связь	Значение коэффициента корреляции Пирсона, r	Уровень значимости, p
Спонтанная агрессивность	-0,303	0,05
Реактивная агрессивность	-0,367	0,01
Депрессивность	-0,327	0,05
Маскулинность-феминность	0,274	0,05
Hand-test Agg	-0,590	0,01
Hand-test Dir	-0,544	0,01
Hand-test Aff	0,492	0,01
Hand-test Dep	0,257	0,05
Hand-test Com	0,276	0,05
Hand-test Crip	0,267	0,05
Hand-test Bas	-0,413	0,01
Hand-test Des	-0,293	0,05
Hand-test I	-0,671	0,01
Hand-test MAL	-0,412	0,01
Hand-test WITH	-0,447	0,01
Hand-test PATH	-0,529	0,01

Итак, чем более респондент эмоционально лабилен (осужденные из колонии общего режима, совершившие преступления средней тяжести),

тем менее он склонен проявлять: физическую агрессию, реактивную и спонтанную агрессивность, депрессивность, директивность, а также у данной группы респондентов менее выражены степень личностной дезадаптации и психопаталогии. Вместе с тем, эта группа респондентов склонна проявлять некоторые феминные качества, аффектацию, зависимость от мнения окружающих, склонны к деловому общению. Респонденты с высоким уровнем эмоциональной лабильности более склонны к ответам категории «калечность» (Hand-test Crip). Следовательно, у них имеется чувство физической неадекватности, боязнь собственной немощности и каких-либо физических недостатков. Респонденты с низким уровнем эмоциональной лабильности более склонны к ответам категории «галлюцинации» (Hand-test Bas). У них имеются ответы галлюцинаторного, невероятного, необычного содержания при игнорировании контура рисунка. Данные согласуются с более высоким уровнем выраженности значений (у осужденных из колонии строгого режима) комплексных шкал личностной дезадаптации и наличия психопаталогии.

Так как высокие оценки данной шкалы свидетельствуют о протекании психической деятельности преимущественно по мужскому типу, низкие - по женскому, можем утверждать, что более маскулинными чертами обладают осужденные из колонии общего режима, осужденные из колонии строгого режима имеют феминные черты в протекании психической деятельности ($U=276,5$, $p=0,004$).

Соотношение личностных профилей осужденных по «FPI» представлено на рис.1.



Условные обозначения: шкалы по порядку: невротичность*, спонтанная агрессивность***, депрессивность***, раздражительность, общительность, уравновешенность, реактивная агрессивность, застенчивость, открытость*, экстраверсия–интроверсия***, эмоциональная лабильность***, маскулинизм–феминизм**. Уровни значимости: * - p<0,05; ** - p<0,01; *** - p<0,001.

Перейдём к рассмотрению третьей группы параметров – результатов проективного теста. Показатели агрессии более выражены у осужденных из колонии строгого режима (U=95,5, ρ=0,0001). Так как бессознательная цель агрессивного поведения – наказание и искупление, мы считаем, что у осужденных из колонии строгого режима произошла фиксация, и им необходимо отреагирование вовне накопленной агрессии. Директивность склонны проявлять осужденные за тяжкие преступления (U=88,5, ρ=0,0001), она выражена в установке превосходства над другими и повышенной готовности использовать других в своих интересах. Для осужденных из колонии общего режима характерен низкий уровень директивности. Склонны к аффектации осужденные, совершившие преступления средней тяжести (U=155,5, ρ=0,0001), которая выражается через способность к активной социальной жизни, желание сотрудничать с другими. У осужденных из колонии строгого режима выявлен низкий

уровень аффектации. По коммуникации между осужденными выявлены статистически значимые различия, (U=189, ρ=0,0001). Так как условно данный показатель считается показателем делового общения, можем сказать, что к нему склонны только осужденные, совершившие преступления средней тяжести. По зависимости между осужденными выявлены статистически значимые различия, (U=251, ρ=0,001). Осужденные из колонии общего режима склонны искать помощь и поддержку у других людей. Осужденные за тяжкие преступления (из колонии строгого режима) не склонны искать помощь и поддержку у других людей, следовательно, они ей не пользуются и являются менее социально адаптированными.

Таблица 12.

Данные U-критерия Манна-Уитни по шкале Hand-test «страх», N=60.

Группа осужденных, совершивших преступления средней тяжести		Группа осужденных, тяжкие преступления	
Ср. ранг	Сумма рангов	Ср. ранг	Сумма рангов
28,07	842	32,93	988
U=377, ρ=0,245. Различия статистически незначимы.			

Данная категория встречается не у всех осужденных, максимум ответов по этой категории – 2. В одинаковой степени некоторые осужденные обеих групп склонны испытывать страх перед возмездием, но этот параметр не выражен, не входит в их личностный профиль.

К эксгибиционизму: демонстративности, самовыражению, склонны осужденные за тяжкие преступления (из колонии строгого режима) (U=260, ρ=0,003). Так как данный параметр коррелирует ещё с одиннадцатью параметрами помимо типа колонии, рассмотрим все значимые связи в таблице 13.

Таблица 13.

Взаимосвязь эксгибиционизма с другими личностными элементами.

Показатель, с которым наблюдается достоверная связь	Значение коэффициента корреляции Пирсона, r	Уровень значимости, p
Маскулинность-феминность	-0,352	0,01
Раздражительность	0,272	0,05
Открытость	-0,422	0,01
Hand-test Agg	0,266	0,05
Hand-test Dir	0,260	0,05
Hand-test Aff	-0,312	0,05
Hand-test Com	-0,285	0,05
Hand-test Des	0,304	0,05
Hand-test I	0,399	0,01
Hand-test WITH	0,352	0,01
Hand-test PATH	0,351	0,01

Чем больше осужденные за тяжкие преступления (из колонии строго режима) проявляют демонстративность, тем они более раздражительны, феминны, агрессивны, директивны, личностно дезадаптированы и имеют психопаталогии. Также они менее открыты и более склонны к описанию (Hand-test Des) настроения без проецирования тенденций к действию.

Чувство физической неадекватности присуще осужденным за тяжкие преступления (U=319, ρ=0,032): они испытывают боязнь собственной немощности или каких-либо физических недостатков. У осужденных из колонии общего режима чувство физической неадекватности слабо выражено либо отсутствует.

Осужденные за тяжкие преступления более склонны к описанию (Hand-test Des) настроения без проецирования тенденций к действию (U=269, ρ=0,006). Мы связываем этот факт с более пассивной жизненной позицией данной группы выборки. Она обусловлена как более жёсткими

условиями их пребывания в местах лишения свободы, отсутствием чувства перспективы в жизни, так и более выраженными раздражительностью и депрессивностью как следствием этих условий.

Получены статистически значимые различия по шкале «напряжение», (U=247, ρ=0,002). Осужденные за тяжкие преступления более склонны к переживанию тревоги, напряжения, дискомфорта. Осужденные за преступления средней тяжести имеют подобные переживания на низком и среднем уровнях.

По категориям: «активные безличные ответы» и «пассивные безличные ответы» различий не обнаружено. Они не нуждается в интерпретации, так как является промежуточными, необходимыми для вычисления индексов.

Ответы, в которых контуры рисунка игнорируются, характерны для осужденных из колонии строгого режима (U=247, ρ=0,002), это ответы галлюцинаторного, невероятного, необычного содержания. Подобные ответы присутствуют и у осужденных из колонии общего режима, но в значительно меньшей доле.

Осужденные за тяжкие преступления чаще не смогли дать ответ на карточку теста, чем осужденные за преступления средней тяжести (U=290, ρ=0,012). Мы связываем это как с более негативной установкой на обследование, чем у другой группы осужденных, так и со сниженной активностью.

Склонность к открытому агрессивному поведению на высоком и среднем уровне присуща осужденным за тяжкие преступления. Осужденные за преступления средней тяжести менее склонны к проявлению открытого агрессивного поведения.

На рис. 2. приведены профили осужденных по категориям ответов «Hand-test».

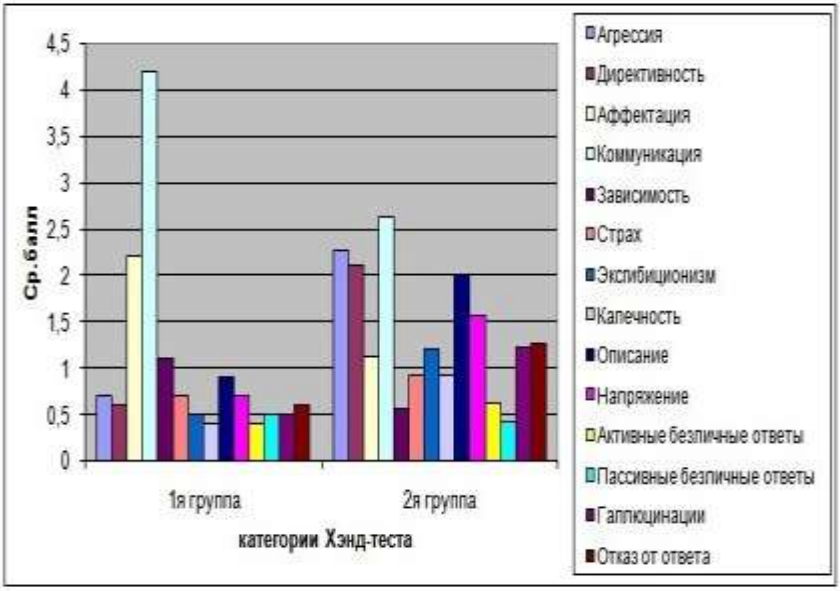


Рис. 2. Профили осужденных по категориям ответов «Hand-test».

Далее рассмотрим соотношение интегративных показателей «Hand-test» у обеих групп осужденных.

Таблица 14.

Данные U-критерия Манна-Уитни по комплексной шкале Hand-test «I», N=60.

Группа осужденных, совершивших преступления средней тяжести		Группа осужденных за тяжкие преступления	
Ср. ранг	Сумма рангов	Ср. ранг	Сумма рангов
25,17	755	35,83	1075
U=21, ρ=0,0001. Различия статистически **значимы**.			

Таблица 15.

Данные U-критерия Манна-Уитни по комплексной шкале Hand-test «MAL», N=60.

Группа осужденных, совершивших преступления средней тяжести		Группа осужденных за тяжкие преступления	
Ср. ранг	Сумма рангов	Ср. ранг	Сумма рангов
21,77	653	39,23	1177
U=188, ρ=0,0001. Различия статистически **значимы**.			

Личностная дизадаптация характерна для осужденных за тяжкие преступления.

Личностная дезориентация характерна для осужденных за тяжкие преступления (из колонии строгого режима). Личностная дезориентация имеется также и у некоторой части осужденных из колонии общего режима, однако её соотношение незначительно по сравнению с осужденными из колонии строгого режима (си. Табл. 16, 17).

Таблица 16.

Данные U-критерия Манна-Уитни по комплексной шкале Hand-test «WITH», N=60.

Группа осужденных из колонии общего режима		Группа осужденных из колонии строгого режима	
Ср. ранг	Сумма рангов	Ср. ранг	Сумма рангов
19,68	590,5	41,32	1239,5
U=125,5, ρ=0,0001. Различия статистически **значимы**.			

Таблица 17.

Данные U-критерия Манна-Уитни по комплексной шкале Hand-test «PATH», N=60.

Группа осужденных из колонии общего режима		Группа осужденных за тяжкие преступления	
Ср. ранг	Сумма рангов	Ср. ранг	Сумма рангов
17,53	755	43,47	1075
U=61, p=0,0001. Различия статистически **значимы**.			

Психопатология характерна для осужденных за тяжкие преступления. Психопатология имеется также и у некоторой части осужденных за преступления средней тяжести, однако её соотношение незначительно по сравнению с осужденными из колонии строгого режима.

Увидеть различия между разными группами респондентов и тенденцию более высоких интегративных показателей по «Hand-тесту» поможет рис. 3.

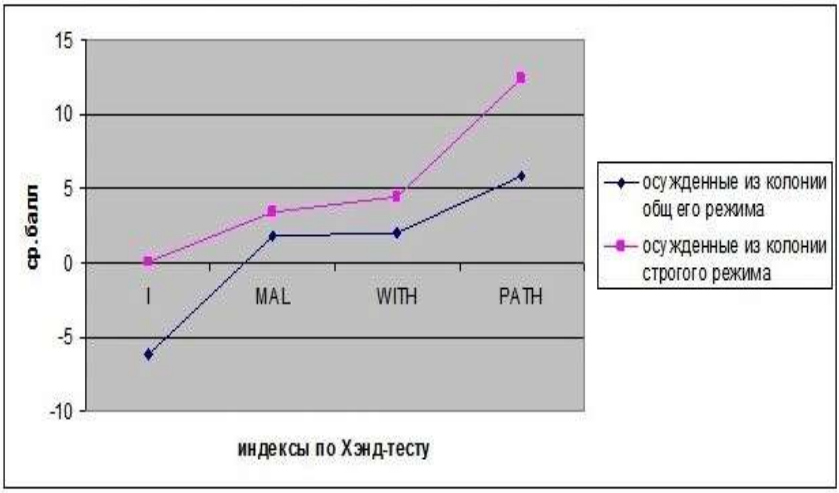


Рис.3. Выраженность интегративных показателей по «Hand-тесту» у осужденных.

Из данного рисунка видно, что все интегративные показатели более

высоки у осужденных за тяжкие преступления (из колонии строгого режима). Следовательно, они более личностно дезадаптированы и дезориентированы, психопаталогичны и склонны к открытому агрессивному поведению.

Итак, мы осуществили попытку рассмотреть структурные особенности личности осужденных в зависимости от тяжести преступления, - тяжкие и средней тяжести, соответственно, отбывающих наказание в колониях строгого и общего режима, в формате сравнения. Социально-демографическая подсистема личности осужденных, имеет общие и особенные моменты.

Общие моменты:

• в обеих группах присутствует незначительная часть лиц, не имеющих законченного среднего образования;

• по семейному положению между двумя группами осужденных не выявлено различий: большинство из них являются холостыми, ранее не состоящими в браке;

• по количеству детей равные доли осужденных обеих групп как не имеют детей, так и имеют от одного до трёх и более детей.

Выявлено три различия в социально-демографической подсистеме личности осужденных, первое касается уровня образования:

• в целом, можно сказать, что осужденные из колонии строгого режима оказались «образованнее»: среди них больше лиц, имеющих среднеспециальное, неоконченное и полное высшее образование. При этом среди осужденных из колонии общего режима преобладают лица со средним образованием.

• Второе различие относится к способам общения с родственниками осужденных: большинство осужденных, отбывающих наказание в колонии общего режима, отнесли своё общение с родственниками к категории «Встречи и переписка», в то время как осужденные, отбывающие наказание в колонии строгого режима, в основном, распределились по двум категориям: «Встречи и переписка», «Посылки, письма и встречи».

• Третье различие касается категории «Отсутствие общения». Общение с родственниками отсутствует у большей доли осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима, по сравнению с долей осужденных, отбывающих наказание в колонии общего режима. При этом, при

незначительных долях в обеих группах осужденных, у которых наблюдается односторонняя связь (они продолжают писать письма, несмотря на отсутствия ответов родственников), подобная доля лиц в два раза больше среди осужденных из колонии строгого режима.

Итак, структура личности осужденных, совершивших преступления средней тяжести, выглядит следующим образом:

- Невротизация выражена на среднем уровне.
- Эксгибиционизм (средний).
- Низкий и средний уровень спонтанной агрессивности.
- Низкий и средний уровень депрессивности.
- Высокий уровень открытости (пиковый параметр).
- Экстравертированность (пиковый параметр).
- Аффектация (высокая).
- Директивность (низкая).

Структура личности осужденных, совершивших тяжкие преступления, выглядит следующим образом:

- Высокий уровень невротизации (пиковый параметр).
- Высокий общий уровень агрессии.
- Эксгибиционизм (высокий).
- Высокий и средний уровень спонтанной агрессивности.
- Склонность к открытому агрессивному поведению.
- Высокий и средний уровень депрессивности.
- Низкий и средний уровень открытости.
- Интровертированность (пиковый параметр).
- Аффектация (низкая).
- Директивность (высокая).
- Чувство физической неадекватности.
- Пассивная жизненная позиция.
- Личностная дезадаптация.
- Личностная дезориентация.
- Психопатология.

Перечислим различия в структуре личности осужденных, в зависимости от тяжести совершенного преступления (и, соответственно, наказания в виде лишения свободы в колонии строгого либо общего

режима), помимо различий в социально-демографической подсистеме личности, получившие статистическое подтверждение.

1. Осужденные из колонии *строгого режима более невротизированы*, нежели осужденные из колонии общего режима.

2. *Спонтанную агрессию более склонны проявлять осужденные из колонии строгого режима*. По уровням выраженности (низкий, средний и высокий) осужденные распределены следующим образом: осужденные из колонии общего режима имеют низкий и средний уровень выраженности спонтанной агрессивности, в то время как осужденные строгого режима имеют высокий и средний уровень выраженности спонтанной агрессивности.

3. Более *высокий уровень реактивной агрессивности* свойственен *осужденным строгого режима*.

4. *Склонность к открытому агрессивному поведению на высоком и среднем уровне присуща осужденным из колонии строгого режима*. Осужденные из колонии общего режима менее склонны к проявлению открытого агрессивного поведения.

5. Открытость свойственна осужденным из колонии общего режима, *замкнутость – осужденным из колонии строгого режима*.

6. Осужденные из колонии общего режима более эмоционально лабильны, в то время как *осужденные из колонии строгого режима более эмоционально ригидны*.

7. Более маскулинными чертами обладают осужденные из колонии общего режима, *осужденные из колонии строгого режима имеют фемининные черты в протекании психической деятельности* (неуравновешенность, эксгибиционизм).

8. *Депрессивность более склонны проявлять осужденные из колонии строгого режима*, они отличаются высоким уровнем её выраженности.

9. *Директивность склонны проявлять осужденные из колонии строгого режима*, она выражена в установке превосходства над другими и повышенной готовности использовать других в своих интересах.

10. *Склонность к эксгибиционизму: демонстративности, самовыражению, склонны осужденные из колонии строгого режима*.

11. Склонны к аффектации осужденные из колонии общего режима, которая выражается через способность к активной социальной жизни, желание сотрудничать с другими. У *осужденных из колонии строгого режима выявлен низкий уровень аффектации.*

12. К деловому общению склонны только осужденные из колонии общего режима.

13. Осужденные из колонии общего режима склонны искать помощь и поддержку у других людей. *Осужденные из колонии строгого режима не склонны искать помощь и поддержку у других людей*, следовательно, они ей не пользуются и *являются менее социально адаптированными*.

14. *Чувство физической неадекватности присуще осужденным из колонии строгого режима*: они испытывают боязнь собственной немощности или каких-либо физических недостатков.

15. *Личностная дезадаптация характерна для осужденных из колонии строгого режима*.

16. *Личностная дезориентация характерна для осужденных из колонии строгого режима*.

17. *Психопатология характерна для осужденных из колонии строгого режима*.

Сходство в структуре личности осужденных: осужденные обеих групп выборки склонны к неустойчивому эмоциональному состоянию с расположенностью к аффективному реагированию.

Итак, помимо сходств в социально-демографической подсистеме личности осужденных, мы имеем единственное сходство – в выраженности раздражительности.

Вместе с тем, (помимо различий в социально-демографической подсистеме личности осужденных), обнаружено семнадцать различий в структурах личности осужденных за тяжкие преступления и преступления средней тяжести. Всего в эмпирическом исследовании обнаружено двадцать различий и четыре сходства в структурах личности осужденных за тяжкие преступления и преступления средней тяжести, отбывающих наказание в колониях общего и строгого режимов.

Литература:

1. Мантикова, А.В. Социально-психологический тренинг как форма коррекции делинквентной личности [Текст]/ А.В. Мантикова // Материалы Международной научно-практической конференции "Актуальные проблемы современной психологии и педагогики: новые технологии и перспективы", г.Харьков, Украина, 27-28 сентября 2013.

2. Морогин, В.Г. Теоретические и методические вопросы экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности осужденных [Текст]/ В.Г. Морогин // Сибирский психологический журнал. -1996.-Вып. 3.-С. 23-33.

3. Ратинов, А.Р. К ядру личности преступника [Текст]/ А.Р. Ратинов // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. - М.: Академия, 1981.- 417 с.

4. Мантикова, А.В. По ту сторону закона: особенности волевой саморегуляции мужчин зрелого возраста как индикаторы риска незаконных действий // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4; URL: pem.esrae.ru/8-68 (дата обращения: 09.12.2015).

— ● —

Mantikova A. V., Ten Ju. V. Strukturnye osobennosti lichnosti osuzhdennyh v zavisimosti ot tjazhesti sovershjonnogo prestuplenija / A. V. Mantikova, Ju. V. Ten // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4.

— ● —

Abstract. In article the problem of quality of the modern psychodiagnostics which is carried out on the basis of use of the techniques published in the wide press is considered. Results of the theoretical analysis of a diagnostic solvency of a technique of T. Holmes and R. Rage «Definition of re-

sistance to stress and social adaptation», published in various methodical sources are presented.

Keywords: stress, resistance to stress, psychodiagnostics, technique, psychometric properties.

– ● –

Сведения об авторах

Анна Владимировна **Мантикова**, старший преподаватель. ФГБОУ ВПО Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Медико-психолого-социальный институт (Абакан, Россия).

Юлия Валериевна **Тен**, практический психолог, г. Красноярск (Россия).

© А. В. Мантикова, 2015.
© Ю. В. Тен, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*
Подписано в печать 08.12.2015.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ПРЕОДОЛЕНИИ СТРЕССА

Н. В. Родина. Одесский национальный університет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина), e-mail: nvrodina@mail.ru

Резюме. Выборку исследования составили 320 абитуриентов высших учебных заведений г. Одессы в период вступительных экзаменов (28,7% мужского пола и 71,3% – женского; средний возраст – 18,1 лет). Женщин по сравнению с мужчинами характеризовали высокие значения по трем шкалами опросника WOCQ: фокусирование на позитиве ($F = 3,777$; $p = 0,050$; $\eta^2 = 0,012$), принятие желаймого за действительное ($F = 14,350$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,043$) и поиск социальной поддержки ($F = 3,783$; $p = 0,050$; $\eta^2 = 0,012$). Определен набор из 15 утверждений WOCQ, который описывал поведенческие акты характерные в ситуациях угрозы самоактуализации именно для женщин. Построенная на его основе шкала фемининной гендерной роли копинга характеризовалась высокой надежностью по внутренней согласованности ($\alpha = 0,780$). Определяются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: гендер, копинг, стресс, ситуации угрозы самоактуализации, шкала фемининной гендерной роли копинга, психометрическая адаптация.

Постановка проблемы. Специфика современного украинского общества характеризуется активными трансформациями идентичностей его представителей: идентичности политической, культурной, профессиональной и так далее. В последнее время в нашей стране наблюдается возрастающий интерес к исследованиям гендерной идентичности, постоянно увеличивается количество издаваемой литературы, которая разносторонне освещает соответствующий комплекс вопросов.

Гендерная идентичность – осознание личностью своей связи с

культурными определениями мужественности и женственности [2]; принадлежности к той или иной социальной группе на основе полового признака [5]. Иногда в понятие гендерной идентичности включают аспект, связанный с психосексуальным развитием и формированием сексуальных предпочтений [11].

Однако наиболее общее определение гендерной идентичности связано с тем, что ее понимают как результат отождествления личностью себя с определенным полом, отношения к себе как к представителю определенного пола, освоением соответствующих ему форм, стиля поведения и формированием личностных характеристик. При всем многообразии компонентов, которые могут быть включены в структуру гендерной идентичности, наиболее часто повторяются два компонента: биологический пол (мужчина/женщина) и маскулинность/фемининность как конструкты культуры и интериоризованые психологические черты [8].

Сложность изучения особенностей маскулинности/фемининности, как, впрочем, и других компонентов гендерной идентичности личности, связана с тем, что существовавшие ранее традиционные образцы маскулинности/фемининности в современных условиях во многом изменились и продолжают меняться. Отсюда возникает проблема исследования, связанная с тем, что еще недостаточно изучены взаимосвязи гендерной идентичности личности и особенностей преодоления стресса.

Анализ последних исследований и публикаций. В литературе по копингу до сегодняшнего момента нет единой точки зрения на проблему существования определенных гендерных различий в способах преодоления. Так, автор трансакционной теории стресса Р.С. Лазарус считал, что между мужчинами и женщинами отсутствуют устоявшиеся разногласия в копинг-стратегиях [12]. Но во многих научных трудах по вопросу поведения преодоления отмечается, что на выбор копинг-стратегии в сложной жизненной ситуации оказывают влияние полоролевые стереотипы. Так, С.К. Нартова-Бочавер отмечает, что женщины (и фемининные мужчины) склонны к эмоциональной реакции на проблему, а мужчины (и маскулинные женщины) выбирают «инструментальные» методы путем перевоплощения внешней ситуации [3]. Также подчеркивается склонность мужчин к проблемно-

ориентированному копингу [10].

В исследовании, проведенном С.А. Хазовой, рассматривалась способность женщин и мужчин к адаптации в изменяющихся условиях. При этом было обнаружено, что женщины имеют более широкую норму реакции и могут сочетать в своем поведении несколько стратегий, гибко используя их в зависимости от ситуации. Мужчины в конфликтных и стрессовых ситуациях демонстрируют большую ригидность, их поведение является «более специализированным» и носит более усечённый характер [9].

А.Е. Самарой были обоснованы существующие различия и сходства в поведении преодоления у мужчин и женщин, работающих в МЧС. У мужчин структура копинга преимущественно базируется на планировании решения проблемы, поиска социальной поддержки и положительной переоценке стрессовой ситуации, в то время как у женщин – на планировании решения проблемы, самоконтроле и положительной переоценке [4].

Однако в научной литературе остается еще недостаточно выясненным, как проявляются гендерные различия копинга в определенных стрессовых ситуациях, в том числе в ситуациях угрозы самоактуализации. Поэтому целью исследования было изучение взаимосвязей между полоролевой идентификацией личности и особенностями преодоления стресса в ситуациях угрозы самоактуализации, а также создание психометрического инструментария для измерения гендерных ролей копинга.

Основной материал исследования. Выборку исследования составили 320 абитуриентов одесских вузов, которые исследовались во время вступительных экзаменов. По гендерному признаку респонденты распределялись следующим образом: 28,7% мужского пола и 71,3% – женского. Средний возраст исследованных составлял 18,1 лет. В процессе проведения исследования был использован целый ряд психодиагностических методик.

1. Опросник ММИЛ – Методика многостороннего исследования личности, в частности четвертой шкалы, которая называется «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении» (аналог шкалы Pd в опроснике MMPI) и пятой шкалы выразительности мужских и

женских черт характера (аналог шкалы Mf в опроснике MMPI). Выбор этих показателей продиктован тем, что они тесно связаны друг с другом и характеризуют полоролевую идентичность личности [1].

2. Версия методики WOCQ, опросник способов преодоления, для ситуаций угрозы самоактуализации, содержащая следующие шкалы: фокусировка на позитиве (ФП), принятие желаемого за действительное (ПБД), поиск социальной поддержки (ПСП), самообвинения (СЗ), решение проблемы (ОП), поведенческая разрядка (ПР), отстраненность (В), а также анализ проблемы [6].

На первом этапе исследования с помощью однофакторного дисперсионного анализа сравнивались показатели полоролевой идентичности и копинг-стратегий в группах мужчин и женщин. Для четвертой шкалы гендерные различия были статистически значимыми ($F = 14,104$; $p < 0,001$; $\eta 2 = 0,044$). Средние значения Т–баллов в группе мужчин были выше ($M = 55,750$, $SD = 11,441$), чем среди женщин ($M = 50,932$, $SD = 9, 632$). Это указывает на то, что для исследованных мужчин в большей степени характерны именно маскулинные тенденции проявления и реагирования. В соответствии с психологическими исследованиями Ф.Б. Березина, М.П. Мирошникова, Р.В. Рожанца [6], в выборке исследованных четвертая шкала в рамках повышения до 70 Т-баллов описывает стенический тип реагирования на стрессовые раздражители.

Для пятой шкалы статистически значимых различий между абитуриентами женского и мужского пола не выявлено ($F = 0,263$; $p = 0,608$; $\eta 2 = 0,001$). Средние значения Т-баллов в группе мужчин ($M = 54,420$, $SD = 13,893$) были примерно на таком же уровне, как и в группе женщин ($M = 55,186$, $SD = 10,912$). Как известно, в опроснике ММИЛ пятая шкала по-разному интерпретируется в зависимости от пола испытуемого. Повышенные показатели по этой шкале в любом профиле означают отклонение от типичного для данного полоролевого поведения и усложнение сексуальной адаптации. В целом интерпретация носит полярный характер в зависимости от того, женский или мужской профиль подлежит расшифровке [6].

Указанные тенденции свидетельствуют о том, что в обеих группах не наблюдается отчетливого отклонения от полоролевых стереотипов поведения, однако, ориентируясь на значение стандартного отклонения,

можно отметить, что как среди мужчин, так и среди женщин присутствует незначительное количество индивидов с отчетливо феминным или определенно маскулинным поведением.

Сравнение показателей копинг-стратегий у абитуриентов мужского и женского пола позволило выявить некоторые тенденции. Так, относительно первой шкалы ФП опросника WOCQ были установлены статистически значимые различия между группами ($F = 3,777$; $p = 0,050$; $\eta2 = 0,012$). Следует обратить внимание на то, что женщины ($M = 61,940$ $SD = 22,755$) активно используют эту стратегию по сравнению с мужчинами ($M = 56,643$, $SD = 21,785$). Помимо этого, для женского стиля преодоления стресса свойственны попытки сформировать позитивный взгляд на стрессовую ситуацию, поиск возможностей для личностного роста, преобразований и творческого развития.

Следующая шкала методики – ПБД также успешно позволяла дифференцировать мужчин и женщин ($F = 14,350$; $p <0,001$; $\eta2 = 0,043$). Средний уровень по этой шкале был выше у женщин ($M = 45,234$, $SD = 20,836$), чем у мужчин ($M = 35,616$, $SD = 19,840$). Соответственно, феминный стиль реагирования на стресс также реализуется в виде попыток изменить взгляд на реальность путем фантазийного отреагирования. Вместо того, чтобы ориентироваться на реальность, женщины формируют собственные представления о ней, тем самым искажая степень ее угрозы.

Третья шкала WOCQ – ПСП также обнаружила гендерные различия ($F = 3,783$; $p = 0,050$; $\eta2 = 0,012$). К поиску социальной поддержки в ситуациях угрозы самоактуализации более склонны женщины ($M = 40,787$; $SD = 24,140$), чем мужчины ($M = 46,324$, $SD = 23,502$). То есть, более свойственны именно для женщин попытки найти в стрессовой ситуации информационную, материальную и эмоциональную поддержку. Они более склонны к зависимому и пассивному поведению.

Другие шкалы методики не обнаружили гендерных различий – результаты однофакторного дисперсионного анализа для этих шкал были следующими: шкала самообвинения ($F = 0,727$; $p = 0,395$; $\eta2 = 0,002$); шкала решения проблемы ($F = 3,330$; $p = 0,069$; $\eta2 = 0,010$); шкала поведенческой разрядки ($F = 0,003$; $p = 0,954$; $\eta2 = 0,000$); шкала отстраненности ($F = 0,393$; $p = 0,531$; $\eta2 = 0,001$) и шкала анализа

проблемы (F = 0,516; p = 0,473; η2 = 0,002).

Что касается показателей опросника WOCQ, которые описывают категории более высокого порядка, то нами были выявлены следующие закономерности. Активность копинга, требующего усилий, в группе мужчин (M = 0,006, SD = 1,014) почти отвечала выразительности усилий по преодолению у женщин (M = -0,002, SD = 0,997). Статистически значимые различия между этими гендерными группами отсутствовали (F = 0,004; p = 0,950; η2 = 0,000). Наоборот, копинг, избегающий, обнаружил существенные гендерные различия (F = 5,290; p = 0,022; η2 = 0,016).

Абитуриенты женского пола в ситуациях угрозы самоактуализации активно привлекают стратегии избегания (M = 0,081, SD = 0,990), чем мужчины (M = -0,201, SD = 1,000). Соответственно, женщины и мужчины почти одинаково интенсивно применяют волевые акты в качестве ответа на водействие стрессора, тогда как абитуриенты женского пола предпочитают преодоление, которое позволяет уйти от взаимодействия со стрессором.

Второй этап исследования связан с исследованием взаимосвязей между показателями полоролевой идентичности личности. Рассматривались отдельно группы мужчин и женщин, при этом использовался корреляционный анализ по Пирсону. Результаты корреляционного анализа приведены в таблице 1.

Как свидетельствуют показатели данной таблица, в группе абитуриентов мужского пола обнаружено лишь одну статистически значимую корреляцию – между параметром фокусировки на позитиве и пятой шкалой (r = 0,223).

Полученный коэффициент корреляции свидетельствовал о положительной связи между этими конструктами: то есть, более фемининные мужчины склонны были искать положительные стороны в стрессовой ситуации угрозы самоактуализации – соответственно среди мужчин использование такой копинг стратегии является проявлением определенной андрогинности. То есть шкала ФП отражает не только биологически обусловленные, но и гендерно-ролевые различия в преодолении стресса, связанного с полом.

Таблица 1.

Коэффициенты корреляции между показателями поло-ролевой идентичности абитуриентов и их копинг-стратегиями

Копинг-стратегии		Мужчины		Женщины	
		Pd	Mf	Pd	Mf
ФП	r	0,018	0,223*	-0,058	-0,098
	p	0,865	0,037	0,388	0,146
ПБД	r	0,001	0,046	0,048	0,027
	p	0,991	0,673	0,477	0,688
ПСП	r	0,085	0,030	-0,002	-0,152*
	p	0,428	0,778	0,977	0,024
СЗ	r	-0,028	-0,027	0,162*	0,096
	p	0,795	0,800	0,016	0,158
ВП	r	-0,141	0,003	-0,135*	0,031
	p	0,191	0,975	0,045	0,651
ПР	r	0,125	0,061	0,078	0,112
	p	0,245	0,571	0,246	0,099
В	r	0,109	0,162	-0,001	0,115
	p	0,314	0,132	0,988	0,088
АП	r	-0,155	0,062	-0,138*	0,015
	p	0,149	0,565	0,041	0,821

Примечание: выделены статистически значимые коэффициенты: значком * - на уровне p <0,05.

В группе абитуриентов женского пола обнаружена статистически значимая корреляция между шкалой ПСП опросника WOCQ и пятой

шкалой ММИЛ. Коэффициент корреляции был отрицательным (r = -0,152), что свидетельствует о склонности более маскулиних женщин отказываться от поиска поддержки со стороны социальной среды. Исходя из этого, среди женщин использование такой копинг стратегии соответствует их женской полоролевой позиции в социальном аспекте. Значит, у женщин признаком андрогиности являются низкие значения по шкале ПСП. Также следует добавить, что поиск социальной поддержки является маркером не только биологически обусловленных, но и социально-ролевых различий между мужчинами и женщинами.

Заслуживает внимания тот факт, что в группе женщин обнаружены статистически значимые корреляции между четвертой шкалой опросника ММИЛ и некоторыми копинг-стратегиями. Так, положительный статистически значимый коэффициент описывал взаимозависимость между реализацией эмоциональной напряженности в непосредственном поведении и самообвинением (r = 0,162). Из этого следует, что чем больше женщины проявляют слабость контроля над импульсами, тем больше они обнаруживают склонность к постоянному переосмыслению повторных неудач, а их отношения в межличностном окружении приобретают конфронтационный характер. Ситуация кризиса воспринимается ими как угрожающая и приводит к негативному восприятию собственной роли в ней. Эта направленность на самообвинение в стрессовых ситуациях у импульсивных женщин объясняется тем, что отреагирование тревоги на поведенческом уровне стереотипно воспринимается как характерное именно для мужчин, потому у женщин и возникает ролевой конфликт.

Отрицательные статистически значимые коэффициенты корреляции обнаружены для четвертой шкалы и таких шкал опросника WOCQ, как ОП (r = -0,135) и АП (r = -0,138). Обе описанные копинг-стратегии характеризуют усилия, предпринимаемые индивидом для анализа и поиска решения стрессовой ситуации, последовательно проявляя когнитивные усилия, используя накопленный опыт и противодействуя трудностям. Внимание фокусируется на ситуации угрозы самоактуализации.

Полученные в ходе исследования данные доказывают следующее: у женщин способность к контролю собственных импульсов способствует формированию проблемно-ориентированного копинга. И наоборот –

ослабление функции контроля над формой реализации побуждений является фактором, который дезорганизует планомерный анализ и решение ситуаций угрозы самоактуализации. Следует отметить, что и в группе мужчин, и в группе женщин статистически значимых ($p < 0,05$) корреляций между показателями полоролевой идентичности и категориями копинга высшего порядка не выявлено.

Следовательно, данный анализ позволил выявить социально-ролевые корреляты копинга в гендерном аспекте. Однако остается открытым вопрос, какие именно парциальные поведенческие акты преодоления характерны для мужчин и женщин в ситуациях угрозы самоактуализации. Для этого на третьем этапе исследования нами были рассмотрены взаимосвязи между ответами на отдельные утверждения опросника WOCQ, описывающие парциальные поведенческие копинг-акты и пол исследованных. В качестве показателя связи между переменными использовался критерий d Сомерса.

Результаты анализа приведены в таблице 2, где оставлены лишь статистически значимые взаимосвязи ($p < 0,05$), а пункты опросника отсортированы по абсолютному значению.

Положительный знак статистического критерия d свидетельствует о том, что указанный поведенческий акт в большей степени присущ женщинам, отрицательный знак – мужчинам. Очевидно, что набор этих поведенческих реакций характеризует стиль женского/мужского поведения по преодолению стресса в ситуациях угрозы самоактуализации. Представляется возможным на основе этого перечня утверждений опросника WOCQ сформировать шкалу или несколько шкал, которые могут выступить в качестве валидного психометрического инструмента для измерения гендерных ролей копинга.

Следует отметить, что проведенный эксплораторно-факторный анализ – метод наибольшего правдоподобия – показал, что по критерию каменистой осыпи наиболее адекватным является именно однофакторное решение. Надежность по внутренней согласованности для набора из 17 пунктов (для двух пунктов с отрицательным значением критерия d Сомерса использовался обратной ключ) была достаточно высокой: коэффициент α Кронбаха составил 0,699. Однако дальнейший анализ показал, что удаление пунктов 26 и 48 позволил значительно повысить

надежность по внутренней согласованности итоговой шкалы (α = 0,780). Дальнейшее удаление пунктов из шкалы не приводил к повышению коэффициента α Кронбаха.

Таблица 2.

Взаимосвязи между полом исследованных и отдельными поведенческими актами преодоления ситуаций угрозы самоактуализации

Пункт опросника WOCQ	d
60. Я молил Бога о помощи	0,258
27. Я хотел чего-то красивого	0,224
59. Я фантазировал и мечтал, как могло бы все измениться	0,235
26. Я составил план действий и следовал ему	-0,208
45. Я поделился с … (кем-то) своими переживаниями	0,200
38. Благодаря этой ситуации я понял, что является по-настоящему важным в жизни	0,193
48. Я использовал опыт, полученный мной ранее в похожих ситуациях	-0,191
19. Я утешал и подбадривал себя, как мог	0,181
32. Я подумал: что ни делается – все к лучшему	0,176
18. Я искал сочувствия и поддержки от кого-либо	0,173
3. Я занялся работой (или чем-то еще), чтобы отвлечься от этой проблемы	0,174
11. Я надуюсь на чудо	0,164
42. Я попросил совет у родственника или друга, мнение которого я очень уважаю	0,163
58. Мне хотелось, чтобы проблема исчезла или решилась сама по себе	0,157
56. Благодаря этой ситуации, что-то во мне изменилось к лучшему	0,145
57. Я мечтал о том, как хорошо было бы оказаться в другом времени или месте	0,137
51. Я обещал себе, что в следующий раз все будет по-другому	0,135

Таким образом, сформированный набор из 15 утверждений опросника WOCQ описывал поведенческие акты характерные в ситуациях угрозы самоактуализации именно для женщин. Поэтому сформированная

шкала получила название шкалы феминной гендерной роли копинга. В состав этой шкалы были включены пункты из разных шкал версии методики WOCQ для ситуаций угрозы самоактуализации. Таблица 3.

Таблиця 3.

Совпадение пунктов-утверждений шкалы феминной гендерной роли копинга со шкалами исходной версии WOCQ

Типы копинга							
Копинг, который требует усилий					Копинг, который избегает		
Копинг-стратегии							
ФП	ПСП	ВП	ПР	АП	ПБД	СЗ	В
Отдельные акты преодоления							
32, 38, 56	18, 42, 45				11, 19, 57, 58, 59, 60	51	

Данные таблицы, полученные в ходе эксперимента, представляют собой иерархическую структуру феминного стиля копинг-поведения в ситуациях угрозы самоактуализации. Семь поведенческих актов касались избегающего типа копинга (шесть пунктов – к шкале ПБД, один пункт – к шкале СО); шесть поведенческих актов касались копинга, который требует усилий (шесть пунктов – к шкале ФП, один пункт – к шкале ПСП). Пункты 27 и 3 не связаны ни к одной шкалой. Таким образом, феминная гендерная роль копинга ориентируется на такие стратегии, как фокусировка на позитиве, принятии желаемого за действительное, поиске социальной поддержки и самообвинения.

Эта шкала успешно дифференцирует мужчин и женщин. Средние показатели по суммарному баллу по шкале феминные гендерной роли копинга в группе абитуриентов мужского пола (M = 19,044, SD = 7,788)

были значительно ниже, чем у абитуриентов женского пола (M = 24,425, SD = 7,265). Также выявлено отсутствие статистически значимых корреляций между суммарным баллом по шкале феминной гендерной роли копинга с четвертой и пятой шкалами опросника ММИЛ как в группе мужчин, так и в группе женщин. Это свидетельствует о неспособности показателей опросника ММИЛ, характеризующих полоролевую идентичность личности, выявлять гендерные роли в поведении преодоления.

Выводы. Для феминного стиля преодоления стресса свойственны попытки сформировать позитивный взгляд на стрессовую ситуацию, поиск возможностей для личностного роста, изменения взгляда на реальность путем фантазийного отреагирования, поиск в стрессовой ситуации информационной, материальной и эмоциональной поддержки. Для исследованных мужчин в большей степени характерны именно маскулинные тенденции реагирования. Женщины и мужчины почти одинаково интенсивно применяют волевые акты в качестве ответа на действие стрессора, но абитуриенты женского пола предпочитают преодоление, которое позволяет им уйти от взаимодействия со стрессором. Определенный набор из 15 утверждений опросника WOCQ описывал поведенческие акты характерные в ситуациях угрозы самоактуализации именно для женщин. Построенная на его основе шкала феминной гендерной роли копинга характеризовалась высокой надежностью внутренней согласованности (α = 0,780).

Мы считаем, что будущие исследования полоролевой идентичности личности и особенностей преодоления стресса должны касаться других стрессовых ситуаций. Дальнейшие исследования полоролевой идентичности личности и особенности преодоления стресса имеют значительные перспективы в семейной психологии. Следует отметить, что в своей работе [7] мы рассматриваем взаимодействие между партнерами в семейных отношениях как системный процесс, детерминированный использованием копинг-стратегий, механизмов психологических защит и структуры личности.

Литература:

1. Березин Ф. Б. Методика многостороннего исследования личности /Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец. – М.: Медицина. – 1976. – 176 с.

2. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство / О.А. Воронина. – М.: УРСС, 2004. – 319 с.

3. Нартова-Бочавер С.К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности / С.К. Нартова-Бочавер. // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 5. – С. 20–30.

4. Самара О.Е. Особенности копинг-стратегий у работников МЧС в связи с гендерной принадлежностью / О.Е. Самара. // Медицинская психология. – 2009. – №2–3. – С. 115–119.

5. Радина Н.В. Возрастные и социокультурные аспекты гендерной социализации подростков / Н.В. Радина, Е.Ю. Терешенкова. // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 49–59.

6. Родіна Н.В. Опитувальник WOCQ в адаптації С.І. Хаїрової. Психометричний аналіз і альтернативна факторна модель / Н.В. Родіна. // Актуальні проблеми психології. – 2010. – Т.12. – В. 10, – Ч. 2. – С. 340–350.

7. Родіна Н.В. Психодинамічні аспекти теорії В. Шутца: проблема міжособистісних потреб в ситуації внутрішньосімейної взаємодії / Н.В. Родіна, О.М. Сухоребра // Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки: зб. наук. пр. / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка; редкол.: В.І. Судаков (та ін.). – К.: Логос, 2011. – Т. 3. – С. 104–114.

8. Рымарев Н.Ю. Личностные особенности подростков с различной гендерной идентичностью / Н.Ю. Рымарев: автореф. дис.: 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии. – Краснодар: КГУ, 2006. – 22 с.

9. Хазова С.А. Пол, гендер и совладание с трудностями / С.А. Хазова. // Гендерные основания механизмов и профилактики девиантного поведения личности и малых групп в XX1 веке: Материалы международного

симпозиума, Кострома, 27–28 октября 2005 г. / Отв. ред. Н.П. Фетискин, А.Л. Журавлев.– М.–Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – С. 393–395.

10. Brems C, Johnson ME. Problem-solving appraisal and coping style: The influence of sex-role orientation and gender / C. Brems, M.E. Johnson. // J. Psychol. – 1989. – №123(1). – P. 87–94.

11. Gagnon J. The Social Psychology of Sexual Development / J. Gagnon, B. Henderson. // Family in Transition, Toronto: Little, Brown and Company, 1977. – 116 p.

12. Lazarus R.S. From psychological stress to the emotions: A history of changing outlooks / R.S. Lazarus. // Annu Rev Psychol. – 1993. – № 44. – P. 1–21.

— ● —

Rodina N.V. Osobennosti gendernoj identichnosti lichnosti v preodolenii stressa / N.V. Rodina // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

— ● —

Abstract. Study sample consisted of 320 students from Odessa universities, which were investigated during entrance exams (28.7% male and 71.3% – female; average age – 18.1 years). In comparison with men women was characterized by high values for the three scales of WOCQ: Focusing on the positive ($F = 3.777$; $p = .050$; $\eta^2 = .012$), Wishful thinking ($F = 14.350$; $p <.001$; $\eta^2 = .043$) and Seeking social support ($F = 3.783$; $p = .050$; $\eta^2 = .012$). The set of 15 statements WOCQ describing the behavioral acts characteristic of women in situations of the threat to self-actualization was defined. The feminine gender role coping scale based on this set characterized by high reliability internal consistency ($\alpha = 0,780$). The prospects for further research were outlined.

Keywords: gender, coping, threat to self-actualization situations, feminine gender role coping scale, psychometric adaptation.

— ● —

Сведения об авторе

Наталья Владимировна **Родина**, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и прикладной психологи, Одесский национальный університет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина),

© Н.В. Родина, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 04.12.2015.

– • –

УДК 339.138+159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

А. Н. Сыркина, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: a.syrkina@mail.ru

Поведение современного массового потребителя в современных социально-экономических условиях становится все более нерациональным и существенно отличается от поведения традиционного потребителя (эпоха монополистического капитализма и империализма). Речь идет о влиянии информационных технологий на сознание человека, об изменении его установок, предпочтений и, как результат, потребительского поведения в целом. Уточним, что потребительское поведение представляет собой совокупность признаков и показателей, характеризующих действия потребителей, включая их потребительские предпочтения, спрос на товары и услуги, структуру потребления, способы использования доходов [3]. Потребительское поведение может быть определено социальными, культурными и личностными факторами. В рамках данной статьи автор акцентирует внимание на интеграциии междисциплинарности психологического знания, раскрывает его роль и значение для экономических наук, а именно, каким образом психологические факторы влияют на потребительское поведение.

Следует выделить пять ключевых факторов, которые влияют на поведение потребителей: мотивация, восприятие, усвоение, взгляды и мнения.

К проблеме человеческой мотивации обращались психологи З. Фрейд и А. Маслоу. Так, по Фрейду человеку не до конца понятно, почему он поступает так, а не иначе. Человеком движут побуждения, которые он по мере взросления пытается подавить. Но, по мнению психолога, эти побуждения проявляются в нервозах, психозах, во сне или навязчивых идеях. Чтобы проникнуть в глубины подсознания ученые прибегают к различного рода исследованиям: от глубинного интервью до «проекционных методик». Так, например, покупательница планирует

приобрести хлебопекарную печь для бытового использования. Что лежит в основе ее мотива? Покупательница может объяснить свой мотив желанием освоить новое хобби, на глубинном уровне в основе этого мотива может лежать желание удивить близких своими кулинарными способностями, поразить увлекающихся выпечкой коллег. А еще на более глубоком уровне данная покупка может означать стремление почувствовать себя незаменимой и талантливой. Именно поэтому становится понятным почему результаты исследований мотивов покупателей так важны маркетологам. А. Маслоу объясняет, что мотив напрямую зависит от текущей потребности, после удовлетворения которой, человек стремится к удовлетворению следующей, которая представляет для него теперь важность [2]. Согласно А. Маслоу потребности могут быть разделены в порядке убывания по значимости на физиологические потребности, потребность в безопасности, социальные потребности, потребность в уважении, когнитивные и этетические потребности, а также потребности в самореализации (Рис.1.). Вполне вероятно, что в приведенном выше примере с покупательницей, желание купить хлебопекарную печь продиктовано потребностью в уважении, когнитивными потребностями и потребностью в самореализации только потому, что уже удовлетворены физиологические нужды, потребности в безопасности и социальные.

У нашей покупательницы есть мотив и значит, она готова к действию. Но это вовсе не означает, что все покупательницы с подобным мотивом будут действовать одинаково в похожей ситуации. Различать покупательское поведение призвано восприятие. Восприятие представляет собой процесс отражения объективной действительности в сознании человека при непосредственном воздействии на органы чувств, формирующий у человека представление об окружающем мире [4; С.75]. Людям свойственно в информационном потоке формировать значимую картину мира, отсеивать (избирательное внимание), упорядочивать и интерпретировать (избирательное искажение), а также сохранять информацию (избирательное запоминание). Например, нашей покупательнице «А» продавец-консультант может показаться приятным, вежливым и компетентным специалистом, в то время как покупательнице «В» совсем наоборот. К тому же, если у покупательницы «В» сложилось

положительное отношение к компаниям-конкурентам и предоставляемым ими товарам и услугам, а продавец-консультант позволил себе высказаться в негативном ключе о них, то вероятнее всего в сознании покупательницы информация исказится. Кроме того, некоторая часть информации может быть потеряна в процессе запоминания, так как не попала в систему взглядов и убеждений покупательницы. Возникает вопрос, купит ли покупательница «В» наш товар? Вряд ли. Отсюда, налицо задача маркетологов разрабатывать коммуникационные стратегии с целью привлечения внимания целевой аудитории, формирования у нее нужного восприятия, интерпретации и запоминаемости предоставляемой информации.

Следующим не менее значимым психологическим фактором, который призван оказывать влияние на мышление потребителя и его поведение в процессе взаимодействия побуждений, среды, раздражителей, реакций является усвоение. Побуждение нашей покупательницы стало мотивом, когда оно было направлено на хлебопекарную печь, а реакция на идею покупки как таковой вызвана уже второстепенным фактором – внешней средой (витрины, наружная реклама, сезон распродажи, просьба ребенка порадовать свежей выпечкой и т.д.). В случае удачной покупки и чувства удовлетворенности в процессе эксплуатации товара, реакция покупательницы получит подкрепление и очевидно, что если она соберется приобрести аналогичный товар (мультиварку, соковыжималку и др.) она предпочтет компанию "Redmond". Изучение фактора усвоения маркетологами обусловлено стимулированием спроса на товар, в основе которого лежит разработка побуждений, раздражителей и факторов среды.

В качестве еще одного психологического фактора следует выделить мнения и отношения. В потребительской среде бытуют определенные мнения относительно ряда товаров, услуг, компаний, брендов. Мнения у потребительской аудитории могут сложиться на основе достоверной информации, предположении или убежденности. Мнения позволяют сформировать положительный или отрицательный образ товара, услуги, компании или бренда и в конечном счете определить позицию потребителя и повлиять на его поведение в целом. Наша покупательница может придерживаться следующих позиций: "Redmond" – современный

бренд и надежный производитель инновационной бытовой техники», «самовыражение и развитие кулинарных способностей – самые важные качества женщины» и т.д. Таким образом, хлебопекарная печь "Redmond" идеально вписывается в жизненную позицию нашей покупательницы. Как правило, жизненная позиция устойчива и не подлежит изменению. Ведь для этого необходимо воздействовать на всю мировоззренческую систему человека. Именно поэтому компании так активно и глубоко изучают портрет своей целевой аудитории, чтобы подогнать продукцию под существующую систему отношений.

Анализ психологических факторов еще раз подтверждает сложность и многогранность феномена покупательского поведения и, значит, актуальность его исследования. Понимание поведения покупателя – это эффективный инструмент моделирования потребительского поведения и управления спросом.

1. Котлер Ф., Армстронг Г., Вонг В., Сондерс Д. Основы маркетинга, 5-е европейское изд. М.: ООО «И.Д. Вильямс». 751 с.

2. Маслоу А. Мотивация и личность. – 3-е изд., испр. СПб., Питер, 2007.

3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.. Современный экономический словарь. — 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.

4. Сыркина А.Н. Феномен рекламной коммуникации (Гносеологический аспект). Издательский Дом: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 160 с.

— ● —

Syrkina A. N. Psihologicheskie faktory potrebitel'skogo povedenija / A.N. Syrkina // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

— ● —

Сведения об авторе

Алина Николаевна **Сыркина**, к. филос. н., ст. преподаватель кафедры Коммуникационных технология и связей с общественностью.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет СПбГЭУ (Санкт-Петербург, Россия).

© А.Н. Сыркина, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.12.2015.

– • –

УДК 159.9

A FIRE IN A RURAL AREA, HUMAN BEHAVIOR AND THE ROLE OF THE MEDIA [ПОЖАР В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ, ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И РОЛЬ СМИ]

З.Шолак [Z.Šolak], ***Д.Чузович*** [Đ. Ćuzović] , Высшая бизнес-школа, Новый Сад [Висока пословна школа, Нови Сад] (Сербия),
e-mail: zdrsolak@yahoo.com; cuzovic@gmail.com

Резюме. В данном исследовании рассматриваются формы поведения людей во время пожара, который произошел в сельской местности. Авторы взяли тексты, опубликованные в 1930 и 1931 в котором белградская газета "Vreme" сообщали о пожарах, которые произошли в бывшей Югославии. В большинстве текстов описали действия с тремя различимыми фазами: эвакуация (если пожар угрожает домохозяйства), спасательные движимого имущества и скота, локализации и локализации пожара. Паника как форма группового поведения, описанного в отчетах о пожарах в котором внезапное изменение ситуации произошло, будь то пожар внезапно исчезающих с лица(лиц) или неожиданно расширились активов, которые не были им затронуты.

Ключевые слова: пожар, поведение людей, анализ текста, СМИ.

Introduction

The common characteristic of human behavior in the circumstances including unexpected and sudden events such as earthquakes, floods, fires, is the need to decide when pressed for time. When making decisions in a situation where the life and property are threatened at the same time, individuals sometimes act independently, and sometimes their behavior is modified under the influence of other people who are close by. Behavior of people during sudden events sometimes may take on a form of collective behavior. [1]

In this study, we took into account the reports of the fires that had

occurred at the beginning of the 1930's in the former Yugoslavia. We reviewed all the numbers of "Vreme" daily newspaper, which was published at the time in Belgrade. Total of 33 reports of fires was found that have occurred in the rural areas in 1930 and 1931. For comparison we used 155 reports of fires that have occurred in cities.

In the descriptions of fire, people's behavior came to the fore aimed at rescuing the property since the fires occurred in homes and farms, and evacuation of people was not the problem. It often happened that the property caught by fire was partly or almost completely destroyed because the buildings were poorly constructed and inadequately secured from fire. In addition, fire protection was not developed, and at the outbreak of the fire the villagers were primarily directed at themselves.

Behavior model

In the reports on fires in rural areas that we had in mind rational behavior was evident. If a fire broke out in the residential facilities, personal risk usually was not great because these were one-storey houses that could be easily and quickly emptied. Efforts were directed at minimizing the damage and rescue assets.

The fire is quickly followed by the cues: smoke and flames. When a person is near, they will be recognized as the cue of a fire, but from greater distance they must become more pronounced. When recognized, cues of fire will cause a sudden change in individual behavior (Figure 1). One interrupts any activity he/she was engaged in at the moment a, draws attention to the cues of fire addressing other people if there are any. Sometimes it is necessary to identify from where the cues come, in which place they are located. It is a process of interpretation, which has three components: "interpreting the cues received, interpreting the situation (i.e. as a fire), and interpreting or defining the risk to the self and / or others" [2]

The cues of fire (smoke, flame) that break out at a farm immediately would launch into action the members of the household and soon after the close neighbors would come to help. Large fires were also described, in whose restraint further neighbors and even people from other villages were coming to help. When a fire occurs and is spotted, usually lot of people had gathered around the spot. Behavior of people usually took on a rational form: in a

situation where there were no threatened individuals, the first step was to rescue the movable property and livestock, and then to localize and put out the flames. These were situations in which the best options and line ofaction were easy to recognize. This behavior is shown by the model in Figure 1.

In the description of some major fires, within the group of people who participate in containing the fire there was an emphasized special role of some individuals. These are one or two or three "sane persons" whose behavior affect others and establish coordination in the group that participates in the rescue of property. When it is in the village, the assembled people know each other and it facilitates communication.

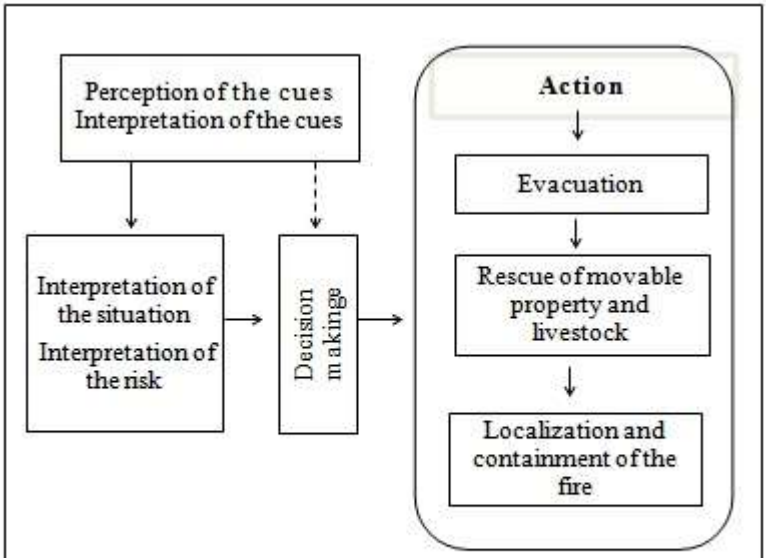


Figure 1. Human behavior during a fire in the rural area

Collective behavior

There were descriptions of the fires in which the situation changed

significantly during the fire. A new interpretation of the situation caught off-guard the people who were involved in containing fire, and collective behavior took on the form of panic. Such was the situation described during a fire in the village Begej: "The flames had spread to the buildings, stacks of hay and straw. There was panic, bells from churches and sirens from firemen caused even more fear. Nobody knew where to start putting out. In a quarter of an hour, about 50 houses were in flames."

In the reports on fires in the countryside, the behavior was also described in which selected option obviously was not the best. The first option was to start to put out the flames as the villagers did. However, they did not take into account the possibility that in windy weather the fire can quickly spread. The fire spread behind their back and engulfed houses in which children and older persons were: "But the wind was tossing lighted torches of straw on the roofs of village houses and after a few minutes the village was turned into a focal point. Distraught mothers, who were rescuing grain at the threshing floor, and whose children were in the village, started to faint from fear.There wasthe eerie wailing and helpless cries of children and the elderly. "

In some fires the collective sense of powerlessness before the destructive power was described; people, paralyzed by fear, were watching the destruction of property that could not be saved by any action: "People were in agony, helplessly watched fire devouring their property."

The risk perception “before the alarm” and the role of media

Sometimes in assessing the role of the media, besides its contribution to the advancement of fire protection, the possibility of unintended consequences is mentioned. From the current time position it is difficult to judge whether the reports published in the “Vreme” newspaper could encourage some potential arsonist. It should be borne in mind that this was the period of the economic crisis and that there were malicious arsons by the owners of the insured property. The press informed their readers about suspicions that a fire was set, and about the courts proceedings.

In the "Vreme" newspaper reports on the fires were given enough space, and besides the title, many reports also contained a headline or subtitle. The reports often communicated the estimated amount of damage, as well as information whether the destroyed property was insured. The reports which said

that fire department arrived on time, localized fire and contributed to the reduction of damage, pointed out to the significance of firefighters and the level of their technical equipment.

In the reports about the fire in “Vreme” we noted the presence of picturesque expression, the use of epithets, similes and metaphors. Here we will pay the attention to the imagery in media reports about fires, bearing in mind the reflection of the reporting on risk perception "before the alarm" for wider readership. Use of epithets contributed that the reader got a distinct image of the fire and what was happening at the site of the fire. There are three groups of epithets. A first group are those that occur in conjunction with nouns which mean the fire itself: smoke, flame, fire, embers. Another group of epithets occurin conjunction with nouns to designate the place: scene, image, burned remains. A third group of epithets came in conjunction with nouns which described the behavior of the people: groaning, wailing, shouting, panic.

"Frantic cries for help", "eerie wails", "helpless cries", "desperate screams", "distraught mothers", "terrifying sight", "appalling image", "enormous charred shell", "horrible images", "desperate woman's cry", "terrible fire", "terrible scene", "tremendous panic", "big flame", "huge blue flame", "red flames", "huge flame", "hot coals", "thick column of smoke", "thick jet smoke","great fire", "unprecedented fire", "disastrous fire", "catastrophic explosion", "mysterious fire", "huge clouds of black smoke"

Comparisons were used in the picturesque description of the fire as well as in the description of the way in which something was burning. There are characteristic short comparisons in which only one word was used as a standard, a noun: "burning like a torch"; "burns like gasoline"; "dust burning as magnesium"; "vast amounts of material; [...] which were burned as paper”. Use of the short standard enhanced the picturesque expression. Such reports on fires may lead the reader to think about how safe his own assets are. This affects their perception of risk "before the alarm." The longer standard appears in picturesque descriptions of the situation and the fire itself: "Rushed to the scene like a madman"; "Embers began to fall around like a fiery rain"; “Looking like the volcanic crater had opened."

In assessing the way in which the newspaper "Vreme" and their reporting contributed to raising the general level of safety, we should bear in mind that it

had also reported on other important issues: the causes of some fires, the substandard construction of buildings, the state of fire protection in the country, on the work of the fire service at some places. They have been publishing statistical data on the occurrence of fire. “Vreme” newspaper invited experts and fire commanders who were giving advice on handling the situation when the fire occurs and how to protect yourself from it. It should be borne in mind that the newspaper "Vreme" reported about the large fires that have occurred in other countries too. On the whole it can be assessed that the newspaper "Vreme" in their reporting on fires contributed to raising general level of fire protection, and therefore had increased personal safety of people in their communities and the safety of their property.

References

1. Goldstone, R. L. and Gureckis, T. M. (2009) Collective Behavior, Topics in Cognitive Science, vol. 1, no. 41, pp. 2–438.
2. Smith, E. R., and Semin, G. R. (2007) Situated social cognition. Current Directions in Psychological Science, vol. 16, pp. 132–135.3
3. Kinateder, E. D., Reneke, P. A., and Peacock, R. D. (2015) Risk perception in fire evacuation behavior revisited: definitions, related concepts, and empirical evidence, *Fire Science Reviews*, vol. 4, no.1, pp. 2–26
4. Slovic, P. (1987) Perception of risk. *Science*, vol. 236 , pp. 280–285
5. Kahneman, D. (2015)*Misliti brzo i sporo*, Smederevo.

— ● —

Sholak Z. [Šolak Z.], Chuzovich D. [Ćuzović Đ.] Pozhar v sel'skoj mestnosti. Posedenie cheloveka i rol' SMI /Z. Sholak, D. Chuzovich // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4

— ● —

Abstract. This paper is considering the forms of behavior of people during a fire

which occurred in the countryside. We took the texts published during 1930 and 1931 in which the Belgrade newspaper "Vreme" reported about the fires that have occurred in the former Yugoslavia. The most of the texts described the conduct with three discernible phases: evacuation (if a fire threatens household members), rescue of movable property and livestock, localization and containment of the fire. Panic as a form of group behavior is described in the reports on fires in which the sudden change in the situation occurred, whether the fire suddenly endangered a person(s) or unexpectedly widened to assets that had not been affected by it.

Keywords: fire, human behaviour, text analysis, media.

– ● –

Сведения об авторах

Др. Здравко Шолак [Zdravko Šolak], професор, Principal Research Fellow, Высшая бизнес-школа, Новый Сад [Висока пословна школа, Нови Сад], Сербия

Др. Джордже Чузович, [Ђорђе Ћузовић] [Đorđe Ćuzović], преподаватель, Research Associate, Высшая бизнес-школа, Новый Сад [Висока пословна школа, Нови Сад], Сербия

.

© З. Шолак [Z.Šolak], 2015.
© Д. Чузович [Đ.Ćuzović], 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 09.12.2015.

– ● –

УДК 376

СОДЕРЖАНИЕ И РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ РАЗВИТИЯ *

Е. Н. Шутенко. Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет» (Белгород, Россия), *e-mail: shutenko@bsu.edu.ru*

Резюме. Краткое сообщение (тезисы), подготовленные на конференцию «500 лет использования понятия "психология" в литературе, искусстве, науке и практике по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic». Обсуждаются вопросы социальной интеграции детей с ограниченными возможностями развития.

Ключевые слова: психология, социальная интеграция, дети с ограниченными возможностями развития, специальная психология.

Известно, что дети с ограниченными возможностями развития (ОВР)[18] имеют свои специфические образовательные потребности и для их успешного обучения в интеграционной системе необходимо исходить из тех изменений, которые возникают в образовательном процессе и пространстве с приходом этих детей в общеобразовательный класс [6]. При этом необходимо ориентироваться не столько на самих детей (типичных или нетипичных), сколько на их взаимодействия в педагогической ситуации и в общем интеграционном образовательном процессе. И эта новая образовательная ситуация должна находить непосредственное преломление в обучения детей с ОВР [7].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00318

[18] - здесь и далее по тексту вместо словосочетания «ограниченные возможности развития» используется аббревиатура ОВР.

Ориентация на развитие компетенций детей с ОВР должна исходить из того, что в процессе образования необходимо не просто «снабжать» их какими-то знаниями и развивать какие-то способности и качества, а целенаправленно готовить их *практически применять* и прилагать эти качества к жизненным обстоятельствам [1]. В этой связи образовательные компетенции представляют собой «опорные механизмы» развития личности ребенка с ОВР, представляя в его жизненном пути некий «мост в будущее», прокладываемый на долгую перспективу. В отличие от других компетенций образовательные компетенции носят более устойчивый и неугасаемый характер. Так, если, например, технологические компетенции могут быть недолговечными (в силу нарастающей смены технологий деятельности, устаревания прикладных знаний и пр.), то образовательные компетенции ребенок с ОВР может пронести через всю жизнь, имея возможность каждый раз на их основе совершенствовать самого себя, отвечая на новые требования жизни [3].

В схематическом виде структура образовательных компетенций детей с ОВР отражена на рисунке 1. Она складывается из двух последовательно формирующихся уровней – базового и надстроечного.

Рис. 1. Структура образовательных компетенций в развитии детей с ограниченными возможностями

Базовый уровень представлен такими компетенциями как: учебно-познавательные компетенции, компетенции здоровьесбережения и

коммуникативные компетенции.

Учебно-познавательные компетенции подразумевают владение ребенком обобщенными способами умственной деятельности, умением самостоятельно выстраивать познавательные действия, владение собственно процедурой построения и реализации учебной деятельности [2].

Компетенции здоровьесбережения означают овладение детьми необходимыми знаниями и процедурами ведения здорового образа жизни, поддержания своей функциональной и психофизиологической дееспособности [4].

Коммуникативные компетенции заключаются в развитии навыков и умений разностороннего общения, установления конструктивных связей и взаимоотношений с окружающими людьми [5]. Суть коммуникативных компетенций для ребенка с ОВР заключается в том, что на их основе он овладевает развернутой процедурой диалога.

Надстроечный уровень складывается из следующих составляющих: информационных, социально-трудовых, общекультурных компетенций, а также компетенций самосовершенствования.

Информационные компетенции хорошо зарекомендовали себя в практике дистанционного, надомного обучения детей с ОВР, обеспечивая возможность их полноценного включения образовательную деятельность. Формирование информационной компетентности ребенка с ОВР основывается на двух компонентах – развитие системно-информационной картины мира и информационно-технологической компетентности.

Социально-трудовые компетенции отражают умения и навыки предметно-практической деятельности с конкретными результатами, навыки самообслуживания и организации бытовой среды своего существования [7].

Общекультурные компетенции отражают владение основами национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственными нормами жизни человека и человечества, культурными ценностями семейных, социальных, общественных отношений и пр.

Компетенции самосовершенствования детей с ОВР заключаются в их способности к физическому, духовному и интеллектуальному саморазвитию, эмоциональной саморегуляции и самоподдержки,

способности к саморегуляции и творчеству.

На практике возможность формирования образовательной среды развития детей с ОВР достигается посредством гуманистически ориентированных педагогических действий. Приведенная выше структура образовательных компетенций детей с ОВР может представляться как определенная система базовых воспитательных стандартов в построении процесса обучения. Основанием для такого продвижения данных компетенций служит их важные психолого-педагогические ***функции***, которые в своей совокупности обеспечивают полноценную жизнедеятельность ребенка с ОВР в окружающем мире.

В общем виде нами выделяется десять таких функций, которые в схематическом виде отражены на рисунке 2.

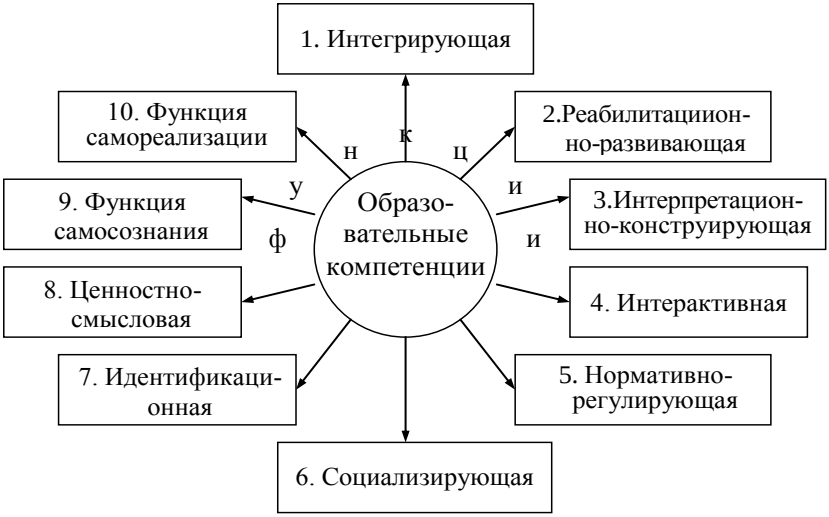


Рис. 2. Функции образовательных компетенций в развитии нетипичных детей

Интегрирующая функция заключается в том, что обладая образовательными компетенциями ребенок с нарушениями здоровья может успешно и безболезненно интегрироваться в социальную среду, в референтную среду своих сверстников, при этом быть с ними на равных, на одном уровне образовательной подготовки, не чувствовать своей

неполноценности и некомпетентности [3].

Реабилитационно-развивающая функция состоит в том, что в процессе формирования всего комплекса образовательных компетенций у детей с ОВР восстанавливаются нарушенный социальным клеймом дефекта психоэмоциональный статус. У ребенка появляется шанс преодолеть свою несамостоятельность и зависимость, появляется вера в свои силы [1].

Интерпретационно-конструирующая функция образовательных компетенций означает, что в ходе их освоения у ребенка с ОВР раздвигается культурный горизонт познания и общения. Образовательная компетентность подразумевает овладение знанием-пониманием, т.е. развернутой процедурой познавательной деятельности на постижение смысла.

Интерактивная функция образовательных компетенций означает возможность для детей с ОВР осуществлять полноценный спектр контактов и взаимодействий, интенсивно общаться со своими сверстниками и взрослыми в ситуации единого неразделимого образовательного процесса. Тем самым он становится полноценным участником социальных коммуникаций.

Нормативно-регулирующая функция отражает конституирующую роль образовательных компетенций, на основе которых у детей с ОВР развивается способность к самоконтролю, внутренней регуляции поведения и деятельности в процессе обучения, в быту, обществе. У ребенка формируются уверенность в знании того, как надо действовать, вести себя в той или иной ситуации, развивается чувство правомерности и уместности своего поведения.

Социализирующая функция образовательных компетенций безусловно связана со всеми остальными и заключается в том, что обладая ими ребенок с ОВР получает реальную возможность пройти социализацию с наименьшими сложностями, препятствиями и потерями, избегая отклонений и возможные зигзаги личностной траектории своего жизненного пути [1].

Идентификационная функция образовательных компетенций состоит в том, что на их основе у ребенка с ОВР формируется чувство идентичности со своими сверстниками, а также чувство общности,

принадлежности к одной нации, народу, культуре и т.д. Тем самым преодолевается его изоляция и оторванность от мира других людей, живущих рядом, но другой, параллельной жизнью.

Ценностно-смысловая функция образовательных компетенций означает, что они способствуют формированию более точной и более богатой системы жизненных ориентиров детей с ОВР. У них значительно расширяется поле жизненных ценностей, раздвигается пространство смыслового поиска, ребенок получает возможность обогатить свою жизнедеятельность, сделать ее более насыщенной, интересной, осмысленной.

Функция самосознания вытекает из предыдущих функций и означает, что овладевая образовательными компетенциями ребенок с ОВР обретает возможность лучше понять себя, постичь свои особенности, увидеть сильные и слабые стороны своей личности, понять над чем надо работать. Развивая в обучении способность к целостной рефлексии, ребенок получает возможность раздвинуть рамки самосознания, глубже проникнуть в суть происходящих с ним явлений.

Функция самореализации означает, что наличие образовательных компетенций позволяет ребенку с ОВР эффективнее реализовать себя в различных сферах жизнедеятельности и общения. Известно, что самореализация – это осуществление возможностей развития "Я" посредством собственных усилий, сотворчества, содеятельности с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом и миром в целом.

Одно из главных условий овладения образовательными компетенциями на личностном уровне заключается в том, что ребенок как их носитель начинает выступать в качестве активного субъекта деятельности, изначально учебно-познавательной, а затем и других постепенно осваиваемых им деятельностей. Этот опыт быть субъектом перестраивает и преобразует весь личностный строй и активность ребенка с ОВР. Он начинает играть непривычную для себя прежде роль, переходит из зависимой беспомощной позиции в позицию субъекта разнообразных видов деятельностей и отношений, становится творцом своего учебного успеха и самого себя в учебно-познавательной деятельности.

Литература:

1. Гордеева, А. В. Реабилитационная педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических вузов и колледжей / А.В. Гордеева. – М.: Академический проект, 2005. – 320 с.

2. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения / В.В. Давыдов. – М.: Педагогика, 1986. – 240 с.

3. Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Хуторского. – М.: «ИНЭК», 2007. – 327 с.

4. Нагавкина, Л. С. Валеологические основы педагогической деятельности / Л.С. Нагавкина, Л.Г. Татарникова. – СПб.: КАРО, 2005. – 272 с.

5. Петровская, Л. А. Воспитание как общение-диалог / Л.А. Петровская, А.С. Спиваковская // Вопросы психологии. – 1983. - № 2. – С. 85-89.

6. Ратнер, Ф. Л. Интегрированное обучение детей с ограниченными возможностями в обществе здоровых детей / Ф.Л. Ратнер, А.Ю. Юсупова. – М.: ВЛАДОС, 2006. – 175 с.

7. Шутенко, А. И. Интегрированное обучение как форма продуктивной социализации детей с ограниченными возможностями развития (монография) / С.Н. Глаголев, А.И. Шутенко. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2011. – 256 с.

– ● –

Shutenko E. N. Soderzhanie i rol' obrazovatel'nyh kompetencij v social'noj integracii detej s ogranichennymi vozmozhnostjami razvitija / E. N. Shutenko // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

– ● –

Abstract. A brief report (thesis) prepared for the conference "500 years of the use of the term "psychology" in literature, art, science and practice in fact

the first mention of this concept in the bibliography of the works of Marko Marulic". Discusses issues of social integration of children with disabilities.

Keywords: psychology, social integration, children with disabilities, special psychology.

– ● –

Сведения об авторе

Елена Николаевна **Шутенко**, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии Национального исследовательского университета «Белгородский Государственный Университет», (Белгород, Россия).

.

© Е. Н. Шутенко, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.12.2015.

– ● –

Психология на распутье

УДК 159.9;81,23004.81:159.9

КОНЦЕПТ «ПСИХОЛОГИЯ» В МНОГОЗНАЧНОМ ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Л.В. Ахметова. Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия), e-mail: axme-lv@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается концепт «психология» как иерархически организованная динамическая система терминологических элементов. Автор отмечает, что толкование понятия «психология» является сложной задачей. Концепт сложного слова «психология» в настоящее время не имеет однозначного толкования, поскольку исторически претерпел существенные лексические и семантические изменения.

Ключевые слова: концепт, понятие, психология.

Многовековое развитие представлений о «психическом» сформировало к настоящему времени многозначный спектр смыслов закреплённых в понятии «психология».

В современной культуре человечества понятие «психология» пронизывает все её аспекты, будь то литература, искусство, наука, образование, обыденная жизнедеятельность, мировоззрение и мироосознание в целом.

Широта применения термина «психология» наталкивает на мысль об универсальности понятия, то есть его открытости, способности вбирать в свое семантическое пространство различные значения, не утрачивая при этом своего фундаментального смысла (?).

Кроме этого, семантическое пространство понятия «психология» при всей своей универсальной открытости представляет собой не хаотический набор лексических единиц (терминов), а сложную иерархически организованную систему терминологического пространства

– концепт.

Любой концепт, заключающий в себе лексико-семантическое пространство системы, имеет определенные границы, которые отличают его от других концептов. Значение одного и того же концепта также не является величиной постоянной – зависит от устойчивости границ, плотности и сложности структуры составляющих его элементов.

Понятие «концепт» наиболее полно разработано в трудах выдающегося исследователя русского языка и культуры, академика РАН Д.С.Лихачёва [1,2] и ряда других специалистов [3,4,5] , поэтому нет необходимости в рамках этой статьи вдаваться вновь в его подробное описание. Вместе с этим, с целью построения целостной логики мыслей означенного текста сделаем некоторые акценты, имеющие, по нашему мнению, ключевое значение.

Итак, концепты, уточним ещё раз, (от лат. conceptus – понятие, умственный образ, общая мысль) являются материалом необходимым для построения «mens» в фило/онтогенетической траектории Homo Sapiens. В терминах Д.С.Лихачёва концепты – «некоторые подстановки значений, скрытые в тексте заместители, некие потенции значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом».Исходя из такой точки зрения к пониманию сущности концепта следует, что концепт «совсем мало стабилен, чрезвычайно изменчив»… «крайне зависим от носителя языка» [1,2]. Характеризуя роль концепта в мыслительной деятельности человека, Д.С.Лихачёв подчеркивал: «Концепт является условной алгебраической подстановкой значения слова или выражения, сокращающей мыслительный процесс пользующегося этой подстановкой»[1].

Таким образом, концепты представляют собой единицы ментальных ресурсов сознания; оперативные содержательные единицы памяти всей картины мира, отраженной в человеческой психике.

Концепты ментальных ресурсов формируются при участии множества различных факторов, в том числе, под влиянием культуры, традиций, обучения и образовательной среды, в которой находится человек, определенной среды его жизни и деятельности. Сочетание в структуре концепта формального (рационального) и чувственного

(иррационального) обусловливает определённую целостность, которая характеризует качество концепта. Информация, запечатленная в структурах концептов и преобразованная в язык, порождает в сознании человека субъективную картину мира – концептосферу, сюжет которой основывается на его когнитивном опыте.

Вернемся к концепту слова «психология». Сделаем попытку рассмотреть в общих чертах, каким лексико-семантическим значением наполнен ментальный опыт человека по отношению к понятию «психология» по прошествии веков?

Многовековое развитие представлений о «психическом» в литературе, искусстве, науке, в обыденной жизни и в окружающем мире в целом, сформировало к настоящему времени по отношению к понятию «психология» многозначный спектр смыслов.

Обратимся к современной самой популярной свободной интернет-энциклопедии – Википедии, насчитывающей более 30 миллионов статей сформированных на 277 мировых языках. В Википедии даётся следующее определение понятию: «психоло́гия (от др.-греч. ψυχή (psyché) – «душа»; λόγος (logos)— «учение») – наука, изучающая закономерности возникновения, развития и функционирования психики и психической деятельности человека и групп людей [8].

В медицинской энциклопедии: «психология (от др.-греч. ψυχή (psyché) – душа, дух; λόγος (logos) – учение, наука) – наука, изучающая психические явления (мышление, чувства, волю) и поведение человека, объяснение которых находим в этих явлениях» [9].

В Большой Советской Энциклопедии третьего издания можно прочитать аккуратно прописанное в русле марксистско-ленинской философии определение:«психология (*от психо…и…логия*) наука о законах порождения и функционирования психического. Отражения индивидом объективной реальности в процессе деятельности человека и поведения животных» [БСЭ,1975, Т.21, с.193].

В.И.Даль дает следующее толкование слову психология: «психология греч. душесловие, наука о душе, о духовной жизни человека во плоти. психолог, душеслов. психиатрия ж. душеврачевание, наука лечения душевных болезней, безумия. психический, духовный, душевный, к душе человека относящ. психологический, ко психологии относящ.,

душесловный[10].

В толковом словаре русского языка Д.Н.Ушакова – «психология, психологии, мн. нет, ж. (греч. Psyche – душа и logos - учение) (книжн.). 1. Наука, изучающая психические процессы, возникающие в результате постоянного воздействия объективного мира, социальной среды на человека (и животных). Экспериментальная психология. Психология животных. 2. совокупность психических процессов, обусловливающих тот или иной род деятельности. Психология творчества. Психология актерской игры. 3. Психика, душевный уклад, совокупность психических склонностей и привычек. Человек с необычайно сложной психологией. Детская психология» [11].

В словаре русских синонимов к термину «психология» найдено 22 слова, а само понятие толкуется как «психология (от психо... и ...логия) – наука о закономерностях, механизме и фактах психической жизни человека и животных»[12].

Как видим, на небольшом перечне примеров определений понятия «психология», взятых из популярных и авторитетных словарей, в большинстве случаев, оно сводится к толкованию его как сложного слова, состоящего из двух самостоятельных корневых слов. В основном, делаются ссылки на слова (psyché) – «душа»; (logos) – «учение», которые являются корневыми.

Отталкиваясь от представления о концепте как «алгебраическом выражении значения, которым мы оперируем в своей устной и письменной речи» [ДСЛ], выполним ряд схематических построений (рисунок 1) и математических расчетов.

Рисунок 1 – Схема сложного слова «психология», состоящего из

двух корней.

Известно, что семантическое пространство слов русского языка чрезвычайно велико, насыщено богатой культурой, продуктами безграничного словообразовательного творчества народа. Подтверждением богатства, многообразия русского языка и являются, как раз, синонимы – слова разные по звучанию, но схожие по значению.

В словаре русских синонимов лексема «psyche»помимо толкования имеет следующие количественные характеристики: дух (136 синонимов), душа (56 синонимов), психика (психия, сознание, дух), бабочка (эмблема души в Древней Греции)(203 синонима)[12].

Основываясь на сведениях словаря русских синонимов, нами был составлен список слов-синонимов к корневым словам, образующим термин «психология». Далее был проведен подсчет и дифференциация терминов в группы схожие по смыслу. Для слова «душа» было сформировано 5 групп лексических единиц (рисунок 2А), для слова «дух» – 8 групп лексических единиц (рисунок 2Б), для слова «логос» – 3 группы лексических единиц (рисунок 3). Выявленные группы лексических единиц характеризуют структуру концепта «психология» как сложную систему, состоящую из подсистем – концептов второго порядка, значения которых придают всей системе определённый смысл.

Важно обратить внимание, что графически представленный на рисунках 2 и 3 концепт слова «психология» отражает условно формализованную совокупность лексем, характеризующих лишь некоторую общность лексического пространства.

А – Концепт слова «душа»

Б – Концепт слова «дух»

Рисунок 2. Ядрообразующие лексические компоненты концепта «psyché»

Лепестковые модели концептов второго порядка воспроизводят в общих чертах сложную, соподчиненно-структурированную систему терминологического пространства «psyché», в котором такие ядро образующие лексические компоненты как «соль», «дух», «душа» (более справедливо их именовать концептами третьего порядка)связывают «А» и «Б» в единое пространство концепта «psyché».К месту заметить, что в некоторых словарях слово «psyché» определяется именно в сочетании двух слов: и как душа и как дух [13].

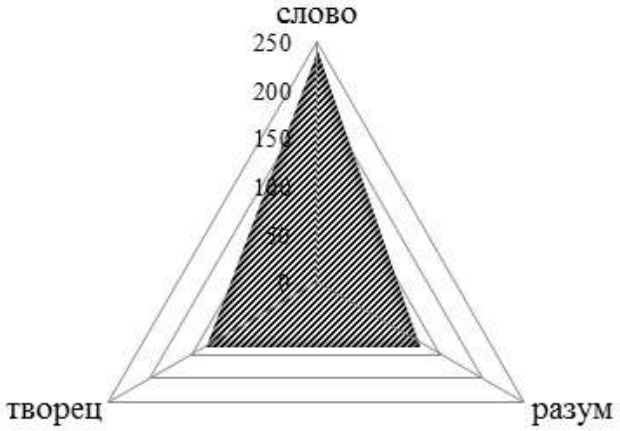


Рисунок 3 – Ядрообразующие компоненты концепта «logos»

Из глубины веков пришло в русский язык глубокое и всеобъемлющее понятие Логос.Логос (греч. λόγος) – это всеобщая закономерность, духовное первоначало, божественный разум, слово, наука, учение [14].Логос – одно из основных понятий древнегреческой философии; одновременно "слово" ("предложение", "высказывание", "речь") и "смысл" ("понятие", "суждение", "основание").Термин «слово» неесть звук, либо речь рассчитанная на чувственно-звуковое восприятие. «Слово» заключает в себе некий смысл, идею, направлениекоторые, в свою очередь, невозможно понять без оформления в соответствующую словоформу. Логос – это объективно данное содержание, в котором ум должен давать отчет, в противоположность всему безотчетному,

бессмысленному и бесформенному. Логос – тонкоматериальная душа космоса – совокупность формообразующих потенций. Космический логос – это закон бытия[15]. У Гераклита, выдающегося представителя натурфилософского мировоззрения логос представлен как универсальная осмысленность, ритм и соразмерность бытия, тождественная первостихии огня. В стоицизме – эфирно-огненная душа космоса и совокупность формообразующих потенций ("семенные логосы"), от которых в инертной материи "зачинаются" вещи [12, 14].

Язык и речь – ценнейший ресурс психического аппарата человека, многозначность, глубина, изящество которого зависят от его сознания, когнитивного опыта, творческой энергии, его способности воспринимать и интерпретировать мир. Гармоничное сочетание лексических форм и смыслов порождают полноценные, устойчивые концепты.

Приведу убедительный, на мой взгляд, примерна материале из открытой социальной сети, имеющий отношение к концепту «психология».

Одному уважаемому ученому, профессиональномупсихологув связи с событиями в его личной биографии, люди (преимущественно также имеющие отношение к психологии) посылали поздравления из разных регионов России и зарубежья. Чтобы выразить глубинусвоегообращения, люди письменные пожелания и приветствия дополняли различными рисунками, фотографиями, которые, по их мнению, наиболее точно могли бы передать всю значимость письменного посыла.

А

Б

В Г

Д Е

Ж

З

К

Рисунок 4 – Примеры индивидуальных семантических посылов, прилагаемых к текстам письменных поздравлений.

Основными и наиболее частотными словами, присутствующими в большинстве текстов письменных поздравлений были: «благодарю», «желаю», «здоровье», «счастье», «успех». Обычный, широко распространенный «набор слов» используемый в речи большинства доброжелательных людей. Приведенный перечень слов не позволяет обнаружить даже намека на их профессиональную принадлежность. Однако, прилагаемые к письменным текстам изображения наоборот, удивляют своей неповторимостью, восхищают глубиной и масштабностью экзистенциальных смыслов.

Как видим, сочетание взаимосвязанных и соподчинённых в различных отношениях друг к другу лексико-семантических характеристик позволяет наиболее полно и точно выразить желаемые смыслы.

Послесловие. Заблуждения или утраченные истины?

Раскрыть суть слова в соответствии с его замыслом, найти порождающие его истоки задача не из лёгких, потому как слово,как и всё сущее,рождается, развивается, изменяется и возвращается в лоно своё по множеству причин, среди которых основополагающей является историческое время.

Приблизительно около трёх десятков электронных интернет-ресурсов на русском языке, среди которых словари и энциклопедии, сообщают нам, что «Согласно ряду источников Марулич первым дал определение и использовал (?!) понятие «психология» в значении, в котором этот термин используется в наше время» (https://ru.wikipedia.org/wiki).Там же сделана ссылка на сайт – источник http://www.croatianhistory.net/etf/lat.html#maru, где опубликована статья К.Крстич «Марко Марулич – автор термина "психология"» (1964). В этой статье автор сообщает, что Марко Марулич использовал термин «психология в своем трактате "Psichiologia де RationeAnimaeHumanae", написанном на латинском языке.

Марко Марулич – хорватский средневековый просветитель (1450-1524), поэт и гуманист родился и жил в основном в городе Сплите с более чем 1700-летней историей. Город располагался на территории Далмации, которую населяли древние греки.

Вопрос 1. О каком определении психологии идет речь, если по сей день не предоставляется возможным, кроме как имеющегося названия, взглянуть на труд М.Марулича, да и написание и смысл самого слова окончательно не изучены.

Вопрос 2. Почему написание термина «Psichiologia» отличается от латинского, на котором М.Марулич – поэт, «отец хорватской литературы» писал в основном свои труды. Почему слово «Psichiologia» вообще не встречается в языках, которые использовал М.Марулич:

- Психология – греческий, ψυχολογία;
- Психология – латинский, psychologia, duis;
- Психология – хорватский, psikhologiya;
- Психология – сербский, психологија;
- Психология - английский psychology, psychics.

Вопрос 3. Почему К.Крстич, автор статьи «MarkoMarulic -- TheAuthoroftheTerm «Psychology» не рассматривает термин «Psichiologia», как понятие, имеющее иное толкование, возможно, не психологическое, а существующую запись слова склонен расценивать как ошибку, допущенную составителем списка трудов М.Марулича

[http://psychclassics.yorku.ca/Krstic/marulic.htm].

К тому же автором термина в графическом начертании «Psychology» он не является, более того не установлено, что он вообще когда- либо его писал.

Вопрос 4. Почему в других трудах М.Маруличани в предшествующих «DalmatiaeRegumLiber I», ни в последующих «Davidiados Кармен Libri XIV» ни разу не упоминается слово «Psichiologia»?

Ну и, наконец, отчего бы не пофантазировать и построить иную версию в отношении слова «Psichiologia». Известно, что М.Марулич был большим знатоком древнегреческой и древнеримской культуры. Изучал Библию и Житие святое как путь к спасению души.

Свою литературную деятельность посвятил возрождению и развитию хорватского языка, потому и вошёл в историю как «отец хорватского ренессанса».

Исходя из представления о высокой культуре и, соответственно, грамотности просветителя М.Марулича, предположим, что в слове «Psichiologia»» нет никакой графической ошибки, напротив, заложен автором глубокий философский историко-культурный смысл, а само слово представляет собой сложное образование, состоящее из частей «Psi – chio – logia». Известно, что в хорватском языке «psi» и в сербском «пси» обозначают «собаки», «chio» – чио от измененного «тио» – японск. яз. – душа, бабочка, а logia – божественность, божество, божественный путь. Известно также, что собака во многих древних культурах ассоциируется со всеми посланниками богов и богами разрушения. Собака способна порождать огонь (в финикийской иконографии сопровождает Солнце) и управлять им. Собака является атрибутом Анубиса и Гермеса, сопровождает и охраняет душу человека в царстве мёртвых. Интересен ещё один штрих. В Абхазии, где проживали древние греки, до сих пор существует название реки Псоу и урочище Псху. Псху, так назывались горные (или верхние) джигетские общества, проживавшие до 1864 г. в верховьях рек Псоу. По-

адыг. психу означает просто «река»; по-убыхс. псху(песху) «отец» («земля отцов (предков)»; по-абх. апсху «доля души», «доля умершего» (http://mognovse.ru/yf-v-i-voroshilov-toponimi-rossijskogo-chernomoreya-istoriya-stranica-12.html).

«Причины (основания) сопровождения божественной души» – возможно, слово «Psi-chio-logia» приблизительно в этом значении было использовано великим хорватским просветителем Марко Маруличем?

Литература:

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach/koncept.php1992 с.147-165 (дата обращения 16.09.2015)

2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер.лит. и яз. — М., 1993. — Т. 52, № 1. — С. 3–9.

3. Попова З.Д., СтернинИ.А.Когнитивная лингвистика . – М.: АСТ: Восток- Запад, 2007. – с. 314.

4. Философов Д.В. Конец Горького [Электронный ресурс]: – Режим доступа http://dugward.ru/library/filosofov/filosofov_konec_gorkogo.html (дата обращения 21.10.2015).

5. Васильева статья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/literature2/vasilyeva-00.htm(дата обращения 28.02.2015).

6. Аристотель Трактат «о душе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/arist01/txt04.htm(дата обращения 08.02.2015).

7. Википедия. Интернет-энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uk.wikipedia.org/wiki(дата обращения 16.06.2015).

8. Википедия. Интернет-энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Психология (дата обращения 16.06.2015).

9. Медицинская Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://medviki.com/Психология(дата обращения 28.02.2015).

10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - Спб., 1863-1866.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovardalja.net/word.php?wordid=35006(дата обращения 16.06.2015)

11. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935-1940. (4 т.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=61696 (дата обраще-ния16.06.2015).

12. Словарь русских синонимов[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edbi.ru/sinonim/(дата обращения 16.06.2015).

13. Англо-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nordmine.ru/dic/psyche(дата обращения 02.11..2015).

14. Многоязычный открытый словарь –Викисловарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/) (дата обращения 02.11..2015).

15. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/633/логос(дата обращения 02.10..2015).

– ● –

Ahmetova L.V. Koncept «psihologija» v mnogoznachnom pole zrenija /L.V. Ahmetova // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4

– ● –

Abstract. The article reviews the concept of "psychology" as a hierarchically organized dynamic system of terminology elements. The author marks that the interpretation of "psychology" appears a complex prob-

lem. The concept of a complicated word “psychology" at present time has no definite meaning, because it came historically through lexical and semantic changes.

Keywords: a concept, meaning, psychology.

– ● –

Сведения об авторе

Ахметова Людмила Владимировна, доцент, кандидат психологических наук Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Томский государственный пендагогический университет» (Томск, Россия)

© Л.В. Ахметова, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.12.2015.

– ● –

УДК 159.9

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ (НЕАКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ НА АКАДЕМИЧЕСКИЕ ТЕМЫ)

А. И. Зеличенко. Институт Высшей Психологии, Сетевой проект, russkiysvet@yandex.ru

Резюме. Автор осмысляет современное содержание психологии, ее методологические основы. Статья представляет собой размышления опытного специалиста-психолога в письмах к молодому поколению психологов. Обсуждаются современные проблемы психологии. Излагается авторский подход к решению некоторых методологических вопросов психологической науки.

Ключевые слова: психология, методология психологии, душа, метод психологии, предмет психологии, современные направления в психологии, практическая психология, развитие души.

Юбилей отличается от поминок тем, что говорят не только о прошлом, но и о будущем . 500 лет пролетели и психология не то, что выходит из пеленок, но, как мне видится, только собирается родиться – со своим предметом, методами, задачами и всем прочим, приличиствующим науке. О том, какой она будет, я и собираюсь говорить в этих письмах. Пока их 15.

Письмо 1. **Душа в мире: душа человека и душа мира**

Дорогой друг!

Тебе уже 20 или даже 25 лет. Ты научился азам психологии, получил диплом. И теперь думаешь не только о том, как сделать академическую карьеру, но и о том, как делать психологию. Об этом же думал и я, и когда был в твоем возрасте, и всю свою жизнь позднее. Чтобы растить знание, нужно встать на плечи тех, кто занимались этим до

тебя. Я сам стою на плечах Выготского и Юнга, Лазурского и Левина, Ассоджоли и Перлза... А тебе я хочу подставить свои плечи.

Вот почему я взялся писать тебе. Моя жизнь сложилась таким образом, что окружающие меня коллеги - твои прабабушки и прадедушки не очень расположены слушать то, что я хочу им сказать о том, какой будет психология будущего. И я их понимаю – у них много других забот: сегодняшняя жизнь в России мало располагает к научным занятиям, не располагает к этому и жизнь в других странах – слишком много сил уходит на зарабатывание денег и другие, более земные дела, научное же новаторство сопряжено с множеством жизненных неудобств и отнюдь не гарантирует получения жизненных благ. Вот я и решил писать прямо тебе, надеясь, что тебе то, о чем пойдет речь, будет интересно. А пойдет речь в моих письмах о психологии – о том, какой она будет в твое время. Но давай начнем с другого – с того, а что такое психология.

Психология – это наука о душе, и прежде всего нам нужно разобраться в том, а что такое душа. К этому вопросу можно подойти с двух сторон.

Первый подход – феноменологический или интроспективный: душа – это то, что мы воспринимаем в качестве своей души в интроспекции, в рефлексии, в общем, это то, что мы видим как свою душу. Здесь очень важно заметить сразу же, что разные люди видят свои души по-разному не только потому, что их души наполнены разным содержанием, но и потому, что люди в разной степени «зрячи»: один видит больше своей души, а другой своей – меньше. У одного как бы узкое поле внутреннего зрения, а у другого – широкое. Но еще важнее другое: видящий сегодня мало своей души завтра может видеть ее больше, а послезавтра – еще больше. Это позволяет человеку со временем научиться видеть совершенно огромную душу, такую большую, что ее уже нельзя назвать его личной душой; такая огромная душа может быть общей душой множества людей и даже – душой всего мира. Только эти слова уже с маленькой буквы писать неудобно – такими огромными оказываются мир и его душа, что поневоле, чтобы выразить им свое уважение, приходится писать их с заглавных букв: вот так – Душа Мира.

Второй подход к вопросу «Что такое душа?» - логический. Душа, анима – то, что оживляет человека: внутренняя машина жизни и, конечно,

система управления этой машиной. Так как процессы, происходящие внутри человека, включая и поведение самого человека, не хаотичны, то понятно, что у них есть некая «программа», или идея, которую они реализуют. Но здесь открывается одна очень интересная и важная вещь: ведь подобные программы-идеи, лежащие в основе жизнедеятельности, есть не только у человека, но и у любой вещи в мире, и даже у самого мира в целом. И при этом идеи мелких вещей мира входят в состав идей крупных вещей. А значит, все мелкие идеи мира являются частью огромной Идеи Мира, или, иными словами, душа человека оказывается частью Души Мира.

Это открытие имеет важнейшее значение для психологии, так как немедленно заставляет нас задаться несколькими вопросами. Во-первых, если мы определили психологию как науку о душе, то теперь нам нужно определиться с вопросом – а о ЧЬЕЙ душе это наука? Ясно, что если в мире есть много разных душ (у каждой вещи в мире – своя душа), то и психологий у нас должно быть много разных, включая и «логию» о Душе Мира. Но если вопросы о душе камня, дерева, автомобиля или даже жирафа для нас сравнительно маловажны (а к тому же ими занимаются свои «-логии», такие как минералогия, биология, физика, техника и т.д. и т.п.), то вопросы о душах народов, душе человечества, душе Земли или душе какой-то территории могут оказаться гораздо более важными, так как душа человека является частью этих больших душ. Второй вопрос – о том, как связаны между собой душа части и душа целого, например, душа одного человека с душой народа? Очевидно, получается, что изучение отдельной души возможно только в ее взаимодействии с другими душами, включая и те, в состав которых она входит. Но самый важный вывод, который отсюда напрашивается, - это вывод о связи психологии-себяведения с психологией-мироведением. Иными словами, то, что мы привычно называем словом «психология», имея в виду «логию» души одного человека, оказывается частью огромной системы знания и сколько-нибудь полное познание этой части возможно только в связи с познанием всего Целого.

Итак, два подхода: феноменологический и логический. Насколько результаты, полученные в этих двух парадигмах, согласуются друг с другом? Уже сейчас видно некоторое сходство. Я, возможно, покажу тебе,

дорогой друг, позднее, что сходство это полное, а именно, что, раскрывая для себя все больше и больше картину своей «личной» души, мы обнаруживаем в ней и души бОльших вещей мира, и даже Душу всего Мира. Пока же главный вывод из того, о чем я хотел тебе рассказать: психология, о которой мы будем говорить, – это наука о душе человека в ее отношениях с Душой Мира.

Письмо 2. **О методе**

Дорогой друг!

Разобравшись, что из себя должен представлять предмет психологии, займемся вопросом о методе – как познавать душу. Оказывается, что разработанные в других науках методы познания, такие как, например, эксперимент дают в психологии не так уж много. Не то, что не дают ничего, но за пределами знания, получаемого таким методами, остается еще много иного знания о душе, включая и знание очень важного, или даже самого важного, что есть в душе. Таким образом, получается, что этот «научный» инструментарий во многом только вспомогательный, в то время как главное знание приходится добывать иными способам. Что это за иные способы и почему возникла в них необходимость?

Начну со второго вопроса. Дело в том, что не так уж много из психологического знания отчуждаемо. Конечно, о многом можно написать в книге, но не каждый сможет, прочитав эту книгу, *понять* прочитанное. Почему? Представь себе слепого от рождения, которого научили читать, и вот он читает описания разных цветов. Это описание будет ему либо совсем непонятно, либо он придумает (создаст внутри себя) некоторую реальность, с которой и будет сопоставлять прочитанное (что-то вроде того, что красный – это рычащий цвет, а зеленый – звенящий цвет), но при этом, конечно, эта его замещающая реальность будет мало общего иметь с той, о какой пишет автор описания. Именно это происходит и со многими разделами знания о душе – они недоступны человеку, который не имеет необходимого личного психологического опыта. Поэтому оказывается, что важнейшим методом психологического познания является воспитание (и самовоспитание) самого психолога.

В чем состоит это воспитание? Прежде всего, в расширении

психологического опыта, а именно – опыта самоосознания, опыта знакомства со своей собственной душой. Другое направление воспитания – расширение репертуара деятельности: поведенческой – занятий, познавательной – интеллектуальных действий, эмоциональной – переживаний. Ну, и конечно, параллельно с расширением опыта знакомства со своей душой должно происходить и развитие психологических представлений-мнений о том новом, что психолог открывает в себе.

В ходе этого знакомства с собой со временем человек открывает такие «части» души, которые он уже не может назвать в полном смысле «своими». Можно сказать, что человек выходит на границы, а потом и за границы своей индивидуальности. С этого момента его самопознание становится в полном смысле познанием мира. Конечно, познавая свою душу, человек всегда в какой-то степени познает мир, так как между микромиром души и большим внешним макромиром существует подобие, о котором «Изумрудная скрижаль» говорит «Как наверху, так и внизу». Но в душе есть и такие разделы, которые не подобны большому миру, а сами есть этот «большой мир». Пока академическая психология об этих разделах души не знает почти ничего. Но такое положение не вечно: психологическое знание, в том числе и академическое, развивается вместе с его носителями.

Итак, главный ключ к психологическому знанию – сам психолог. Хочешь узнать о душе больше – вырасти из себя лучшего психолога.

Если говорить о структуре психологического знания, то, как ты, конечно, знаешь, выделяются три раздела психологии: общая, дифференциальная и прикладная (со своими подразделами, число которых постоянно растет). Общая занимается тем, что одинаково у всех людей, дифференциальная – тем, что людей отличает друг от друга, а прикладная – задачами, решения которых общество ждет от психологии. Давай так и построим наш разговор: от общего в психике (психических форм) к тому, что различает людей (содержанию психики) и далее к тем, какие задачи и как должна решать новая психология. Но сначала нам нужно будет определиться с языками описания души.

Письмо 3. ***О языках психологии***

Дорогой друг!

Любое познание предполагает наличие языка, на котором описывается предмет познания. Чтобы познавать душу, нам нужен язык описания души. Сегодня в психологии таких языков есть несколько: язык свойств, язык пространств, язык процессов, язык персонажей, язык взаимодействий с миром, язык сознания... Все они описывают одну и ту же реальность души, но описывают ее как бы с разных сторон. Очень важно научиться переводить эти описания с одного языка на другой.

Начнем с самого простого (во всяком случае, он кажется таким на первый взгляд) и исторически одного из самых старых языков психологии – языка свойств. На этом языке описываются различия между людьми. Его привлекательность для психолога в том, что он позволяет всю сложность психики свести к небольшому набору чисел – выраженности у человека тех или иных свойств. Например, некоторые сводят всю человеческую вселенную к трем числам – показателям интроверсии (скажем, 20%), невротизма (предположим, 70%) и интеллекта (коэффициент интеллекта - 105). Но, вообще говоря, язык свойств богат. В естественных языках существуют тысячи слов, описывающих свойства людей, а потенциальное разнообразие фраз, описывающих свойства, практически бесконечно.

Естественным кажется, желание расширить язык свойств, чтобы он описывал не только свойства индивидуумов, но и свойства групп – различия между малыми и большими (такими как народы, например) группами людей. Здесь язык свойств сегодня почти не разработан.

Недостаток языка свойств (хотя в некотором смысле и продолжающий его достоинства) – это нивелирование, игнорирование изменчивости человека: навешивая на человека «ярлык» (например, «интроверт»), психолог как бы исключает возможность изменения человека в этом отношении. Однако абсолютное большинство свойств, фиксируемых естественным языком, изменчивы, например, добрый сегодня человек часто становится завтра злым.

Следующий язык психологии – язык пространств. Если язык свойств можно назвать языком прилагательных, то язык пространств – язык существительных. Этот язык описывает то, каким образом душа отражает

мир, включая и себя саму. Такое отражение можно представить себе в виде огромного пространства, заполненного разными «неоднородностями». В этом пространстве можно выделить три геометрических координаты, например, долготу, широту и высоту, и еще одну координату времени. Но эти четыре координаты, достаточные для физики, совершенно недостаточны для психологии. У пространства души координат гораздо-горазо больше. Например, в нем есть (может быть) координата «красиво – некрасиво», координата «правильно – неправильно», координата «важно – неважно» и множество иных. Психологическое пространство заполнено вещами мира: как образами материальных вещей, так и вещами нематериальными – такими, как мысли или события жизни. Свойства вещей в психологическом пространстве частично совпадают, но могут и очень значительно отличаться от свойств их прообразов во внешнем мире.

Всё это давно замечено психологами. Но кое-что сегодня психология еще только готовится понять. Дело в том, что психологическое пространство гораздо больше, чем освоенная человеком его часть. Человек знает только малую часть пространства души. И по мере своего духовного роста эту зону знаемого человек расширяет. Тогда-то он и открывает, что его психологическое пространство не совсем *его* и даже почти совсем не его. Оно – часть огромного психологического пространства Души Мира, включающего в себя кроме закутка одного человека и множество подобных же закутков других отдельных людей, и общие зоны для больших групп людей, и множество других зон и областей. Перед сделавшим это открытие человеком открывается возможность путешествий и исследования всего пространства Души Мира. Но такие странствия таят в себе множество опасностей для неподготовленного путешественника и требуют серьезных мер предосторожности. Возможно, мы еще вернемся к этой теме.

Работы Фрейда, разделившие понятия «психика» и «сознание», расширили язык пространства языком сознания, как свойства освоенности тех или иных областей психического пространства. Язык сознания описывает жизнь сознания, проникновение сознания в неосознаваемые области психики - осознавание, различные неосознаваемые явления (как подсознательные, так и сверхсознательные), а также их энергетические

свойства, такие как влияние на мотивацию и иные стороны психической жизни. С точки зрения изучения психической жизни и особенно психического развития, категориальная система, связанная с сознанием и осознаванием, чрезвычайно значима. В области подсознательного важнейшее значение играют «блоки», примером которых являются знаменитые «комплексы». Эти образования организуют вокруг себя и проявляются на уровне сознания в виде процессуальных стереотипов (паттернов), которые чаще всего сами являются непродуктивными повторениями одних и тех же поведенческих схем и, таким образом, препятствуют развитию личности. Развитие происходит через осознание человеком подобных блоков.

Следующий язык психологии – язык процессов, «язык глаголов». Этот язык описывает динамику происходящего в психике. У каждого психического процесса есть своя «постоянная времени» - характерное для такого процесса время. Эти постоянные времени варьируются от сотых долей секунды (например, слуховые впечатления) до многих десятилетий (развитие личности) и еще бОльших временных отрезков, о чем мы, возможно, поговорим позже. Элементы когнитивных процессов и сами когнитивные процессы, действия, деятельности, вся жизнь человека – все это примеры процессов. Что делается, как, почему и что является результатом действия – на эти вопросы отвечает «процессуальное» психологическое знание. По мере того, как мы переходим от мелких процессов ко все более продолжительным, мы оказываемся во все менее известных для академической науки областях, когда жизнь одного человека оказывается элементом огромных мировых процессов, например, процессов культурных, процессов исторических и еще более масштабных процессов. Включенность человека в эти надиндивидуальные процессы позволяет совершенно по-новому взглянуть на психическую жизнь.

Элементами языка процессов являются дескрипторы состояний, которые позволяют описывать «мгновенный срез» процесса. Еще одной важной составной частью процессуального языка является пока мало освоенный психологией язык событий. Событие – это нарушение равномерности процесса, период его изменчивости. В принципе, процесс, который теоретически есть последовательность состояний, на практике

обычно описывают, как последовательность (реже – как структуру) событий. Например, в каузометрии Кроника восприятие человеком своей жизни описывается в виде структуры событий жизни (событий связанных разными, например, причинно-следственными отношениями).

Не менее исторически стар, чем язык свойств, язык персонажей (или типажей). Изначально этот язык просто категоризовал человека как представителя некого типа, например, «скряга» или «рыцарь». Поэтому язык типажей был еще экономней, чем язык свойств: типаж, например тот же «рыцарь», в одном слове заменял целый набор слов-свойств: честный, храбрый, жертвенный, галантны й и т.д. Но позднее оказалось, что в каждом человеке живет не один, а несколько персонажей (множественных Я по Успенскому-Гурджиеву или субличностей по Ассаджоли). Кроме того, было замечено, что человек склонен играть в своей жизни разные роли. Эти открытия придали языку персонажей новые возможности – жизнь человека этот язык стал описывать как взаимодействие (драму, пьесу) различных действующих лиц. С этого момента язык персонажей стал превращаться в язык взаимодействий (интеракций).

Язык взаимодействий начинался в бихевиоризме с описаний взаимодействия человека со средой и в социальной психологии как средство описания взаимодействия между людьми. Однако со временем его область расширилась безмерно. В общем виде, каждый субъект взаимодействия можно назвать «идеей» (в той или иной стадии ее реализации), и тогда все содержание психической жизни можно рассматривать как взаимодействия идей, формирующих психику. Взаимодействовать внутри психики могут впечатления, мысли, субличности. Процесс мышления, как и другие когнитивные процессы, можно рассматривать, через призму взаимодействия. Аналогично, и процессы личностного развития можно рассматривать как осознанное взаимодействие представлений. Но еще интереснее, оказалось, рассматривать взаимодействие человека с идеями, которые для него являются как бы внешними, например, почерпнутой из книг информацией. Расширение понятия среды с вещественного мира, воздействующего на человека через органы чувств, на «тонкие» миры, которые воздействуют на человека «информационно», позволяет представлять душу человека как элемент Мировой Души, взаимодействующий с Ее другими

элементами.

С категориальной системой взаимодействия тесно связан пока что мало освоенный, но богатый и важный аппарат, доставшейся психологии в наследство от алхимии. «Внутренняя химия», а только в этом смысле имеют смысл алхимические трактаты (а не в смысле химических превращений веществ, как их наивно интерпретировали профаны на протяжении многих веков), - это как раз и есть наука, о взаимодействии различных составляющих психической жизни и плодах этого взаимодействия – рождении новых «психических вещей», вершиной которых является «философский камень» - цель развития психики.

Письмо 4. **О развитии души**

Дорогой друг!

Вот мы и подошли к тому главному, что и определит содержание общей психологии будущего. Это главное - развитие. Главное в жизни души – то, что душа развивается.

В чем заключается развитие души и к чему оно ведет? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно расширить понятийный аппарат психологии такими понятиями, как идея человека и замысел человеческой жизни. Сегодня они в психологии отсутствуют, и есть серьезные сомнения, что психология сможет быстро их принять. Но, тем не менее, психология работает с понятиями, которые позволяют ей осознать реальность идеи и замысла жизни. Одно из таких понятий, которое уже довольно настойчиво стучится в двери академической психологии, – *призвание*. Психологи, работающие с профессиональным становлением человека, заметили, что некоторые люди очень рано выбирают свою будущую работу и потом всю свою последующую жизнь следуют выбранному пути. (Замечу в скобках, что нечто похожее произошло и со мной: в 14 лет я «замкнулся» на психологию и хотя и с перерывами (которые были нужны, чтобы создать те или иные условия для продолжения моих психологических занятий) продолжаю заниматься ею до сих пор – уже свыше 40 лет.) Но есть и еще более близкие к психологическому «мэйнстриму» понятие, которые заставляют задумываться о реальности замысла жизни. Эти понятия – *способности*, талант. Фактом, хотя и не сразу принятым психологами, является то, что люди приходят в этот мир по-разному оснащенными для

различных видов деятельности – каждый со своими собственными инструментами, нужными ему для его собственной работы. Эти инструменты и есть способности. Таким образом, мы видим как бы рабочих разных специальностей. Приглядевшись внимательней, можно заметить, что мы не только рабочие разных специальностей, но у каждого из нас и свое собственное рабочее задание. Это рабочее задание и есть часть замысла жизни. И выполняя это задание, человек меняется, развивается: способности-задатки его раскрываются, а психика в целом меняется: одни ее части отмирают, а на их месте рождаются новые.

Таким образом, в душе человека существует как бы некий росток, который в течение жизни разрастается деревом. Чтобы понять, что это за росток, откуда он берется и для чего растет, нужно еще более смело пойти на ревизию устоявшихся мировоззренческих представлений. Дело в том, что росток этот вырастает из Мировой Души и к Ней же возвращается. Как это происходит нетрудно описать по аналогии с «рождением» и «смертью» субличностей в жизни человека, но убедиться в реальности ростка души человек может, только достаточно расширив свое сознание, чтобы оно стало достаточно вместительным для осознания в комплексе той системы психических преобразований, трансформаций, которые происходят в ходе его жизни.

Первым шагом на этом пути будет открытие «жизненного цикла» любого дела, из которых и складывается жизнь человека. Здесь очень ясно виден путь от замысла через реализацию к осмыслению реализации замысла, осмыслению сделанного. Рассматривая структуру более крупных дел человека, которые состоят из дел поменьше, мы можем видеть, как результаты осмысления уже сделанных мелких дел, с одной стороны, влияют на формирование замыслов будущих мелких дел, а с другой, формируют и осмысление крупного дела, в состав которого они входят. Продолжая эту открытую нами на небольших делах (длительностью от нескольких минут до нескольких дней) закономерность на дела более крупные (например, длительностью в годы и десятилетия) и к еще более крупному «делу», каким является вся жизнь человека, мы можем прийти к теоретическому пониманию двух важнейших и для современного профессионала неожиданных вещей. Первая – жизнь человека от рождения до смерти является, или, во всяком случае, может

являться только частью более крупной «единицы» жизни души. И вторая – вся жизнь души человека, какой бы длинной или короткой мы ее себе ни представляли, является только эпизодом жизни души существа, большего чем человек. Оба эти открытия, как ты, конечно, понимаешь, начисто переворачивают современные атеистические представления о мире.

Насколько можно проверить эти неожиданные выводы эмпирически? Можно, и это совсем несложно. Достаточно обратить внимание на два факта. Первый – новорожденный человек приходит в мир не «чистым листом», не «нулевой душой», а человеком с рядом врожденных особенностей, включая и упомянутые уже способности, и многие черты характера (еще заметнее это в отношении черт темперамента), и многие другие «психические компоненты», о которых говорить надо отдельно. Факт второй – это то, что умирает человек хотя и более развитым, чем он был в ранние периоды своей жизни, но все же не очень развитым, буквально говоря, каким-то «недоразвитым». Другими словами, мы наблюдаем в наших жизнях развитие, но это развитие не от некой нулевой до некой конечной точки, а только отрезок полного цикла развития.

В чем заключается развитие души, какие изменения душа претерпевает в ходе своего развития и к какому «терминальному» состоянию стремится? Общее направление этих изменений можно определить как расширение сознания – обретение способности видеть «много мира» - много вещей мира и много отношений между этими вещами. В ходе этого процесса человек все больше и больше осваивает свою душу, а вместе с тем и Душу Мира. Итогом этого процесса является то, что можно назвать обретением Космического Сознания. В христианстве это называется Спасением, аналогичные названия есть и в других высоких религиях (в частности, Нирвана).

Если перейти с пространственного языка на язык процессов, то развитие заключается в обретении способностей решать всё более и более сложные задачи, в обучении всё более сложным действиям и по мере приближения к Космическому сознанию в обретении Всемогущества. Впрочем, это перспектива не близкая, и ничто так не вредит развитию, как стремление к могуществу при несозревшей душе.

На языке же персонажей тот же процесс можно назвать, как ты,

наверное, уже догадался и сам, превращением в Бога.

Как происходит развитие? На пространственном языке (в пространственной модели) можно говорить о полном осмыслении малой зоны пространства души и переходе от осмысления малой зоны к осмыслению более крупной зоны. На процессуальном языке (в процессуальной модели) происходит переход от полного освоения мелкого действия к освоению более крупного, по отношению к которому мелкое является элементом (операцией). На языке персонажей о развитии можно говорить как о смерти одного внутреннего персонажа и рождении другого. Иногда такие вещи можно наблюдать и совсем явно, например, когда при вручении аттестата зрелости умирает «Я-школьник» и рождается «Я-взрослый».

С темой развития очень тесно связаны две другие темы: кармы и судьбы. Обе сегодня, для академической психологии, фактически, чужие, но обе крайне важны для понимания того, что можно назвать «траекторией развития». Рождаясь, человек приносит с собой результаты своего прошлого развития: что ему удалось сделать раньше и что он только начал, но не успел закончить. Этими «что» определяется индивидуальная часть его кармы. Помимо индивидуальной, в карме человека есть и другая часть – коллективная, которую он разделяет с другими людьми: как со своими близкими родственниками, так и с членами больших групп, к которым он принадлежит, например, народов, этнических или социальных групп, и даже всего человечества.

В контексте данного разговора нет смысла углубляться в проблематику реинкарнаций и посмертной судьбы души. Достаточно ограничиться замечанием, что путь души начинается не при рождении и заканчивается не со смертью. Карма, с которой человек приходит в жизнь, в значительной мере определяет траекторию его развития, задавая и те задачи, которые человеку нужно дорешать в настоящей жизни, и те инструменты (например, способности), которые у него есть, то есть сформировались в ходе предыдущих этапов развития души. Таким образом, при рождении уже задается определенная колея, по которой будет катиться жизнь человека, то есть его судьба. Но эта колея обычно не слишком узкая: в какой-то степени у человека есть свобода выбора той или иной линии жизни внутри ее общего замысла.

Разнообразие замыслов жизни и индивидуальных карм – это и есть то, что определяет индивидуальное содержание психики – то, что составляет предмет уже не общей, а дифференциальной психологии.

Письмо 5. **О задачах прикладной психологии**

Дорогой друг!

Теоретическая канва, которую я набросал в первых письмах, важна только тем, что она позволяет переосмыслить и переформулировать прикладные задачи, стоящие перед психологией, дополнить те задачи, которые психология уже пытается решать известными сегодня методами, новыми задачами, которые пока психология не умеет не только решать, но и ставить. Разговор об этих новых задачах и о новом видении задач старых и будет нашей главной темой в дальнейшем.

Сегодня человек мыслится психологами как неживой объект. В лучшем случае – как полуживой. И поэтому предмет его профессиональной деятельности представляет для психолога ценность не бОльшую, чем полено для столяра. В этом отношении психологи мало отличаются от их заказчиков, для которых люди – ресурс (HR - human resourse), «кадры», публика (PR - public relations), в общем, «двуногих тварей миллионы». И это еще в лучшем случае. Часто задача стоит в том, чтобы просто подобрать человека к должности, как ключ – к замку. И неважно идет ли речь о должности шофера, начальника отдела или «должности» жены такого-то.

Так ставят задачи сегодня перед прикладной психодиагностикой. А задачи психотехнические – манипулятивные. Как заставить человека купить такую-то вещь, как заставить человека проголосовать за такого-то кандидата – в общем, как заставить человека вести себя так, как это требует клиент психотехника, и жить так, как клиент психотехника считает правильным. И неважно, о чем идет речь – о психологии рекламы, или об организационной психологии или даже о личностном консультировании и медицинской психологии. Впрочем, именно личностные консультанты и психотерапевты первыми ощутили ущербность такого положения и стали его менять. Но и они, будучи людьми своего времени и своей культуры, не слишком громко кричали о том, что психология работает с живым человеком, который живет в живом мире.

А именно это понимание – живой человек в живом мире – позволяет

по-новому формулировать самые разные прикладные задачи.

Например, задача профориентации, выбора профессионального пути. Сегодня она решается диагностикой личностной направленности и способностей в сопоставлении с требованиями, которая профессия предъявляет к человеку: точно в идеологии подбора ключа к замку, или точнее – замка к ключу. Аналогично решается и задача профессионального отбора: формулируется некий набор требований, которым должен удовлетворять успешный претендент.

Так эти задачи ставятся и решаются сейчас. А как они должны ставится? Три вещи должны быть в центре внимания психолога, и именно эти три вещи психолог должен помочь осознавать своему клиенту: замысел жизни, карму, включающую наряду со способностями и разного рода внутренние препятствия («кармические узлы»), и жизненную траекторию, жизненный путь. Причем, в отношении жизненного пути задача психолога состоит не только в том, чтобы помочь человеку его осознать, но и в том, чтобы научить человека проектировать свой жизненный путь на основе самопонимания и понимания социальной среды, в которую предстоит врастать и в которой предстоит расти профессионалу. Именно так – как выращивание профессиональной жизни в профессиональной среде – должна стоять задача. И тут уж речь должна идти не столько о наличии или отсутствии способностей и/или навыков, требуемых профессией, а о формировании индивидуального профессионального стиля на базе тех индивидуальных данных, какие у человека есть. Но проектирование профессионального пути – задача не первоочередная. Главное внимание необходимо сосредоточить на раскрытии замысла жизни, на раскрепощении и/или выращивании той любовной силы притяжения между человеком и делом его жизни, которая только и делает профессионала по-настоящему успешным. И главный смысл диагностики способностей именно в этом – нащупать, к чему у человека больше лежит душа, с тем, чтобы помочь человеку и самому осознать ростки этой привязанности.

При профессиональном отборе сегодня исходят из идеологии подбора винтика к механизму. Такой подход работает. Но он не будет работать долго. Как только производства-машины обнаружат свою неконкурентоспособность по сравнению с производствами-организмами, а

произойдет это в не таком уж далеком будущем, изменятся и принципы формирования трудовых коллективов. Главным в новых принципах станет поиск-формирование соответствия между замыслом (идеей) организации и идеями индивидов, составляющих эти организации: члены одной организации – это люди одной идеи, идеи организации. Конечно, не совсем так. Идея любой рукотворной, созданной руками человека организации неизмеримо беднее идеи любого человека. Но идея организации должна «вписываться» в идею человека: совпадать с ее значительными, большими «кусками» и не противоречить ее другим «большим кускам». В результате рост организации будет тесно связан с личностным ростом ее участников, что и определит успех организации.

И профориентация, и профотбор – просто из наиболее востребованных представителей двух широких классов задач прикладной психологии. На их примере видно, как решаются любые другие задачи из этих классов.

Первый класс – задачи прогноза индивидуального будущего и задачи выбора жизненного пути. Сюда относятся и прогнозы супружеской совместимости, и работа с личностными кризисами, и различные экспертизы в судебной психологии... Для всех этих задач правильная постановка заключается не в прогнозе или в выборе из ограниченного набора альтернатив, а в проектировании. Сегодня общий подход здесь состоит в том, чтобы предугадать будущее при том или ином личностном выборе (когда есть возможность для выбора). А должен этот общий подход состоять в том, чтобы научить клиента проектировать свое будущее, сделать его активным творцом себя. И одним из главных умений, которые необходимо для этого у человека развить, - это умение разбираться в себе, познавать себя. Этому нужно учить с самого раннего возраста: предмет «себяведение» должен начинаться в школе не позже «природоведения», потому что во многом он просто важнее.

Второй класс задач – подбор людей для определенной деятельности. Помимо подбора персонала, это может быть поиск супруга или, например, отбор студентов. Во всех этих случаях, там, где сегодня пытаются «подбирать ключ к замку», необходимо видеть задачи прогноза жизни индивида в социальном организме, вращивания (вживления) индивида в такой организм и выращивания самого социального организма.

В индивидуальном консультировании всегда есть еще одна задача – снятие «блоков». Собственно, речь здесь должна идти не о снятии, а о переплавке, о выплавке из того, что блокировало развитие, очередной ступени в лестнице развития. Вокруг этой работы процесс индивидуальной психотерапии фокусировался со времени Фрейда, но само понимание существа работы существенно с фрейдовских времен проэволюционировало и продолжает эволюционировать. С динамической (процессуальной) точки зрения психика человека представляет собой набор программ-механизмов, которые при определенных условиях включаются. Рефлексы («щелкни кобылу в нос – она взмахнет хвостом») – наверное, самые знаменитые из таких программ. Узнавание о таких своих механизмах и постепенное все большее осознавание их – на этом и построена вся психотерапия: различия только в тех методах, которыми пациент ведется сначала к разовому, а затем при необходимости и ко все более полному осознанию таких своих «программ». Этот процесс сегодня уже довольно полно отрефлексирован психотерапевтами.

Гораздо менее отрефлексирован другой момент: что само по себе осознание конкретной психической программы не обязательно ведет к ее «аннигиляции». Дело в том, что некоторые наши «внутренние пружины» рассчитаны на многократное повторение. Причины такой «долгоиграющести» могут быть разными. В частности, одной из причин может быть то, что маленькая программка-пружинка может быть частью большой программы-механизма, и без осознания всей этой большой программы маленькая программа будет постоянно самовоспроизводиться: большая программа, проигрываясь, порождает новый «клон» маленькой, точно так, как это делают некоторые компьютерные вирусы. В этом случае, осознание маленькой программы оказывается ценным не столько само по себе – потому что, даже осознанная и как бы уничтоженная, она все равно постоянно возрождается – а тем, что осознание такой «шестеренки» приближает человека к осознанию всего того механизма, частью которого шестеренка является.

Другой позитив от осознания сохраняющегося блока состоит в том, что осознание может позволить овладеть осознанным и начать использовать его в своих интересах: произвольно запускать механизм, как это делают, например, профессиональные актеры: «Так, здесь мне нужно

обидеться. Обиделся, хорошо. А теперь мне нужно рассердиться. Не получается. Еще раз пробую. Хорошо, рассердился». При этом происходит и как бы автономизация «шестеренки» - она обретает самостоятельное существование и перестает быть частью только одной большой, «материнской» программы.

В общем, главным в любой прикладной работе станет помощь человеку в саморазвитии, а для этого – в самопознании и самоосознании.

Письмо 6. О новых пограничных областях

Дорогой друг!

Психология всегда граничила со многими науками, на стыке с которыми возникали пограничные разделы психологии: психофизиология, психолингвистика, психофизика, психоакустика... Иногда, как, например, в случае с психолингвистикой, психология оказывала сильное влияние на соседнюю науку. Понимание психологии как науки о душе человека, развивающейся вместе с Душой Мира, открывает возможность для появления новых наук, связанных с психологией, опирающихся на психологию, но имеющих во многом отдельный предмет: науки о душах, но душах не людей, а иных вещей в мире.

Например – наука о душах социумов, социопсихология. Ее раздел, посвященный душам этносов, народов можно назвать этнопсихологией. Что собой представляют души групп и как их изучать? Феноменально – это - то общее содержание, которое есть в группах всех членов группы и которое ответственно за их принадлежность к группе. Что это за общее? В отношении «рукотворных» групп – партий, коллективов и т.п. этот вопрос может быть исследован сравнительно просто, потому, что души таких групп не слишком сложны. Например, единство политических взглядов объединяет членов одной партии. Но когда речь идет о душе народа, вопрос становится гораздо более сложным и для его исследования необходимо разрабатывать специальные средства для поиска инвариантов (чаще всего, мало осознаваемых), которые присутствуют в психике всех членов большой группы. На роль таких инвариантов могут претендовать, например, структуры, или системы взаимоотношений между ценностями, раскрывающие единство общих механизмов смыслообразования, характерных для всех членов группы. Я пишу об это чуть подробнее в своей англоязычной Psychology-XXI. Or XXII?..

Души есть не только у групп людей, но и у вещей. Особенно это очевидно в отношении вещей, созданных человеком, которые всегда несут отпечаток души их создателя. И здесь открывается простор для появления новых наук. Например, технопсихологии – науки о душе вещей искусственного происхождения, важным разделом которой станет наука о душе произведений искусства.

Технопсихология открывает совершенно новые перспективы перед культурологией и историей: изучая души старых вещей, мы получаем непосредственный доступ к истории. Это своего рода машина времени, которая переносит нас во времена, когда вещь была создана. Именно такой метод исторического анализа стал центральным в моем «Свете жизни».

Не менее важна геопсихология – наука о душе территорий. Первым в академической среде об этом заговорил Лев Гумилев, но и сегодня реальность таких душ учеными почти не осознается. Хотя в народной мудрости выражения вроде «что ни город, то норов» появились давно. Геопсихология тесно связана с этнопсихологией, так как территория накладывает сильный отпечаток на души своих обитателей, хотя и не полностью определяет содержание души этноса.

Как можно изучать души «неодушевленного» - вещей и территорий? Главный метод здесь тот же, которым пользовались психологи сотни лет до появления «научой» психологии - вчувствование? Насколько этот метод хорош, насколько он «объективен»? Это зависит от того, КТО вчувствывается, насколько этот КТО умеет вчувствоваться хорошо. Факт состоит в том, что результаты вчувствывания достаточно квалифицированных экспертов в одну и ту же вещь (например, картину) совпадают. Так что и здесь главный метод тот же, что и в психологическом консультировании, – нужно вырастить этого самого «достаточно квалифицированного эксперта», инструмент познания здесь – сам технопсихолог или геопсихолог.

Еще одно пограничное направление – психотеология, наука, которая рассматривает религиозную жизнь как личностное развитие, а религиозные тексты – с точки зрения психологии личностного развития. Здесь наука встречается с религией не в качестве отрасли культурологии или истории культур, для которых религия – просто феномен культуры,

заслуживающей интереса исследователя наряду с другими культурными феноменами. Здесь религиозное знание само выступает в роли знания психологического и психотехнического – знания о развитии души и о помощи душе в ее развитии. Такой ракурс позволяет увидеть во всех высоких религиях – христианстве, исламе, индуизме, буддизме – сходное содежание, различия в котором объясняются, прежде всего, разницей в психической конституции их адептов. Когда мы рассматриваем религиозные тексты с такой точки зрения, то открывает для себя их огромный психотехнический потенциал, во многом остающийся ценным и сегодня несмотря на то, что человечество стало на столетия (и даже тысячелетия) старше по сравнению с временем, когда эти тексты создавались.

Письмо 7. **О мерах предосторожности**

Дорогой друг!

В психотерапевтической работе неизбежны путешествия и клиента, и терапевта по психическим мирам – и более грубым, и более тонким. Как и любые другие, эти путешествия могут быть небезопасными и требовать определенных мер по защите и самозащите. Об опасностях такого рода особенно хорошо осведомлены наркоманы, немалое число которых (немалое – мягко сказано, на самом деле, абсолютное большинство) становилось жертвами астральных хищников. Религии хорошо осведомлены об этих проблемах, из-за чего особое внимание уделяют астральным персонажам, называемым в христианстве «бесами».

Без религиозной мистики простейшим проявлением «бесов» являются идеи, которые овладевают жертвой. Физиологическое привыкание является частным случаем таких идей, которые соматизируются в виде физиологической потребности в наркотике. Но, вообще говоря, обитатели астральных миров могут восприниматься нами не только как идеи, но и как существа, какими их описывает религиозная и пост-религиозная литература.

Последствия захвата человека жителями астрала бывают разными. Иногда они благотворны – помогают духовному развитию (развитию сознания), создают новые перспективы, новое видение мира, поднимают человека сами или помогают ему подняться над собой. Но бывает и по-

другому. Когда захватившая человека идея поглащает его полностью, делает его своим рабом и человек как бы прекращается в «ходячую идею». При этом его сознание сужается – весь мир он видит через призму своей идеи-фикс. Духовное развитие при этом останавливается, а иногда сменяется и духовной деградацией. Нередко при этом уменьшаются и способности человека к социальной адаптации, что может вести и к психическому расстройству.

Здесь у многих может возникнуть естественный вопрос: насколько разговор о таких «бесах» метафоричен или же действительно можно говорить о существовании неких существ, наделенных волей, целеполаганием, которые хитро и коварно покоряют неосторожного человека? Вопрос очень естественен и столь же бессмысленен. Большая идея всегда реализуется «хитро», и тем «хитрее», чем она больше, и руками множества покоренных ею людей. Существо – это не только то, что можно погладить по шерсти или потянуть за хвост. Самые важные в нашей жизни существа недоступны не только осязанию, но остальным нашим органам чувств. Но это не делает их менее реальными. В частности, хотя очень многие мечтают о том, чтобы потянуть Бога за бороду, Бога мы узнаем с помощью совсем иных наших органов – не рук и не глаз.

Нам свойственно думать о неизвестных нам зонах астрала, как о каких-то совсем иных мирах, непохожих ни на что, что нам известно. От того-то они и так притягательны, особенно для начинающих астральных путешественников. Но реальность во многом гораздо прозаичнее. Астральные странствия, в которые многие отправляются с помощью наркотиков или специальных дыхательных упражнений, качественно мало чем отличаются от ухода с головой в математику, или в литературу, или в программирование, или в какой-то иной вид интеллектуальной деятельности. И последствия таких уходов во многом сходны. Отличия только в том, что чем дальше от освоенных людьми астральных территорий мы уходим, тем менее известные идеи-существа встречаем и тем менее мы готовы к таким встречам. Соответственно, тем сложнее может оказаться дорога назад и тем реальнее угроза психической дезинтеграции.

Другими словами, путешественнику либо нужна нить Ариадны, либо же (и это самое безопасное) ему нужно спускаться в астрал сверху. Но для

этого сначала нужно попасть Наверх. В этом и заключается главный способ обезопасить себя. Способ, очень малоизвестный трансперсональной психологии нашего времени.

Чаще всего психотерапевты видят свою задачу в расширении опыта клиента – открытии ему, для него, вместе с ним ранее незнакомых уголков его внутреннего мира: комплексов, вытесненных воспоминаний, незалеченных травм и т.д. и т.п.. И очень немногие видят свою цель не в расширении опыта, а в расширении сознания клиента. То же самое можно сказать и о самом главном и самом постоянном клиенте психотерапевта – о самом психотерапевте.

Такие открытия необходимы и неизбежны в любой внутренней работе, но полезны они только, когда пациент в состоянии совладать с новым знанием, освоить его. Имеющейся у клиента широты сознания для этого бывает и недостаточно. Знакомство с ранее незнаемым может вызывать очень сильные переживания, но при отсутствии адекватных средств осознания эффект этих переживаний может оказаться не развивающим и целительным, а болезненно-разрушительным и дезынтегрирующим.

В расширении сознания ведущую роль играют два метода, хорошо известных педагогам, но чуждых психотерапевтам. Сознание расширяют размышление во всех его формах, включая и разные диалогические (с внутренним или внешним собеседником). И сознание расширяет работа эстетического восприятия (эстетическое воспитание), когда человек учится взаимодействовать (осваивать) все более и более высокие (эстетически насыщенные, сложные, «информационно-плотные») произведения искусства.

Если атакующая идея больше того, что человек способен охватить своим сознанием (сложнее, крупнее), то она может «сожрать» человека. Но если она меньше возможностей сознания человека, то человек сам ее проглотит и переварит, взяв для себя самое ценное в этой идее.

Письмо 8. **Психическое развитие и духовное развитие**

Дорогой друг!

Духовное развитие составляет сердцевину даже не просто человеческой жизни, а всей цепочки воплощений. Но духовное развитие не

исчерпывает всего содержания психической жизни. Можно сказать, что хотя духовное развитие всегда является психическим развитием, но не любое психическое развитие является духовным развитием.

Содержание духовного развития – это расширение сознания, обретение возможности видеть мир все более и более полным: видеть больше вещей в мире и в более разнообразных отношениях между собой. Не любое психическое развитие, развитие не всех зародышей в психике связано с расширением сознания.

Простейший пример – обидчивость. Люди от рождения обладают разной предрасположенностью к этому качеству. Эти различия связаны со всей историей психической жизни индивида, рассматриваемой не в границах одного воплощения, а во всей цепочке воплощений. Предрасположенность к обидчивости представляет собой своего рода росток, «почку», которая при определенных условиях прорастает и становится полноценной чертой характера. В этом смысле развитие обидчивости – одна из ветвей психического развития. Но в то же время, это развитие скорее сужает поле сознания, чем расширяет его.

Вообще говоря, если рассматривать психическую жизнь, как состоящую из двух потоков – воплощения (идей) и осмысления (уже воплощенного), то любая деятельность воплощения требует сужения сознания, его фокусировки, уплотнения. А так как в любой момент в психике представлены множество «воплощающих» процессов (незаконченных действий, нереализованных потенций и т.д.), которым предстоит в процессе психической жизни до-воплотиться, то можно видеть волнообразность развития, из которой к расширяющему сознание (духовному) развитию относится только одна из двух фаз.

Другими словами, психика растет не только «вверх», но и «вниз». И более того, чтобы расти вверх, ей нужно расти и вниз: любая ветвь, которая тянется сегодня к Солнцу, когда то пыталась опуститься до земли.

С момента своего рождения душа (психика) человека содержит множество «потенций», множество «неоконченных действий». Это то, что было начато в предыдущих воплощениях (а иногда и начато родителями), и то, что человеку надлежит в своей жизни продолжить или закончить. В индуистской традиции эти «потенции», эти незавершенности называют

«кармой». Именно они, эти «потенции» и определяют и место человека в жизненном пространстве – обстоятельства его судьбы, траекторию его психического развития - траекторию жизни.

Часть этих потенций-кармы такова, что ее развитие может быть опасно для окружающих и на первый взгляд противоречить интересам духовного развития. К таким опасным склонностям относятся, например, склонность к насилию, агрессивность и т.д.

В этой связи возникает проблема искаженного развития, о которой писал еще сто лет назад Лазурский. Какое развитие является искаженным и можно ли вообще говорить об искаженном развитии?

Говорить, конечно, можно. Но при этом нужно понимать, что искаженным мы называем такое развитие, которое нам не нравится, которое создает проблемы приспособлению человека к условиям общества и создает проблемы для самого общества. Таким образом, искаженное развитие – это не столько психологическое понятие, сколько социокультурное. Соответственно, по мере изменения общества и его культуры меняются и взгляды на искаженность: то, что считалось искажением раньше, перестает считаться искажением. Такую динамику мы можем наблюдать в последние сто лет, например, на примере отношения к различным формам «ненормальной» сексуальности. Терпимость к экстравагантным мнениям –другой пример того же рода.

Проблема эта имеет важное прикладное значение для педагогики. Что делать с «дурными наклонностями»? Потакать? Пытаться искоренять («выбивать»)? Не обращать внимание?

Традиционно педагоги пытались, а многие и сегодня пытаются дурные наклонности блокировать. В результате в психике создаются особые «комплексы», которые потенциально опасны, как для психического развития, так и для физического здоровья. Но все дело в том, что трава все равно будет расти. Даже если ей придется для этого прорасти через асфальт.

Альтернативный подход состоит в том, чтобы дать «траве» прорасти, но прорасти так, чтобы причинить минимальный вред и самому человеку и окружающим его людям. Как это делать – это особая задача педагогики будущего.

Письмо 9. **Конструктивная психология**

Идея принадлежит А. Кронику, хотя первым к ней стал подбираться, насколько мне известно, А. Пузырей. Идея очень яркая, но в результате катаклизмов в российской психологии после развала СССР должного развития до сих пор она не получила.

Идея состоит в том, что психология должна не только изучать психические реалии, но и формировать новые психические реалии. Другими словами, психология не только наука, не только -логия (область знания), но и инженерия (отрасль производства особого рода).

Реально процесс созидания новых психических реалий идет всю историю человечества: история создает нового человека, вооруженного такими инструментами, которых не было у его предков. То же самое можно наблюдать и в онтогенезе: взрослеющий человек обретает психические реалии, неизвестные ему ранее. Это не только новые умения и знания, но и новые чувства (любовь ребенка и любовь подростка – очень разные «любви»), и совершенно новые действия, такие, как, например, рефлексия, переживания двойственности, борьба мотивов и т.д..

Как психология может сделать этот естественный процесс управляемым и произвольным? Очень просто. Первое, что необходимо заметить – это зачаток, зародыш, прообраз будущего феномена. Затем, нужно наметить пути его развития-формирования. И наконец – создать психотехническую схему, которая организует процесс формирования. Такая психотехническая схема может включать новые концептуальные схемы, новые понятия и системы их привязки к понятиям уже разработанным культурой. И конечно – систему приемов, которые вводит человека в деятельность по формированию новых реалий.

Собственно, психология все время эти и занимается. Фрейд заставил нас думать о бессознательном и думать в таких категориях, как «комплекс», «вытеснение», «защита» и т.д.. Пространственные смысловые модели ввели свои способы думанья о нашем внутреннем мире, сетевые – свои. Наши способы категоризации психического психическое и структурируют. Например, думая о процессуальной стороне психической жизни (или проще – думая о психике, как о психической жизни, как о процессе) в деятельностной парадигме мы структурируем психику в виде деятельностей, действий, операций, целей, мотивов и т.д., как бы

вылепливая из кома «психического пластилина» соответствующие реалии.

Но есть и особый вид конструктивизма, когда создается новая психическая реальность, ранее не существовавшая, или во всяком случае – не существовавшая массово. Если мы присмотримся к исторической психологии – к истории возникновения тех или иных феноменов, то обнаружим, что сравнительно недавно появились в истории такие ментальные математические действия, как думание о бесконечных последовательностях, о пределах, о бесконечно малых. В мышлении античного человека ничего этого не было. Не было в нем и таких психических феноменов, как амбивалентность, сомнения («гамлетизм»), эмпатия...

Все эти и многие другие психические феномены были созданы на «фабрике культуры» сравнительно недавно. Но производство их не было плановым. Они производились культурой «естественно», как бы сами собой. Сегодня (и уж совсем определенно – завтра, в вашем, дорогой друг, времени) характер этого производства изменится – оно станет сознательным, произвольным.

Что именно будет тогда сконструировано, предсказать из сегодняшнего дня трудно. Но явно среди этого нового будут переживание «высшего Я», «слышанье Совести», «выход в мир Духа», «истиннннное религиозное чувство». Будет и «системное мышление», о котором много говорят и сегодня, но которое сегодня с таким трудом осваивается. В общем, будет всё то, что составляет сегодня предмет высшей психологии: психологии завтрашнего человека, самых высоких из доступных сегодняшним людям психических реалий.

Письмо 10. **Формирование психолога**

Дорогой друг!

Что это за профессия психолог и как учить «на психолога»? Нужно ли просто вбить в голову студенту определенный набор текстов? А затем разучить с ним определенный набор действий – технологию психологической работы? Или же этого совсем недостаточно?

В общем, понятно, что недостаточно, хотя готовят психологов именно так: чтением умных книжек с умными разговорами о прочитанном и показыванием того, как работают успешные профессионалы. Впрочем,

нередко умные книжки как раз и пишутся успешными профессионалами о том, как они работают.

Результаты такой подготовки известны: отучившись лет, пять, дипломированный психолог должен доучиваться еще лет десять. Причем, доучиться удается, наверное, в лучшем случае, одному из десяти.

А как должно быть поставлено обучение психологов?

В нем, конечно, должны быть и умные книги, и умные разговоры. И знакомство с работой профессионалов. Но все это не должно быть самоценным.

Первая задача психологического образования – это развитие души самого психолога, а в нем – то, что на профессиональном языке называется развитием самосознания будущего психолога. Специалист по душе должен в первую очередь стать специалистом по собственной душе. Это основа основ.

Но развитие души – это не только расширение самосознания. Это еще и обогащение личного психологического опыта, репертуара переживаний. Психолог должен быть на личном опыте знаком с разными психическими реалиями – как с более грубыми, с которыми он знаком и без специального обучения, так и с более тонкими – с тонкими эстетическими переживаниями, с тонкими религиозными переживаниями, с амбивалентностью, эмпатией, вдохновением, альтруистической любовью, моральным поиском и т.д.. Конечно, к этому списку необходимо добавить и развитие коммуникативных навыков, обязательное для многих видов профессиональной работы. Сегодня дипломированные психологи часто незрелы личностно. Такая незрелость делает их профнепригодными.

Если «механическое» знакомство с психологическими учебниками составляет первый, самый нижний ярус психологического образования, а развитие собственной души – второй ярус, то третий, самый высокий – это формирование своего собственного индивидуального стиля психологической работы.

Психология не токарное дело, хотя и там не всегда можно перенять приемы мастера. В психологии сделать же это нельзя никогда. То, что делает учитель, ученик делать не может даже не потому, что учитель делает что-то очень виртуозное, а просто потому, что у ученика иной набор инструментов: свой характер, темперамент, своя манера и т.д..

Вот здесь-то и начинается самая главная часть психологического обучения: вылепливание нового профессионала из «глины» ученика, которая даже не просто отличается от «глины» учителя, но и совсем уникальна: уникальна, как отпечатки пальцев.

Возможности наставника в такой лепке очень ограничены. Главный скульптор здесь – ученик. Учителю же остается только помогать ученику лепить из себя (из ученика) психолога. Находить свои приемы работы. Использовать свои сильные стороны. Нейтрализовывать свои слабости. Оборачивать слабости силой. В общем, быть одновременно и своим Пигмалионом, и своей Галатеей.

Вообще говоря, что-то такое происходит и сегодня. Просто иначе профессионал состояться не может. Но сегодня это происходит стихийно. Должно же – планомерно и сознательно.

Письмо 11. **Формирование запроса**

Дорогой друг!

Тут недавно у меня случилась неудача. Из тех, которые не делают нас богаче, но делают умнее. Я решил предложить населению высококачественный психологический сервис. И обнаружил, что он никому не нужен.

Проблемы, с которыми обращаются к психологу, часто очень глубокие проблемы. И их решение требует долгой, а иногда очень долгой работы. Такова их природа. Но ментальность моих современников – того их большинства, которое живет в свете западной культуры, устроено так, что они ищут решений быстрых, дешевых в смысле затрат и времени, и финансов. Поэтому любой обман, если он только не вскрывается немедленно, для «потребителя» привлекателен. Честный же рассказ о трудностях его ситуации встречается с явным скепсисом.

Происходит это от вопиющей психологической и шире – антропологической – безграмотности: люди почти ничего не знают о свое собственной, человеческой природе. И потому не понимают, ни откуда растут их проблемы, ни как с ними можно работать. Поэтому одной из важнейших социальных задач психологии является психологическое просвещение.

Люди, начиная с первого класса, должны получать знания о том, что

их душа – огромный мир, который им необходимо исследовать. Они должны знать, что методы исследования есть самые разные. И что в их мире есть зоны, куда очень трудно попасть – как в центр Земли. Психолог иногда является их проводником. Иногда – поставщиком снаряжения: альпинистского, а чаще – спелеологического. Но он не может быть толкователем, предсказателем и т.д.. Другими словами, психолог не может сделать за клиента то, что клиент обязан сделать сам, и может сделать только сам. Грубо говоря (иногда эта параллель более буквальна), психолог, как и школьный учитель, может дать хлеб, но не может съесть его за тебя.

Каждый человек должен быть нацелен на то, что самопознание – его главнейшая задача в жизни, в зависимости от успеха в решении которой и все остальные задачи будут решаться более или менее успешно.

Письмо 12. **Когнитивная психология коллективного сознания**

Дорогой друг!

Появление Интернета стало создавать новую реальность. Нельзя назвать эту реальность коллективной душой – коллективные души существовали задолго до интернета. Но эта реальность – новая форма жизни коллективной души. С некоторой степенью условности ее можно назвать коллективным интеллектом. Человечество получило принципиально новый технический инструмент, с помощью которого оно может думать вместе по-новому – гораздо быстрее и полнее обмениваясь продуктами своей интеллектуальной деятельности. Иначе говоря, у человечества появился новый материальный субстрат интеллектуальной деятельности – если не новый мозг, то во всяком случае – новая зона коллективного мозга. Причем, сделанная самим человеком, и – не из органических материалов.

Но наличие мозга само по себе не означает умения думать. Думать мозг еще нужно научить. Вот это и есть совершенно новая задача психологии – разработка и внедрение моделей коллективной интеллектуальной деятельности.

Что это за модели? Просматриваются два их типа: модели проектирования и модели осмысления. Модели проектирования строятся

по нисходящему принципу от замысла в голове первого проектировщика через его декомпозицию и разработку все более и более расширяющейся командой проектировщиков нижнего уровня. Наоборот, модели осмысления строятся по восходящему принципу, когда мыслитель обобщает и осмысляет результаты работы других мыслителей.

Излишне говорить, что в реальной интеллектуальной деятельности процессы проектирования и осмысления тесно переплетены, так как прогресс проектирования напрямую определяется результатами осмысления того, что было сделано раньше.

Для участия в такой работе каждая клетка должна действовать в соответствие со своей областью интересов и своей компетентностью. Естественно, и компетентность, и интересы могут меняться со временем, а интересы к тому же могут быть и разнообразными.

Задача состоит в том, чтобы организовать взаимодействия клеток, образно говоря – связать их аксонами и дендритами. Конечно, такие связи устанавливаются и естественно, но естественно это происходит не очень эффективно: очень часто найти подходящего человека для проекта трудно.

Как должен быть организован процесс коллективного мышления – это вопрос психологии завтрашнего времени, твоего времени, дорогой друг.

Ясно, что должны быть определены разные роли участников процесса: творец идеи (их довольно много), критик идеи (их всегда много), «развиватель» идеи, подхватывающий чужую идею и работающий с ней, как со своей, (их как раз совсем немного, развивателей нужно специально готовить) и так далее. Зрители, болтуны, сознательные разрушители процесса должны быть изолированы от творческого ядра. Но реально проблема сложнее: необходимо соединить участников процесса таким образом, чтобы они помогали друг другу, а не мешали. Грубо говоря, двоечники должны не мешать отличникам, а учиться у троечников. Кроме того, ясно, что должны быть перекинуты мостики между проектами и их потенциальными участниками.

Важнейший вопрос здесь – «формат» данных, которыми обмениваются участники – «протокол обмена»: что одна «клетка» выдает другим. Он двух-трехкомпонентен: «Решавшаяся задача – решение [–

поставленная задача]». В случае двухкомпонентного импульса третий компонент (следующую задачу) должна доопределять специальная клетка-координатор.

Примером задачи может быть подбор информации, агрегирование информации, формирование гипотезы, разработка алгоритма решения и т.д. и т.п.

Проекты могут быть искусственными (формализованными) и естественными. Простой треп тоже проект, но проект естественный. Его результат – изменение представлений (и эмоциональных состояний) участников. Иногда – побуждение к действию. Но, конечно, эффективность искусственных проектов теоретически может быть выше, чем у естественных.

Вопрос к психологам и психологии будущего – как такие проекты организовывать?

Письмо 13**. Дифференциальная этнопсихология**

Дорогой друг!

Недавно прочитал у старинного приятеля, профессора, всю жизнь прозанимавшегося психодиагностикой, что он как профессионал заверяет аудиторию: различия между народами гораздо меньше, чем различия между отдельными людьми. Я настолько удивился, что даже не стал ему возражать. Почему удивился?

Как можно сравнивать различие между белыми и черными с различиями между высокими и низкими? Это чтобы уйти от тонких психологических материй к более зримым антропометрическим. Кто сильнее отличается внешне – белые от черных, или высокие от коротышек? Это же несравнимо. Пространство одних отличительных черт не совпадает с пространством других отличительных черт. И это еще мягко сказать – «не совпадает». Мало общего имеет между собой.

Главные отличия между народами не в уровне экстраверсии и не в преобладании одних групп ценностей над другими. Шкалы черт, различающих индивидов, устроены таким образом, чтобы среднее значение по большой популяции было нулевым. Сами же популяции отличаются здесь не так значительно, если мы только не измеряем совсем культурно-специфичные черты, вроде любви к борщу и хинкалям.

Но есть и другие черты, выраженность которых у всех представителей одного народа одинакова, но у разных народов эти выраженности разные. Другими словами, дифференциальной психологии индивидов эти черты неизвестны вовсе, но они значимы для дифференциальной этнопсихологии.

Современной мне психологии эти черты неизвестны вовсе. Но для психологии будущего они будут представлять несомненный и серьезнейший интерес.

Что это за черты? Прежде всего, нужно заметить, что в отличие от черт индивидуальной дифференциальной психологии, в языке для этих черт нет и не может быть устоявшихся терминов, именно потому, что они присущи всем людям данной культуры. Чтобы начать говорить о круглоглазости, культура должна знать узкоглазых. Значит, для этих черт еще только нужно формировать язык их описания.

Теперь ближе к сути – чем народы отличаются друг от друга? Если формулировать одним словом, то первым на ум приходит слово «культура». Переходя на язык психологии – стилистическими особенностями деятельности вообще и, в частности, деятельности осмысления, категориальным аппаратом мышления (различия между языками).

Но это не все и, может быть, даже не самое главное. Главнее – то, что можно назвать «программой жизни народа» – смутно осознаваемой или совсем не осознаваемой, но, тем не менее, обладающей огромным мотивационным потенциалом психической сущностью, которая сегодня психологам почти совсем неизвестна. Она-то, реализуясь, и превращается в культуру народа в самом широком смысле слова.

Каким образом можно попробовать подобраться к этой сущности. Один из подходов здесь можно назвать – «психосемантикой второго порядка». Речь идет о том, чтобы в матрицах отношений между различными вещами мира (например, между ценностями) пытаться отыскивать инварианты – структуры, общие для всех носителей данной культуры, но отличающиеся для разных культур.

Проблема с проведением таких исследований, как, впрочем, и любых этнопсихологических «полевых» работ, в их высокой стоимости – это очень дорогие исследования.

Но я надеюсь, что к вашему, дорогой друг, времени люди уже догадаются, что эти расходы окупаются с лихвой повышением уровня коллективного самоосознания.

Письмо 14. **Смена перспективы и гибкость осмысления**

Дорогой друг!

В профессиональной психологии это общая проблема едва ли не с момента ее существования: психолог разучивает некую теорию, некоторую концептуальную схему – набор понятий и систему взаимосвязей между ними, и далее смотрит на мир через эту концептуальную схему. Скажем, поклонник Айзенка видит людей точками на плоскости, где координатные оси «интроверсия» и «невротизм», разучивший теорию Кэттелла видит человека как точку в 16-мерном пространстве кэттелловских личностных черт, патопсихолог представляет человека как психиатрический диагноз или как профиль MMPI, а психоаналитик – как коллекцию «комплексов» и «защит». Этот список можно продолжать довольно долго, так как способов представления психического существует много и много существует психологических теорий. Сам предмет нашего изучения весьма сложен и рассматривать его можно под разными углами, через разные очки, да и фокусироваться, видеть в таком предмете можно на разных его «частях»: на свойствах личности, на субличностях, на структуре деятельности, на характеристиках когнитивных процессов, на структуре сознательной и бессознательных частей личности, на организации смысловой сферы, на ценностях, мотивах, отношениях и т.д. и т.п.

Такое разнообразие естественно и неизбежно. Более того, оно обречено со временем только расти. И в самом нем нет ничего плохого. Плохо другое. Плохо то, что каждый отдельный профессионал в своем видении психики жестко привязан к своей индивидуальной концептуальной схеме и, естественно, совершенно не гибок. Он не способен менять свое видение, переходить от одной «системы координат» к другой. Другими словами, он не может освободиться от своих концептуальных пут – из их раба стать их хозяином.

Психологи будущего будут в этом отношении гораздо пластичнее, гибче нас, современных психологов. Вооруженные многими концептуальными схемами, они будут способны гибко менять ракурс

рассмотрения, переходя от одной схемы к другой. Например, видеть за свойствами личности проявления жизни и взаимодействия субличностей, стилевые особенности деятельности и манифестацию внутренних энергетических комплексов и более осознанных отношений человека. По реакциям человека они будут способны реконструировать его смысловую сферу, системы представлений и внутреннюю логику, разделяя в них ситуативную, определяемую текущим состоянием составляющую и составляющую надситуативно-устойчивую, личностную.

Сегодня в профессиональной психологии существует как бы несколько языков, из которых каждый психолог владеет одним, много – двумя языками или даже «суб-языками». Психологи будущего должны стать полиглотами: вот он фрейдист, а вот – юнгианец, а теперь – экзистенциалист, а теперь – роджерсианец...

Письмо 15. **Анормальное развитие и некоторые опасности трансперсональной терапии**

Дорогой друг!

Что есть норма, а что патология? Обычный ответ: патология, то, что вредно для окружающих, с чем нельзя жить в обществе. Но это ответ не психологический. Психологический – когда дерево вместо того, чтобы расти вверх, растет вбок или вниз. Психика ведь есть такое дерево, а может, точнее – куст, растущее (или растущий – куст) своими ветвями вверх – ко всё более тонким, высоким, а языком кибернетики – всё более информационно-насыщенным состояниям. Ветви – это любовь, или доброта; это чувство красивого, это способность понимать мир – в целом и в его отдельных "кусках": способность понимать себя, окружающих людей, свою профессию; это способность слышать голос совести и отличать хорошее от плохого; это и умение вдохновляться и высота вдохновения.

Ветви растут с разной скоростью: одни так и тянутся к Небу, другие могут начать расти и вбок, и даже вниз. Вот это отсутствие движения вверх и нужно считать ненормальным, анормальным развитием. Скажем, человек накапливает знание, эрудицию, но не понимание. Или человек отправляется в "астральное путешествие" (наглотавшись наркотиков или прорвавшись в астрал другим способом). Сегодня многие считают такие прорывы шагом в духовном развитии. Но это почти никогда так не бывает.

Если информационная сложность "астральных" состояний оказывается такой же, как и обычных (субъективно они переживаются не как более яркие), то такие расширения опыта к духовному росту не имеют никакого отношения. Ветвь растет вбок (бывает, что и вниз). В таком РАСШИРЕНИИ своего опыта есть большой смысл – так накапливается материал для будущей, иногда очень нескоро будущей работы осмысления, так распространяется человеческое присутствие, "поле" в мире. Но самого человека приземленность или отсутствие роста тормозят. Это мы и наблюдаем в людях, сосредоточенных на земных делах, на "низком" (хотя кавычки здесь и излишни).

Практическая работа любого рода приковывает человека к земле. Но и интеллектуальная работа, выполняемая в "американском стиле" тоже не дает человеку подняться: он наращивает эрудицию или наращивает число приложений одной и той же идеи и как бы привязывает себя к некому срединному пласту тонкого мира. Это участь очень многих ученых и многих писателей.

Но настоящее анормальное развитие мы наблюдаем, когда одна ветвь растет вверх, а другая – вниз. Человек злой, но очень хитроумный. Или высокий профессионал, но нравственный тупица. Бывает и по-другому – добрый дурак или честная бездарь. Такие разрывы для самого человека полезны: его верхняя ветвь будет подтягивать нижнюю к себе. Но для окружающих подобные люди часто бывают опасны.

– ● –

Zelichenko A.I. Razmyshlenija o budushhem (neakademicheskij tekst na akademicheskie temy) /A.I.Zelichenko // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

– ● –

Abstract. The author considers the contents of the current psychology, its methodological basis. The article is a reflection of an experienced professional psychologist in the letters to the younger generation of psychologists. The current problems of psychology are discussed. The author's approach to solving some methodological problems of psychological science is set.

Keywords: psychology, methodology of psychology, soul, method of psychology, subject of psychology, modern directions in psychology, practical psychology, development of psychology.

– ● –

Сведения об авторе

Александр Исаакович ***Зеличенко*** – кандидат физико-математических наук, психолог, философ, культуролог, историк и теолог, Интернет-проект «Русский Свет», включающий Интернет-журнал «Русская правда», Институт высшей психологии..

© А. И. Зеличенко, 2015.
© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.

Подписано в печать 08.12.2015.

– ● –

УДК 159.9

СХИЗИС ПРАКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПСИХОЛОГА СОВРЕМЕННОСТИ *

А. С. Щукин. Городская страховая медицинская компания (Санкт-Петербург, Россия), *e-mail: OtvetSec@ya.ru*

Резюме. Автор анализирует третий период схизиса в психологии – состояния, в котором находится российская психология, начиная с 90-х годов прошлого столетия. Обсуждается вопрос практического мышления психолога, готовности психолога к практической деятельности в ситуации вхождения в повседневную жизнь IT.

Ключевые слова: схизис, профессиональные навыки, практическое мышление, психологи, практическая психологическая деятельность, IT.

В настоящее время психология, практическая в частности, находится в третьем периоде своего схизиса. Термин «**схизис**» (греч. shisma – расщепление) по отношению к состоянию современной психологии был применён Ф.Е. Василюком в 90-е гг. XX в. [1]. Автор рассматривал начало схизиса в методологии психологии. Спустя 12 лет после предыдущего исследования данное состояние, теперь уже в плане раздвоения теоретической и практической психологий, исследовано Г. Ю. Фоменко [5]. Данное же исследование является своеобразным продолжением в изучении состояния, в котором находится российская психология, начиная с 90-х годов прошлого столетия.

В любой профессиональной деятельности, чтобы достигать должной эффективности и отвечать на вызовы современности, должен почти непрерывно происходить пересмотр структуры деятельности. Практическая психология, являясь молодой наукой, не является исключением. Один из важнейших вызовов современности –

* Исследование выполнено под руководством Л.Ф. Чупрова, к. псх. н. Журнал "Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири", редакция научного журнала (Черногорск).

проникновение информационных технологий и компьютерных наук (далее, кратко – ИТ) в различные сферы жизнедеятельности, от сугубо личных до профессиональных.ИТ чрезвычайно молоды и их развитие в нашем веке пока происходит стремительно. Представляет интерес, что «гуманитарная» практическая психология также чувствует на себе изменения в своей деятельности из-за влияния «технической» ИТ. Дело в том, что особенности поведения людей, прежде всего в коммуникации между собой, формируют развитие определенных направлений информационных технологий (ИТ), таких как «глобальные сети» в целом, а также «социальные сети» в частности. Мы считаем, что имеет место и другой процесс – инструменты и методы практической психологии опосредованно подвержены воздействию ИТ.

Актуальность исследований профессионального практического мышления (ПМ) в России и мире только нарастает со вниманием Государства и Науки к созданию стандартов профессиональной деятельности во всех без исключения областях. Проблемы обыденного ПМ и профессионального ПМ на протяжении прошлого века долгое время не находились в центре внимания исследователей [2, с. 4]. Однако периодическое переключение внимания крупных ученых на указанную проблематику, а также постепенный переход в их работах от теоретических, общих построений до вполне конкретных, частных рекомендаций и тезисов, показывает значимость пути данных исследований.

Известно, что тематикой ПМ занимались и внесли неоспоримый вклад в ее развитие такие ученые как: Л.С. Выгодский, С.Л. Рубинштейн, Б.И. Теплов, М.Я. Басов, О. Липман, Х. Боген, В. Кёлер и др. Резюмируем историю этих исследований ПМ, основываясь на материалах монографии Ю.К. Корнилова [2]. Долгое время профессионального ПМ взрослого человека учёные всерьез не касались. По видимому, это связано с масштабностью проблемы изучения ПМ. Очевидно, что каждый учёный начинал исследования ПМ с самых азов, с простейших примеров применения живым существом знаний на практике, где уже находил для себя массу вопросов для научной работы. Так, мы находим отдельные замечательные работы по исследованиям мышления человекоподобных обезьян В.Кёлера и маленьких детей, которые в итоге выражаются в

описании понятия «практический интеллект» (в трактовке термина именно по В.Кёлеру) [2, с. 9].Известны работы о базовых знаниях окружающего мира, помогающих действовать человеку в конкретных ситуациях, такие как «Наивная физика» О. Липмана и Х. Богена.

В свою очередь Л.С. Выготский прекрасно понимал необходимость поиска новых подходов в рассмотрении практического интеллекта. Его работы конца 20-х, начала 30-х гг. содержат «концентрированные» положения на данную тему [2, с. 18], иначе говоря, многочисленные тезисы, опять же без указания единой схемы Мышления. Насколько известно авторам, профессиональную деятельность взрослого человека с точки зрения практического мышления полноценно и обстоятельно он не рассматривал. Такой крупнейший учёный как С.Л. Рубинштейн также в первую очередь обращается к примитивным формам мышления [2, с. 27]. Он только теоретически касается вопросов работы мышления взрослых людей, но делает ряд важных наблюдений.

Однако именно идеи С.Л. Рубинштейна могут служить отправной точкой для наших собственных исследований мышления современного практического психолога. Рассуждения учёного о постановке задачи для конкретной новой практической ситуации приводит к определению понятия «удивления от созерцания» проблемной ситуации, запускающий механизм задействования имеющихся знаний по решению проблемы.

Сам учёный отмечает, что конфликт в профессиональной деятельности едва ли будет связан с тем, что «созерцаемое» не совпадает с определяемым на практике. «Созерцание» для субъекта практического мышления, особенно профессионального мышления, превращается скорее в «изощренную наблюдательность», в развитие способностей увидеть проблему. Так вместо «удивления» о постановке задачи для успешной практической деятельности следует судить по внутренней работе мышления профессионала (диагностического или прогностического характера).

Итак, мы заключаем, что практический психолог, как и иной специалист, должен проводить внутреннюю работу по выявлению проблемных ситуаций в своей непосредственной работе: предлагать развитие существующих психодиагностических и других методик на основании встречающихся условий в рабочих ситуациях.

Отстаивая термин «практический интеллект» в собственной трактовке, С.Л. Рубинштейн говорит о «едином мышлении». По его мнению, тезис вовсе не означает, что у мышления нет видов. Напротив, он пытается подчеркнуть внутреннюю неразрывную связь теоретического мышления, которое накапливает информацию, полученную от реализации практического мышления в конкретном акте деятельности, и непосредственного практического мышления, использующего в очередной «ситуации» накопленные знания.

Становится понятно, что заранее успешно подготовиться к практике, о которой имеешь весьма смутные представления весьма сложно, если вообще возможно. В СССР открытое занятие психологией кроме редких случаев не приветствовалось [7]. Практическая психология, как деятельность профессиональных психологов в России только начала складываться с начала-середины 90-х гг., только в отдельных регионах с начала 80-х гг. [6] Психологи попросту не успели освоить «бумажные» формы диагностического инструментария, отчетности и т.п. как с середины 90-х гг. во всем мире, в том числе в России, начался процесс внедрения ИТ в различные сферы деятельности. С середины 00-х гг. стало понятно, что коммуникационная составляющая в цивилизованной части мира активно проникла и видоизменила, если не характер, то форму взаимодействия между людьми, а также порядок обмена информацией между ними.

В сложившейся ситуации, должен ли меняться базовый инструментарий практического психолога с появлением ИТ? Возможно, нет. Должны ли меняться формы инструментария и порядок взаимодействия с клиентом с учетом ИТ? Возможно, да.

Здесь и приходится говорить о схизисе интеллектуальной деятельности практических психологов, явном раздвоении в понимании: какие именно формы психодиагностического инструментария прямо сейчас использовать в работе. Само по себе наличие разных школ (консервативной и прогрессивной), в какой бы то ни было профессиональной деятельности не примечательно. **Сложность ситуации последних лет заключается в отсутствии полного понимания структуры профессионального практического мышления на фоне требований: эффективно и без вреда для процесса менять**

одни методы и формы подачи методов на другие.

Рассмотрим теперь «техническую» сторону вопроса о схизисе методов деятельности современных гуманитарных специалистов на примере психолога-практика. Современные компьютерные или информационные технологии для человека, который не задействован в специальных проектах по автоматизации, вычислениям и компьютерным исследованиям – это в основном **коммуникации** и **методы получения и передачи информации**.

Ранее мы уже рассматривали трудности, с которыми сталкиваются психологи при размещении специализированной информации в Интернет[8]. Психологу уже требуются знания из далеких от общей психологии областей: верстка текста и корректное использование ссылок между страницами Интернет; правила электронной публикации материалов; понимание достоверности профилей и личных страниц пользователей при взаимодействии с ними и многое другое.

Предпосылки к естественному внедрению новых средств коммуникаций указаны нами в работе [9]. Кроме того в работе сделаны шаги к осознанию значимости формы ретиальной коммуникации через глобальные сети для профессионала-практика. Современные коммуникации и техногенная культура выступает проводником между психологом и его клиентом. Окажется ли ИТ катализатором эффективного взаимодействия или непреодолимым препятствием зависит и от эффективно выстроенного практического мышления психолога.

Продолжая анализ информации из монографии Ю.К. Корнилова [2, с. 17], мы встречаем упоминание об исследованиях более сложных проявлений ПМ. В них практический интеллект анализироваться не только как ранняя, простейшая форма мышления, но как основа активной осмысленной деятельности, к тому, же с учетом социального взаимодействия между объектом исследования и другими индивидами, в том числе самим экспериментатором. Так, под руководством М.Я. Басова в 20-х гг. проходили исследования дошкольников, погруженных в активную деятельную среду.

Между тем, социальное взаимодействие – это важнейшее звено современного человека именно благодаря ИТ. Человек, не имеющий активных «контактных узлов»в Интернет (аккаунтов, личных страниц,

регистраций) воспринимается отделенным от основных событий сообщества или субкультуры (молодежной, профессиональной, территориальной, творческой).

Основополагающей для понимания профессионального ПМ является знаменитая работа Б.И. Теплова «Ум полководца», где освещается новый подход к проблеме: глубокий анализ реальной практической деятельности делает предпосылки к осознанию, что для каждой профессии мышление человека становится совсем иным [4]. Практическое мышление в указанной работе представляется не только «в условиях» деятельности, но и как «составная часть» некой реальной деятельности. Неполно и туманно представленные условия задачи, описанные для сложной интеллектуальной деятельности руководителя, как нельзя нагляднее отражают положение психологов современности, пытающихся использовать методику из 80-х гг. сидя перед компьютером с Интернет.

Известно, что общая психология всегда встречалась с трудностями при реализации прикладных задач. Для понимания проблематики важно понимать, что специфика практического мышления выявляется только в моменты непосредственного образования ситуации. Прогностические инструменты могут ничего не дать в случае таких глобальных изменений условий взаимодействия, какие сегодня предлагает ИТ (электронные публикации и контакты, «онлайн» и «оффлайн» консультирование и мн. др.).

Схизис для практической психологии России был неизбежен. Сохранение методологических традиций психологами старшего поколения являлся естественным процессом в условиях «железного занавеса». Новое поколение психологов, знакомых с ИТ, безусловно адаптированы к новым способам взаимодействия с клиентом и обменом, публикацией информации. Однако не получив достаточной теоретической методологической базы, они порой путают даже предметы, задачи психологии, не говоря уже о ресурсном обеспечении и видах психотерапий. Не определившись в границах методологии исследования и практики, не представляя до конца границы своей компетентности, они часто делают ошибки, когда приступают к «лечению». Ошибки молодого поколения психологов объяснимы, поскольку часто отсутствует

переходный вид методик (от «бумажной» нормы к «электронной»). И молодой психолог пытается найти ответы на свои вопросы в том же Интернете, где их может не быть вовсе. Так иногда возникает психологическая эзотерика.

В указанных условиях практические навыки от использования не адаптированных для современности «классических» методик не могут быть эффективно применены вместе с еще не описанными, тоже не доведенными до автоматизма, «прогрессивными» формами психологических практик.

Возможно, для преодоления противоречий в профессиональной деятельности потребуются экспериментальные или широко не признанные подходы. Например, постулаты системомыследеятельностного подхода: «замещение описания объекта моделирования описанием процесса моделирования как организации мыслительной деятельности – ход для **ситуации, когда сложность описания объекта превосходит интеллектуальные способности исследователя, но он не отказывается от осмысленной последовательности действий** по развитию описания модели» [3, с. 4].

Заключение.

Мышление профессионала-практика намного сложнее присущего всем мыслящим индивидам обыденного практического мышления.

До появления ИТ и Интернета невозможно было спрогнозировать его использование для нужд практической психологии. Практическому психологу необходимо знать, чтобы оптимизировать некоторые моменты своей деятельности, но готовых, универсальных решений пока не существует.

В современной России легко заметить особенность молодых людей – рабочих, специалистов, учёных – легкое пренебрежение теоретическими знаниями, желания сразу перейти непосредственно к практической деятельности. Однако речь о подлинном профессионализме не может идти без теоретических и практических знаний одновременно.

Признание профессиональным сообществом психологов наличия своеобразного схизиса в практической деятельности в условиях активного использования информационных технологий позволит лучше изучить практическое мышление психолога и успешно решить его насущные

профессиональные задачи.

Литература:

1. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6.

2. Корнилов Ю.К. Психология практического мышления. Монография. Ярославль, 2000. - 205 с.

3. Серкин В.П., Сиротский В.Е. Психосемантика: на пути к моделированию // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. № 3. – 1990. – С. 30.

4. Теплов Б.М. Ум полководца (опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам)//В кн.: Теплов Б.М. Избр. труды. В 2-х т. - Т.1. - М., 1985. - С.223 - 305.

5. Фоменко Г. Ю. Возможности преодоления «Схизиса» между исследовательской и практической психологией // ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ • 2008 • №3. - С. 53-53; URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2008_3/2008_3_Fomenko.pdf

6. Чупров Л.Ф. Психологическая служба в школах Хакасии // Психология учебной деятельности школьников (тезисы докладов Второй Всесоюзной конференции по педагогической психологии). - М., 1982.- С. 334 — 335.

7. Чупров Л.Ф. Черногорская психологическая служба: хроника газетной строкой // Психолог в школе. - 2000. - № 3. - С.195 — 206.

8. Чупров Л.Ф., Щукин А.С. Психологическое просвещение и Интернет: от коммуникации ретиальной к аксиальной и риторической // Междисциплинарные исследования в науке и образовании. – 2012. – № 1 Kg; URL: www.es.rae.ru/mino/159-1243 (дата обращения: 30.11.2012).

9. Щукин А.С. Ретиальная коммуникация и информационная технология // Международна научна школа "Парадигма". Лято-2015.В 8 т. Т.4: Психология: сборник научни статии / под ред. А. В. Берлов, Л. Ф. Чупров. – Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. – С.. 408-411.

— ● —

Shhukin A.S. Shizis prakticheskogo myshlenija psihologa sovremennosti / A.S. Shhukin // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4

– ● –

Abstract. In article the problem of quality of the modern psychodiagnostics which is carried out on the basis of use of the techniques published in the wide press is considered. Results of the theoretical analysis of a diagnostic solvency of a technique of T. Holmes and R. Rage «Definition of resistance to stress and social adaptation», published in various methodical sources are presented.

Keywords: stress, resistance to stress, psychodiagnostics, technique, psychometric properties.

– ● –

Сведения об авторе

Андрей Сергеевич **Щукин**, магистр техники и технологии, ABD. Городская страховая медицинская компания (Санкт-Петербург, Россия), ответственный секретарь журналов «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» и «PEM: Psychology. Educology. Medicine».

© А. С.. Щукин, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.12.2015.

– ● –

УДК 159.9

СТАЛИНСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

А. Ясницкий (Торонто, Канада), *e-mail:* anton.yasnitsky@gmail.com

Резюме. Данное исследование опирается на серию революционных исследований и публикаций последнего времени, в которых была заложена основа будущей сравнительной дисциплинарной истории психологии в России досоветского, советского и постсоветского периодов. Представляется целесообразным в сжатом виде подвести некоторые итоги этих исследований в первой части этой работы, а затем, в ее второй части, перейти к обсуждению «сталинской модели науки» в ее актуальной реализации в современной российской психологии 21 века. В заключение высказано предположение, что «сталинская модель», доминирующая в современной русской науке, в частности, психологии, является существенным препятствием на пути к дальнейшему эффективному ее развитию в современных условиях и что фундаментальная реформа не только социального уклада, но и традиций историографии русской психологии насущно необходимы.

Ключевые слова: история психологии, советская психология, российская психология, Сталинская модель науки.

Данное исследование опирается на серию революционных исследований и публикаций последнего времени, в которых была заложена основа будущей сравнительной дисциплинарной истории психологии в России досоветского, советского и постсоветского периодов. Представляется целесообразным в сжатом виде подвести некоторые итоги этих исследований в первой части этой работы, а затем, в ее второй части, перейти к обсуждению «сталинской модели науки» в ее актуальной реализации в современной российской психологии 21 века.

Психология в России как научная дисциплина: история 20 века

Итак, в недавних исследованиях и публикациях было выявлено и продемонстрировано следующее: Первое. Дореволюционная психология в России была неоригинальна и следовала за современной западной психологической наукой того времени. При этом русская психология была разделена между тремя такими сферами как:

(1) философия и богословие (спекулятивная и неэкспериментальная)

(2) экспериментальная академическая психология (в двух своих редукционистских разновидностях: спиритуалистически-виталистической и рефлекторно-физиологической) и

(3) прикладная атеоретическая психология (преимущественно в таких областях как народное образование и, отчасти, в био-медицинских науках)[19].

Второе. Попытка преодолеть разрыв между теоретически-спекулятивной, эмпирической и прикладной психологией была осуществлена только после большевистской революции 1917 года и проводилась в рамках разработки интегративной био-социальной научной дисциплины на базе методологии марксизма. Именно в это время русская психология и начинает привлекать значительное внимание иностранных коллег и занимает определенное место среди других национальных традиций внутри этой научной дисциплины[20].

Третье. Становление психологии как самостоятельной научной дисциплины в СССР состоялось в период раннего сталинизма, в основном—после 1936 г. в результате масштабной реорганизации психоневрологических дисциплин в стране. В дальнейшем статус этой дисциплины значительно возрос в конце 1930х, а в особенности в ходе

---

[19] См. (Yasnitsky, 2015b; Ясницкий, 2015).

[20] Об интенсивных международных контактах, транснациональных проектах при участии советских психологов и международном статусе довоенной советской психологии см. серию публикаций 2010х годов на тему «изоляционизма советской психологии»: (Allik, 2013; Lamdan, 2013; Lamdan & Yasnitsky, 2013, 2015; Proctor, 2013; Yasnitsky, 2015a; Гончаров, 2013; Ламдан, 2013; Ясницкий, 2010, 2011a, 2011c, 2012a, 2012b, 2012c, 2012e, 2013; Ясницкий, А. / Yasnitsky, A., 2013).

Второй мировой войны (1939-1945), что отразилось в фактическом признании этой дисциплины в числе одной из официальных академических научных дисциплин в Советском Союзе и введением ее в учебные программы общеобразовательной школы в виде одного из предметов (в 1946)[21].

Четвертое. Окончательная институционализация психологии в стране и формирование ее своеобразного дисциплинарного этоса произошло в рамках «сталинской модели науки» после войны, в период ранней Холодной войны и позднего сталинизма (1947-1953), наиболее существенными характеристиками которого являются ксенофобия, государственный антисемитизм, нео-имперская и националистическая риторика и исключительная централизация органов власти, партийно-государственных институтов и научно-административных органов контроля над научными исследованиями (напр., АН СССР или ВАК)[22].

Пятое. Административное управление психологией как научной дисциплиной и общественным институтом в стране на протяжении 1930х-

---

[21] Идея о фактическом зарождении советской психологии как окончательно институционализированной научной дисциплины в 1936 г. не нова: она проходит красной строкой через множество публикаций по истории советской психологии послевоенного периода и вплоть до, условно говоря, «перестроечного периода» середины 1980х. В более поздних публикациях это положение подверглось решительной ревизии в пользу противоположной историографической интерпретации так называемой «репрессированой науки». Тем не менее, в публикациях последнего времени вновь активно обсуждается идея о решающей роли постановления ЦК ВКП(б) “О педологических извращениях в системе Наркомпросов” от 4 июля 1936 г. в социальном становлении психологии как институционализированной научной дисциплины в СССР. Аргументацию в поддержку этого тезиса см., например, в (Байфорд, 2015; Ясницкий & Завершнева, 2009), а также в уже цитированных выше публикациях, в первую очередь в (Ясницкий, 2015).

[22] Программными и классическими публикациями о так называемой «сталинской» (или же «сталинистской») науке являются работы Н.Л. Кременцова, вышедшие еще в последнем десятилетии 20 века; см., например: (Krementsov, 1997; Кременцов, 1994, 1997). Тем не менее, несмотря на популярность термина «сталинская наука» (Stalinist science) в международном научном дискурсе, это выражение представляется не вполне корректным в свете поставленных в данном исследовании задачи изучения истории советской и русской психологии 20 и 21 века, т.е. в период, существенно перекрывающий хронологические рамки жизни Иосифа Сталина. Именно поэтому более предпочтительным для наших текущих задач описания явлений, событий и процессов на протяжении всего послевоенного периода представляется использование выражения «сталинская модель науки».

1950х осуществлялось в основном представителями поколения 1890х-начала 1900х, получившими классическое гимназическое образование дореволюционного образца, включая основательную подготовку в области изучения ряда европейских языков (по преимуществу, немецкого и французского). И напротив, смена поколений в администрировании этой научной дисциплиной в стране состоялась на протяжении 1960х-1970х, когда все ключевые административные посты заняли представители поколения, рожденного во второй половине 1920х-первой половине 1930х. Представители этого поколения зачастую получали школьное образование в годы войны, а их университетское образование и аспирантура проходили, как правило, уже в послевоенный период. Именно в это время они безальтернативно усвоили «сталинскую модель» науки позднего сталинизма, которую они затем в полной мере реализовали в своей административной деятельности по организации науки в стране в 1960е-1980е годы[23].

[23] «Демографический аргумент», подчеркивающий поколенческий разрыв в советской психологии далеко не нов; см., например, (Toulmin, 1978). И вправду, в публикациях, представляющих традицию «репрессировнной науки» в истории психологии, нередко обсуждается разрыв в двух традициях, представленных дореволюционным поколением и советским поколением научных деятелей, или же, по выражению Г.П. Щедровицкого, «разница между людьми того, предшествующего поколения, которые воспитывались в совершенно другой культуре, на совершенно других принципах, и людьми нового поколения, воспитывавшимися уже в 1920–1930-е годы» (Щедровицкий, 2001, pp. 50–51). Таким образом, причиной и социальной подоплекой поколенческого разрыва называется феномен выдвиженчества в Советском Союзе 1920х-1930х; см. характерный пример в (Артемьева, 2011). Тем не менее, анализ карьер наиболее видных советских психологов приводит нас к заключению об ошибочности этого положния; см., например, разбор карьерного становления психологов так называемого «круга Выготского» в довоенный период (Yasnitsky, 2011, 2015c). И в самом деле, список наиболее крупных в научном — и, что гораздо существеннее в контексте данного обсуждения, в административном отношении — психологов второй половины 1940х-1950х включает в себя такие имена как С.Л. Рубинштейн (1889-1960), Д.Н. Узнадзе (1886-1950), К.Н. Корнилов (1879-1957), Б.М. Теплов (1896-1965), А.А. Смирнов (1894-1980), А.Р. Лурия (1902-1977), А.Н. Леонтьев (1903-1979), Г.С. Костюк (1899-1982), Б.Г. Ананьев (1907-1972): за редким исключением и с той или иной поправкой каждого из них можно причислить к «дореволюционному поколению». И тем не менее, поколенческий разрыв все же был, и в ряде публикаций автора этой работы проводится та мысль, что массовый разрыв поколений в руководстве советской психологией состоялся не в период становления сталинизма в 1930х, а значительно позже,

Шестое. Несмотря на центробежные процессы периода перестройки, развал Советского Союза и некоторые попытки реформирования науки в 1990е годы, — не говоря уже о демонтаже сталинизма как политической системы во второй половине 1950х, а затем, к началу 1990х, также и таких существенных образующих элементов этой системы, как государственный террор против населения страны (ликвидирован в середине 1950х), однопартийная система управления, официальная государственная цензура и система номенклатурных назначений (окончательно ликвидированы в начале 1990х)— можно утверждать, что «сталинская модель» пережила период «оттепели» конца 1950х—начала 1960х, умеренного брежневского «нео-сталинизма» второй половины 1960х—начала 1980х, и, с незначительными модификациями более позднего времени, осталась доминирующей моделью в социальной организации науки, а также в ценностной шкале и поведенческой практике российских академических психологов[24]. Именно эта модель в ее

в 1960х-1970х годах. В более развернутом и аргументированном виде этот тезис развернут в (Yasnitsky, 2015b).

[24] Имплицитно это положение рассмотрено на примере исследования популярного представления о так называемом «запрете на Выготского», якобы существовавшего в сталинский период, т.е. приблизительно с 1936 по 1956 годы. Как показал анализ, несмотря на цензуру в отношении тех или иных рукописей и публикаций этого ученого, никакого запрета на упоминание имени, цитирование и публикации работ Выготского так такового в сталинский период в Советском Союзе не было. И напротив, проблематизируя понятие «запрет», авторы приходят к заключению о возможности применения такого понятия к поведенческой практике советских научных деятелей в послевоенный период вплоть до публикации шеститомника работ этого автора в начале 1980х (Fraser & Yasnitsky, 2015). При этом отмечается, что «Собрание сочинений Л.С. Выготского» в шести томах, вышедшее в Советском Союзе в 1982-1984 годах под редакцией М.Г. Ярошевского, было опубликовано с существенными редакторскими искажениями и грубой цензурной правкой текста, которые вынуждают нас ставить под вопрос аутентичность всего этого издания в целом; см. (Mecacci & Yasnitsky, 2011; Van der Veer & Yasnitsky, 2011, 2015a, 2015b; ван дер Веер, 2012; Гольдберг, 2012; Завершнева & Осипов, 2010, 2012; Коул, 2012; Ренатус, 2012; Ясницкий, 2011b, 2012d). В итоге, именна эта неудовлетворенность качеством советских публикаций работ Выготского послевоенного периода—в частности, работ, опубликованных под редакцией М.Г. Ярошевского—обусловила необходимость в новом издательском проекте: так называемом “PsyAnima Полном собрании сочинений Выготского» (Yasnitsky, 2012). Со списком факсимильных изданий, вышедших в издательстве «Наше Всё» можно ознакомиться в Интернете по адресу:

современной реализации и является объектом рассмотрения в данной работе.

«Сталинская модель» в русской психологии: современность, 21 век

Сталинская модель в науке характеризуется не только и не столько ее социальной организацией и органами управления, но в первую очередь системой ценностных ориентаций, повседневных поведенческих механизмов и своеобразным этосом этой науки, которые пронизывают всю систему от ее верха до самого низа. Таким образом, в результате исторического и социологического анализа положения дел в этой дисциплине входе ее исторического развития и современого состояния были выявлены следующие характеристики, которые можно условно сгруппировать в шесть категорий. В крайне сжатом виде их можно описать следующим образом:

1. **Централизация и контроль**

Характерны для всей сталинской системы, в частности, и сталинской модели науки. В рудиментарной форме в настоящее время сохранились в виде таких социальных институтов, как Российская академия наук (РАН) и Высшая аттестационная комиссия (ВАК). Как показывают недавние расследования, проведенные в рамках добровольческого проекта Диссернет, именно эти структуры — в отсутствие социального заказа на государственный контроль над наукой — служат источниками коррупции и, в частности, коммерческой фальсификации диссертаций в Российской Федерации[25]. Другим аспектом

http://psyanimajournal.livejournal.com/3526.html . Информацию об издатель-стве «Наше Всё» см. также в Интернете: http://psyhistorik.livejournal.com/75410.html .

[25] Литература по этому вопросу стремительно растет в последнее время. В качестве примера расследования системной коррупции и фальсификации научных работ в психологии, затрагивающее высшие эшелоны административно-научной иерархии в российской психологии — и, в частности, руководящие и надзорные органы Российской академии образования (РАО), Российского психологического общества (РПО) и Высшей аттестационной комиссии (ВАК) в лице персоналий научных деятелей таких как: - действительный член, академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии и член Президиума РАО А.А. Деркач (см. состав Президиума РАО: http://rusacademedu.ru/akademiya/prezidium-rossijskoj-akademii-obrazovaniya/), - вице-

централизации в науке является современная ситуация, при которой контроль над наукой на том или ином уровне или в том или ином географическом ареале находится в руках одного лица или очень ограниченного числа лиц. Традиционно к управлению психологией в стране допускались выходцы из Московского или Ленинградского (впоследствии: Петербургского) университетов или близко связанные с ними лица. Во многом эта тенденция сохраняется и до наших дней. Так, например, декан факультета психологии Московского университета занимает одновременно ряд ключевых руководящих позиций, которые дают ему непосредственный контроль над значительным сегментом российской академической психологии в административной, исследовательской, публикационной и надзорной областях этой дисциплины.

2. **Клановость**

президент, координатор Попечительского совета и член Президиума РПО С.Л. Кандыбович (см. состав Президиума РПО: http://рпо.рф/гро/structure/prezidium.php) или - кандидаты в члены экспертного совета по педагогике и психологии ВАК И.В. Абакумова, М.Я. Виленский, Л.Г. Лаптев, П.В. Сысоев (см. материалы публикаций Аллы Калабриной в Интернете: http://trv-science.ru/2015/04/07/kandidaty-v-ekspertnye-sovety-vak/ , а тж. список кандидатов в члены экспертного совета по педагогике и психологии ВАК: http://vak.ed.gov.ru/232).

Далеко не полный список обнаруженных психологов-фальсификаторов диссертаций и другие материалы расследования деятельности российских психологов см. в проекте Диссернет в Интернете, например:
http://wiki.dissernet.org/tools/migsu3.html . Некоторые предварительные обобщения в области фальсификации научно-квалификационных работ в России см. в (Rostovtsev, 2015) (текст публикации в Интернете:
http://herb.hse.ru/data/2015/09/24/1075563638/HERB_05_view.pdf#page=17); на русском языке этот текст доступен в Интернете по адресу:
http://www.dissernet.org/publications/herb.htm . В конце этой работы автор приходит к важному заключению: «Оказалось, что в составе редакций многих журналов с низким значением импакт-фактора работают одни и те же персонажи, которые заседают в диссертационных советах, замеченных в масштабных фальсификациях, и одновременно входят в состав соответствующих экспертных советов Высшей Аттестационной Комиссии, которая нередко покрывает деятельность мошенников. Такой троичный паттерн, типичный для работающих фабрик фальшивых диссертаций, неизменно присутствует во всех областях знаний, пораженных эпидемией грубых нарушений академической этики». Из других недавних социологических исследований «рынка диссертаций», коррупции в российской науке и фальсификаций научных исследований в Российской Федерации следует отметить такие публикации, как (Golunov, 2014; Osipian, 2012).

Предопределяется системой найма на работу в области науки в РФ. Так, согласно последним социологическим исследованиям явления так называемого «имбридинга» в системе образования (т.е. найма на работу в учебные и научные заведения выпускников этих же организаций), для российской модели вполне характерной является такая ситуация, когда решение о приеме на работу принимается фактически одним человеком, занимающего должность заведующего кафедрой, либо весьма ограниченным кругом лиц.

Таким образом, создаются все предпосылки для формирования клик и кланов в науке, связанных патрон-клиентскими отношениями и базирующихся на персональной лояльности в значительно большей степени, чем на академической исключительности или заслугах перед научным сообществом. Согласно исследованиям, это ведет к выхолащиванию научного содержания и понижению академического уровня и, соответственно, конкурентоспособности национальной науки на международной арене[26].

3. **Ритуальность**

Определяет современную науку в ее социальном бытовании в РФ. В самом деле, в ситуации, когда поведенческие и дискурсивные ритуалы сталинской поры во многом утратили свой исконный смысл, они, тем не менее, продолжают соблюдаться психологическим сообществом, по инерции и в силу традиции поддерживающим привычные карнавальные ритуалы даже в отсутствие социального запроса на них со стороны власти[27].

4. **Разрыв между теорией и практикой**

Характеризует советскую и постсоветскую психологию, по факту провалившую проект 1920х по объединению теории, эмпирической и прикладной науки на единой марксистской основе[28].

---

[26] О кланах и «имбридинге» в российской науке см., например, в (Sivak & Yudkevich, 2015).

[27] О ритуалах советской науки см. (Kojevnikov, 2004; Krementsov, 1997).

[28] Провал проекта построения «марксистской психологии»и, вопреки публичным и официальным декларациям, фактический отказ от реализации этого проекта в Советском Союзе имплицитно зафиксирован еще в работах С.Л. Рубинштейна 1940х годов; см. (Рубинштейн, 1940, 1946). Тем не менее, несмотря на исключительно редкие попытки

5. **Интеллектуальный и лингвистический изоляционизм**

Является одной из основных характеристик «сталинской модели» середины 1950х годов и ее последующей реализации на практике поколением 1920х-1930х. Основными чертами такого изоляционизма является в первую очередь не отсутствие фактических контактов и обменов между научными сообществами России и стран Запада, а весьма ограниченное владение русскими психологами как языками научной литературы Запада, в т.ч. английским, так и научными традициями и стандартами проведения и презентации (в т.ч. публикации) научных исследований, принятых в западных научных сообществах.

6. **Культизм и агиографичность**

Являются основной формой историографического описания и, по факту, идеологической подоплекой коррумпированной системы найма на работу и поддержания существующего положения вещей в клановой системе психологии в РФ (см. пункт 2, выше). В области историографии науки индикаторами культизма и агиографичности является распространенность нарративов о так называемых «научных школах» в психологии.

Одними из важнейших инструментов создания (и, потому, симптомов для идентификации) агиографии в историографии науки являются:

(а) героизация исторического прошлого,

(б) эмоциональность и этическая оценочность описания, нередко с

постановки вопроса о подлинно марксистской — в

неразрывном единстве эмпирической, теоретической и прикладной — психологии, в СССР эта задача в послевоенный период так поставлена и не была. Характерную иллюстрацию такого положения дел можно найти в резком критическом заявлении Л.И. Божович начала 1970х годов, сделанном в адрес самопровозглашенного «основателя марксистской психологии в СССР» А.Н. Леонтьева: «Вообще в концепции Леонтьева, так же как и в рассуждениях многих других психологов, оказался вынесенным за скобки анализ собственно психологического процесса развития потребностей, то есть процесса их переходав качественно новые формы. Эту проблему он пытается разрешить в абстрактно-теоретическом плане, прибегая к данным истмата [то есть исторического материализма] там, где ему не хватает конкретных психологических данных. И это понятно, так как экспериментальных исследований в этой области, на результаты которых он мог бы опереться, еще очень мало» (Божович, 1972, p. 14).

активным использованием пропагандистских и милитаристских языковых средств,

(в) бинарная поляризация исторических персонажей на «силы добра» и «силы зла» и изображение исторического процесса как борьба одних сил с другими,

(г) демонизация «зла» и зачастую виктимизация сил «добра», которые вполне в традиции средневекового канона Жития святых (т.е., собственно, Агиографии) изображаются как «мученики» и «невинные жертвы» преследований[29].

Заключение

В заключение можно высказать предположение, что «сталинская модель», доминирующая в современной русской науке, в частности, психологии, является существенным препятствием на пути к дальнейшему эффективному ее развитию в современных условиях и что фундаментальная реформа не только социального уклада, но и традиций историографии русской психологии насущно необходимы.

Библиографический список:

Allik J. Do primitive people have illusions? // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2013. № 6(3). С. 40–42.

Fraser J., Yasnitsky A. Deconstructing Vygotsky's Victimization Narrative: A Re-Examination of the "Stalinist Suppression" of Vygotskian Theory // History of the Human Sciences. 2015. №28(2). С. 128–153.

Golunov S. The Elephant in the Room: Corruption and Cheating in Russian Universities. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2014.

Kojevnikov A.B. Stalin's Great Science. The Times and Adventures of Soviet Physicists. London: Imperial College Press, 2004.

Krementsov N. Stalinist science. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Lamdan E. Who had illusions? Alexander R. Luria's Central Asian

[29] Кое-какие иллюстрации и обсуждение феномена «научной агиографии» можно найти в (Дмитриев, 2012).

experiments on optical illusions // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2013. № 6(3). С. 66–76.

Lamdan E., Yasnitsky A. “Back to the future”: toward Luria’s holistic cultural science of human brain and mind in a historical study of mental retardation // Frontiers in Human Neuroscience. 2013. № 7. С. 509.

Lamdan E., Yasnitsky A. (2015). Did Uzbeks have illusions? The Luria—Koffka controversy of 1932 // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies. / Eds. A. Yasnitsky, R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2015. С. 175–200.

Mecacci L., Yasnitsky A. Editorial changes in the three Russian editions of Vygotsky’s “Thinking and Speech” (1934, 1956, 1982): Towards authoritative and ultimate English translation of the book // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2011. №4(4). С. 159–187.

Osipian A.L. Economics of corruption in doctoral education: The dissertations market. Economics of Education Review. 2012. №31(1). С. 76–83.

Proctor H. Kurt Koffka and the Expedition to Central Asia // PsyAnima. Dubna Psychological Journal. 2013. №6(3). С. 43–52.

Rostovtsev A. Some Observations on the Subject of Dissertation Fraud in Russia // Higher Education in Russia and Beyond. 2015. №5. С. 17–18.

Sivak E., Yudkevich M. (2015). Academic Immobility and Inbreeding in Russian Universities // Academic Inbreeding and Mobility in Higher Education. Global Perspectives / Eds. M. Yudkevich, P. G. Altbach, L. E. Rumbley. Palgrave Macmillan, 2015. С. 130–155

Toulmin S. The Mozart of psychology. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes by L.S. Vygotsky, edited by Michael Cole, by Vera John-Steiner, by Sylvia Scribner, by Ellen Souberman, The Psychology of Art by L.S. Vygotsky, Soviet Developmental Psychology: An Anthology edited by Michael Cole // The New York Review of Books. 1978. №25(14). С. 51–57.

Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky in English: What still needs to be done. Integrative Psychological and Behavioral Science. 2011. №45 (4). С. 475–493.

Van der Veer R., Yasnitsky A. (2015a). Translating Vygotsky: Some problems of transnational Vygotskian science // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / Eds. A. Yasnitsky, R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2015. С. 143–174

Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky the Published: Who wrote Vygotsky and what Vygotsky actually wrote // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / Eds. A. Yasnitsky, R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2015. С. 73–93

Yasnitsky A. Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2011. №45(4). С. 422–457.

Yasnitsky A. The Complete Works of L.S. Vygotsky: PsyAnima Complete Vygotsky project // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2012. №5(3). С. 144–148.

Yasnitsky A. A transnational history of “the beginning of a beautiful friendship”: The birth of cultural-historical gestalt psychology of Alexander Luria, Kurt Lewin, Lev Vygotsky, and Others // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / Eds. A. Yasnitsky, R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2015. С. 201-226.

Yasnitsky A. The archetype of Soviet psychology: From Stalinism of the 1930s to the “Stalinist science” of our days // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / Eds. A. Yasnitsky, R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2015. С. 3-26.

Yasnitsky A. Unity in diversity: Vygotsky-Luria Circle as an informal personal network of scholars // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / Eds. A. Yasnitsky, R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2015. С. 27-49.

Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / Eds. Yasnitsky A., Van der Veer R. London & New York: Routledge, 2015.

Артемьева, О. А. (2011). Был ли симбиоз? (По поводу статьи А. Ясницкого “Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920 - 1930-х гг.”). Вопросы психологии, (5), 101–110.

Байфорд, Э. (2015). Понятия субнормы и патологии в истории российской науки о ребенке. Вопросы психологии, (1), 110–122.

Божович, Л. И. (1972). Изучение мотивации поведения детей и подростков. In Л. И. Божович & Л. В. Благонадежина (Eds.), Проблема развития мотивационной сферы ребенка (pp. 7–44). Москва: Педагогика.

Ван дер Веер, Р. (2012). Рукописи не горят, не так ли? Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», (1), 139–144.

Гольдберг, Э. (2012). «Спасибо за эти замечательные материалы – очень интересно». Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», (1), 121–123.

Гончаров, О. А. (2013). Комментарий к статье А. Ясницкого «Курт Коффка: “У узбеков ЕСТЬ иллюзий!” Заочная полемика между Лурией и Коффкой». Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», (3), 26–32.

Дмитриев, А. Н. (2012). “Ученый совет при Чингисхане”: поэтика и риторика постсоветского академического мемуара. Труды Русской антропологической школы, 11, 80–100.

Завершнева, Е., & Осипов, М. (2010). Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л.С. Выготского. Вопросы психологии, (1), 92—103.

Завершнева, Е., & Осипов, М. (2012). Сравнительный анализ рукописи “(Исторический) Смысл психологического кризиса” и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания сочинений Л.С. Выготского (1982) под редакцией М.Г. Ярошевского. Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», (3), 41–72.

Коул, М. (2012). Комментарии к предыдущим комментариям. Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», (1), 128–132.

Кременцов, Н. Л. (1994). Равнение на ВАСХНИЛ. In М. Г. Ярошевский (Ed.), Репрессированная наука. Выпуск 2 (pp. 83–96). СПб.: Наука.

Кременцов, Н. Л. (1997). Принцип конкурентного исключения. In Э. И. Колчинский (Ed.), На переломе: советская биология в 20-х -- 30-х гг. Вып. 1 (pp. 107–164). СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН.

Ламдан, Э. (2013). У кого были иллюзии? Среднеазиатские эксперименты А.Р. Лурии с оптическими иллюзиями. Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», (3), 53–65.

Ренатус. (2012). «Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста...». Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека

«Дубна», (1), 114–117.

Рубинштейн, С. Л. (1940). Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР.

Рубинштейн, С. Л. (1946). Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.

Щедровицкий, Г. П. (2001). Я всегда был идеалистом... Москва: Путь. 13

Ясницкий, А. (2010). Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-30-х гг. Вопросы психологии, (3), 101–112.

Ясницкий, А. (2011a). Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт-экспорт» в науке и власть. Вопросы психологии, (6), 108–121.

Ясницкий, А. (2011b). «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского. Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», (4), 1–52.

Ясницкий, А. (2011c). Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920-30-х годов. Вопросы психологии, (1), 124–136.

Ясницкий, А. (2012a). Изоляционизм советской психологии? Интеллектуальная история как миграция, трансформация и циркуляция идей. Вопросы психологии, (2), 66–79.

Ясницкий, А. (2012b). Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии. Вопросы психологии, (1), 100–112.

Ясницкий, А. (2012c). К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», (1), 60–97.

Ясницкий, А. (2012d). “Орудие и знак в развитии ребенка”: Самая известная работа Л.С. Выготского, которую он никогда не писал. Методология и история психологии, 7(2).

Ясницкий, А. (2012e). Реконструкция поездки А.Р. Лурии на IX Международный психологический конгресс. Вопросы психологии, (4), 86–93.

Ясницкий, А. (2013). Курт Коффка: “У узбеков ЕСТЬ иллюзий!” Заочная полемика между Лурией и Коффкой. Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», (3), 1–25.

Ясницкий, А. (2015). Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX века. In А. Н. Дмитриев & И. М. Савельева (Eds.), Науки о человеке: история дисциплин (pp. 299–329). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Ясницкий, А. / Yasnitsky, A., H. (2013). Среднеазиатские психологические экспедиции. Хроника событий в письмах и документах / Psychological expeditions of 1931-1932 to Central Asia. Chronicle of events in letters and documents. PsyAnima, Dubna Psychological Journal, 6(3), 114–166.

Ясницкий, А., & Завершнева, Е. (2009). Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики. Новое литературное обозрение, (100), 334–355.

– ● –

Первичное размещение публикации:

1. Ясницкий А. [Yasnitsky, A.] (2015). Сталинская модель науки: история и современность российской психологии [Stalin model of science: The history and the state of the art of contemporary Russian psychology] // Доклад на конференции "Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии". С.-Петербург, 20-22 октября 2015.

– ● –

Jasnickij A. Stalinskaja model' nauki: istorija i sovremennost' rossijskoj psihologii /A. Jasnickij // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

– ● –

Abstract. This study is based on a series of revolutionary research and recent publications, which laid the basis for future comparative disciplinary histo-

ry of psychology in Russia of pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods. It seems appropriate in compressed form to bring some results of these studies in the first part of this work, and then, in its second part, we discuss the "Stalinist model of science" in its actual implementation in the contemporary Russian psychology of the 21st century. In conclusion, it is suggested that the "Stalinist model", which dominates in modern Russian science, including psychology, is a significant obstacle to its further effective development in the present conditions and that fundamental reform not only of social order but also of the traditions of historiography of Russian psychology is urgently needed.

Keywords: history of psychology, Soviet psychology, Russian psychology, Stalinist model of science.

– ● –

Сведения об авторе.

Антон **Ясницкий** [Anton Yasnitsky], PhD. (Psyhology), независимый исследователь истории российской психологии (Торонто, Канада).

© А. Ясницкий, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.12.2015.

– ● –

УДК 159.9

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ: ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

А. Ясницкий (Торонто, Канада).

Аннотация. Автор приглашает к обсуждению собственной статьи по истории советской и российской психологии «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии». Представлены письма, в которых автор предлагает организовать научную дискуссию по теме.

Ключевые слова: приглашение, дискуссия, история российской психологии, история советской психологии.

Письмо №1

Уважаемые коллеги,

В первую очередь, приношу свои искренние извинения за групповое письмо: такие вещи делать очень плохо, я знаю. Еще раз извините. Далее.

Я глубоко признателен организаторам конференции "Ананьевские чтения-2015" за приглашение, но, к моему сожалению, не смогу принять участие в этом замечательном научном форуме в городе на берегах Невы. Мой доклад, озаглавленный – «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» - будет каким-либо образом озвучен на заседании секции по истории психологии. Тем не менее, какие-то вещи там, наверное, будут плохо восприняты на слух, а потому см. полный текст доклада ПЛЮС сноски с комментариями и библиографией, которые, а думаю, помогут лучше разобраться в полете мысли автора. Предвижу вопросы и/или комментарии читателей и/или слушателей, а потому от всей души приглашаю к дальнейшему обсуждению доклада - в той или иной доступной нам всем форме. Например, в виде электронной переписки.

И еще. Говорят, не надо, как говорится, "выметать сор из избы", и, действительно, такова практика в самых консервативных, застойных и изоляционистских областях знания, к которым историография отечественной науки безусловно не принадлежит. А потому я взял на себя смелость отправить этот текст еще и ряду наших коллег за пределами нашей гильдии, т.е. истории психологии -- историкам, социологам, администраторам науки и образования и др. (hey guys:) !), которые могут заинтересоваться этим текстом доклада и/или нашим последующим его обсуждением. Еще раз: мои искреннейшие извинения всем тем, кому это не интересно или кто считает, что письмо попало к нему не по адресу: перед прочтением delete :). А с другой стороны, приглашаю вас поделиться этим текстом с любыми лицами, которые, по вашему мнению, могут им заинтересоваться и/или захотеть принять участие в конструктивном его обсуждении.

На этом прощаюсь и с нескрываемым интересом жду реакции и последующей дискуссии :).

Всем всего наилучшего,

Антон.

Письмо №2

Уважаемые коллеги,

Мы продолжаем с вами наше интереснейшее обсуждение "сталинской модели науки" в современной психологии в России, а потому мои искреннейшие сожаления за еще одно групповое письмо всем тем, кто считает, что это письмо пришло не по адресу, а еще более искренние сожаления -- всем тем, кому это сообщение было бы интересно, но не был включен в число получателей этого письма. Буду рад, если это письмо в конечном счете будет доступно всем, заинтересованным в этой дискуссии, а потому призываю актуальных получателей этого письма без ограничений его распространять и пересылать его всем потенциально заинтересованным лицам: научным администраторам, экспертам, авторам и исследователям.

Спасибо Вам, Наталья, за Ваше сегодняшнее письмо[30], озаглавленное "наше мнение" (*см. ниже*). Это очень интересный и информативный текст. Я прочитал его с нескрываемым интересом, более того, - с большим удовольствием, и расцениваю его как прекрасное подтверждение верности и замечательную иллюстрацию доминирующей "модели сталинской науки" в ее современном бытовании в русскоязычном научном сообществе. Еще раз спасибо!

В то же время я испытываю и некоторое разочарование от той легкости, с которой заявленная "сталинская модель науки" нашла свое подтверждение в этом коллективно-анонимном тексте: начиная с его содержания и закачивания жанром "коллективного письма". И в самом деле, еще с поры моего интереса к политическим процессам 1930х в Советском Союзе я с определенным скептицизмом отношусь к самому жанру коллективных писем; скажем, пример такого письма, за подписями замечательных русских и советских ученых таких как Академик Л.А.Орбели, академик А.А.Ухтомский, проф. П.Анохин, проф. А.Иванов-Смоленский, проф. Н.Проппер-Гращенков, проф. И.Разенков, проф. С.Саркисов, проф. Э.Асратян, и мн. др. - опубликованного в газете Правда за 5 марта 1938 года под заглавием ЧУДОВИЩНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (Из резолюции третьего совещания по физиологическим проблемам Академии наук СССР и Всесоюзного института экспериментальной медицины), см. по ссылке здесь: http://www.oldgazette.ru/pravda/05031938/text1.html

Я всегда считал, - и продолжаю считать и сейчас, - что коллективного "нашего мнения" не может существовать как такового и что любое кажущееся - или заявляемое - коллективное единомыслие на самом деле распадается на сравнительно нестройный хор (а то и несвязанный шум) индивидуальных и несходных голосов. Как вспоминал в своей замечательной Нобелевской премии наш общий земляк, поэт Иосиф Бродский, цитируя другого поэта и другого нашего замечательного земляка и говоря о смысле индивидуального человеческого существования, - обретение "лица необщего выраженья". Если вдруг кто пропустил или подзабыл этот чудесный текст, найти его можно здесь:

[30] К сожалению, это письмо не будет здесь опубликовано, т.к. его автор не дал нам согласия на его публикацию. Другие участники опубликованы [1] (прим. ред.).

http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt

Итак, от слов к делу: что я предлагаю конкретно? Я обращаюсь в этом месте конкретно - к историкам, социологам, психологам, философам, филологам, научным администраторам, экспертам и, в частности, к нашим большим друзьям и партнерам, горячо нами всеми любимым активистам волонтерского движения Диссернет, которые - несмотря на ряд прекрасных и бесценных находок; см., напр., здесь: wiki.dissernet.org/tools/migsu3.html или, из совсем недавнего, но не менее прекрасного, здесь: http://www.dissernet.org/expertise/suratli2011.htm - до сих пор как-то все же обделяли нас, психологов, своим вниманием, что глубоко несправедливо и по-человечески обидно.

К слову, уважаемые коллеги-психологи, позволю себе несколько отвлечься от основной темы: спешу поделиться воистину радостной новостью! Буквально на днях было впервые принято историческое решение о лишении звания кандидата психологических наук за плагиат и преступление против общепринятых этических норм науки: см. http://www.dissernet.org/publications/chronica_torop4enkova.htm

Подробности и обстоятельства преступления зафиксированы здесь:

http://www.dissernet.org/expertise/toropchenkovanl2011.htm

Это ли не прекрасно?! Это событие, безусловно, важнейший исторический прецедент в сегменте психологических наук, который, думается, станет первым, но далеко не последним в ряду последующих мероприятий такого же рода, которые, в конечном счете, и помогут нам в конце концов преодолеть "сталинскую модель науки" в современной психологии как научной дисциплине, общественной практике и системе ценностных ориентаций конкретных научных деятелей.

Итак, возвращаюсь к основной теме сообщения. Я предлагаю представителям научного сообщества открыто и активно принять вызов, имплицитно содержащийся в <…> тексте под названием «**Сталинская модель науки: история и современность российской психологии»**[31] и принять участие в критическом обсуждении положений этого текста, в обсуждении, не ограниченном узкой клановой группой внутри корпорации "историков отечественной науки/психологии". О клановой лояльности,

[31] Данная статья опубликована в данном сборнике на стр. 403 [2].

научных корпорациях и, в особенности, об их логическом основании -- явлении "инбридинга" в науке см. недавние работы ведущего отечественного исследователя образования и науки, проректора Высшей школы экономики (ВШЭ) в Москве М.М.Юдкевич, ее коллег и единомышленников.

При этом изначально выдвигается ряд условий к такому обсуждению, которое должно быть:

1. **Открытым**: то есть кросс-дисциплинарным и диалогичным, а не односторонним, кулуарным и внутрикорпоративным

2. **Индивидуальным**: то есть от лица известных конкретных авторов, а не анонимным и "коллективным"

3. **Рациональным** и **критическим**: то есть основанным на логических аргументах, документальном материале и разуме, а не чувствах, убеждениях, мифах и преданиях, идеологемах и пропагандистских штампах :)

4. **Публичным**. Это означает то, что как сам заявленный здесь для обсуждения сжатый текст доклада на конференции (или какая-то модификация его) равно как и все последующие индивидуальные авторские критические комментарии должны быть опубликованы в одном из научных периодических изданий по психологии, философии, социологии или истории. При этом по завершении дискуссии автору доклада должна быть предоставлена возможность ответной публикации с ответом и комментариями на индивидуальные комментарии конкретных авторов.

Последнее. Реализация предложенного здесь проекта дискуссии с неизбежностью требует привлечения административного ресурса, к которому у меня лично доступа нет. Более того, в настоящее время я основательно вовлечен в ряд публикационных проектов на разных языках, но все они неизменно за рамками русскоязычного сегмента научных публикаций. Из этого следует, что реализация данного проекта возможна лишь при активном участии заинтересованных сторон и лиц внутри Российской Федерации. Разумеется, мы можем подумать и о реализации данного проекта в одном из профильных журналов на английском языке, но это будет уже несколько иной проект и, скорей всего, при участии несколько иного круга авторов. Так или иначе, я с большим энтузиазмом

откликнусь на инициативу реализации этого проекта на русском языке силами российских и восточноевропейских авторов и с нескрываемым удовольствием приму в нем свое посильное участие.

Конструктивное, критическое и продуктивное обсуждение заявленной здесь темы несомненно пойдет на пользу современной науке и, думается, станет одним из важнейших шагов на пути к преодолению консервативно-традиционалистской, изоляционистской и великодержавной "сталинской модели науке" в современной психологии и смежных дисциплинах.

Всем спасибо за внимание и удачи в реализации наших начинаний!

С интересом жду дальнейшего развития событий.

Антон.

Библиографические ссылки:

1. ***Костригин А.А., Мироненко И.А., Чупров Л.Ф.*** Дискуссия по статье А. Ясницкого «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» // // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4; URL: pem.esrae.ru/9-98

2. ***Ясницкий А.*** Сталинская модель науки: история и современность российской психологии // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4; URL: pem.esrae.ru/8-74

– ● –

Jasnickij A. Priglashenie k diskussii: istorija sovetskoj i rossijskoj psihologii/ A. Jasnickij // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

– ● –

Invitation to the debate: history of Soviet and Russian psychology

Yasnitsky A.
Toronto, Canada

Abstract. The author invites to discuss his article on the history of Soviet and Russian psychology "Stalinist model of science: history and state of the art of Russian psychology." Letters in which the author offers to organize a scientific discussion on the subject are presented.

Keywords: invitation, discussion, history of Russian psychology, history of Soviet psychology.

– ● –

Сведения об авторе.

Антон **Ясницкий** [Anton Yasnitsky], PhD. (Psyhology), независимый исследователь истории российской психологии (Торонто, Канада).

Anton **Yasnitsky**, Ph.D. (Psychology), Independent Researcher of History of Russian Psychology (Canada).

– ● –

© А. Ясницкий, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.12.2015.

– ● –

УДК 159.9

ДИСКУССИЯ ПО СТАТЬЕ А. ЯНИЦКОГО «СТАЛИНСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»

Костригин А.А.[1], **Мироненко И.А.**[2], **Чупров Л.Ф.**[3]

[1]Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

[2]Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

[3]Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири (Черногорск, Россия)

Резюме. Представлена дискуссия по статье А. Ясницкого об истории советской психологии и современном состоянии российской психологии. Приведены комментарии специалистов по проблематике статьи.

Ключевые слова: история психологии, советская психология, российская психология, история науки, Сталинская модель науки, научная дискуссия.

История российской, в особенности, советской психологии является сложной и противоречивой. Многое в этом историческом процессе определялось не только научными, философскими, мировоззренческими факторами, но и идеологическими, политическими и социальными. Важность понимания основ советской психологии необходимо для точного осознания современной научной ситуации, т.к. психология в современной России является также и преемницей советской науки.

О том, что ответы на вопросы современной науки находятся в ее истории, писал Д. Робинсон в своей «Интеллектуальной истории психологии»: «Когда в девятнадцатом веке методология отделилась от метафизики, главные черты того, что мы относим к «современной психологии», были уже налицо. Таким образом, мы всего лишь выполняем программу, выдвинутую психологией девятнадцатого столетия» [4, С. 28].

Перефразируя классика, можно сказать, что и сегодня на нас оказывают влияние те программы психологии, которые были выдвинуты в двадцатом веке. В том числе, и методологией советской психологии.

Далее будет представлена дискуссия по статье А. Ясницкого «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» [8]. Идея о данном обсуждении зародилась из переписки А. Ясницкого с российскими коллегами. Необходимо отметить, что здесь приводится только часть обсуждения. Редакционная коллегия выражает благодарность и признательность авторам, что они разрешили довести основное содержание "дискуссии в письмах" до других коллег, которые станут читателями материалов настоящей конференции.

Комментарий И.А. Мироненко.

Господин Ясницкий,

Я была в числе участников секции Ананьевских чтений, на которую Вас пригласили, и потому считаю себя обязанной откликнуться на Ваш призыв обсудить присланный Вами материал.

Полностью принимая сформулированные Вами условия к обсуждению, которое должно быть, в частности, «Рациональным и критическим: то есть основанным на логических аргументах, документальном материале и разуме, а не чувствах, убеждениях, мифах и преданиях, идеологемах и пропагандистских штампах :)», я прошу Вас прояснить ряд моментов в отношении первой части Вашего текста.

Вы начинаете с того, что Ваше исследование «опирается на серию революционных исследований и публикаций последнего времени, в которых была заложена основа будущей сравнительной дисциплинарной истории психологии в России досоветского, советского и постсоветского периодов», и на основе этого утверждения формулируете, не приводя далее содержательных аргументов, шесть положений о состоянии психологической науки в России на протяжении XX века. Однако источники, на которые Вы ссылаетесь, не исчерпывают заслуживающих внимания работ по истории психологии в России. Так, Вы вообще не упоминаете многолетние фундаментальные исследования ИП РАН, характерной чертой которых как раз является опора на огромный документальный, фактический, материал, работа с первоисточниками, и

стремление к научной честности и непредвзятости, к отсутствию тех «идеологем и пропагандистских штампов», которыми - простите и согласитесь со мной - грешит и Ваш текст. (Но еще Бэкон писал, что «наука смотрит на мир глазами, затуманенными всеми страстями человечества»).

Среди исследований ИП РАН, прежде всего, назову фундаментальную монографию «Психологическая наука в России XX столетия», под редакцией Брушлинского, работы В.А. Кольцовой и других сотрудников лаборатории истории психологии, всегда опирающиеся на огромный фактический материал. Предлагаемая Вами трактовка истории психологии в России существенно отличается от предлагаемой в этих и в других опубликованных российскими (и не только российскими) авторами работах. Отсутствуют и ссылки на работы таких мэтров российской истории психологии о ее развитии в XX веке, как А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский.

Отсутствие Вашего внимания к столь существенной части контекста истории психологии в России заслуживает разъяснений.

Приглашая нас к дискуссии, проясните свою позицию в контексте положений, с которыми уже выступили наши и Ваши уважаемые коллеги, уже сложившихся в дисциплине трактовок. В чем новизна, отличия и какова обоснованность Ваших положений, которые должны стать основой «будущей сравнительной дисциплинарной истории психологии в России досоветского, советского и постсоветского периодов»?

Без аргументации, без разъяснения, какие факты и на каком основании Вы трактуете соответствующим образом, Ваши шесть положений остаются голословными заявлениями, как их обсуждать в жанре научной дискуссии?

В частности и, в особенности, в отношении Вашего первого тезиса, о дореволюционном развитии психологии в России. Этот период и его значимость сейчас активно обсуждаются российскими психологами, прежде всего в контексте развития современной христианской психологии. Современными авторами (см., например, Кольцова) написаны тома об этом периоде. Вы их работы просто игнорируете.

И признаюсь, что фраза «Дореволюционная психология в России была неоригинальна и следовала за современной западной

психологической наукой того времени», вызвала у меня не только непосредственную реакцию детской обиды, как, наверное, у любого психолога, считающего себя принадлежащим к российской школе, но и чувство неловкости от участия в ситуации, где происходит что-то не совсем приличное. Понятие неоригинальности в науке и обвинения в неоригинальности, насколько я могу судить, появлялись только в ситуациях достаточно печальных, когда даже очень уважаемые ученые (как, например, Павлов и Бехтерев, о чем замечательно пишет Д.Тодес), действовали под влиянием страстей не самых благородных, обвиняя друг друга в этой самой «неоригинальности». Можно ли сформулировать «рациональные и критические» критерии неоригинальности в науке? Что Вы имеете ввиду? Если отсутствие своеобразия – отрицать его нелепо, как и в целом отрицать культурное своеобразие России. Что тогда?

И еще один вопрос: сталинская модель в России распространялась на все науки, в том числе математику, физику и пр.? Как все-таки связаны в Вашей модели истории науки «социальная» и «когнитивная» истории, если точнее и определеннее сформулировать? Эта связь, наверное, и сеть тот «имплицитный вызов», о котором Вы говорите в письме. Давайте обсудим это эксплицитно.

Что касается второй части Вашего текста, о положении в Российской психологии в 21 веке, на мой взгляд, оно обсуждается уже давно, блестяще проанализировано в работах А.В.Юревича, на которые Вы не ссылаетесь. В этой части я не вижу ни оригинальности предлагаемого Вами подхода, ни его конструктивности…..

Комментарий Л.Ф. Чупрова

Я вошел в среду преподавателей психологии в провинциальном педагогическом ВУЗе в 1980 г., а уже в 1982 целых полгода был на курсах повышения квалификации ИПК АПН СССР в Москве. Тогда мне представилась исключительнейшая возможность общаться с коллегами преподавателями из многих регионов РСФСР, Украинской ССР, Узбекской ССР. Естественно, и с преподавателями курсов из Москвы, с сотрудниками НИИ дефектологии АПН СССР, ученицей Л.С. Выготского, профессором М.С. Певзнер и с некоторыми из тогда еще здравствующих учениц Л.С. Выготского [7]. У меня было, что наблюдать и что сравнивать. Вывод же

лежал на поверхности: Союз большой и уровень научной, теоретической и прикладной подготовленности психологов периферии весьма отличался от таковой у московских коллег. Многие провинциалы так читали лекции по психологии и проводили семинарские и лабораторно-практические, что даже не удосуживались обратить внимание на имя и отчество автора монографии, учебника или статьи в хрестоматии. В этой связи могу рассказать забавный случай, произошедший с одним из наших абаканских психологов. Он учился на курсах ИПК годом раньше меня. В свободное от занятий время пришел в МГУ на психфак. Посмотрел на расписание: «Б.В. Зейгарник. Патопсихология» ауд. №. Знакомая фамилия. Посмотрел на часы - успевает. Зашел в аудиторию, сел на самой галерке амфитеатра. Ждет, когда же лекция начнется. Время уже давно бы лектору придти, а вместо него какая-то маленькая лысая старушка что-то рассказывает. Решил спросить у студента: «Когда Борис Васильевич читать будет. Он что всегда так опаздывает?». Студент недоумевает, какой такой Борис Васильевич? Тогда наш провинциальный ассистент просвещает «некомпетентного» студента: «Как какой, молодой человек, Зейгарник». Студент в трех-четырех словах ему объясняет, что Блюма Вульфовна Зейгарник уже читает лекцию, на нашего «просвещенного» ассистента-психолога нападает истерический смех и ему приходится покинуть аудиторию.

Я не совсем согласен с Ириной Мироненко. Ставить в один ряд науки, обслуживающие оборонку и гуманитарные, ориентированные, на «Ах, боже мой! Что станет говорить Княгиня Марья Алексевна!» (с) не совсем корректно. В период сталинизма рукою Иосифа Виссарионовича (или его «научных негров») подвергались правке и языкознание, и политическая экономия. На психологию же возлагалась задача по воспитанию нового поколения, как и на педагогику. Правда, последняя хорошо обходилась без психологии. Помнится, прочитал я ак. Столетова. Я был поражен. Он о Выготском рассуждает на уровне ОБС.

Но я бы хотел заострить внимание на тезисе, что Л.С. Выготского не издавали. Думаю, как «внучатый последователь научной школы Л.С. Выготского» имею право узурпировать эти полномочия. Да его действительно мало издавали до времен «хрущевской оттепели». Тем не менее, его книги увидели свет. Да, 6-ти томное издание вышло только

после аналогичного «купированного» зарубежного издания [6]. Но оно вышло. Вряд ли могли в СССР выходить труды кого-либо, кто также, как и Лев Семенович, имел ярлык «педолога» в энциклопедиях и специальных словарях. И заметьте, в составе редакционных коллегий этих словарей и энциклопедий были весьма уважаемые и почитаемые светила психологической науки [6]. И, тем не менее, выходили. Ну, ни как полное собрание сочинений И.П. Павлова. Разве, что только А.Р. Лурия мог уступать по публикуемости Л.С. Выготскому, а Лев Семенович, И.П. Павлову. В.М. Бехтерев (1857 - 1927) увидел свет со своей «Коллективной рефлексологией» только в годы перестройки, а К. Н. Корнилов (1879—1957) же вообще лично мне известен по букинистическому изданию.

МОДЕЛЬ.

Попробуем рассмотреть саму модель. Некоторые из звеньев.

1. **Централизация и контроль**

А кто-то пытается отрицать, что контроль был жутким? Старые преподаватели психологии (я имею больший опыт общения с удаленными от центра регионами) рассказывали, что на лекциях в ВУЗах присутствовали в их время (а их пенсионный возраст наступил уже в 85-90гг.) стенографистки. На периферии, в большинстве случаев, существовало только преподавание психологии. Известно, что транслировать чужие мысли может любой, умеющий читать и говорить, поэтому долгое время так и бытовало представление, что психологию может преподавать любой [4]. Чаще всего, не смотря на наличие иного базового образования, именно представители из кланов высшего (в региональном смысле) партийно-хозяйственного актива и были «ведущими» психологами. За все свое время обучения и в медицинском институте и в педагогическом я не встретил ни одного выпускника психфака. Уже работая в Абаканском государственном педагогическом институте, я впервые встретил в наших краях двух выпускников психфаков. Но, ни выпускник психологического факультета Ростова-на–Дону, ни выпускница ЛГУ им. А.А. Жданова не смогли устроиться или долго задержаться на преподавательской должности в АГПИ. Проверкой «годности» психологических кадров было распоряжение об обязательной работе преподавателей психолого-педагогических кафедр в школе или

ином образовательном учреждении от 1988 г. Я сам распределял своих преподавателей кафедры (тогда как раз открыл кафедру психологии в АГПИ). Не задержались. Самое большое - полгода «воздух попинали».

2. **Клановость**. Это явление распространялось на все, престижные по тому времени, специальности: психолог (преподаватель психологических дисциплин), учитель-логопед и, даже, учитель вспомогательной школы. Обладатели соответствующих дипломов ими только обладали, а должности были заняты лицами, приближенными к региональному «ближнему кругу».

4. **Разрыв между теорией и практикой**

Тут даже спорить не надо. В АГПИ и в Хакасии в целом, первые научные публикации по психологии сделал Ваш покорный слуга, начиная с 1982 г. До поступления в московскую очную аспирантуру каждая новая публикация оборачивалась партийным взысканием. Даже работа в школе была поводом для разбора на заседании парторганизации. Спасало меня только то, что я в школе был оформлен как фельдшер.

Москва и Питер – это центры. Здесь есть традиции, есть определенная научная культура, но в провинции, да еще «за камнем, за Уралом» (с) эта модель до сегодняшнего дня существует и поставляет свои метастазы в изначальные психологические центры.

Комментарий А.А. Костригина

В статье А. Ясницкого подняты действительно важные темы. Степень близости науки и государства, абсолютизация прошлых достижений науки и др. Но некоторые моменты могут быть уточнены.

А. Ясницкий отмечает, что дореволюционная психология в России была неоригинальна. Необходимо конкретизировать: какой период имеется ввиду (непосредственно перед революцией или на всем протяжении истории дореволюционной российской психологии), кто был неоригинален, в каких работах, в каких концепциях, кого использовал (или у кого позаимствовал).

Указанное утверждение не полностью соответствует действительности. Например, до сих пор не оценен вклад религиозно-философского направления психологии в XIX в. в психологию сна и сновидений. Профессор Киевской духовной академии Петр Семенович

Авсенев за 30 лет (1810-1852) (1869) [1] до З. Фрейда (1899) высказал идею о том, что сновидение – это желание (а фактически, за 50 лет, т.к. работа П.С. Авсенева была опубликована посмертно на основе его лекций, которые он составил в 1845-1849 г. [1, С. 53]). Были и другие ученые, в большей или меньшей степени оригинальные [5], но они совсем были забыты.

Возможно, А. Ясницкий не ставил задачу подробного изложения этого вопроса. Тогда это можно пояснить в дальнейшей дискуссии.

Заключение

Данные комментарии – начало дискуссии о проблемах истории российской психологии. Редакционная коллегия приглашает к участию всех заинтересованных и неравнодушных к судьбе истории психологии в России специалистов.

Библиографический список:

1. Авсенев П.С. Из записок по психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2008. 335 с.

2. Артемьева О.А. Был ли симбиоз? (По поводу статьи А. Ясницкого “Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920 - 1930-х гг.”) // Вопросы психологии. 2011. №5. С. 101–110.

3. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер с англ.- М.: Политиздат, 1991. – 480 с.

4. Робинсон Д. Интеллектуальная история психологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 568 с.

5. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Отечественные психологи конца XIX - начала XX вв. о снах и сновидениях // Психология и Психотехника. - 2015. - № 1. - С.63-69. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13808

6. Чупров Л.Ф. Закономерная дискуссия // Психологический журнал. - 1984.- Т. 5.- № 2.- С. 121- 122. (Database: PsycINFO).

7. Чупров Л.Ф. Певзнер, Мария Семеновна - штрихи к биографии. // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 4; URL: pem.esrae.ru/5-33

8. Ясницкий А. [Yasnitsky, A.] Сталинская модель науки: история и современность российской психологии [Stalin model of science: The history and the state of the art of contemporary Russian psychology] // Доклад на конференции "Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии". С.-Петербург, 20-22 октября 2015. // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4; URL: pem.esrae.ru/8-74

– ● –

Kostrigin A. A., Mironenko I. A., Chuprov L. F. Diskussija po stat'e A. Jasnickogo «Stalinskaja model' nauki: istorija i sovremennost' rossijskoj psihologii»/A. A. Kostrigin, I. A. Mironenko, L. F. Chuprov // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

– ● –

Abstract. Presents the discussion on article by A. Yasnitsky about the history of Soviet psychology and modern state of Russian psychology. Provides expert comments on the issue of the article.

Keywords: history of psychology, Soviet psychology, Russian psychology, history of science, Stalin's model of science, scientific discussion.

– ● –

Сведения об авторах

Артем Андреевич **Костригин**, ассистент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И Лобачевского, Аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Н.Новгород, Россия).

Ирина Анатольевна **Мироненко**, доктор психологических наук, профессор, кафедры социальной психологии факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Леонид Федорович **Чупров**, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuANH, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия).

© А. А. Костригин, 2015.
© И. А. Мироненко, 2015.
© Л. Ф. Чупров, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 18.12.2015.

– • –

Научный архив

УДК 159.9(075)

ЯЩИК ПАНДОРЫ, ЖАРКИЕ СПОРЫ И, ВРОДЕ, ОБ ЭТИКЕ

Л. Ф. Чупров. *Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия), e-mail: leo-chuprov@yandex.ru*

Резюме. В оргкомитет НК «Золотая Психея» поступило письмо А. Асмолова о заимствованиях в проекте конкурса по итогам 2014 года. В вызванной письмом дискуссии участвовали члены Большого жюри конкурса Т. Базаров и А. Балунов, победитель конкурса С. Нифонтов, участники конкурса М. Бабин и Л. Чупров, автор заимствованных статей А. Поддьяков. Предлагаемая ниже статья была написана по итогам анализа комментариев участников дискуссии.

Ключевые слова: Золотая Психея, этика, текстовые заимствования, дискуссия, плагиат.

Наконец-то жаркие споры и кличи о расправе поутихли [3; 4]. Теперь на холодную голову можно и спокойно поговорить [9].

Собственно, что случилось? Вообще-то, ничего существенного. Просто рядовой участник НК «Золотая Психея» без суда и следствия был обвинен в плагиате, или в компиляции, или в copypaste. В чем неизвестно, но обвинен. Через год после того, как итоги конкурса были уже подведены и все награды розданы. С какой целью был открыт этот Ящик Пандоры, с какой целью были воедино смешаны два разных конкурса? Так и осталось до конца не выяснено. Наверное, чтобы во Всемирной паутине появилась заметка с хлестким названием ««История успеха»: от соискателя «Золотой Психеи» - к клиенту Диссернета»[6]. А «виновник торжества» прогремел на весь русскочитающий мир [8].

Но давайте посмотрим на ситуацию внимательно, без страстей.

Существуют разные варианты научного и методического творчества. Есть первичные научные продукты, есть продукты вторичного плана, а есть и вообще третьего сорта. Диссертация, научная статья, монография – это научная продукция первичного плана и критерии заимствования здесь самые строгие.

Вторичная продукция, к коей относятся учебники, учебные пособия – это вторичный труд. Даже научным его называть стесняются. Так, методическая продукция. Как и всякого рода методички и хрестоматии/альманахи. Их, как правило, пишут, точнее, составляют трудолюбивые писатели-скарабеи. Есть такой жучок, обкатывающий продукты чужого труда.

Третичные – всякого рода тезисы в сборниках, называемых в ученоаспирантском простонародье «братскими могилами», которые никто, кроме самих авторов, и не читает, а также то, что читает даже домохозяйка, порой стоящая у плиты и читающая – научно-популярное нечто.

Но вернемся к учебнику. Учебник не должен содержать ничего нового. Обычно это устоявшиеся сведения, почерпнутые компиляцией из других произведений. Вообще-то по тому ГПК, что действовал в мои годы студенчества, мера заимствования из одного источника для создания нового произведения допускалась - 25 процентов. Достаточно знаний арифметики за начальную школу, чтобы понять, что из 4 источников можно составить новое произведение вторичного характера. Конечно, с приведением ссылки на источник заимствования. Ни о каких откавычиваниях речи не шло. Ещё смешнее откавычивать в хрестоматии. Вы, коллеги, где-нибудь видели, что включенное в хрестоматию произведение начиналось бы кавычкой и ею бы и заканчивалось? А как изложить своими словами в компендиуме мануал психодиагностической методики? Явно получится обыкновенная порча инструмента. Вот если учебник содержит что-то совершенно новое, даже с намеком на авторитет классика, который писал еще в 1844 г. в «Экономическо-философских рукописях», что «сущность человека ни есть абстракт» и т.п., ну, как у защищаемых А.Г. Асмоловым писателей-методистов Никитиных, то такой учебник из обращения изымается [7].

Большинство рассуждало о чести и достоинстве, кто-то предлагал варианты расправы, кто-то даже усмотрел угрозу жизни и здоровью в банальной русской поговорке. Ну, наверное, он не из наших. Не из россиян

или из россиян, долго живших не у нас, и забывших русский язык и образную русскую речь.

Особенно умилила фраза: «Диссернет доказал». Сразу вспомнил студенческие годы и одну нашу преподавательницу философии, что на 40-м году жизни, читая книжку дочурке, наконец-то поняла, что «Мойдодыр» - это целая фраза, а не имя. Диссернет (Вольное сетевое сообщество экспертов) – общественный инструмент для исследования текстов диссертаций в Интернете.

Критерий для нападок был один, что психолог – он и в Африке психолог. Не знаю, как в отношении африканских психологов (не встречал и не читал о них), но вот об успешной частной практике некоторых психологов-шаманов из Хакасии знаю. Как-то прочитал в журнале «Здоровье мира» (скупал в киосках когда-то этот иллюстрированный журнал ВОЗ), что если врач-миссионер не подружится с местным колдуном или однажды плохо отзовется о нем и это разнесется по округе – больных ему из этого племени уже не лечить. А к чему я про это? А к тому, что все дискутанты, что обсуждали вопрос здесь и в ФБ, и рассуждали при этом о «Гамбургском счете», упустили одну немаловажную деталь. Что в каждой системе существует свой «Гамбургский счет». К труду по богословию или по военным наукам нельзя подходить со стандартным лекалом или штангенциркулем для мирян и некоторых в штатском. Я, например, имел доступ к литературе ДСП по психодиагностике из военного ведомства. Что я там видел? Другая традиция написания методических пособий, другая система заимствования и цитирования. Некоторые обратили внимание на какие-то моменты, типа, а не владеет ли «виновник торжества» восточными боевыми искусствами, и выводы сделали, исходя из собственных проекций.

Все моментально зафиксировали плагиат. Да тоже не приняли во внимание одну маленькую такую деталь. Я тут получил возможность прочитать пару статей О.А. Белобрыкиной в соавт.[1; 2]. Так вот в одной из них черным по белому написано буквально следующее: «в сфере гуманитарного познания без прямого цитирования обойтись невозможно, так как в противном случае методологическая основа исследования может оказаться несостоятельной. Кроме того, в требованиях к публикации научных материалов существует исходно заданный алгоритм изложения логики исследования, а это значит, что в условиях проверки текста на «Антиплаги-

ат» количество формулировок, используемых как обязательное «клише», закономерно снизит долю оригинальности авторского текста. Превалирование количественных данных в ущерб качественным характеристикам учебных и научных текстов, проверяемых на наличие заимствований, искажает реальную картину авторского вклада. В этой ситуации многие уникальные авторские тексты, например, Л.С.Выготского «Воображение и его развитие в детском возрасте», С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», В.Н. Дружинина, «Психология способностей», А.С. Арсеньева «Философские основания понимания личности» и многие другие, построенные на развернутом сравнительно-сопоставительном анализе работ отечественных и зарубежных ученых, вряд ли выдержали бы проверку на оригинальность при использовании тех инновационных методов, которые становятся приоритетными на современном этапе развития компьютерных технологий» [2, с. 87]. Почему психолог из Новосибирска это знает и указывает в своих работах по проблеме текстового заимствования, акцентирует на правовых моментах внимание, когда обучает студентов-психологов секретам мастерства экспертизы, а маститые ученые мужи и жены даже не ведают об этом?

Коллеги, вы психологи или судьи? Да, если бы были судьи, то так просто, без соответствующей процедуры, ни одного судебного решения бы все равно не вынесли. Можно сколько угодно представить для зрителя сеток-картинок заимствований, но без специальной кропотливой экспертной работы и акта судебного решения – это так и останется картинкой (если не основанием для привлечения к ответственности за клевету). Хотите источник? Он есть у меня. Там написано, что при использовании программы «Антиплагиат» «Делать выводы о качестве научного исследования только по результатам компьютерной проверки невозможно и неправомерно. Признание «факта плагиата» может быть сделано только в судебном порядке» [5].

Профессия психолога – это не наличие диплома и суммы знаний. Не мастерское жонглирование, подобно фокуснику, терминами и инструментами, а прежде всего это система профессионального мышления и стиль профессиональных отношений. И если психолог вращается в какой-то сфере людской деятельности, он должен учитывать и специфику профессионального общения в этой сфере. Порой та стихия, в которую он

попал, полностью подчиняет его, даже, несмотря на наличие подготовки по профессии, которая обязывает «сеять разумное, вечное, доброе» (Н. А. Некрасов).

Когда-то давно прочитал статью С.Я. Рубинштейн о «психиатрическом ключе». Тогда я не сразу понял, к чему эта статья написана столь знаменитым специалистом. Лишь где-то к середине статьи стало доходить, что статья-то о профессиональной этике и деонтологии, о том, чему современного выпускника психологического факультета, почему-то забывают обучить. Нет орденских профессий без кодекса профессиональных отношений, а профессия психолога, как и врача, – орденская. Но, наверное, психолог МЧС должен отличаться от психолога детского сада, а психолог детского сада от психолога хосписа. Ряд можно продолжать до бесконечности. А это зачем я пишу? Да затем, что другого стиля ответа на такое письмо, где все достижения молодого человека поставлены ему в вину, ожидать, и не следовало: ползать на коленях, уливаясь слезами, для военного психолога как-то не комильфо. Коллеги не поймут.

Выражаю уважение и признательность Тахиру Юсуповичу Базарову за грамотное ведение обсуждения.

Ну, и в заключение.

Поздравляю, коллеги, с событием года! При всех своих эмоциональных издержках – это событие года. Событие года уходящего. С Новым 2016 годом. Чтобы в нем не было таких событий года!

Библиография:

1. Белобрыкина О.А., Клюев В.А., Белобрыкина Е.А. Технология «Антиплагиат» и проблема информационной корректности в образовательной и научной сфере //Вопросы теории и практики гуманитарных исследований: материалы II Международной заочной научно-практической конференции. 05 ноября 2013 г. /гл. ред. Баранов А.С. – Чебоксары: ЦДИП «INet», 2013. – С.40-43.

2. Белобрыкина О.А., Клюев В.А., Белобрыкина Е.А. Программа «Антиплагиат» в условиях профессионального образования и проблемы формирования исследовательской культуры личности // Молодежь и нау-

ка: актуальные проблемы психологии: материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых 11-12 апреля 2014 г. - Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. - С. 84-91.

3. Губанова А. С. К дискуссии о недобросовестных заимствованиях // «Психологическая газета» [Электронный ресурс]. - 30.12.2015; URL: http://psy.su/feed/5157/

4. Дискуссия о заимствованиях в проекте Конкурса «Золотая Психея» // «Психологическая газета» [Электронный ресурс]. - 18.12.2015; URL: http://psy.su/feed/5132/

5. Информационное сообщение Минобрнауки России по вопросам процедур защиты и проверки текстов диссертаций [Электронный ресурс] //Министерство образования и науки Российской Федерации [сайт]. – URL: http://минобрнауки.рф/новости/3281

6. Кудрявцев В.Т. «История успеха»: от соискателя «Золотой Психеи» - к клиенту Диссернета //URL: http://tovievich.ru/news/7153-istoriya-uspeha-ot-soiskatelya-zolotoy-psihei-k-klientu-disserneta.html (Дата обращения: 21.12.2015).

7. «Не надо превращать детей в солдат Урфина Джюса» Психолог Александр Асмолов — о воспитании детей в российских школах //ttps://meduza.io/feature/2015/11/03/ne-nado-prevraschat-detey-v-soldatov-urfina-dzhyusa/ 3 ноября 2015

8. Психологи: на «Золотую Психею» претендует плагиат // ИА REGNUM. - 18 Декабря 2015 - URL: http://regnum.ru/news/innovatio/2039812.html

9. Чупров Л. Ф. Ящик Пандоры, жаркие споры и, вроде, об этике // «Психологическая газета» [Электронный ресурс]. - 28.12.2015. URL: http://psy.su/feed/5145/

– • –

Chuprov L. F. Jashhik Pandory, zharkie spory i, vrode, ob jetike /L. F. Chuprov // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4

– • –

Abstract. The organizing Committee of NC "Golden Psyche" received a letter A. Asmolov borrowing in the project contest 2014. In the letter caused the debate were members of the Grand jury of the contest T. Bazarov and A. Balunov, winner of the S. Nifontov, the participants M. Babin and L. Chuprov, author of borrowed articles A. Poddjakov. Below article was written based on the results of the analysis of comments of the panelists.

Keywords: Golden Psyche, ethics, textual borrowing, discussion, plagiarism.

– ● –

Сведения об авторе

Леонид Федорович **Чупров**, канд. психол. наук, профессор Российской Академии Естествознания (РАЕ, Москва), dr. h. c. mult., полноправный член (Full Member) Европейской Академии Естествознания (EuANH, London), действительный почётный член и главный ученый секретарь МАН (Украина, Киев), главный редактор и учредитель научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Россия, Хакасия, г. Черногорск).

© Л. Ф. Чупров, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 28.12.2015.

– ● –

Вместо послесловия

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Е.И.Головаха. Институт социологии НАН Украины (Киев, Украина)
e-mail: golos100@gmail.com
А.А.Кроник. Институт каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США)
e-mail: Doctors@lifelook.net

Резюме. Лучшим ответом на просьбу редактора о Послесловии была бы новость об обнаружении пропавшего труда Марко Марулича "Psichiologia de ratione animae humanae" [5], который пока, увы, не найден. Чтобы не умножать потери, предлагаем читателю непубликовавшийся ранее наш текст [4]. Он был написан 23 ноября 1986 года для киностудии "Киевнаучфильм" на фоне успеха фильмов [1; 2], снятых по материалам исследований в области психологии времени [3]. Но после Чернобыльской аварии в Киеве стало не до кино, а у соавторов появились новые приоритеты. Так и осталась заявка на сценарий лежать в нашем архиве. Сейчас эта заявка кажется даже более своевременной. Она словно дождалась своего времени - 500-т летнего юбилея понятия "психология" и создает воображаемый экран, на который каждый может спроецировать свои знания и ожидания в области психологии. Ну а если наша заявка поможет кому-либо создать ещё и реальный фильм, то мы искренне желаем успеха этому благородному делу!

Ключевые слова: послесловие, психология, заявка на сценарий.

Заявка на сценарий

В фильме предполагается познакомить зрителя с исключительно интересной и яркой предысторией развития науки психология, с впечатляющим рождением экспериментальной психологии в XIX столетии,

с наиболее выдающимися открытиями психологов в XX веке, с сегодняшними поисками законов психического развития человека в многочисленных лабораториях, оснащённых самой современной аппаратурой, видеотехникой, компьютерами. Известные психологи поделятся своими мыслями о перспективах развития психологии, о путях её превращения в конструктивную область знания, способную решать сложные задачи развития человека в условиях научно-технического прогресса.

История психологии будет показана на основе архивных данных, исторических документов, памятников человеческой культуры. Зритель станет свидетелем споров учёных Древнего Вавилона, Египта, Индии, Греции, Китая о "загадках души", о возможностях предсказания человеческих судеб. Познакомится с их воззрениями на возможности управления человеком своими психическими свойствами и состояниями.

Пройдя через психологический мир Средневековья, Эпохи Возрождения и Нового времени, увидев причудливые теории френологии, физиогномики, графологии, зритель попадёт впервые психологические лаборатории Лейбцига, Казани, Одессы, Петербурга. Узнает о первых экспериментах, в которых изучались особенности восприятия, памяти, мышления, эмоций. Станет очевидцем первых клинических сеансов гипноза - проникновения в глубины человеческой психики, в мир неосознаваемого.

Начало XX столетия**:** первые тесты - измерение интеллекта, личностных качеств; первые психологические тренажёры - психотехника призывает раздвинуть границы возможного в человеческой психике. Экран позволит зрителю самому попытаться решить те тестовые задачи, над которыми ломали головы самые первые испытуемые.

20-30- годы. Фотоматериалы и кинохроника расскажут о рождении советской психологии, у истоков которой было движение за научную организацию труда, революционная педагогика, стремление учёных найти способы формирования и развития психической культуры человека нового общества.

Об открытиях психологии XX столетия расскажут современные психологи, которым мы зададим два вопроса: Самый интересный эксперимент? Самое выдающееся открытие? Ответы зритель не только

услышит, но и увидит - будут продемонстрированы соответствующие эксперименты и факты, приведены малоизвестные биографические материалы об их авторах.

Вместе с психологами, нашими собеседниками, зритель "распахнёт двери" современных психологических лабораторий (нейропсихологии, инженерной, социальной, педагогической психологии, космической психологии, психологии личности и спорта...), войдёт в уютные кабинеты психологической разгрузки в клиниках и промышленных предприятиях, услышит советы и рекомендации психологов-консультантов по вопросам деловой, личной и семейной жизни.

"Какие открытия ждут психологию в третьем тысячелетии?" С мнением психологов-профессионалов по этому поводу создатели фильма познакомят зрителя после серии интервью с непсихологами - людьми разного возраста и профессий (среди них - рабочий и педагог, космонавт и писатель, инженер и известный артист). Они ответят на два вопроса: Каких психологических качеств Вам не хватает? От каких качеств Вы хотели бы избавиться? Так мы узнаем, чего человек ждёт от психологии. А от психологов узнаем, насколько это ожидания совпадают с перспективами развития их науки.

В завершение фильма мы пригласим зрителя в психологическую лабораторию будущего. Здесь – в непривычном для современного взгляда интерьере - психолог-исследователь в творческом сотрудничестве с человеком, пришедшим к нему со своим запросом, создаёт новые средства психологического развития личности.

Библиография: фильмы и литература

1. Интервью с самим собой / Режиссер В.Прокопенко. Киевнаучфильм, 1986.

2. Стрела времени / Режиссер Ю.Беспалов. Горьковская студия телевидения, 1986.

3. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.

4. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психология вчера, сегодня и завтра //Заявка на сценарий научно-популярного фильма, 6 частей,

Киевнаучфильм. 23 ноября 1986 (машинописная рукопись).

5. Пятьсот лет использования понятия "Психология" в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic): материалы Международной (заочной) научной конференции (Черногорск, 12 января 2014 года - 30 декабря 2014 года) / под ред. А.А.Кроника, Л.Ф.Чупрова. // ЭНЖ "PEM: Psychology, Educology. Medicine". – 2014, NN 1.sr-4 (дайджест). - С.12, 232.

– ● –

Golovaha E. I., Kronik A. A. Vmesto posleslovija: psihologija vchera, segodnja i zavtra./ E.I.Golovaha, A.A.Kronik// PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4

– ● –

Abstract. The best response to a request from the editor about the After-slowiy be news about the discovery of a missing labor Marco Marulic "Psichiologia de ratione animae humanae " [5], which has, alas, not found. In order not to multiply the loss, offered to the reader publikovalsya previously our text [4]. It was written on November 23, 1986 for the film Studio "Kievnauchfilm" with the success of movies [1; 2], taken from the studies in psychology [3]. But after the Chernobyl accident in Kiev was not to the movie, and co-authors had new priorities. And remained bid for the scenario lie in our archives. Now, this application seems even more timely. She seemed to wait his time - 500 years anniversary of the concept of "psychology" and creates an imaginary screen onto which everyone can project their knowledge and expectations in the field of psychology. Well, if our application will help anyone to create a real film, we sincerely wish success to this noble cause!.

Keywords: epilogue, psychology, the application of the scenarios the scenarios.

– ● –

Сведения об авторах

Евгений Иванович **Головаха**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, зам. директора Института социологии НАН Украины (Киев, Украина)..

Александр Александрович **Кроник**, сопредседатель конференции, доктор психологических наук, научный директор Института каузометрии LifeLook (www.LifeLook.Net), профессор (Howard University), сопредседатель Международной Ассоциации Каузометристов (www.ht-line.ru/mak), клинический психолог (Бефесда, США).

© Е.И.Головаха, 2015.
© А.А.Кроник, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 08.11.2015.

– • –

УДК 159.9

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ИЛИ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ш. Баратов, М. Бафаев, Г. Вержибок, Е. Головаха, А. Костригин, А. Кроник, В. Мазилов, Н. Родина, Н. Стоюхина, Э. Тихонова, Т. Хусяинов, Л. Чупров, А. Щукин, Е. Янакиева.

Члены оргкомитета международных конференций 2014-2015 гг.

Резюме. Завершение очередного этапа конференции 2015 г. от имени членов оргкомитета. Заключительное слово членов оргкомитета.

Ключевые слова: конференция, 500 лет названию, психология, Марко Марулич

Завершена основная часть двухлетнего цикла конференций по теме «500 лет названию «психология» – **это была уже V конференция «500 лет использования понятия "Психология"»** [2; 4].. Приятно отметить, что в 2015 году наш проект не только сохранил многих из участников предыдущих четырёх конференций 2014 года, но и пополнился новыми участниками. Расширилась и научная география проекта, и глубина теоретико-методологических подходов и интерпретационных алгоритмов проведенных исследований.

За два года работы в рамках научно-практической конференции, посвященной Marko Marulic и его приоритету в названии научно-практической дисциплины, истории и современному состоянию психологии, организационный комитет имел постоянное ядро, а также постоянно увеличивал свою команду за счет новых его участников осуществляющих свое посильное участие в развитии и продвижении проекта. На сегодняшний день это 14 представителей ученого сообщества России, Беларуси, Болгарии, Украины, Узбекистана, США.

Вероятно, здесь необходимо было бы дать слово «отцам-основателям» юбилейного проекта. Что мы и сделаем, заглянув в архив

«Виртуального Психологического клуба» [3].

02.02.2015, 19:23 | Сообщение #26

Чупров Леонид

Александр, это так выглядит "Золотая Психея", как у Вас на аватарке? Больше сову напоминает.

03.02.2015, 08:23 | Сообщение #27

Кроник Александр

Нет, Леонид, и да: это и есть сова (по имени Минерва), которая напоминает об эпиграфе к книге (Каузометрия) рядом с ней: "Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобресть сердце мудрое" (Псалом 89:12).

Проект "500 лет..." был вдохновлен тем же: научиться счислять дни (в данном случае - психологии). Поскольку, абсолютно-точная дата (день, месяц, год) возникновения понятия "психология" пока неизвестна, предлагаю коллегам условную дату начала нашего общего психологического календаря: "18 августа 1514 года" по старому стилю (юлианскому календарю), чему соответствует "27 августа 1514 года" по новому стилю (григорианскому календарю). День и месяц указаны в честь Марко Марулича [Marko Marulic]. Он родился 18 августа (по старому стилю). В качестве "года рождения" понятия "психология" принимаем среднее между 1510 и 1517 - в этот период Марулич сконструировал это понятие (было Marko Marulic тогда 60-67 лет; родился он в 1450-м).

Итак, **27 августа 2015 года имеет смысл отметить 501-й год психологии с привычным для нас именем**. Всё... Увлекаться не буду... Подробности Вы знаете, а желающие могут узнать о них в нашей коллективной монографии "Пятьсот лет..." [1].

Подводя окончательные итоги года и цикла конференций **«500 лет**

использования понятия “Психология”», передаём этот проект в руки молодых ученых Артёма Костригина (Нижний Новгород, Россия) и Тимура Хусяинова (Нижний Новгород, Россия). Надеемся, что «старая гвардия» будет помогать молодой смене в формировании тематики конференций 2016, 2017 и, быть может, 2018, и следующих за ними годов.

А пока приглашаем всех, желающих принять участие в мини-опросе «500 лет названию ... Психология», который продолжается на сайте: URL: http://services1.ht-line.ru/surveys/?page=respond&user=kronik&object=s13042801

Библиографические ссылки:

1. *Кроник А. А., Чупров Л. Ф.* Пятьсот лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic): материалы Международной (заочной) научной конференции (Черногорск, 12.01.- 30.12.2014). – 244 с.// http://wwenews.esrae.ru/3-30

2. *Кроник А.А.* 500 лет названию … психология: мысли по поводу и мини-опрос // Наука. Мысль. 2014. №3. С. 12-15

3. Международная научная заочная конференция "500 лет использования понятия “Психология” // Форум / Национальный психологический конкурс «Золотая Психея» / Проекты по итогам 2014 года. URL: http://psy.su/club/forum/topic/1662/?page=2

4. *Чупров Л.Ф.* Пять веков плодотворной идее (к 500-летию понятия «Психология») // Наука. Мысль. 2014. №3. С. 9-11.

– • –

Chuprov L. F., Kronik A. A. Podvedenija itogov ili Zakljuchenie /Sh. Baratov, M. Bafaev, G. Verzhibok, E. Golovaha, A. Kostrigin, A. Kronik, V. Mazilov, N. Rodina, N. Stojuhina, Je. Tihonova, T. Husjainov, L. Chuprov, A. Shhukin, E. Janakieva // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

– • –

Abstract. Presented are the final remarks of the members of the organizational committee at the conclusion of the conferences 2014-2015.

Keywords: conference, 500 years of concept, psychology, Marko Marulic.

– ● –

© Оргкомитет, *2014, 2015.*
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 30.12.2015.

– ● –

УДК 159.9.01

ПРИГЛАШЕНИЕ К УЧАСТИЮ В МЕЖДУНАРОДНОМ СИМПОЗИУМЕ МАПН "ПСИХОЛОГИЯ XXI СТОЛЕТИЯ", ПОСВЯЩЕННОМУ 85-ЛЕТИЮ БУХАРСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА И 5-ЛЕТИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА “ПСИХОЛОГИЯ” (БУХАРА, 11-12 МАРТА 2016 ГОДА)

Т. М. Хусяинов, Московский университет им. С.Ю. Витте филиал в г. Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия).
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), e-mail: timur@husyainov.ru

Резюме: Приглашение к участию в Международном симпозиуме МАПН "Психология XXI столетия", посвященному 85-летию Бухарского госуниверситета и 5-летию научного журнала “Психология” (Бухара, 11-12 марта 2016 года).

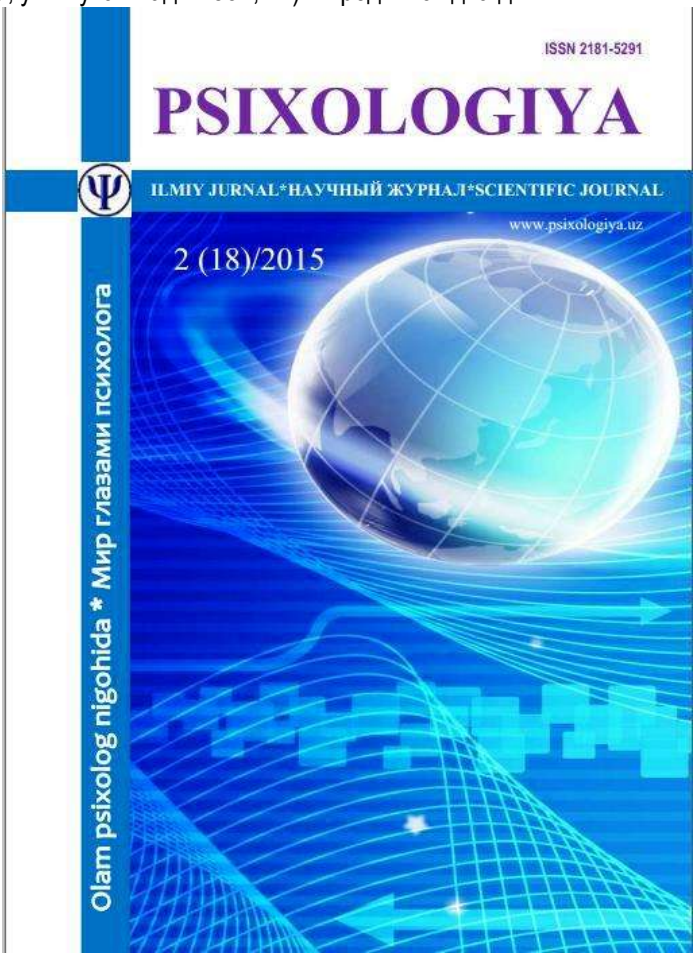
Ключевые слова: психология, симпозиум, научно-практическая конференция, анонс, событие.

Вот и закончилась наша конференция посвящённая 500-летию использования понятия “Психология” в работе Марко Марулича [3], но мы приглашаем наших уважаемых авторов принять участие в новом международном мероприятии, организуемом нашими коллегами из Республики Узбекистан.

В марте 2016 года в древнем азиатском городе Бухара состоится Международный симпозиум под название “Психология XXI столетия”, который будет организован Международной Академией Психологических Наук, её Узбекистанским отделением и Кафедрой психологии Бухарского государственного университета.

Исследователи из БухГУ плотно вошли в редакционную коллегию журнала “Наука. Мысль” и коллектив авторов изданий “Объединённой редакции научных журналов” [1-2, 4], а члены редколлегии Леонид Федорович Чупров (главный редактор) и Артём Андреевич Костригин (редактор-переводчик) приглашены в качестве почётных гостей Симпозиума.

Международный симпозиум начнёт свою работу 11 марта в 11:00 в актовом зале главного корпуса Бухарского государственного университета (Бухара, ул. Мухаммад Икбол, 11) и продлится два дня.



Обложка журнала “Психология”№2(18) за 2015 г.

В то время как тематика нашей конференции связана прежде всего с прошлым психологии, Симпозиум в Бухаре направлен на обсуждение современных тенденций развития психологии, обмен опытом ведущих

специалистов стран СНГ по различным направлениям практической психологии, знакомство участников с новейшими методами исследования в области практической психологии, а также консолидация усилий психологов стран СНГ по решению встающими перед психологией проблемами.

Направления работы данного мероприятия определены следующим образом:

- **Методология современной психологии** (профессор Шоумаров Г.Б.)
- **Интегративная парадигма психологии: теория и метод (**профессор Козлов В.В.)
- **Организация психологической службы** (профессор Баратов Ш.Р.)
- **Психология в образовании (**профессор Каримова В.М.)
- **Психология в здравоохранении (**профессор Ибодуллаев З.Р.)
- **Психология в системе гос. службы (**профессор Бегматов А.С.)
- **Современные психологические проблемы общественного развития (**профессор Сафаев Н.С.)
- **Психология профессионального становления и реализации личности** (профессор Гозиев Э.Г.)
- **Психолог-консультант: теория и метод (**профессор Малых С.Б.)
- **ИКТ в работе психолога-практика (**доцент Усманова М.Н.)

Кроме работы на секциях по основным направлениям, организаторы планируют провести несколько мероприятий внесекционных форм – дискуссий, круглых столов и мастер-классы, которые несомненно заинтересуют участников Симпозиума.

Материалы присланные участниками Симпозиума будут изданы до начала мероприятия в одном из двух изданий:

1. Статьи объёмом до 4 страниц выйдут на страницах журнала МАПН «Вестник интегративной психологии».

2. Статьи объёмом до 10 страниц будут опубликованы в юбилейном номере журнала «Психология» . Статьи обязательно должны

сопровождаться авторской справкой (ФИО полностью, научную степень, ученое звание, место работы и должность), а также название, аннотацию, ключевые слова на английском и на русском языках.

Все статьи необходимо представить до 10 января 2016 г. по электронной почте umanzuran@mail.ru, в случае публикации в журнале “Психология” - psixologiya_jurnali@rambler.ru.

Надеемся, что и это мероприятие заинтересует наших авторов и читателей.

Библиографический список:

1. Бафаев М. М., Усманова М. Н., Остонов Ш. Ш. Симптомы эмоционального выгорания современного педагога // Наука. Мысль. 2014. № 6. URL: wwenews.esrae.ru/6-51

2. Бафаев М.М., Чупров Л.Ф. Просвещение и пропаганда специальных знаний в системе психологического обеспечения населения // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. №1. С. 115-121. URL: http://bulletinpp.esrae.ru/206-923

3. Кроник А.А. 500 лет названию ... Психология: мысли по поводу и мини-опрос // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 1. С. 9-12. URL: http://pem.esrae.ru/2-4

4. Усманова М.Н., Останов Ш.Ш., Бафаев М.М. К вопросу о зарождении этнопсихологии // // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2013. № 1. С. 64-69. URL: http://pem.esrae.ru/1-1

– ● –

Husjainov T.M. Priglashenie k uchastiju v Mezhdunarodnom simpoziume MAPN "Psihologija XXI stoletija", posvjashhennomu 85-letiju Buharskogo gosuniversiteta i 5-letiju nauchnogo zhurnala “Psihologija” (Buhara, 11-12 marta 2016 goda) // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – №3-4

– ● –

Abstract. Invitation to participate in the International Symposium IAPS "Psychology of the XXI Century", dedicated to the 85th anniversary of the Bukhara State University and the 5th anniversary of the scientific journal "Psychology" (Bukhara, March 11-12, 2016).

Keywords: psychology, anniversary scientific-practical conference, symposium, event, announcement.

– ● –

© Т.М. Хусяинов, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*
Подписано в печать 08.12.2015.

– ● –

AUTHORS

Akhmerov Rashad Anvarovich, PhD in psychology, associate Professor of pedagogy and psychology of professional education. Naberezhnye Chelny Institute of social pedagogical technologies and resources (Russia).

Akhmetova Lyudmila Vladimirovna - Candidate of psychological sciences, Assistant professor, Tomsk State Pedagogical University (Russia).

Andreeva Elena Gennadyevna - applied psychologist, author, developer and leader of personal development training for adolescents and adults, educational psychologist for the rehabilitation and correction of behavior of adolescents with psychoactive substance use problems, curator teen volunteerism Admiralty district of St. Petersburg (Russia).

Bafaev Mukhiddin - Lecturer, Acting Head of the Department of Psychology, Bukhara State University (Bukhara, Uzbekistan).

Belobrykina Olga Alfonsasovna - Candidate of psychological sciences, Assistant professor, Professor of Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

Chuprov Leonid Fyodorovich - Candidate of Psychological sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Full Member of European Academy of Natural History, Head editor of scientific journal "Bulletin on pedagogigs and psychology of Southern Siberia" (Russia).

Cuzovic Gorge - Lecturer, Research Associate, High Business School, Novi Sad, Serbia).

Guliyeva Khalida Bakhtiyar gizi - 2nd year student on direction of Psychology, (Academic Bachelor), Department of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

Golovakha Evgeny I., Ph.D. and Sc.D. in philosophy, deputy director of the Institute of Sociology, Ukrainian National Academy of Sciences (Kiev, Ukraine).

Karitsky Igor Nikolaevich - Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Laboratory of psychology of communication and psychosemantics, Moscow State University (Russia).

Ketsko Tatiana Viktorovna - Master of Education in "Practical Psychology", Lecturer, Department of developmental and educational psychology, Belarusian State Pedagogical University Named After Maxim Tank

(Belarus).

Khusyainov Timur Maratovich - Postgraduate of Department of social philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia).

Kononenko Oksana Ivanovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Doctoral Student, Assistant Professor, Department of Special and Differential Psychology, Odessa I.I.Mechnikov National University (Ukraine).

Kostrigin Artem Andreevich - Postgraduate of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Assistant of Department of psychology of management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia).

Kronik Aleksandr A. co-chair of the conference, PhD and ScD in psychology, an adjunct professor at Howard University, director of the Institute of Causometry LifeLook.Net (www.lifelook.net), co-chair of the International Association of Causometrists (www.ht-line.ru/mak), a licensed clinical psychologist (Bethesda, USA).

Mantikova Anna Vladimirovna - Senior Lecturer, Khakassia State University, Medical, psychological and social institution (Russia).

Mazilov Vladimir Aleksandrovich - Doctor of Psychological sciences, Professor, Academician International Academy of Psychological Sciences, Head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia).

Mironenko Irina Anatolyevna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University (Russia)

Rodina Natalia Vladimirovna - Doctor of Psychological sciences, Professor, Department of Social and Applied Psychology, Odessa I.I.Mechnikov National University (Odessa, Ukraine).

Sabanin Pavel Valerievich - Postgraduate, Institute of psychology, sociology and social relations, Moscow State Pedagogical University, Electronic Scientific Journal "Science. Thought ", Executive Secretary (Russia).

Schukin Andrew Sergeevich - Master of Engineering and Technology, Public Medical Insurance Company (St.Petersburg, Russia), Executive Secretary of journals "Bulletin on pedagogigs and psychology of Southern Siberia" and “PEM: Psychology. Educology. Medicine” (Russia).

Shmelyov Aleksandr Georgievich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Moscow State University (Russia).

Shutenko Elena Nikolaevna - Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General and Clinical Psychology, Belgorod National Research University (Russia).

Smith Roger - PhD, Reader Emeritus in History of Science, Lancaster University (UK), Associate, Institute of Philosophy (Russia).

Stoyukhina Natalia, Candidate of Psychological Sciences, Assistant professor of Department of psychology of management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia).

Syrkina Alina Nikolaevna - Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of Communication Technology and Public Relations, Saint Petersburg State University of Economics (Russia).

Verzhibok Halina - Candidate of psychological sciences, assistant professor of department of psychology, Minsk State Linguistic University (Minsk, Belarus).

Yasnitsky Anton - Ph.D. (Psychology), Independent Researcher of History of Russian Psychology (Canada).

Zdravko Sholak - Professor, Principal Research, High Business School, Novi Sad (Serbia).

Zelichenko Alexander Isaakovich - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Psychologist, Philosopher, Scholar in Culture Studies, Historian, Theologian, Internet Project "Russian World", Internet Journal "Russian Truth", Institute of Higher Psychology.

Zuev Konstantin Borisovich - Head of Public Relations Department, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Russia).

Zueva Elena Yurievna - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Senior Researcher, Institute of Applied Mathematics, Keldysh Institute of Applied Mathematics (Russia).

– • –

TABLE OF CONTENTS

Chuprov L. F., Khusyainov T. M. To the quincentenary of the name "Psychology", editorial column, No. 3-4 journal …….…..….. 3

CONFERENCE MATERIALS

Kostrigin A. A., Mazilov V. A., Chuprov L. F. Preface to the proceedings of scientific-practical conference …….……..... 13

To the history of concepts

Kostrigin A. A. P.S. Avsenev's "history of soul" as psychological discipline……...…… 20

Kronik A. A., Akhmerov R. A. Psychogenealogy: its origin, first experiments and perspectives ……..… 30

Mazilov V. A. The fundamental science of the psyche: 500 years under the name of psychology…….. 53

Smith R. The Concept of Psychology: Comments for a Correspondence Conference, December 2015……..….…….. 71

To the history of concepts

Zueva E., Zuev K. The concept of the Dominant A. Ukhtomsky. At the intersection of science, religion, philosophy, psychology and literature ……...…….78

Karickij I. N. The history of the "subject" in some key moments ……..…….. 89

Kononenko O. I. Category of diversification in the context of the psychology of perfectionism of personality ……..…… 117

Stoyukhina N. Y. From history of development of psychology in Nizhny Novgorod ……..…… 122

The history methods

Andreeva E. G. From the instrument to the person…… 139

Guliyeva K. B., Belobrykina O. A. Resistance to stress of the personality: to a question of diagnostic informational content of a technique of T. Holmes and R. Rage …… 149

Mantikova A. V., Grebeshkova O. Yu., Chuprov L. F. "Escape" - a centralized algorithm of work with the youth of the Republic of Khakassia in difficult situations ……168

Chuprov L. F. The history of the development of psycho-diagnostic complex (PDC-Triad) ……..…….. 189

Chuprov L. F., Sabanin P. V. The discussion of the article: Alekhin A. N. "Methodological diagnosis to psychological diagnostics" …...… 196

The history of psychologists and organizations

Khusyainov T. M. Famous psychologists on coins and banknotes of the world: the beginning of search……...…… 202

Shmelev A. G. 25 years of laboratory "Humanitarian Technologies" (chronological memories) …….....…… 219

The challenges of modernity

Verzhybok H. V. «Society of risk» and professional riskogenics of the teacher …….…… 240

Ketsko T. V. The essence and understanding of the professional destruction of personality of a teacher……...…… 251

Mantikova A. V. On the other side of the Law: features of will self-regulation of men of middle ages as indicators of risk of illegal acts ... 260

Mantikova A. V., Ten Yu. V. Structural features of person convicted depending on gravity of offence …….…….. 283

Rodina N. V. Gender identity of the individual in overcoming stress …….…….. 313

Syrkina A. N. Psychological factors of consumer behavior ….. 328

Solak Z. [Šolak Z.], Cuzovic J. [Ćuzović Đ.] A fire in a rural area, human behavior and the role of the media ……..…… 333

Shutenko E. N. The content and role of educational competencies in the process of social integration of children with disabilities …….…….. 340

Psychology at a crossroads

Akhmetova L. V. The concept of "psychology" in a multivalued field of view. …….. 348

Zelichenko A. I. Thinking about the future (not an academic text on academic topics)……..…… 362

Shchukin A. S. Schism the practical thinking of the psychologist of modern times…….…… 398

Yasnitsky A. Stalin model of science: The history and the state of the art of contemporary Russian psychology ……..…… 407

Yasnitsky A. Invitation to the debate: history of Soviet and Russian psychology ……..423

Kostrigin A. A., Mironenko I. A., Chuprov L. F. Discussion on article of A. Yasnitsky "Stalinist model of science: The history and the state of the art of contemporary Russian psychology"……...…… 430

Scientific archive

Chuprov L. F. The Pandora´s box of controversy and, like, about ethics …….. 440

Instead of an epilogue

Golovakha E. I., Kronik A. A. Instead of an epilogue.Psychology yesterday, today, and tomorrow …….…… 447

The organizing Committee Summing up or conclusion / S. Baratov, M. Bagaev, G. Warzybok, E. Golovakha, A. Castri-gin, A. Kronik, V. Mazilov, N. Rodina, N. Stounina, E. Tikhonova, T. Khusainov, L. Chuprov, A. Shchukin, E. Yanakieva……..… 452

Khusyainov T. M. An invitation to Bukhara ……. 456
Authors …….…..…… 461
TABLE OF CONTENTS ……..… 9 /464

– ● –

«PEM: Psychology. Educology. Medicine». - 2015. - № 3-4. – 468 p.

Электронный научный журнал
PEM: Psychology. Educology. Medicine
№ 3-4. – 2015.

– • –

Ответственный секретарь: *А.С. Щукин*.
Редакторы-составители: *А.А. Костригин, В.А. Мазилов, Л.Ф. Чупров.*
© Выпускающие редакторы *Л.Ф. Чупров*, *Т.М. Хусяинов,* 2015.
Компьютерная верстка: *Л.Ф. Чупров* , *Т.М. Хусяинов*.
Редактор перевода (англ. яз.): *А.А. Костригин*.

Объем: а.л. 17,3. Формат А5 (140 х 205 мм).
© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, (дизайн внутри текста) 2013.

ISSN 2303-9744
УДК 15.01.13
П99
16+

ISSN 2312-9352